

ДЖОН МЭН

ЧИНГИСХАН

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И ВОСКРЕШЕНИЕ

Annotation

Со времени смерти Чингисхана (Темучина), великого полководца и завоевателя, прошло уже более восьми с половиной веков, однако интерес к этой яркой и выдающейся личности не только не угас, а, наоборот, продолжает расти с каждым годом. В 1995 году Всемирный информационный центр назвал Чингисхана человеком тысячелетия. Создатель уникального государственного образования, которое объединило Дальний Восток и Среднюю Азию, он оказал огромное влияние на развитие евразийской цивилизации. Завоевания Чингисхана привели к модернизации мировых религий, изменили каноны искусства, заставили Запад и Восток выработать новые правила торговли.

Но можно ли только этим объяснить повышенный интерес к легендарному завоевателю — к личности, соединившей в себе качества стратегического гения и умелого руководителя, безудержную энергию и железную хватку, к великому воину, чья звезда много столетий назад взошла и засияла в бескрайних монгольских степях?

В поисках ответа на этот вопрос автор данной книги тщательно проследил историю жизни Чингисхана от его рождения до последнего похода, все этапы возникновения великой монгольской империи, проанализировал последствия ее существования для мировой цивилизации и выдвинул свои версии причины воссоздания культа Темучина в наши дни.

-
- [Джон Мэн Чингисхан](#)
 - [Вступление. О смерти и о том, как ее пережить](#)
 - [Часть I. Корни](#)

- [1 Тайны «Тайной истории»](#)
- [2 Рождение монголов](#)
- [3 Сумеречное пробуждение нации](#)
- [4 Корни амбиций](#)
- [5 Восхождение к власти](#)
- [Часть II. Империя](#)
 - [6 Великое государство белого и высокого](#)
 - [7 Вторжение в Китай](#)
 - [8 Мусульманский холокост](#)
 - [9 Великий набег](#)
 - [10 В поисках бессмертия](#)
 - [11 Последний поход](#)
- [Часть III Смерть](#)
 - [12 Долина смерти](#)
 - [13 К тайной могиле](#)
 - [14 Империя раздвигает пределы](#)
- [Часть IV Воскрешение](#)
 - [15 Создание полубога](#)
 - [16 Охотники за могилой](#)
 - [17 На священной горе](#)
 - [18 Пророк вечных небес](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
 - [15](#)
-

Джон Мэн Чингисхан

*Где Чингисхан? Он не умер.
Произошло вот что.*

В одной далекой стране жил царь, а у царя была дочь. Чингисхан потребовал ее себе. Тогда царь сказал дочери: «Вот тебе нож, он очень маленький и очень острый. Спрячь его в одежде, и, когда придет время, ты знаешь, что сделать». Когда Святой Чингис возлег с ней, она вытащила нож и кастрировала его. Чингис закричал, когда почувствовал боль, и к нему вбежали люди, но он только сказал им: «Уберите эту девчонку, я хочу спать».

Он заснул и так и не проснулся. Но неужели Святой Чингис не мог исцелить себя? Когда он исцелится, то проснется и спасет свой народ.

Монгольская народная сказка, в изложении по книге Оуэна Латтимора «Монгольские путешествия»

Вступление. О смерти и о том, как ее пережить

Для всех нас Чингисхан — святой дух.

*Шаралдай, богослов Мавзолей
Чингисхана, Внутренняя Монголия*

В марте 2003 года в AMERICAN JOURNAL OF HUMAN GENETICS была напечатана статья, которая наделала много шума. Группа из 23 генетиков провела исследование ДНК, принадлежащих людям со всех концов Евразии. К своему величайшему изумлению, они обнаружили структуру, общую для нескольких десятков мужчин из выборки, причем она не была связана с их местом проживания. Одна и та же генетическая структура, с незначительными местными отклонениями, отмечалась у шестнадцати групп населения, разбросанных по всему пространству от Прикаспия до Тихого океана. Если пропорцию мужчин с этой структурой (8 процентов от шестнадцати групп выборки) экстраполировать на все население этой территории, нельзя не прийти к невероятному выводу, что они составляют 16 миллионов человек, в сущности часть одной обширной семьи.

Как можно было объяснить это? Данные были получены в процессе исследования Y — хромосом, которые есть у мужчин и нет у женщин. У каждого мужчины структура Y — хромосомы равнозначна его неповторимой подписи, но все такие подписи имеют нечто общее, что позволяет генетикам устанавливать семейные связи и представлять их в виде семейных деревьев, которые принято называть звездными «скоплениями» (потому что их рисуют в виде

взрывающихся звезд, а не «деревьев»). Первым делом нужно было проанализировать звездные скопления и проследить их корни во времени и пространстве, чтобы выйти на «их самого близкого общего предка». Остановившись на 34 поколениях и взяв за основу 30 лет на поколение, ученые отнесли этого общего предка ко времени, отстоящему от нашего на 1000 лет, с ошибкой усреднения на 300 лет в обе стороны (30 лет на поколение мне представляется несколько завышенной цифрой, сократим их, скажем, до 25, и тогда самый близкий к нам предок будет отстоять от нашего времени на 850 лет). Более того, самое значительное количество местных вариантов такой хромосомы оказалось представленным в одной-единственной области — в Монголии.

Возникла потрясающая гипотеза, что один человек, живший в двенадцатом столетии, разбросал свой генетический материал на пол-Азии, и в конечном итоге его следы присутствуют в каждом двухсотом из живущих теперь там людей.

Вот что рассказывает Крис Тайлер-Смит с факультета биохимии Оксфордского университета о том, как дальше развивались события:

«Мы поняли, что в данных, полученных Татьяной Зерджал, магистром философии, которая проводила этот анализ, содержится нечто экстраординарное, как только она начертила первую линию потомства. Сразу бросились в глаза звездные скопления, потому что показатели группировались в них с высокой повторяемостью, отличались большим числом соседствующих единиц и распространением по большому количеству популяций. Мы никогда ничего подобного не встречали. Достаточно было взглянуть на рисунок, чтобы понять, что речь идет об одной широко разветвленной семье.

Татьяна тут же выпалила: «Чингисхан!»

Сначала это прозвучало как шутка, но по мере того, как накапливались данные и мы смогли произвести необходимые подсчеты, чтобы определить наиболее вероятное время и место зарождения потомства, оказалось, что это было самым оптимальным объяснением».

Доказательство правильности этой версии было получено, когда исследователи разместили место положения шестнадцати отобранных групп империи, созданной Чингисханом в начале тринадцатого столетия. Две группы легли совершенно «в яблочко». Одна из них, хазарейцы из Афганистана, обозначилась несколько за границей империи, но и это вполне вписывалось в общую картину, поскольку Чингис провел в Афганистане около года — в 1223-1224 годах перед возвращением обратно в Центральную Азию.

Вполне вероятно, что общим предком этих 16 миллионов мужчин был один из прямых предков Чингиса, ту же генетическую структуру могли иметь его братья. Во всяком случае, именно Чингис, и никто другой, между 1209-м и 1227 годом, годом его смерти, рассеял этот генетический материал по всему Северному Китаю и Центральной Азии. Во время военных походов красивые женщины составляли значительную часть боевых трофеев, и лучших старшие военачальники либо сами забирали себе, либо получали в подарок от подчиненных.

Чингис умело пользовался этим обычаем, таким образом он не только подтверждал свое верховенство, но и демонстрировал собственную щедрость, раздавая девушек лояльным командирам. Он не отличался распутством, но, конечно же, не был и аскетом, и за сорок лет, пока он создавал свою империю, через его ложе прошло много сотен девушек. Допустим, что, по самым скромным подсчетам, у него было 20 детей — а могли быть сотни, — и десять из них мальчики, и

каждый унаследовал Y — хромосомы одной и той же структуры. Предположим, что у каждого из его сыновей, в свою очередь, было еще по двое сыновей. Удваивая число мужских потомков Чингиса за 30 поколений, приходишь к парадоксальному заключению, что такой подсчет выходит за рамки всякого разумного представления задолго до того, как он завершен. Через пять поколений, где-то к 1350 году, у Чингиса должно было бы быть, по самым тривиальным подсчетам, 320 потомков, но еще через пять, в 1450–1500 годах, их стало 10 000, а после 20 поколений эта цифра возросла до 10 миллионов, добавим еще 20 поколений и получим невообразимые миллиарды.

В таком случае вполне реально найти сегодня по этой генетической линии 16 миллионов потомков. Этот наш прародитель, должно быть, обладал поистине потрясающей репродуктивной способностью, чтобы оставить после себя такое потомство.

Большой соблазн объяснить это поразительными свойствами мутации, породившей человека с такими несравненными возможностями. Можно было бы подумать и о каком-то неистовом гене или фантастических свойствах сверх-производителя. Однако те гены, которые изучала данная группа исследователей, абсолютно нейтральные, они определяют всего-навсего пол человека. Поэтому следует искать влияние каких-то иных факторов, которые могли способствовать тому, чтобы Чингисова линия не угасла.

Как думает Крис Тайлер-Смит с соавторами, единственным таким фактором могла быть чисто политическая воля, распространявшаяся на самые дальние страны. Власть значила для Чингиса и его близких родственников то же, что значит для павлина его похожий на веер хвост. Статья заканчивается словами: «Полученные нами данные указывают на

неизвестный до сих пор способ отбора, который существовал в человеческой популяции и основывался на социальном влиянии». Социологам и светским репортерам знакомы сексуальные достижения необычайно сильных мужчин, но впервые мы видим, как такой подвигразвертывался на уровне эволюционного развития. Чингис оказывается самым мощным из всех мужчин-производителей.

В наше время модно искать поведению человека объяснения в хитросплетениях генетики. Однако здесь, наоборот, поведение объясняет генетику, и одновременно вместе они завязаны на личности, соединившей в себе недюжинные качества стратегического гения и умелого руководителя, безудержную энергию, железную хватку личности, чья звезда взошла и засияла в бескрайних монгольских степях около восьми с половиной веков тому назад.

Этой книгой я пытаюсь подвести черту под своим амбициозным желанием, которому исполнилось уже три десятилетия, мне тогда хотелось отправиться куда-нибудь по-настоящему далеко-далеко. Монголия в моем представлении находилась где-то на краю света, и дальше за ней уже ничего не было. Я принялся готовиться к путешествию, начал изучать монгольский язык, разыскивал книги про Чингисхана. Молодость прошла, и я вступил в средний возраст, и только тогда настала пора путешествий в поисках ответа на вопрос о том, какое влияние оказал Чингисхан на свой и на наш мир.

Бедность и унижения (как сказали бы мы), промысел Небес (как утверждал он) толкали Чингиса на путь завоеваний, влекли к созданию самой обширной на земле империи и обретению своего рода бессмертия, продолжая жить не только в генах своих потомков, но и в мире, который он изменил ошеломительным броском своих полчищ воинов-кочевников.

Так что я должен был обратить свои поиски в двух направлениях в прошлых временах, прибегнув к помощи книг, которые только мне удавалось найти, и на просторах Центральной Азии: от гор, где провел юные годы Чингис, до мест, где он прошелся каленым железом своих завоеваний, и до затерянной среди горных хребтов долины, где, очевидно, он уснул вечным сном, до той священной горы, которую он почитал источником божественного наития и где, по всей вероятности, он покоится в своей могиле. Но и в могиле он не дает забыть о себе. Его империя соединила Дальний Восток и Среднюю Азию, что имело поразительные социальные и политические последствия, от которых дрогнули целые столетия и которые продолжают сотрясать наш век. Повсюду, где пронеслись монголы, тень Чингиса нависает и поныне.

В декабре 1995 года «Вашингтон Пост» объявила Чингиса «самым важным человеком последнего тысячелетия». Почему? Потому что «самое знаменательное событие прошлого тысячелетия — это то, что один-единственный род сумел распространить свою полную власть на всю землю». В 1000 г.н. э. во всем мире насчитывалось менее 300 миллионов населения (некоторые склоняются к цифре 50 миллионов), и большая часть этих людей даже не имели никакого представления, где они находятся по отношению к другим нациям и странам. Никто из людей, населявших Евразию, кроме горстки викингов, ничего не знал об Америке, и ни один человек из Северного полушария, за исключением разве что нескольких бесстрашных финикийцев, не сумел добраться до суб-сахарской Африки, полинезийцы, населявшие тихоокеанский регион, не подозревали о существовании Австралии. Несмотря на то, что азиаты торговали с восточными окраинами Римской империи, они практически ничего не знали о Европе. В целом

каждая культура жила изолированно, будучи ограниченной климатом, географией и неосведомленностью.

Теперь же мир превратился в большую деревню. Как это произошло? К этому приложили руку техника, экономика, эпидемии и множество иных неисчислимых безличных сил. Так же как и существует неисчислимое множество индивидов. Рождались вожди, изобретатели, исследователи, мыслители и артисты, которые сблизили народы и разные технологии в большей степени, чем другие. Этот «Мистер Хан», как назвали его в газете «Пост», конечно же, относится к их числу. Завоевания Чингисхана перебросили новые мосты между Востоком и Западом. Он со своими преемниками построил или перестроил основы, на которых зиждятся современные Китай, Россия, Иран, Афганистан, Турция, Сирия, Тибет, развивающиеся страны Центральной Азии, Украина, Венгрия, Польша.

Завоевания Чингиса заставили сблизиться главные религиозные конфессии, оказали влияние на искусство, создали новые правила торговли. Их конечные результаты легли краеугольными камнями в Евроазиатской истории.

А что сказать о мировой истории? Конечно же, все это не идет ни в какое сравнение с революцией, начавшейся с величайшего скачка вперед, который положил начало созданию нашей глобальной деревни, — открытия Европой Америки (вернее, повторного открытия, потому что пребывание там викингов около 1000 года стерлось из памяти). Если выбирать человека тысячелетия, то разве Колумб не выглядит предпочтительнее Чингиса?

Скажу только одно слово: нет. Колумб в значительно боль шей степени, чем Чингис, был порождением своей эпохи. Если бы он не открыл Нового Света, то его открыл бы кто-нибудь другой, потому что

тогда хватало желающих исследовать путь на Запад. И мореплаватели, исследователи, завоеватели думали только об одном, как добраться до Китая. Почему именно до Китая? Потому что о его богатствах, доставлявшихся в Европу по так называемому Шелковому пути, со времен древних римлян до экспансии ислама в VII веке ходили легенды. Потому что Марко Поло, совершивший туда путешествие за два столетия до Колумба, подтвердил, что это самый преизобильный в мире источник богатства, который подвластен великому хану Кублаю (или Кубла, как его принято называть в англоговорящем мире). Синьор Поло смог добраться до Китая потому, что к XIII веку дорога через Евразию была вновь открыта, и она была открыта благодаря тому, что в то время монголы властвовали на всем пространстве от Восточной Европы до Китая, а во главе них стоял Кублай, а Кублай властвовал, так как унаследовал императорство от своего деда Чингиса.

Когда Монгольская империя раскололась, для европейцев вновь закрылась дорога в Китай, перекрытая вновь поднявшимися на ноги исламскими государствами. Конечно, торговля морским путем продолжалась, но и здесь господствовали арабы, индийцы, юго-восточные азиаты и сами же тайцы, и европейцам практически нечего было думать о таком маршруте. Великая идея добраться до Китая самым коротким путем, двигаясь на Запад, через неизведанный океан пришла в голову Колумбу. Просто Америка встретилась ему на дороге. Так из-за целой вереницы совпадений создание Чингисом империи сыграло важнейшую роль в повторном открытии Америки и колонизации Нового Света.

Но ничего этого могло и не произойти. Известие о смерти Чингиса вполне могло приободрить врагов Монголии и быстро положить конец его имперским

мечтаниям. Какой-то момент вся Евразия, сама не подозревая об этом, балансировала между двумя сценариями возможного развития событий. Случилось так, что смерть, согласно желанию Чингиса, сумели сохранить в тайне, и один из этих сценариев не сработал. Август 1227 года — это дата, один из наиболее значительных поворотных пунктов в истории, на который обращается мало внимания.

Две великие тайны остаются неразгаданными в судьбе Чингисхана: как и где он умер и как и где он похоронен. Первая тайна позволила его наследникам выиграть время, чтобы успеть приспособиться к новым обстоятельствам, связанным с его смертью, и осуществить его мечты о новых завоеваниях. Вторая в значительной мере объясняет веру в его бессмертие в сердцах простых людей.

Поднятая преемниками Чингиса к вершине могущества империя распалась на несколько отдельных частей: китайскую, центрально-азиатскую, персидскую, славянскую — и постепенно стерлась с лица земли в результате трансмутаций и центробежных процессов.

Исследовать последствия зарождения и существования Монгольской империи — это все равно что вслушиваться в шепот великой бесконечности.

Но в сердце империи Чингиса его имя звучит сегодня во весь голос, в фанатизме поклонения его зверства забыты или на них закрывают глаза. После семидесятилетнего запрета в Монголии на упоминание его имени сейчас можно выставлять его изображения, праздновать его день рождения и называть все, что угодно, его именем — поп-группы, пиво, спортивные команды, институты. В Китае же он почитается как основатель династии Юань.

И в обеих странах все большее число монголов поклоняется ему, потому что Чингис стал для них божеством, главной фигурой древнего культа, который

удивительным образом перерастает в новую религию. Центр ее располагается в китайской провинции Внутренняя Монголия в великолепном здании, которое китайцы знают как Мавзолей Чингис хана. Более точное название звучит как «Владение Господина», как называли его монголы, так как это не настоящий мавзолей и в нем никогда не хранилось тело. Здесь смешанными ритуалами буддизма и шаманизма почитают дух Чингисхана как предка, основателя династии и божество. Многочисленные обряды совершаются у четырехметровой статуи, изображающей сидящего Чингиса с руками, сложенными на коленях, — богомольцы жгут благовония и читают молитвы перед «реликвиями». Фрески на стенах рассказывают о том, как гений Чингиса помог построить мост между Востоком и Западом и по нему пришли в страну ученые, торговцы и артисты, исполненные удивления, любви и радости.

Несколько любопытных деталей о храме. Это современное здание, построенное на средства Китая, который тем самым предъявляет права на дух Чингисхана как основателя династии Юань, но что мне кажется самым неуместным — это то, что его культ содержит в себе истинно религиозное благоговение перед Чингисом, в котором видят силу, помогающую истинным адептам вступить в контакт с верховным монгольским божеством, Вечным Небом.

Чингис, духовно возрожденный верой своих приверженцев, теперь не только воплощение веры в прошлое, сколько духовная надежда на будущие времена. Очень странная трансформация для человека, появившегося на свет в неизвестности, слабости и нищете.

Часть I. Корни

1 Тайны «Тайной истории»

Середина июля 1228 года, над пастбищами центральной Монголии повис знойный летний жар. В такие дни одинокий всадник слышит льющиеся с голубого неба песни жаворонка и стрекот кузнечиков под копытами коня. Неделями на этом опускающемся к реке ковре пастбищ и цепочке невысоких холмов за ним ни души, разве что виднеется юрта-другая, стадо овец, две-три стреноженные лошади. Но сего дня не слышно песен жаворонка и кузнечиков, они тонут в шумной какофонии иных звуков. Округа преобразуется в шумное торжественное сборище. С разных сторон въезжают, влекомые десятком, а то и более волов, огромные четырехколесные телеги с семиметровыми платформами, на которых высятся юрты из войлока и шелка, частью круглые, на монгольский манер, частью квадратные, и каждая из них маленький передвижной дворец для князя с его свитой. Военачальники в кольчугах из металлических пластин обмениваются громкими приветствиями. Семейные группы, в большинстве своем на конях и верблюдах, а старшие жены в двухколесных повозках, следуют вместе со своими стадами, овцами, козами, верблюдами и лошадьми, неторопливо заполняя все пространство степи. Тысячи людей растекаются до самых холмов и на несколько километров к югу, достигая берегов широкой и неглубокой реки. Рабы-мусульмане и ки тайцы снимают с верблюдов и телег решетки и рулоны войлока, которые натягиваются на них, когда собирают юрты поменьше. Повсюду, наблюдая за порядком, разъезжает ох рана в стеганых халатах и кожаных шлемах, с короткими луками и десятком стрел разного размера в колчанах на боку. Запахнутые в длинные, до

пяток, *дээлы*, пастухи десятками режут овец для предстоящего пира. Дети собирают навоз для костров и складывают его в кучи, а в наполненных дымом юртах, избавленные от мух и слепней, досаждавших всем снаружи, женщины сбивали в мехах кислое молоко, готовя молочное пиво и молочную водку.

Общие съезды бывали и раньше, но никогда еще не было собрания такой важности. Теперь, после двадцати лет войн и походов, монголы одержали победу в Центральной Азии, Южной России и Западном Китае. Часть собравшихся этим летом в Монголии добиралась сюда из Узбекистана, другие — из Маньчжурии, из Синьцзяна, из только что завоеванных сельскохозяйственных земель Северного Китая. За год до этого ушел из жизни их вождь Чингис, сумевший поднять свой народ из неизвестности к славе, основать нацию и заложить краеугольный камень своей империи. Сорок лет его правления и его победы доказали, что он был вправе называться избранником Вечных Небес. Теперь предстоит выполнить его волю. Собрание должно утвердить в качестве преемника Чингиса его третьего сына Угедэя, которого сам Чингис назвал своим наследником.

Это собрание утвердит новые стратегические планы, предначертанные Чингисом, когда он готов был начать невиданное завоевание — захват всего Китая, такое, чего никакому другому правителю-«варвару» не удавалось свершить, препятствием всегда служила Великая Китайская стена. Но даже и это было всего лишь частью задуманного Чингисом. Многие из тех, кто приехал сюда в 1228 году, слышали, что к Западу от их земель, за степями и лесами России, лежат другие страны, которые можно еще завоевать: богатая пастбищами Венгрия, а там, возможно, даже изобильные города Западной Европы. Для достижения полной победы, предначертанной судьбой мирового

господства требовались умение и жестокость под стать их ушедшему вождю и полное подчинение его заветам. Новая нация, новая империя стояла на пороге того, чтобы стать самой могущественной державой Евразии.

Но почему собирались именно здесь? На сцене присутствует элемент, нетипичный для кочующих скотоводов и конницы дальних походов, но самый существенный для собрания, о котором идет рассказ. Это ряд каменных зданий, выстроившихся в нестройную линию, похожую на одностороннюю улицу, длиной в полкилометра. Над зданиями высился холм со срезанной вершиной, на которой монументальные столбы подпирают сооружение с крышей и без стен. Живущие в открытой степи скотоводы не нуждаются в крыше над головой. И все же эти строения, несомненно, стоят здесь давным-давно. На самом деле здесь постоянное расположение военного штаба, вокруг которого время от времени возникает россыпь юрт и повозок со снующими вокруг тысячами воинов на их боевых конях. Павильон на холме выполняет три роли — это наблюдательный пункт, место сборищ и шаманское капище.

Это место, поначалу называвшееся ураг, служило монголам первой постоянной столицей, основанной в те времена, когда зародилась мечта о единстве и завоеваниях, где-то в XII веке. Выбор пал на него из-за стратегического положения, позволявшего контролировать путь к северным горным районам, где находилась колыбель племени, и одновременно открывавшего удобную дорогу на юг, в направлении которого монголы хотели перемещать свои юрты. Здесь же звенели известные с древности целебные ключи, на старомонгольском называвшиеся словом аураг, что значило «источник». К югу за рекой на 600 километров тянулась открытая степь, мало-помалу переходившая в каменистые пространства пустыни Гоби, — свободный

путь для тех, кто готов пересечь ее, а там рукой подать до Желтой реки, последнего препятствия перед источником богатства и угрозы — Китаем. Из Аурага монголы могли совершать набеги, осуществлять захваты, и здесь они получали подкрепление, отсюда, при необходимости, отступали под защиту своих родных гор.

Несмотря на то, что об Аураге всегда знали сами монголы, мало кто из людей со стороны даже слышал о нем. Аураг вряд ли заслуживает упоминания в истории, потому что он был оставлен вскоре после этого собрания. Чингис в свое время приказал основать новую столицу к западу от этого места, там, откуда удобнее было контролировать его растущую империю. Скоро она стала известна под названием Каракорум. Ее возвышение в середине XIII века привело к полному забвению Аурага, совершенно исчезнувшего со страниц истории и сохранившегося только в изустном народном творчестве. Прошли века, и улетучилось из памяти само первоначальное имя. Когда старомонгольское слово *аураг* вышло из употребления, народная этимология подхватила нечто, звучащее сходно и имевшее подходящую коннотацию, — Аврага, что означает вместе и «огромный», и «чемпион» (этот титул присваивают самым сильным борцам). В монгольской орфографии имеется определенная размытость, и центральное раможет подвергаться инверсии. На картах, если он вообще обозначен, можно встретить два написания — Аварга и Аврага. Ни то ни другое не передают правильно его произношение: *овраг*, так как окончание *а* не что иное, как историческое добавление. Давайте будем пользоваться «Аврага».

Проходили века, и камни Аврага уходили в землю, и он превратился в монгольский Камелот, стал легендарным местом без всякого реального содержания. Но в 1992 году туда приехала группа

спонсированных японцами археологов, имевшая с собой специальный, проникающий в землю радар. Проект «Триречье», названный так из-за трех рек, стекающих с гор Хентей, имел своей целью поиски могилы Чингиса. Могилы они не нашли. Но сделали много важных открытий (и выдвинули кучу догадок, причем некоторые из них оказались просто фантазией и запутывались в противоречиях, но к ним мы вернемся ниже). Прощупывая радаром тринадцать загадочных холмов Авраги, группа «Триречья» обнаружила следы рва и остатки каменной кладки, напоминающей разрушенную стену. Составленный группой отчет не отличается последовательностью, был весьма поверхностен, а что касается произведенных японцами раскопок, то они заложили единственный шурф, который обнаружил не датированную каменную кладку. Это было первым свидетельством того, что Аврага в былые времена реально существовала. Съезд в Авраге в 1228 году означал не только стратегический и политический поворотный пункт в истории монголов, это было наитие свыше. Монголы знали, что их ожидают великие дела, — их величие затмевало теперь все народы, которые они встречали на своем пути, за исключением китайцев, и они были полны решимости все дальше и дальше раздвигать свои границы. Как свершилась эта великая перемена? Многие прибывшие в Аврагу были с Чингисом с самого начала его завоеваний, а несколько старейших помнили его еще совсем мальчиком. Воспоминания об этом событии надолго запечатлелись в «коллективной памяти» народа.

Как у монголов появились истории и были

Как и во всех обществах, где общение осуществляется на изустном уровне, у монголов были свои барды, поэты и рассказчики, которые бродили от пастбища к пастбищу между раскинутыми юртами-дворцами и пересказывали легенды.

В стародавние времена монгола поразила чума. Те, кого она миновала, бежали, бросив больных со словами: «Пусть судьба решит, жить им или умереть». Среди больных был юноша по имени Тарваа. Дух оставил его тело и прилетел к месту смерти. Правитель этого места сказал Тарваа: «Зачем ты оставил свое тело, ведь оно еще было живым?» — «Я не стал ждать, пока ты позовешь меня, — ответил тот, — взял и пришел». Хану Подземного царства понравилась готовность Тарваа проявить покорность, и он произнес: «Твое время еще не пришло. Тебе придется воз вращаться. Но можешь взять отсюда то, что тебе понравится». Тарваа осмотрелся вокруг и увидел все земные радости и таланты — богатство, счастье, веселье, удачу, музыку, танцы. «Дай мне умение рассказывать истории», — попросил он, потому что знал, что хорошая история может принести и все другие радости. И он вернулся к своему телу и увидел, что вороны уже выклевали глаза. Но нарушить приказ хана Подземного царства он не мог и вошел в свое тело. Он так и жил слепым, но зато знал все истории на свете. Всю оставшуюся жизнь он бродил по Монголии и рассказывал истории и легенды, даря людям радость и внушая мудрые мысли.

Если все более поздние традиции вряд ли оставили столь глубокий след в истории монголов, то устное

творчество бардов, поэтов и рассказчиков послужило своему народу, не только доставляя радость и передавая мудрость. Оно сыграло чрезвычайно важную роль в формировании чувства национальной идентичности. Смешивая легенды и историю, они толковали традиции, воскрешали в памяти корни и *начала* начал, описывали подвиги героев. Их репертуар был колоссальным, равно как набор инструментов и стилей. В ряде районов Монголии все это еще сохранилось, как в седую старину. У монголов есть эпосы, «длинные песни», «короткие песни» и множество песен между длинными и короткими, песни на каждый случай жизни, песни, прославляющие красоту природы, сражения, героев и лошадей — в особенности лошадей. У них есть свирели, барабаны, *губные* арфы и скрипки из конских черепов и при этом с не меньшим разнообразием размеров, чем европейские оркестровые инструменты.

Женщины могут петь сильными пронзительными голосами, выводя трели и фиоритур, похожие на болгарскую или греческую манеру пения, которую хорошо знают любители «мировой музыки». Мужчины часто пользуются таким же исполнительским стилем, но если они из Западной Монголии или из оленеводческих районов к северу, то для них типичны двух — и даже трехтональные рулады, похожие на флейту носовые звуки, которые *плывут* густым грудным басом. Героические легенды мужчины исполняют низким гортанным голосом. Форма и содержание для каждой местности свои. Некоторые утверждают, что в песнях отражается местный пейзаж и что, например, мелодии Западной Монголии похожи на их скалистые горы с высокими пиками и глубокими ущельями, а степные мелодии протяжны и растекаются волнистым ковылем бескрайних просторов востока Монголии. И к каждому выступлению — отношение самое серьезное. К нему

относятся как к ритуалу, соблюдая традиционные формальности, ибо музыка и песня обладают огромной силой. Есть песни, которые изгоняют демонов, есть песни, которые вызывают духов леса, гор и погоды (ни в коем случае не следует свистеть в юрте, так как свист вызывает духа ветра, а в юрте и без того много духов). Из бытующего сегодня музыкального материала мало что сохранилось с XIII века, но нет оснований сомневаться, что позднейшие традиции родились на глубокой и очень разнообразной почве.

Не приходится сомневаться, что у поэтов-певцов, собравшихся в Авраге летом 1228 года, не было недостатка в древних легендах о происхождении их народа. Ныне же появился новый предмет воспевания — возвышение Чингиса, рождение нации, основание империи. Но тогда это было совсем недавним прошлым. События и истории, уже закрепившиеся в фольклоре, все еще представляли собой живую память участников событий. Факт обретал новую форму в поэзии и легендах и, возможно, претерпевал искажения. Наверняка кое-кто из стариков в Авраге ворчал по поводу того, что молодежь ничего не знает. Но это не совсем так.

Самые блестящие и самые лучшие из монгольского Каме лота теперь владели и одним очень важным новшеством. За двадцать лет до смерти Чингиса, вождь кочевников, стал имперским правителем. К этому моменту он осознал, что править царством, в состав которого входят города и оседлое население, пользуясь лишь одним устным словом, не получится. Нужны законы и система их применения, нужно вести записи, протоколы. Всего этого не создать, если монголы не научатся писать. Для не умеющего ни читать, ни писать племенного вождя эта мысль была очень смелой, потому что одновременно служила укором его собственному невежеству. Возникал вопрос: какую

письменность принять? У китайцев было письмо, но на освоение его требуются годы и годы, к тому же ни одного монгола силком не заставишь, не то что по желанию, перенять что-либо от презренной нации земляных червей и городских жителей, которых судьбой пред начертано покорить. Некоторым соседним тюркским племенам письменность досталась от предков. Вполне возможно, что Чингису самому доводилось видеть их выбитые на камне надписи. К счастью, у недавно покоренных найманов имелась своя письменность, которую они переняли от уйгуров, живших в области, относящейся к Западному Китаю. Знаки этой письменности располагались вертикальным столбиком, и она пришла к найманам 300 лет назад из Согдианы и считалась письмом и языком народов Центральной Азии, ее лингва франка с V века. Согдийские же письме на уходят корнями в арамейский язык, который, в свою очередь, является ответвлением древнееврейского. Достоинством найманской письменности и ее преимуществом было то, что она основана на алфавитной системе и легко читается. Чингис велел своим сыновьям адаптировать ее к монгольскому языку и с ее помощью создать аппарат управления империей. Во Внутренней Монголии ею все еще продолжают пользоваться.

В Авраге в 1228 году летописцы и источники оказались рядом. Кому-то пришла в голову мысль, что другого такого случая закрепить легенды и недавние события на бумаге может и не случиться больше и сделать это надо, уделяя главное внимание самым важным событиям монгольской истории — возвышению Чингиса. Так и вышло, что кому-то поручили заняться первым монгольским письменным памятником — книгой под названием «*Тайная история монголов*». Последнюю точку в ней поставили, как отмечено в ее последнем параграфе, «во времена Великого Собрания, в Год

Крысы и в Месяц Косули, когда на Семи Холмах, что на острове Ходо-Арал на реке Керулен, устанавливали дворцы».

Керулен, Хентей — эти названия мало что говорят людям за пределами Монголии. И реку, и горы можно увидеть одно временно с самолета, пролетая над Гоби по пути из Пекина в Монголию. Если незадолго перед посадкой в Улан-Баторе вы выйдете в иллюминатор, то ваш взгляд скользнет на северо-восток по бескрайнему морю травы, на котором вы вдруг заметите едва различимый след автомобиля и одиноким грибом торчащую войлочную юрту. Вдалеке чернеют хвойные леса и высятся белые сверкающие вершины горы Хентей, последние аванпосты сибирских хребтов, вытягивающихся через границу из России в Монголию. Здесь проходит географическая граница между горами и равнинами, где камень уступает место траве, а реки, устремляясь вниз с высоты, постепенно теряют скорость и разбегаются неторопливыми ручейками.

Одна из рек стекает с гор прямо на юг, а потом круто поворачивает к северо-востоку. Эта река, обычно обозначаемая на западных картах как Керулен, монголами называется Херлэн, это одна из трех величайших рек, которые собирают воду со всей центральной части страны. Широкий, стокилометровый изгиб Керулена омывает южную оконечность так называемого острова Ходо-Арал, 4000 квадратных километров лабиринтов холмов, сдавленных с краев реками Керулен и Ценкер, которые текут параллельно на протяжении ста или даже более километров. Потом холмы стираются, и начинается царство степей, и Керулен резко поворачивает на северо-восток, образуя гигантский изгиб, который только возможно вообразить себе, и тут же две реки сливаются около Аврага. Отсюда широкая долина уходит на северо — восток в самое сердце Чингисовых мест. Горы, реки, эта долина

и особенно вот этот примечательный кусочек пастбищ образуют сердце Монголии, район, который немногим более 800 лет тому назад стал колыбелью племени их величайшего вождя и всей их нации, потому-то летом 2002 года я сел в машину и поехал посмотреть на него.

Монголы предпочитают всем другим машинам российский, вернее, украинский «УАЗ». Это рабочая лошадь для тех, у кого нет лошади. У него и передние, и задние колеса ведущие. Рулевого усиления нет и в помине, так что сидеть за рулем «УАЗа» — это все равно, что ворочать волом. Но водитель, звали его Хишиг, веселый парень со следами сильных ожогов на шее и руках, правил машиной как бог, смело бросаясь в непролазную грязь, форсируя реки, взбираясь на крутые берега, на ровном месте выжимая из автомобиля сумасшедшую скорость.

Выехав из столицы Монголии Улан-Батора, мы полдня двигались на юг вдоль Керулена, объезжая холмы, образующие подступы к массиву Хентей. Стоял конец июня, лучшее время года, когда лошади сильные и гладкие, а сурки лопаются от жира. Лучше всего было ехать и ехать не останавливаясь. Если мы притормаживали и выходили из машины, тотчас же под ногами раздавался невероятный стрекот кузнечиков, и на нас набрасывались полчища мух. Мы предпочитали быть все время в движении. Гойо^[1] выпускница филологического факультета, переводчица с английского, девушка с негромким голосом, коренастая, плотная, как монгольская лошадка, рассказывала, как ей хочется поехать на учебу за границу, а Баатар, директор музея, мужчина среднего возраста, с лицом эльфа и в солидных очках, все время приятным высоким тенором напевал народные мелодии. Он из бурят, народности, родственной монголам, вдоль и поперек

исходил всю Северную Монголию и влюблен в песни своего народа.

Аврага оказалась сразу двумя местами. Первое — живой сегодняшней город, горстка деревянных домов, свидетельство переходного характера территории, что объясняет типично сибирскую жилищную архитектуру. Дома свободно разбросаны по округе и держатся вместе в этом мире травы, притягиваемые друг к другу, наверное, собственным тяготением. В сущности, город обязан своим существованием соседству с озером, богатым лечебными грязями, куда в летние месяцы приезжают люди, чтобы покупаться и намазаться сернистыми грязями. Об озере знает не очень много народу, преимущественно те, кто готов пуститься в такого рода путешествия, но место это действительно чудесное, на озере широкие песчаные пляжи, похожие на лужайки берега, где приятно загорать и где построены загоны для скота и лошадей. Наша база располагалась неподалеку — туристский лагерь, десяток круглых монгольских юрт (*гээров*).

Вторая Аврага, цель нашей поездки, лежит в степи километрах в десяти к югу. В старой столице смотреть нечего, но место говорит само за себя. Прямо под невысокими холмами, раскопанными участниками проекта Триречья, расположена квадратная, окруженная белой стенкой площадка метров двести в ширину, похожая на огромный плац для парадов. Девять юрт и с полдесятка торчащих в разных концах площадки памятников охраняются двумя статуями солдат с копьями, кривыми мечами и круглыми щитами, в конических шлемах и высоких сапогах. Но настоящая охрана стояла у входа. «Добро пожаловать в дворец Чингиса, — гласил плакат на монгольском и английском языках. — Это почитаемое место. Здесь вы можете пообщаться с древней монгольской историей и культурой. Пожалуйста, заплатите в кассу». Это было

частное предприятие, которое жалко напоминало многие «мемориальные места» на Западе. Никаких подлинных памятников там не было и в помине, ничто не говорило о том, что здесь когда-то стоял дворец. В девяти юртах — девяти, так как по традиции число девять имеет особое значение — висели портреты Чингиса и его цариц, копии оружия и штандарты с хвостами яков. В каждой юрте можно было помолиться перед святынями, освещенными коротки ми, по старинной буддийской традиции увитыми лентами синего шелка, свечами из коровьего масла.

Вот и все, что было сделано в 750-летний юбилей «Тайной истории», что официально отмечалось в 1990 году. «Как гласит последняя фраза «Тайной истории», — пояснил нам местный гид, — книгу закончили в 1240 году». Но, минуточку, у меня записано, что это произошло в 1228 году. Эта разница, по поводу которой поломано много ученых копий, объясняется имеющейся в «Тайной истории» ссылкой на год Крысы, первый в двенадцатилетнем цикле животных, который монголы переняли у китайцев. Отсюда и двенадцать лет разницы. Но какой год мог быть на самом деле? Один из этих двух — или какой-то более поздний год Крысы? Доказательства строятся на том, что в «Тайной истории» рассказывается о правлении Угедэя, но ни слова не говорится о его смерти в 1241 году. Таким образом, если верить тексту, он мог быть написан только в 1240 году.

Приводились другие доводы технического характера в пользу позднейших *крысиных* годов (1252,1264), но более поздние источники ни словом не упоминают о Великом Собрании, а характер описания событий, которое сделано, несомненно, по свежим следам событий, свидетельствует о том, что автор был их современником. Если мы примем это соображение, то остается проблема двенадцати параграфов о правлении

Угедэя. Нужно сказать, что специалисты сейчас приходят к единому мнению, что никакой проблемы тут нет: эти параграфы чистейшей воды поздняя вставка и были добавлены незадолго до смерти Угедэя. Правильная дата — 1228 год.

Для властей, однако, год 1240-й представляется более вы годным выбором и к тому же весьма соблазнительным. При коммунистах Чингис, человек, чьи наследники две сотни лет угнетали Россию, был *персона нон грата*. Но начиная с 1989 года монгольские правительства очень охотно поддерживали все, что имело отношение к основателю нации. В 1990 году, когда еще многие ученые поддерживали идею

1240 года как года написания «*Тайной истории*», шанс отпраздновать 750-летие упустить было никак нельзя, и в результате посетителям приходится платить несколько *тугриков* за сомнительное удовольствие попасть на аляповатое место для плац-парадов, где жалкие подобию памятников возвещают не менее сомнительную дату.

Бог с ними, с памятниками. Само по себе место потрясающее, и в тот летний вечер оно предстало перед нами во всем своем блеске. Над нами зловеще нависали облака, заходящее солнце пряталось за безоблачный горизонт и заливало последними лучами света обращенные к западу склоны. На них угрожающе надвигались, вытягиваясь языками, густеющие те ни, и у их оснований ярко высвеченные солнцем пастухи сбивали отары ослепительно белых овец, а тренер кричал скачущему мимо него десятилетнему мальчишке, который готовился к предстоящим через две недели по случаю Дня нации скачкам: «Осаживай! Осаживай!» С вершины возвышающейся за ними горки можно видеть все пространство равнины, окрашенной косыми лучами света в оранжевый цвет, и разглядеть Семь Холмов, упомянутых в «*Тайной истории*».

Прямо перед нами внизу находился курган, который раскапывали археологи из Триречья, сейчас там нет ничего, кроме неглубокой ямы шириной в несколько метров. «Они нашли несколько черепиц и небольшие остатки каменного пола, — сообщил Баатар, потом уставился взглядом в лежащее перед ним поле и увидел то, что было здесь восемь веков назад. — Здесь повсюду стояли дома... Казармы... А здесь жили семьи, когда мужчины уходили воевать. Тут был дворец...» Он замолчал, возникшие было видения растворились в охватывавшей нас ночной тьме, вместе с ними в глубинах воображаемого времени исчезла и Аврага.

Несомненно, это было великолепное место для строительства города. В те времена Керулен был шире и полноводнее, чем сейчас, время от времени разливался и менял русло. Но Аврага отстояла достаточно далеко от реки, — сегодня она уже в десяти километрах.

По ту сторону поросшей кустистой травой луговины, неподалеку от ручья, через который был перекинут шаткий пешеходный металлический мосточек, бил ключ — тот самый источник; легендарный *аураг* по-прежнему, как и восемь сот лет назад, сочился целебной водой, которая и привлекла сюда клан Чингиса в конце двенадцатого столетия.

Мы протиснулись к мостику через табун лошадей, бродивших от кустика травы к другому, потом подошли к самому ключу. Поскольку в наше время нет ничего *непринадлежащего никому*, источник уже тоже был кем-то приватизирован. Вокруг него из подручных средств сколотили забор, за которым приютился маленький дощатый сарайчик под стилизованной на китайский манер крышей. Из прилепленного к забору плаката можно было выяснить, чем славен источник. Здесь пил воду Чингис. Вода богата тем-то и тем — то и поднимается с глубины 100 метров. Она приносит

пользу и душе, и телу. Излечивает двенадцать видов желудочных заболеваний, в том числе рак. Полезна и при заболевании печени, снимает похмелье, по какой причине ее очень уважал Угедэй, известный своим пристрастием к спиртному.

Я не испытывал особенного доверия к этой чудодейственной жидкости. Вокруг сарайчика растекались темные лужи, в них плавали комочки какой-то слизи, вода, выбрасывая газ, пенилась медленно вспухающими и лопающимися пузырьками. От этого запаха в памяти стало всплывать что-то знакомое из моего отдаленного прошлого. В сарайчике торчала пластиковая трубочка, надетая на кран. Баатар потянул за нее, и из трубочки судорожными всплесками потекла вода, следуя ритму регулярных выбросов, вызываемых перепадами давления в глубине земли у нас под ногами. Я глотнул воды и скорчил гримасу. Вспомнилось все: тухлые яйца, сера, запах гниющих водорослей у берега Норфолка при отливе. Конечно, будь у меня такое же похмелье, как у Угедэя, я бы ничего не заметил, но у меня было ощущение, словно я проглотил чудовищную порцию сероводорода. Очень может быть, что Чингис за этим и пришел сюда, но, по мне, это вполне достаточная причина перенести столицу в другое место.

Баатар предложил посетить своего друга, директора школы, который может знать об Авраге побольше. Санселтаяр бы человеком лет за сорок, держался с большим достоинством, что, несомненно, объяснялось тем, что его школа находится прямо за тем местом, где располагалась первая столица. Он с гордостью объявил: «Я говорю детям, что когда они вырастут и станут взрослыми, то смогут заниматься раскопками и делать важные открытия».

Мы сидели у его одноэтажного бревенчатого дома, наслаждаясь лучами заходящего солнца, и жевали

творог, которым угостила нас дочка-подросток Баатара. Он лучше других понимал, отчего это место было столь привлекательным в качестве форпоста для создания государства. «Люди тянулись сюда не только из-за минеральной воды. Здесь повсюду залежи железа. Посмотрите на эти красные скалы. Лучшего места для изготовления оружия не придумаешь. И здесь великолепные условия для тренировки лошадей, так как зимы тут мягкие и пастбища превосходные. Мы славимся своими лошадьми. Лошадей для скрещивания свозили сюда со всех концов страны. Так было испокон веков».

— Значит, клан Чингиса не был первооткрывателем?

— Люди селились здесь со времен гуннов. Вы что-нибудь слышали о кладбище?

Оказалось, он говорил о древнем месте захоронений. Оно располагалось в предгорьях в часе пути от города. Он обещал показать его на следующий день.

В результате получилось так, что на следующее утро в нашей истории появилось новое действующее лицо — сурок. Прогулка, вроде нашей, всего лишь предлог для чего-то большего — интересных разговоров, возможности покататься на лошадях, хорошего обеда или пикника.

Сурки здесь отъелись на семенах трав. Все, что нам нужно, — это охотник, который позаботился бы о наших желудках по пути к древнему кладбищу. Директор знал такого человека, его звали Энхбат. Мы вытащили его из дома, это был жилистый мужчина с провалившимися щеками, жесткими, как щетка для туалета, волосами и жизнерадостной улыбкой. Гойо подумала, что он очень похож на сурка, а это хорошая примета. Но Энхбату, заядлому охотнику, не хватало лишь двух весьма существенных вещей, а именно — ружья и патронов. У его друга было ружье. Мы направились километра за

два через поле к юрте, из которой Энхбат уже выскочил с ружьем 22-го калибра. Оставалось добыть патроны. Еще одна поездка обратно в город к другому другу — и вот мы наконец в пути к цели нашего путешествия.

Сурки занимают особое место в монгольской культуре, потому что представляют собой одновременно источник пищи и источник опасности. В их шерсти водятся вши — носители бацилл, которые разносят бубонную чуму, и многие историки считают их в конечном счете виновниками Черной смерти, которую в начале XIV века занесли в Европу по своим торговым путям победоносные монголы. Угроза эпидемии по-прежнему существует, но она хорошо изучена и быстро ликвидируется, для профилактики делают прививки совершенно бесплатно в любой местной больнице. Если забыть о разносчиках чумы, то сурки в Монголии всегда были значительной частью летних охотничьих трофеев, и плечо сурка, которое называют «человечьим мясом», считается деликатесом.

Гойо поведала нам такую историю.

Откуда у сурка человеческое мясо

Когда-то с неба светило семь солнц. И было страшно жарко. Люди нашли меткого лучника и попросили его сбить несколько солнц. Лучник оказался смелым человеком. Он сказал: «Завтра, как только выйдут семь солнц, я собою шесть из них. Если не получится, то я стану сурком, отрежу себе большой палец, стану пить кровь вместо воды, есть траву и жить под землей». Так вот, Он сбил пять. Когда он выпускал последнюю стрелу, перед ним пролетал воробей. Стрела срезала ему хвост,

вот почему у воробья хвост раздвоенный. Лучник же исполнил обещание и стал сурком. Потому-то у сурка есть человеческое мясо.

Сурки известны своим любопытством, благодаря чему охотники всегда возвращаются с добычей. Сурка гипнотизирует все белое. Стоит помахать белой тряпкой или пером, и сурок впадает в транс, становясь легкой добычей. Существуют даже специальные белые собаки для охоты на сурков, их учат махать хвостом во время охоты, чтобы сделать сурка беспомощным, пока другие собаки подбираются вплотную, чтобы совершить последний прыжок. Все это не вымысел, потому что такая охота на сурков была заснята на видеокамеру и фильм транслировали по японскому телевидению, что вызвало энергичные протесты Японской организации защитников диких животных: монгольские охотники за сурками нечестны! Они пользуются беззащитностью бедных, наивных монгольских сурков! Охоту на сурков следует запретить!

Сурки и в самом деле очаровательно наивны. Всполошившись от звуков промчавшейся лошади или машины, они, будто стелющийся по земле коврик, раздуваемый подгоняющим их ветром, шмыгают в свои норы, а потом, попросту говоря нескольких минут, когда не остается сил сопротивляться любопытству, высовывают наружу головы, чтобы посмотреть, не грозит ли им опасность. В это время года так оно и бывает. В нескольких метрах от норы притаился монгол-охотник, он положил ружье 22-го калибра на подпорку, взвел курок, ожидая своего часа. Все зависит лишь от его терпения и способности не обращать внимания на мух, которые вуалью вьются над его шляпой или капюшоном. Мы по шли к холмам, оставив Энхбата лежать, растянувшегося на земле среди электрического потрескивания кузнечиков.

Поставив машину в тень у кupy деревьев подле пересохшего ручья, мы последовали за директором, который повел нас вокруг холма.

— Это место называют Горой Множества Людей, — объявил он.

Я огляделся. Мы находились рядом с зимней бревенчатой овчарней. Под нами расстилалась равнина, казавшаяся плоской, как пустыня, она убегала вдаль, постепенно растворяясь в знойном мареве, и ее протяженность прерывалась только озером, в котором целый табун лошадей, погрузившись по круп в воду, спасался от оводов и жары. Две юрты, извилины автомобильной колеи... Далеко-далеко, километрах в двадцати, я с трудом различал коричневое пятнышко бревенчатых домиков Авраги. Вокруг ни души.

Директор кивнул: «Думаю, это значит много мертвых людей».

В этом месте, несомненно, чувствовалось присутствие человека, пусть даже очень давнее, хотя нога археолога тут не ступала. Мы наткнулись на кучу плоских камней, образывавших неровную линию, если взглянуть на них под нужным углом. Возможно, в древности они отмечали подъезд или под ход к чему-нибудь. Мы продолжили подъем, стараясь скорее оставить позади полчища мух и слепней. Директор указал пальцем на маленькое растение. Он дернул его из земли и показал мне смахивавший на чеснок клубень, объяснив, что его называют «белый картофель». Очистив его от кожицы, он протянул его мне. Клубень хрустел на зубах как лук, но был абсолютно безвкусный, как сырая картошка. Я понял, что он имел в виду: даже в этой каменистой пустыне можно найти пищу.

Нас попросили не задерживаться, и мы продолжили путь к цели нашей прогулки — кладбищу. Оно оказалось восьмью кучами беспорядочно наваленных

валунов, отделенных друг от друга кустами и островками травы и образывавших фигуру, похожую на букву h. Могу предположить, что так отмечали места захоронения. К счастью, кучи камней не заросли дикой зеленью. Похоже, кто-то расчищал их. В этих валунах не таилось никакого сакрального промысла, но за каждой стояли затраченные время и силы. Гора Множества Людей — это место наводило на мысль, что название навеяно древними похоронными обрядами. Я взгляделся в спускавшийся к равнине испещренный камнями склон горы и представил себе, как по нему поднимается похоронная процессия: может быть, предки Чингиса несли сюда своих покойников, когда поселились в Авраге.

В лесочке, где мы оставили машину, появился Энхбат с нашим обедом — пятью килограммами мяса и хлеба — и тут же приступил к приготовлению кушанья по древней монгольской традиции, с современными дополнениями. По такому рецепту готовили с XII века.

Запеченный сурок

(На шестерых. Время готовки: около одного часа)

Вам понадобится: 1 сурок

Добрая куча сухого навоза

Набор камней, величиной с кулак

1 нож

Веревочка

Проволока

Плоскогубцы

1 паяльник

Первым делом подстрелите сурка. С помощью веревочки подвесьте убитого сурка на ветке. Снимите с него шкуру, при этом постарайтесь потянуть ее книзу, чтобы не разорвать и чтобы она осталась целой. Выкиньте внутренности. Сделайте вид, будто вам наплевать на мух. Отделите мясо от костей и нарежьте кусочками. Тем временем отправьте гостя-писателя

собирать коровьи лепешки, и пусть упомянутый писатель постарается высушить их так, чтобы они стали похожи на кусочки толстого пластика. Лепешки сложите в кучку. С помощью паяльника заставьте сухой навоз разгореться медленным огнем, при этом нужно постараться, чтобы дым обволакивал нарезанное мясо и отгонял прочь мух. Теперь положите камни в костер. С помощью проволоки и плоскогубцев заделайте, крепко затянув, дырки в шкуре сурка. Дыру от головы не зашивайте. Потом запихните те кусочки мяса вместе с раскаленными докрасна камнями в мешок из шкурки сурка, перекладывая камни прутиками, чтобы они не двигались с места. Не обращайте внимания на золу, пепел, навоз и т. п. С помощью плоскогубцев закрутите проволокой дырку, через которую засовывали мясо с камнями. Обработайте паяльником шкуру и соскребите паленую шерсть. К этому времени горячие камни уже начали свое дело: мясо готовится. Оставшийся в мешке воздух расширяется и образует тугое продолговатое, похожее на сосиску, *вместилище*. Когда мех удален, мясо обрабатывается паяльной лампой снаружи. Через час раз режьте *вместилище* ножом и вытаскивайте мясо пальцами. По мере того как камни остывают, берите их по одному и перебрасывайте из руки в руку, но осторожно, чтобы не обжечься, — это полезно для здоровья и приносит удачу.

Пока под шум паяльной лампы и жужжание мух готовилось мясо, наш водитель Хишиг рассказывал нам, откуда у него такие ожоги. Он занимался вот этим самым, счищал мех со шкурки сурка, и тут вдруг паяльная лампа стала подтекать и взорвалась, обдав его горящим керосином. Он долго лечится, для этого и приехал в Аврагу на озеро, попользоваться чудодейственной грязью. Ему помогает не сама грязь, а живые организмы, которые живут в ней, а местные жители называют их «природные доктора». Он заходит

в сернистую воду, чтобы эти «доктора» очищали его рубцы. Больно, но помогает. Я невольно отпрянул от него, когда он стал сдувать последние кусочки меха и Баатар принялся счищать сочащийся жир.

Сок сурка, приготовленного на навозномкостре и с помощью пламени паяльной лампы, настоящий нектар — густой, темный, аппетитный. Мясо на вкус довольно приятное. Но для изнеженного жителя Запада оно непривычно и вызывает мысль о том, что могло бы быть и повкуснее. Жизнь сурка проходит в рытье нор и постоянном спасении бегством. Сунок — это одни мышцы, и его мясо не по зубам тем, кто питается в ресторанах и ест переработанную пищу. Для остальной части рода человеческого, обладающей сильными и ослепительно белыми зубами, столь характерными для выросших на свежем воздухе монголов, оно доставляет восхитительное удовольствие, особенно если прихватить с собой водку «Чингисхан». Директор вытащил из мешка-кастрюли похожий на виноградинку предмет, желчный пузырь, и с блаженной улыбкой отправил себе в рот. Пока я извлекал застрявшие в зубах волокна мяса, сунок целиком исчез в парах экзотической водки и навозного дыма.

Наконец мы снова устроились в раскаленной, как печка, и полной жужжащими мухами машине; Баатар прочистил горло и своим высоким и звонким тенором завел бурятскую народную песню. Мы открыли окна. Ветер быстро изгнал надоедливых насекомых, и Баатар услаждал наш слух до самого Аврага: «Меня зовет кукушка, и я спешу к тебе, моя возлюбленная, а вокруг родная земля, мои реки, мои горы».

История того, как потеряли и вновь обрели *«Тайную историю»*, весьма любопытна. Оригинал *«Тайной истории»*, воз можно, стал «секретным», то есть известен только узкому кругу избранной знати, вскоре после того, как монголы за вершили завоевание Китая в

1271 году и сделали заказ летописцам написать официальную историю. После того как монгольская династия в 1368 году сменилась династией Мин, минские чиновники, стремясь сохранить языковой контакт с большим количеством подданных, придумали для подготовки переводчиков своеобразную систему записи слов монгольского языка. Они призвали на помощь ученых — лингвистов, чтобы создать систему передачи монгольских слов звуками китайского языка, вернее, передачи слогов монгольского языка слогами китайского. Теперь каждый монгольский слог обозначался китайским знаком, звучащим созвучно. С тех пор иностранные имена и фразы именно так и записываются по-китайски.

Но китайский язык имеет свою особенность: каждый знак или слог должен начинаться с согласной и кончаться либо гласной, либо «н». При транслитерации происходит отступление от оригинала. Столица Внутренней Монголии Хух-Хот, образованная из двух монгольских слов (хух, хот), означающих Голубой Город, превращается в набор слогов: Ху — Хе-Хао-Те, каждый из которых имеет собственное значение, но, взятые вместе, они образуют бессмыслицу, подсказывая китайским читателям, что речь идет всего лишь об иностранном имени. Америка получается Мей-Гуо, Лос-Анджелес — Ло Савн Ге, Париж — Па Ли. Чингисхан звучит как Чьен Чи Ссу Хан.

Для китайца, пытающегося прочесть транслитерацию «*Тайной истории*», это звучало бы так, как если бы он говорил по-монгольски с жутким китайским акцентом. Поскольку по-китайски это не имело бы никакого смысла, с правой стороны от каждой вертикальной колонки монгольских значков добавляются приблизительные пояснения о смысле написанного.

Со временем, когда монгольское влияние уменьшилось, китайцы уже не чувствовали потребности

сохранять монгольский оригинал и оставляли только китайскую фонетическую версию вместе с китайским же толкованием. Не сколько копий *«Тайной истории»*, всеми позабытые, пылились на полках, и только в XIX — начале XX века их одну за другой обрели вновь. В последующие годы ученые работали над восстановлением монгольского оригинала. Дело это не трудное, если хорошо знаешь оригинал и оба языка вам близки, но весьма и весьма мудреное, если учесть, что нужно при помощи китайского языка XIV века восстановить монгольский язык двенадцатого. Причем никто не знает, как тогда произносились слова, тем более это разные языковые группы. Головоломную работу проделали и переделали несколько раз, и последний вариант был опубликован в 1980-е годы. Несмотря на то что остался еще не решенным ряд лингвистических и географических проблем, так как до сих пор текста монгольского оригинала обнаружить не удалось, тем не менее *«Тайная история»* теперь доступна для ознакомления на нескольких языках.

Ученые спорят о том, что в ней подлинное, а что вымышленное, но все сходятся в том, что *«Тайная история»* основывается на реальных событиях, ибо ее содержание перекликается с другим — не менее тайным — источником того же времени, известным под названием *Алтай Дебтер* («Золотая тетрадь»). Ее оригинал пропал, но известен по изложению в персидских и китайских исторических трудах. Вот и все первичные источники по времени Чингиса. Известно, что существовало много других работ, но все они пропали или были намеренно уничтожены (некоторые совсем не давно — одна средневековая хроника была в 1927 году сожжена неким китайским милитаристом).

Работа XVII века *Алтай Тобчи* («Золотые итоги») пересказывает *«Тайную историю»* и более поздние легенды, но украшает их идеями буддийской мудрости.

Четвертый источник — официальная история Юаньской (монгольской) династии, составленная преемниками монголов и написанная в обычной для переходного периода при смене одной династии другой манере, но по сравнению с *«Тайной историей»* эти заметки слишком цветисты и официозны.

«Тайная история» остается непревзойденной. Она интригует и одновременно оставляет неотвеченные вопросы. Претендуя на объяснение происхождения монгольского народа, она вызывает сравнение с другими великими произведениями «первооснователей»: ее можно поставить в один ряд с Библией, *«Илиадой»*, норвежскими сагами, *«Нибелунгами»*, *«Махабхаратой»*. Но ей не хватает их масштабности — в ней только 282 параграфа и тысяча шестьдесят слов, одна треть *«Илиады»*. И хотя она содержит элементы мифа творения и легенды в ней граничат с пересказом досужих сплетен и неким подобием исторической хроники, ей не хватает и эпического размаха, и исторической достоверности.

Как вдохновенная эпика, *«Тайная история»* прочно опирается на традицию монгольского повествовательного стиха. Это не что иное, как устная традиция, перенесенная на бумагу, — редкостное достоинство, ставящее ее вровень с *«Илиадой»* и *«Одиссеей»*. Ясно, что по определению не может быть письменного свидетельства устной традиции, но, применительно к Гомеру, ученые предлагают теорию, которая может послужить моделью создания *«Тайной истории»*. После окончания Троянской войны, около 1250 года до н. э., греческие певцы-поэты, переходившие от одного царского двора к другому, с одной рыночной площади к другой, слагали легенды о греческих героях и битвах, рассказывали об их предках и зарождении греческой цивилизации. Так продолжалось 500 лет. Гомер обобщил эти сказания,

оформив их в одно художественное целое как раз ко времени, когда греки приняли финикийское письмо. Как только легенды записали, они как бы застыли в полете. Мешанина былей и небылиц превратилась в два единых по содержанию литературных произведения.

Традиция певцов-бардов на Балканах существовала на протяжении двух тысячелетий, вплоть до 1930-х годов, когда антрополог и музыковед Мильман Перри записывал их в кофейнях Сербии, Боснии и Герцеговины. Как рассказывает его ученик Альберт Лорд в своей книге «Певец сказаний», Перри обнаружил, что у певцов-бардов, передававших песни от поколения к поколению, были удивительные способности. Дело в том, что они не старались запоминать большие куски текста, чтобы потом их продекламировать наизусть, каждое их выступление выливалось в импровизацию. Выступая перед слушателями, поэт-бард слагал каждую свою песню на традиционных рамках изложения, и это составляло 25-50 процентов «текста», а остальное он перекраивал, прихорашивал, акцентировал текст в зависимости от предпочтений аудитории, но при этом выдерживая песню в одной и той-же стихотворной форме.

Что-нибудь вроде этого, видимо, происходило и в Монголии и Китае в годы и века, предшествовавшие написанию «*Тайной истории*». Очень может быть, что в раннем Средневековье монгольские певцы-поэты, подобно догомеровским сказителям, выполняли роль национального банка памяти, увековечивая события и героев в традиционной стихотворной форме. Они пели свои песни под звуки примитивных щипковых инструментов, дальних предшественников сегодняшней скрипки из черепа лошади. В 1220-е годы, когда Монгольская империя еще набирала силу, эти поэты-сказители уже приступили к решению никем не предписанной за дачи по увековечению того, что

произошло, и того, что все еще происходит вокруг, фиксируя увиденное и услышанное в стихах. Со временем они, возможно, соткали бы столь же роскошную поэтическую ткань, из которой кроил свои пышные поэтические одежды Гомер, и монгольские Гомеры, быть может, создали бы подобное чудо.

Но процесс созидания чуда так и не получил развития, прерванный введением письма. Если обратиться к Гомеру, то записанные тексты *«Илиады»* и *«Одиссеи»* запечатлели зрелый устный стих. В случае же *«Тайной истории»* перед нами лишь сырой поэтический материал. Следы устного творчества встречаются по всему тексту, так как его большая часть текста состоит из стихов, и первые слова каждой строки перекликаются друг с другом, что составляет монгольский эквивалент рифмы. Очень много стереотипных метафор, которыми широко пользуются в устной традиции, чтобы сцементировать повествование. У детей, которым уготована слава, «в глазах полыхает пламя», тела убитых «развевает по ветру, словно пепел». Монгольские сказания по яркости не уступают *«Одиссее»*.

«Тайная история» никогда не считалась великим поэтическим эпосом, потому что во многом осталась историей в прозе. Не получилось из нее и хроники, и это по двум причинам. Во-первых, она была написана по свежим следам событий, а, во-вторых, не зная литературной традиции Монголия не имела и своих историков. Близость во времени к потоку событий еще отнюдь не означает их умелого изложения. Фукидид писал историю Пелопоннесских войн, когда еще не смолк звон мечей, но Греция в V в. до н. э. уже могла опираться на триста лет своей письменной истории и широкой письменной традиции. Монголы в 1228 году имели все го лишь навык письма, да и то известного немногим посвященным. Так что *«Истории»* не хватает

«реальной» истории, как поняли бы ее Фукидид и наши современные историки, потому что слишком мало места в ней посвящено Чингису.

Два десятилетия военных походов в Центральную Азию и Китай, сопровождавшиеся уничтожением десятков городов и миллионов людей, укладываются в два абзаца. Возможно, уже тогда запись исторических событий была прерогативой официальных летописцев, чьи труды давно утрачены. Возможно, эти события еще не вписались в репертуар бардов. Возможно, в походах не участвовали поэты-певцы. Так или иначе, но нам остался своего рода альбом семейной фотохроники — история происхождения монголов, возвышения Чингиса, объединения монгольских племен и начала создания империи.

Если это не великий эпос и не великая история, тогда в чем же достоинства *«Тайной истории»*? Их два: живость и выборочность. Создается впечатление, будто главный редактор использовал ряд доступных ему источников, поэтические хроники и воспоминания очевидцев, имея строжайшие предписания отбирать материал, только имеющий самое прямое отношение к событиям, и в первую очередь ничего не приукрашивать. Это не житие святого. Она вызывает доверие, потому что в ней есть все — и хорошее, и плохое. Оказывается, Чингис боялся собак. Он убивает брата, и мать вне себя от гнева и горя. Он едва не погубил армию, и друг детства выговаривает ему за это.

Кто создал эту смесь героического и человеческого? Предполагают, что это Шиги, сводный брат Чингиса, найденный, *оставшийся брошенным в татарском лагере*. Судя по всему, он имел высокое происхождение, так как на нем обнаружили золотые серьги, кольцо в носу, и он был одет в подбитую черным соболем атласную курточку. Мать Чингиса воспитывала его как шестого сына, он был моложе всех братьев на двадцать лет и

стал известным полководцем и судьей. Весьма вероятно, что Шиги имел литературный и писательский талант, но если бы он был единоличным автором, то, небудучи ограниченным во времени, постарался бы не опускать деталей военных походов, государственного управления и вопросов права.

Кто определял содержание? С наибольшей очевидностью можно предположить, что этим лицом был Угедэй, недавно избранный великим каганом наследник Чингиса. Только он обладал властью говорить о том, что включать или не включать в тексты. И эта власть перешла к нему от отца. Чингис наверняка сам слышал легенды и рассказы о случаях, упоминаемых в *«Тайной истории»*. И вообще, так много случаев касается лично его, что источником сведений о них вполне мог быть сам Чингис. Он был реалистом, и он понимал, что его путь к власти зависел от решений, которые он принимал, шла ли речь о политике, дружеских отношениях или стратегии. Состарившись, он понял ошибки своей молодости, и у него могло возникнуть желание указать на них, поэтому он мог в ряде случаев выставлять себя в невыгодном свете, что бы таким образом обратить на них всеобщее внимание.

Божественное благословение — да, но монгольский бог, Вечное Небо, поддерживает только тех, кто сам заботится о себе. Успех приходит нелегко, через страдания и неудачи. *«Тайная история»* открывает нам нечто удивительное — психологическую картину становления героя и императора из отверженного и всеми презираемого изгоя.

Я мысленно представляю себе, как ученый администратор Шиги, человек лет под сорок, возможно получивший от своего повелителя и родственника Угедэя поручение свести воедино некий круг сведений, приступил к работе, взяв себе в помощники какого-нибудь способного юношу, поднаторевшего в уйгурской

письменности и способного писать под диктовку. Они вызывают к себе очевидцев, обходят юрты и собирают рассказы, песни и впечатления тех, кто был непосредственным участником событий. Время быстротечно. Скоро с деревьев полетят желтые листья, и все разъедутся зимовать по своим стойбищам и семейным юртам. Добрую часть эпизодов военных действий они оставляют за пределами повествования, и не случайно, так как некоторые самые важные военачальники все еще в далеких походах. То, что им представляется интересным и подходящим, записывается. Остальное остается запечатленным лишь в легендах.

Это было самое подходящее время, вероятно и единственно возможное, собрать нужный материал, который позволит новой нации понять, как она появилась на земле.

2 Рождение монголов

К северо-востоку от Авраги вдоль подножий горного массива Хентей до местности, где родился Чингисхан и вся монгольская нация, простирается поле размером с маленькую страну. Спекшиеся под испепеляющими лучами макушки лета земля и травы мерно колыхались, пустынные, как воды океана. Мы двигались вперед, поднимая пыльную волну, катившуюся перед нами в сторону нашего движения. От летнего жара Ценкер, служащий границей Худо-Арал, съежился до размеров тщедушного ручейка, а дорогу, ведущую от столицы на восток, обозначенную на карте как шоссейная трасса, мы пересекали, едва разглядев.

Останавливались мы только однажды по случаю редкого события — мы увидели еще один автомобиль, это был «УАЗ», как две капли воды похожий на наш. Такое событие предоставляет шанс поболтать и выкурить по сигарете, а также облегчить мочевого пузырь, про такое событие монголы говорят «присмотреть за лошадьми». Во встретившейся нам машине сидела пара, восхитительно юная, красивая и интернациональная. Он монгол с искусно подстриженными бобриком волосами, она стройная блондинка-бродяжка из Эстонии. Они встретились в Токио, влюбились друг в друга и обручились. Выходцы с двух крайних оконечностей бывшей советской империи, они говорили по-русски, как на втором родном языке, но между собой общались по-английски. Как он сообщил нам, выпуская дым через поджатые губы, его отец был преподавателем истории в Улан-Баторском военном училище. Может быть, мне стоит встретиться с ним. Но я, по — видимому, не произвел на него достаточного впечатления, и он больше не возвращался

к этому вопросу, как будто на дороге из Авраги английские писатели шли по двое за тугрик.

Эти земли были частью предыстории Монголии. Мы спустились с невысокого хребта на заливные луга, детище маленькой речки Хорх, которая в одном месте образовывала мелкое озерцо. Баатар повел нас вверх к скалистому отрогу другого хребта, откуда перед нами, как на карте, развернулось прошлое. Во все стороны не было видно ни одной юрты, но я стоял на месте, которое когда-то заплонили монгольские стяги. Тысячу лет назад струившаяся под нами речушка разливалась на многие километры, и эти плодородные луга в каменном веке привлекали племена людей сочными травами и изобилием живности. Гора, на которую мы взобрались, когда-то возвышалась над берегом озера, а там, ниже, за завалами камней и под карнизами скалы, неглубокие пещеры, подле них были мастерские. Я различал на стенах очертания петроглифов, изображавших фигуры людей и животных. Спускаясь по склону горы, Баатар нагнулся и поманил меня к себе. В руках у него была горсть разноцветных камешков, сколов с разного рода артефактов, наконечников стрел, дротиков, ножей, которыми пользовались и торговали, наверное, по всей Монголии. Здесь, в этой широкой и часто посещавшейся долине и еще одной, что подальше, где разливается Онон, около 800 года н. э. впервые поселились монголы.

Слияние Онона и Хорха сегодня выглядит почти так же, как тогда, если абстрагироваться от маленького городишки Биндера, — кучки потемневших бревенчатых домов с разбитыми автомашинами колеями пыльных дорог. Монголы по — прежнему чувствуют себя как дома в саванне с разбросанными тут и там елями и кленами и в этой изрезанной невысоки ми холмами долине, где среди скал и возвышенностей неторопливо переваливается через мели Онон. Ныне новоприбывшим

нет нужды устанавливать юрты. На склоне холма над рекой разбит летний лагерь праздничных юрт, они выстроились ровной шеренгой за свежескрашенным заборчиком. Сейчас там никто не живет, нет ни гостей, ни обслуживающего персонала.

Но затем последовала типично монгольская смена событий, и надвигавшаяся проблема обернулась удовольствием. В городе уже заметили наш автомобиль. Тут же замаячила машина с двумя молодыми женщинами в элегантных небесно-голубых гээрах, традиционных, до щиколотки халатах. Они старались запустить генератор, чтобы включить освещение и кухонную плиту. Не было горючего. Хишиг свозил их в город и обратно, и лагерь возродился к жизни, загорелись лампочки, на столе появилась еда, и нам сообщили добрую новость: на почте Биндера есть черно-белый телевизор. Дело было в воскресенье, 30 июня. После ужина мы поехали в город, набились в дощатый домик, служивший постовым отделением, и, пробиваясь сквозь туман от статических помех и водки «Чингисхан», посмотрели финальную игру мирового чемпионата по футболу Бразилия-Германия, счет — 2:0.

То полчище монголов, которые подъезжали к Хентею лет 800 назад, видело место слияния рек точно так же, как я увидел на следующее утро: лес напротив, чуть подкрашенный лучами восходящего солнца, тучное поле, перерытое норками и мышьями-полевыми и поросшее разнотравьем, белыми и желтыми цветами и карликовым кустарником. В небе звенит песнь жаворонка необыкновенной чистоты. Отдаленные холмы четкими контурами рисуются в хрустально прозрачном воздухе и просматриваются так же ясно, как рассыпанные внизу юрты. Тогда все было, конечно, более первозданным. Сегодня в нескольких километрах отсюда темно-коричневым мазком в пейзаж врезается Биндер с его бревенчатыми домиками, стало заметно

меньше животных. В те далекие времена вон там, в степи, поднимая маленькие облачка пыли, легко и грациозно скользя в воздухе, уносилась прочь белохвостая газель, — сейчас газель найдешь разве что в самых глухих районах Гоби. Прекрасное место для тех, кто ищет где поселиться. Травы сочные, на этих пастбищах скот будет жиреть и множиться. Вверх по реке лесистые холмы Хентея обещали богатую дичь и убежище на случай войны для тех, кто знал, как потаенными звериными тропами уходить в за прятанные между кряжами гор глубокие долины и неприхотливые нагорья.

Пройдут века, и монгольские легенды станут утверждать, что эти люди были потомками волка и оленя. Что же, очень может быть, им было виднее, они знали, что два клана их предков назывались Волк и Олень. И очень может быть, что их народные сказания хранили сведения об их происхождении где-нибудь в горах к северу от великого сибирского озера Байкал или в глубинах Маньчжурии. К тому времени, когда пришла пора записать легенды в *«Тайную историю»*, народная память потускнела, и в ней остались лишь туманные намеки на предков-зверей и «переход через море». Вероятно, эта группа кочевников-мигрантов уже называла себя монголами или как-то похоже, и китайцы узнали их имя, передавая его искаженным, — мен-ку или мен-ву. Но смысл этого слова вряд ли был кому-нибудь понятен.

Эти пограничные земли, где горы и леса севера встречаются с южными травянистыми равнинами, были тем тигелем, в котором лесные жители переплавились в степных скотоводов-степняков и научились образу жизни, который резко отличался от того, какой вело все остальное человечество.

В году 800-м н. э. этот образ жизни, если посмотреть на него в более широком историческом и

доисторическом кон тексте, был сравнительно новым явлением. Ибо 90 % своих 100 000 лет пребывания на земле люди были охотниками. Они жили в соответствии со сменой времен года, изучали повадки зверей и радовались дарам природы. Около 10 000 лет тому назад, по мере отступления великого ледника, социальная жизнь стала иной. Изменения стали исчисляться не эра ми, а тысячелетиями. Появились, быстро сменяя друг друга, две другие системы. Одна была земледелием. К 5000 году до н. э. земледельческие общины испещрили окраины континентов, забираясь вверх по долинам великих рек Египта, Месопотамии, Индии и Китая. Эта революция распахнула двери перед стремительным наплывом перемен, которые предопределили сегодняшний мир: рост населения. Богатство, досуг, города, искусство, литературу, промышленность, широкомасштабные войны, управление государством — большую часть того, что статичные урбанистические общества называют цивилизацией.

Вторая система (после охотников-собирателей и земледельцев), которую уже начинали использовать первые монголы, была скотоводческой, с ее стадами и табунами и находящимися в постоянном движении пастухами, и ее называют пастбищно-кочевой. Сто лет назад модной была теория, принятая учеными, занимавшимися доисторическими обществами, и трактовавшая переход от кочевого варварства к оседлой цивилизации как спокойный и равномерный процесс по следующей схеме:

**охотники-собиратели > пастбищные
скотоводы-кочевники > земледельцы >
урбанистический образ жизни**

Теперь так не думают. Сегодня все сходятся во мнении, что земледелие идет вторым, обеспечивая ресурсы одомашненных животных, с которыми

кочевники были в состоянии переходить к пастбищному кочевому скотоводству. Это позволяет социальную эволюцию человеческого общества представлять в ином виде:

**сначала охотники-собиратели,
за ними земледельцы,
потом скотоводство, давшее начало двум
системам: пастбищному кочевому скотоводству
и урбанистическому образу жизни.**

Другими словами, пастбищное кочевое скотоводство является не «первобытным» образом жизни, но таким-же развитым, как земледелие. Когда это изменение произошло, в Южной России и Западной Сибири — а это случилось около 4000 лет до н. э., - людей поманил новый мир — море трав, или степь, и это море простирается на 6000 километров от Маньчжурии до Венгрии.

Охотникам-собираателям и земледельцам степь не сулила ничего. Протянувшись через центр Евразии между тундрой и пустынями, тайгой и горами, травянистые равнины Внутренней Азии расположены высоко, открыты всем ветрам и плохо орошаются водой. От Урала до Тихого океана мало мест, которые бы рождали желание осесть надолго. Большие реки; которые в других местах представляют собой артерии, здесь текут на Север в арктические пустыни или бесполезно растрачивают силы во внутренних морях. Амур, в который впадает Онон, течет на восток на протяжении 4300 километров, но шесть месяцев в году скован льдом. Не пользуясь смягчающим влиянием какого-либо океана, эта территория подвержена огромным температурным колебаниям, и летом жара доходит до 40 градусов Цельсия, а зимой студеные ветры могут заморозить в считанные минуты любые мясные продукты.

В этом океане зелени монгольские степи-пастбища образуют лагуну длиной 1600 и шириной 500 километров, которая соединяется с остальным степным пространством через горные коридоры, прорезающие в западном направлении горные системы Алтая и Тянь-Шаня, и через долину Амура на восток с Маньчжурией. Ограниченные с севера сибирскими горами и лесами, а с юга каменистой пустыней Гоби, монгольские степи представляют собой нелегкую среду обитания для человека. Даже «низины» лежат здесь на высоте 1200 метров над уровнем моря. В Гоби в разгар лета дневная температура 40 градусов Цельсия ночью сменяется заморозками на почве, и к рассвету вход в юрту обрастает кружевами инея. С ноября по апрель сельские жители для получения воды пилят блоки льда и растапливают их на огне.

Крестьяне-земледельцы могут вести хозяйство и зарабатывать на жизнь, только селясь по берегам зеленого океана, где он сливается с лиственными лесами и саванной с разбросанными по ней купами деревьев, или в немногочисленных оазисах и плодородных речных долинах. Жившим на окраинах этих обитаемых областей приходилось несладко, что заставляло их отправиться на поиск лучшей доли в этой вселенной трав, которая подарит пищу, кров, верховую лошадь, возможность растить детей, вооружать армию и создавать империю. Естественно, ничего подобного не приходило в голову безымянных первопроходцев, которые осмелились потревожить это зеленое море. Заселение степей шло через бесчисленное количество попыток, ошибок, тупиков и отступлений, по мере того как животных, извечную охотничью добычу, стали ловить, содержать в загоне, выращивать, пускать на мясо и, наконец, отсортировывать и укрощать. Некоторые виды животных удалось приручить: оленей на границах Сибири и Монголии, яков в Тибете,

верблюдов в полупустынных областях. Но одно животное сыграло особенно важную роль, став ключом к богатству пастбищных просторов, — им была лошадь.

В Азии одомашнивание лошадей шло полным ходом уже к 4000 году до н. э., о чем говорят археологические раскопки на нижнем Дону. Первоначально, о чем можно судить по найденным здесь кучам костей, лошадей выращивали на мясо, затем, невероятно долго, происходила революция в сознании. На лезвии ножа, выкопанного в верховьях Оби и да тиреуемого 2000 годом до н. э., сохранился рисунок человека, держащего взнузданную лошадь. К этому времени люди уже умели объезжать эти капризные создания и пользовались для этого бронзовыми шпорами, чтобы подчинять их своей воле, делая из жертвы товарища, выращивая и воспитывая в них послушание, силу и выносливость.

Прошли еще тысячи лет насильственной эволюции, а этот новый подвид выглядел по-прежнему диким — тяжелые, толстошее и мохнатые, но характер стал теперь иным. Монгольские кони в наше время мало чем отличаются от своих предков. Для европейского глаза они непривлекательны, но остаются такими же крепкими, как в древние времена, и переносят суровые зимы, копытами откапывая из-под за мерзшего снега пучки трав. Их может погубить только самое жестокое ненастье, вроде снежного бурана, при котором трава покрывается непробиваемым ледяным панцирем. Уже долгое время число выживших лошадей превышает потребность в них населения. К 1000 году центральноазиатская лошадь была главным транспортным средством, помощником пастухов, без нее невозможно было бы представить охоту, нельзя было бы вести военные действия — лошадь стала новым хребтом степной экономики.

Дух монгольских лошадей воистину поразительный. На 11 июля, День нации — Наадам, — в каждом аймаке проводятся конные соревнования. Наездниками выступают дети, как правило в возрасте около десяти лет, они сидят на лошади без седла, но соревнования проводятся не для того, чтобы испытать самого конника, а для того, чтобы проверить коня. Каждый наездник в своей возрастной категории стартует на дистанцию свыше 20 километров. Самых лучших отбирают для скачек под Улан-Батором, столицей страны. В 2002 году я стоял у финишного столба и наблюдал, как мимо возбужденной толпы проносились пятилетки. Многие зрители то же сидели на конях и все время подталкивали стоявших впереди, с нетерпением ожидая появления в степной дали коней с наездниками. Когда в их поле зрения попадала лавина беспорядочно скачущих животных, то некоторые кони были уже едва ли не полностью обессилены. Одна лошадь, вся дрожа, остановилась как вкопанная в двух метрах от финишной черты. Десятилетний жокей хлестал ее и пинал ногами, но бесполезно. Он соскочил на землю и потянул за уздечку. Никакой реакции. Толпа бешено взрывалась каждый раз, когда мимо, в облаке пыли и потных испарений галопом про носилась очередная лошадь. Наконец трое мужчин подбежали к мальчику и стали тянуть, толкать и уговаривать животное сдвинуться вперед. Лошадь, казалось, понимала, чего от нее ждут, и сделала несколько неуверенных шагов, пересекла линию, снова на несколько секунд остановилась и только тогда опрокинулась на бок. К ней сбегалось еще несколько человек. Заставляя ее подняться на ноги, они принялись по очереди колотить ее ногами, ударяя буквально в сердце, били изо всех сил, как футболисты бьют пенальти. Это обычный метод, к которому прибегают в подобных случаях, и, бывает, он срабатывает. На этот раз он не срабатывал.

Присоединились другие мужчины, и все стали поднимать ее, но лошадь снова рухнула на землю. Она была мертва. Юный наездник сидел на корточках, заливаясь слезами над любимым животным, но тут быстро подъехал автопогрузчик, чтобы забрать труп. Западным туристам эта сцена показалась отвратительной. Но такие смерти происходят каждый год и на многих скачках по всей стране. Автопогрузчик поехал дальше вдоль трека. И можно было не сомневаться, что у него еще будет работа. Такова эволюция в действии. Выживает, чтобы продолжить вид, только сильнейший. В результате перед нами создание, не только достаточно крепкое, чтобы выносить жестокие зимы, но также обладающее возвращенным в нем свойством, если потребуется, загонять себя до смерти, что было немаловажным достоинством для тех, на ком воины прошли насквозь всю Евразию.

Сохранились и другие виды кочевого образа жизни, связанные с использованием оленей и яков, но лошадь — самое быстрое и самое приспособляемое к разным условиям верховое и вьючное животное — придает всаднику особое чувство гордости и превосходства. Это чувство нашло себе яркое отражение в языке и отношении к лошадиному роду. Монголы скажут вам, что у них более трехсот, а то и того больше терминов, используемых для описания лошади. Один ряд таких терминов может быть описан достаточно отчетливо и подробно. Это цифра 169, основанная на особом значении, которое придается цифре 13 в монгольском фольклоре. Согласно его мистической системе существует 13 главных видов лошадиной масти (от светло-гнедого до серого), каждый из этих видов имеет 13 подвидов (один из подвидов «светло-гнедого» — это «элегантный на ходу при скачке издали светло-гнедой»). Таким образом, лошадь можно определить по

масти, общей стати, менее значительным деталям (вроде гривы или хвоста), способностям и нраву и по любому сочетанию этих качеств. Когда монголы поднимались по долине Онона, они уже были знакомы с тем, что скотовод волен скитаться по бесконечным пастбищам степи и пользоваться всеми этими качествами для разведения еще четырех видов одомашненных животных — овец, коз, верблюдов и коров (в горах верблюдов заменяли яки). От них скотоводы получали мясо, шерсть, шкуры, навоз для топлива, войлок для одежды и юрт и 150 видов разного рода молочных продуктов, включая основной напиток скотоводов, слегка ферментированное пиво из кобыльего молока. В большинстве районов Центральной Азии оно известно под тюркским названием кумыс, в Монголии это айрак. «Пока пьешь его, оно пощипывает язык, как уксус», — писал монах Уильям из Робрука на северо-востоке Франции, один из первых европейцев, побывавший при монгольском дворе в XIII веке. «Когда перестаешь пить, на языке остается вкус миндального молока, и самое приятное ощущение внутри». Айрак — на самом деле продукт из молока любого из «пяти животных» — можно продолжать дистиллировать, пока он не превратится в спиртное, которое напоминает водку, но в то же время отличается мягкостью хорошего вина. На этой основе пасторальный кочевой образ жизни перерос в высшей степени специфический способ жизни, который, в теории, может быть абсолютно самодостаточным. Но это не со всем так. Для него всегда были важны связи с другими культурами и условиями жизни, как с точки зрения торговли, так и для открытия новых материалов для развития ремесел.

Взять, скажем, монгольский гээрс крышей-куполом и круглой формы, что позволяет противостоять сильным ветрам, не прибегая к растяжкам; гээризготавливают сегодня точно так же, как это было в старину,

натягивая один или два слоя толстого шерстяного войлока на каркас крыши и боковую решетку. Любители романтизировать трудный и весьма специфический образ жизни кочевников часто восхваляют гээркак некий идеал, словно его породили сами степи. Но это не дар степей. У гээ алесное происхождение. Его стены — решетки и перекладины крыши изготавливаются из дерева, а дерево в степи редкость. Прототипом гээрабыл лесной ша лаш, вроде вигвама североамериканских индейцев, который сегодняшние охотники строят, чтобы переночевать одну ночь. С укреплением пастушеского кочевого образа жизни скотоводы обнаружили, что могут использовать лошадей и повозки для перемещения большего количества имущества, и это делает жизнь удобнее. Одно из удобств состояло в том, что низкий вигвам можно было превратить в просторный дом, нарастив стены и подняв боковины настолько, чтобы они образовали крышу. Но дерево для гээрови для повозок все равно нужно было брать из леса. Несмотря на то, что степные кочевники могли бы стать самодостаточными, существование у них юрт и повозок служит напоминанием о том, что ради удобств жизни эти морские волки травяного океана нуждались в своих лесных портах.

Но монголы имели в своем арсенале еще одно жизненно важное орудие для мира и войны: складной или выгнутый лук. Складные луки одинаковы по конструкции по всей Евразии, но значительно отличаются от английского длинного лука и на первый взгляд производят довольно невзрачное впечатление. Современный составной лук в ненатянутом со стоянии напоминает метровый коготь из мягкого пластика. Но согните его у бедра, и тогда станет ясно, почему этот скромный предмет стоит в одном ряду с римским мечом

и пулеметом и считается оружием, которое изменило мир.

«Составные» элементы монгольского лука — рог, дерево, жилы и клей — добыть было совсем нетрудно. Весь фокус заключался в том, как их правильно соединить. Это ноу-хау сложилось, вероятно, в итоге многочисленных проб и случайных открытий в незапамятные времена, три-четыре тысячи лет тому назад. Представьте себе лесного жителя, само го обыкновенного человека своего времени с привычным деревянным луком, который у него часто ломается. Внезапно он обнаруживает, что кусок оленьего рога — или коровье го рога — такой же гибкий и упругий, как и дерево. Он вырезает кусок, чтобы использовать его для соединения деревянных частей. Затем находит применение и другим частям животного. У любого охотника, который варит мясо добытого зверя, остаются сухожилия, а через несколько дней вар ки на медленном огне из них получается очень прочный клей. (Клей можно изготовить также из рыбьих костей, рыбий клей высоко ценился по всей Азии.) Скобля сухожилия камнем, можно получить из них тонкие и прочные нити, которые оказались удобными в качестве оплетки. Охотник замечает, что деревянный лук, укрепленный рогом и сухожилием, стреляет намного лучше. Рог сопротивляется сжатию, и потому его лучше употреблять для изготовления внутренней стороны лука. Жилы определенного вида, лучше всего ахиллесово сухожилие, сопротивляются растяжению, их кладут на внешнюю сторону лука. Это лишь общее представление об основах искусства изготовления луков. На овладение секретами обработки материалов уходят годы, важно иметь представление о ширине, длине, толщине, сжатии, температуре, времени на придание формы и о бесконечном количестве мелких деталей. Когда эти знания применяются правильно с

умением и терпением — на изготовление одного составного лука уходит до одного года, — в результате получается изделие отменного качества.

Составные луки, которыми пользовались до первого тысячелетия до н. э., были доведены до такого совершенства, что их можно сравнивать с огнестрельным оружием. Когда его натягивают и приданный ему изгиб начинает чувствовать напряжение, направленное против приданной ему формы, мощный лук оказывает сопротивление с силой вагонной рессоры. Для того чтобы натянуть такой лук, необходима отменная подготовка. Для натяжения стрелы пользовались тремя пальцами. В более поздние времена лучники-турки пользовались специальным кольцом на большом пальце, а монгольские конные лучники, посылавшие свои стрелы в галопе, полагались только на твердость руки.

Сила, которая заключена в этих девяноста сантиметрах рога, дерева и жил, поистине поразительная. В XVIII веке лучшие английские лучники были поражены составными луками, которыми были вооружены турки. Они с изумлением узнали, что турецкий лук — в сущности, тот же монгольский лук — гораздо эффективнее длинного английского.

Длинный лук редко стрелял далее 350 ярдов (приблизительно 1056 метров, а мировой рекорд равняется 479 ярдам). И вот 9 июля 1794 года на поле за Бедфорд-сквер в Лондоне секретарь турецкого посла Махмуд послал из составного лука стрелу на 415 ярдов против ветра и на 482 ярда при попутном ветре. Махмуд скромно заявил, что его господин, султан в Истамбуле, еще более умелый лучник. И действительно, в 1798 году султан, как утверждают, подтвердил слова своего подданного, послав стрелу на 992 ярда (более полумили), причем это расстояние было якобы измерено в присутствии английского посла в Османской

империи сэра Роберта Эйнсли. Современные лучники просто не могут поверить этому. Сегодня, когда луки изготавливают из современных материалов и стреляют специально изготовленными из углепластика стрелами, они летят почти на три четверти мили, деревянные стрелы летят чуть меньше 600 ярдов. Но, возможно, не стоит с ходу отрицать достижение султана. Мировой рекорд для лука, натягиваемого только мускульным усилием, составляет более мили (1700 ярдов, или 1,609 км). Это показатель, полученный американцем Питером Дрейком, стрелявшим из трехсотфунтового лука, который он натяги вал двумя руками в положении лежа, придерживая лук ступнями ног. Он стрелял стрелой толщиной с портняжную иглу, которая пролетела 2028 ярдов (1854 метра).

Стрельба на дальность — это особый вид спорта, и твердые маленькие стрелы-иглы не нацеливают на конкретную цель. Дальность и точность две разные вещи. Тем не менее монгольские лучники сочетали и то и другое, о чем свидетельствует один из первых монгольских письменных памятников. Надпись об этом вырезана на метровом камне, возможно, в середине 1220-х годов. Его нашли в 1818 году на нижнем Ононе вблизи нынешнего Нерчинска на Транссибирской магистрали, и сейчас он хранится в Санкт-петербургском Эрмитаже. Тогда Чингис только что вернулся из похода в Туркестан и готовился к своему последнему походу в Китай. Вернувшись домой с победой, он устроил праздник с традиционными состязаниями: борьбой, конными скачками и стрельбой из лука. Племянник Чингиса, военачальник Есунге, решил продемонстрировать свою знаменитую силу и умение. Удивительный результат посчитали достойным записи в летописи, о чем мы и читаем: «Пока Чингисхан вел собрание знатных людей Монголии, Есунге попал в цель на расстоянии 335 *альдов*». Один альд был

расстоянием между расставленными в сторону руками человека, скажем так, 1,6 метра. Значит, был такой человек, который установил некую цель на расстоянии свыше 500 метров и затем на глазах у своего хана и собравшихся вокруг него больших людей поразил ее. Может быть, цель была достаточно крупной, вроде юрты, может быть, он стрелял несколько раз, но он ни в коем случае не стал бы пытаться сделать это, если бы не был уверен в успехе.

На таком расстоянии, конечно, стрела во время высокого полета по изогнутой траектории утрачивает значительную часть ударной силы. На близком расстоянии, скажем, 50- 100 метров, стрелы из «тяжелого» лука имеют большую убойную силу, чем многие типы пуль. Стрелы вылетают из лука со скоростью 300 км в час, что составляет четверть скорости пули, но поскольку они во много раз тяжелее, то и удар их получается соответствующе сильнее. На дистанции 100 метров стрела с наконечником (видов наконечника более дюжины) способна пробить двухсантиметровую доску. Доспехи не могли спасти от поражения стрелой. Стрельба из луков у монголов сегодня совсем не та, что была когда-то, но в этом виноваты три века китайского правления. Стрельба из лука остается и поныне одним из трех «мужских видов спорта», но сегодняшние луки — это грубые малоэффективные орудия с жалкой дальностью и стрелами, имеющими войлочные наконечники, которыми стреляют (не поверите!) в ряды плетеных корзин на расстоянии нескольких десятков метров. Луки, из которых мне довелось стрелять, посылали вибрирующие, словно камышинки на ветру, стрелы в цели, которые отстояли от стрелка метров на 50. Я не слышал, что бы кто-то в Монголии изготавливал луки по старинной технологии или чтобы кто-то ратовал за возрождение древнего искусства лучников.

Остается еще последний этап в эволюции воина-кочевника. Для того чтобы быть действительно грозным бойцом, лучнику необходимо иметь средство передвижения. В первом тысячелетии до н. э. имелись две возможности. Первой, что совершенно очевидно, была лошадь. Но скакать на не оседланном коне и одновременно вести стрельбу из лука трудно, и многие народы Внутренней Азии, в первую очередь скифы, изобрели второе средство передвижения, двух колесную колесницу. Однако эти быстрые и маневренные платформы были только у хорошо организованных и полу-урбанизированных народов, которые располагали материалом и плотниками, умели добывать металл и имели искусных кузнецов. Коренным кочевникам оставалось ждать появления стремени — изобретения, которое сыграло в развитии военного искусства роль, не меньшую, чем изобретение составного лука. Возможно, по той причине, что наездник-ас может обходиться без них, или из-за того, что колесницы обеспечивали частичное решение проблемы манипулирования луком, идея стремян родилась поразительно поздно и столь же поразительно медленно распространялась. Появление первых стремян отмечено в Индии во II веке до н. э., они давали опору большому пальцу ноги. Эта идея проникла в Китай, где в V веке н. э. были изготовлены настоящие железные стремяна. Отсюда они распространились на Запад, и не исключено, что в V веке в кожаном варианте гунны познакомили с ними Европу. Первые железные стремяна стали здесь употреблять в VI веке.

Потому-то к 500 году н. э. пастушеские кочевые племена Внутренней Азии имели преимущества перед оседлыми обществами. Добавив стремяна к седлу и уздечке с мундштуком, конник мог на полном скаку обгонять колесницы, уклоняться от стрел, стрелять из лука, метать дротики или бросать лассо.

Оставалась проблема набора армии и управления ею — и здесь решение находим опять-таки в самой культуре пастушеского кочевого скотоводства. Езда на лошади была ключевым условием для трех связанных между собой навыков: пастьба скота, охота и военное ремесло, причем охота была той осью, на которой держались остальные два. Охота помогала контролировать число хищников (особенно волков, проклятие пастушеского рода) и давала мех для одежды и торговли. По мере увеличения числа монголов охота также превратилась в отработку совместных действий и очень важную подготовку к действиям во время боя. Осенью (не весной или летом, когда выгуливается скот) кланы соединялись и организовывали многодневные маневры в виде охотничьих экспедиций. Разведчики разведывали территорию, отряды охотников собирались и выстраивались в линию, растягивающуюся на многие километры, чтобы потом в течение нескольких дней медленно сужать гигантскую петлю — туда-сюда скакали посыльные с рапортами о ходе операции, армия загоняла волков, газелей, а то и снежного барса в постепенно сжимающийся загон, где животных должны убить. Как и военное дело, охота требовала владения искусством дипломатии, чтобы свести вместе никому не подчиняющиеся группы, требовала умелого руководства, стратегического мышления и эффективной связи на больших расстояниях—и все это держалось на потрясающем искусстве верховой езды, выносливости и меткости. Группы, которые могли охотиться вместе, были способны и сражаться бок о бок.

Но в том беспощадном мире мало на кого можно было положиться. Несмотря на твердо установленные правила, регулирующие доступ на пастбища, споры вокруг них не утихали, сила гнула силу. Война была

перманентным, неотделимым от мира состоянием — в старомонгольском языке нет отдельных слов «солдат» и «гражданский», потому что скотовод был и тем и другим. Война не требовала больших трат на снаряжение, не требовала отказываться от одного образа жизни и перенимать другой. Охота и пастьба органически перетекали в набеги, похищения соперничающих вождей или их жен, месть за причиненное зло и просто военные действия. Каждый мужчина, каждая женщина, каждая семья были связаны между собой определенными обязательствами, но наступал момент, и все они подвергались испытанию, когда речь заходила о пастбищах, предметах продажи или супружеском партнере и создавалась угроза преступить опасные границы между родственными и дружескими обязательствами и эгоистическими посягательствами, оборачивающимися враждой. Молодой человек мог поклясться в верности своему вождю, друзья могли поклясться в вечном братстве, но все это в мгновение ока превращалось в дым... Вождь, бессильный далее гарантировать защиту и добычу, в один прекрасный момент видел, что разочаровавшиеся в нем воины исчезали, как унесенное ветром облачко пыли на просторах бескрайней степи. И сегодня, как было от века, монголы настолько индивидуалисты, что человеку со стороны остается только в равной мере добродушно изумляться и приходить в негодование. Приходится ли удивляться, что для Чингиса личная преданность была моральным эквивалентом золота — драгоценная редкость, которой трудно добиться и которую ничего не стоит потерять.

Достигшие высокого искусства в своем кочевом пастушеском образе жизни, монголы тем не менее не отличались какими-либо иными достоинствами. Миссионеры, распространявшие среди соседних с ними тюркских народов буддизм и христианство, не находили

в их среде никакого отклика. Монголы были язычниками, сохранявшими веру предков в святость природных явлений и предметов. Реки, водные источники, гром, солнце, ветер, дождь, снег — все эти вещи наделялись значимостью и частью царства духов, над которым отстраненно и благожелательно надзирает верховное божество Голубое Небо, Хох Тенгер. *Тенгер* имеет двойное значение — и «небо», и «рай» — явление, встречающееся во многих языках, причем со временем значение «голубое» все больше вытеснялось значением «вечное». Тенгер могли разглядеть простые люди, если взобраться на высочайшие пики, или шаманы, читающие по зловещим трещинам на бараньих лопатках. Эти верования были распространены среди всех народов Центральной Азии. Тенгер (пишется также Тнгри, Тангра или Тенгри) был богом тюркских племен VI века, которые мигрировали на запад и в конце концов стали болгарами. Он, или оно, упомянут на греческой надписи на получившем название «Всадник из Мадары» барельефе V III века, который находится на территории Восточной Болгарии.

С самого начала предки монголов должны были чувствовать, какой благословенной была их вновь обретенная родина. Знакомясь с ее территорией, углубляясь со своими стадами в степь с ее богатейшими пастбищами, возвращаясь в леса за зверем и деревом, они наверняка поднимались на массивную центральную вершину, ту, которую в наши дни называют Хан-Хентей, царь Хентей. Подъем на нее несло жен, высота 2452 метра, и ее было бы не разглядеть в Альпах или Скалистых горах. Снег на ней в прошлое лето не задержался, а ледников там нет. Стоя на голом, открытом всем ветрам плато, монголы видели, куда разбегаются горы, в какую сторону сбегает с них горные потоки, становясь реками, куда текут самые большие реки — Онон на восток, Керулен на юг, Тула на

запад. Они богатели и постепенно стали почитать эту гору как духовный центр их вселенной. Здесь они чувствовали себя ближе к тому милостивому духу, который привел их сюда и поведет к могуществу и процветанию. Они назвали эту гору Священный Калдун — Бурхан Калдун. Проходили века, и то, что им удавалось выживать, подтверждало истинность их веры. Если горы Хентей были коренным центром монголов, то Бурхан Калдун был их Олимпом.

Все так остается и по сей день. Несмотря на то что есть историки, которые сомневаются в том, что Бурхан Калдун и Хан-Хентей одно и то же, оба названия были уравниены еще в конце XIII века, когда Камала, правнук Чингиса, построил там храм. На лысой вершухе Хан-Хентей можно видеть сотни тех миниатюрных пирамид из камней, *овоо*, которые расставляются монголами на возвышенных местах. В них воткнуты высокие шесты с переливающимися на ветру лентами и шелковыми тряпками, на многих овоолежат многочисленные приношения — монеты, банки, бутылки, сигаретные пачки, все они дань уважения и памяти духу этого места и духу человека, выковавшего нацию и свою империю.

Вот те орудия, навыки и верования, которыми владели предки монголов, разбившие свой лагерь в долине Онона в 800 году н. э. Последующие 400 лет жизнь их протекала во мраке неизвестности, пока не появился Чингис. В этом им несказанно повезло, ибо конец XII века было последним моментом, когда мог появиться подобный завоеватель. Прошло бы несколько десятилетий, и развитие пороховых технологий сделало бы традиционное военное искусство монголов безнадежно устаревшим. Так или иначе, Чингис появился в нужное для монголов время. Подобно лучнику, напрягающему все свои силы, чтобы натянуть лук и выпустить грозную стрелу, он собрал затаенную в

монголах энергию и с невероятно разрушительной силой выпустил ее наружу.

3 Сумеречное пробуждение нации

Чингису величие было предначертано небесами, так гласит *«Тайная история»*, имевшая к тому все преимущества суждения задним числом. Конечно же, у него была самая подходящая генеалогическая предыстория — в его роду были три честолюбивых хана, которые едва не создали Монгольскую империю. Но ничто не предвещало возвышения Чингиса. В момент рождения Чингиса казалось, что дни монголов давно позади.

Около 1140 года Кабул, прапрадед Чингиса, стал первым вождем, «правившим всеми монголами», и первым Хо-Лома, принявшим титул хана. Объединенное им племя вышло на арену широкой азиатской политики. Главным соперником монголов была еще одна растущая держава на юге, царство, обычно называемое Цзинь (Золотое), по династическому титулу его правителей юрченок, маньчжурского племени, за десять лет до этого после стремительной и блестяще осуществленной кампании оккупировавшего Северный Китай. С запада и юга Цзинь граничила с мощными державами Си-Ся и Сон и очень нуждалась в спокойствии на северных границах. Отсюда ей грозил Кабул и монголы. Император Цзинь обратился к Кабулу с предложением заключить соглашение. Кабул рискнул совершить путешествие в Пекин — Чжунду (Среднюю столицу), как называли ее в Цзинь, там он должен был провести переговоры. Как и было положено, при этом было выпито много араки. К концу пира Кабул почувствовал себя настолько непринужденно, что потянулся через стол и ущипнул императора за бороду. Подобная вольность привела придворных Хо-Лома в смятение. Ни о каком соглашении не могло быть и речи. Кабулу, как

официальному гостю, позволили со всеми подарками выехать из города, но китайские военачальники решили, что этот пьяница и ненадежный вождь не должен уйти без наказания. На Кабула устроили засаду. Он сумел уйти через Гоби, но ни одна из сторон ничего не простила и ничего не забыла. Цзинь будет помнить нанесенное Кабулом оскорбление и неудачную по пытку перехватить его до случая, когда станет возможным разделаться с этими наглыми кочевниками.

Вот так впервые монгольский вождь столкнулся с проблемой, которая определяла центрально-азиатскую политику свыше двух тысяч лет — хитросплетенные отношения между оседлыми и неоседлыми, кочевниками и земледельцами, миром внутриазиатских степей и азиатским социально-политическим колоссом, Китаем. С момента образования и возвышения первой кочевнической империи около 300 г. до н. э. эти два мира пребывали в кошмарном сожителстве, связанные необходимостью и разделенные взаимной ненавистью, каждая из сторон смотрела на другую свысока и обдавала презрением.

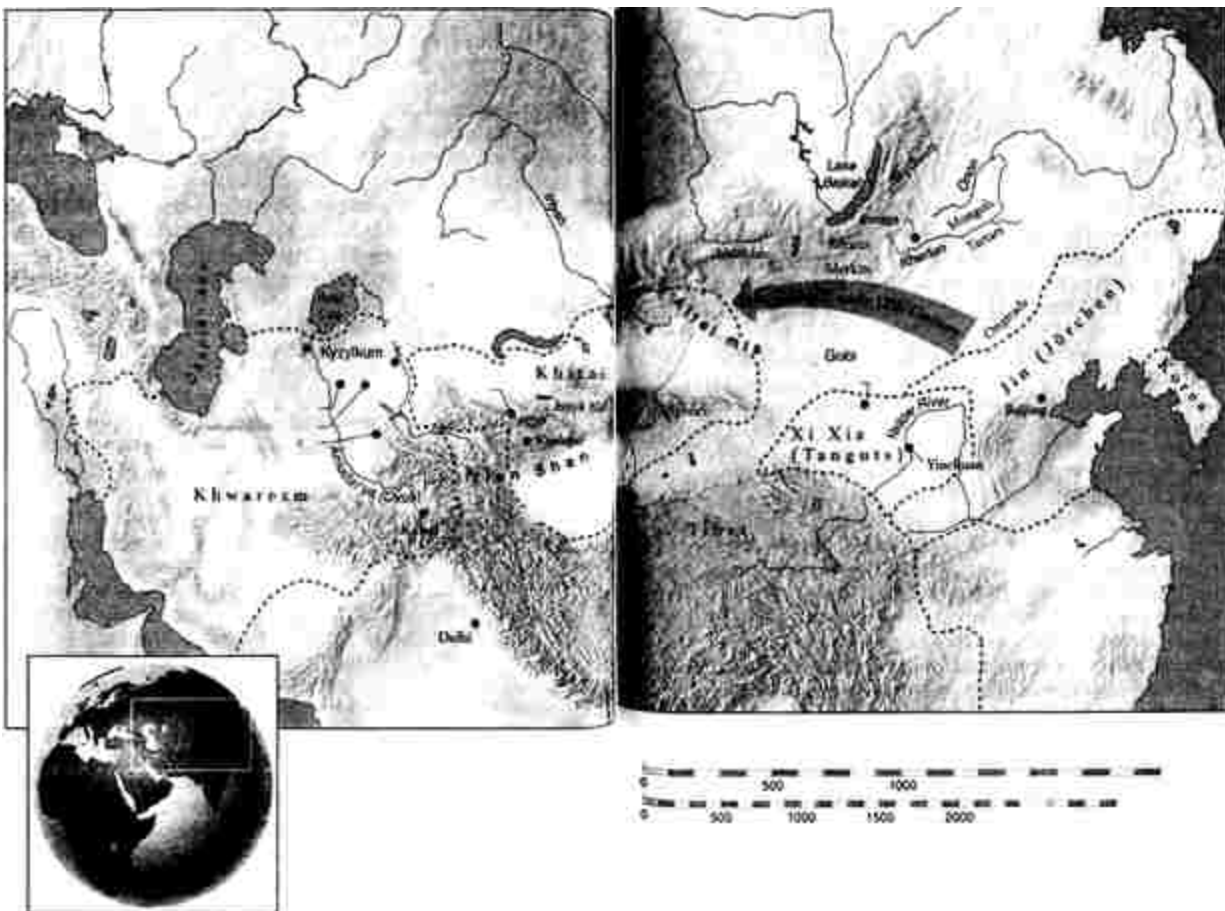
Кочевники считали, что они свободны как ветер, а земледельцы — это земляные черви и не стоят самой заурядной лошади. Для них привлекательность Китая была не в его культурных ценностях, а в ценностях материальных: его металле, шелке, оружии и чае (который стал неотъемлемой частью кочевого образа жизни, чем остается и поныне). Если товар можно купить, что же, ладно, если купить нельзя — его ничего не стоит захватить силой. Но приобретения таили в себе опасность. Душа кочевника пребывает в покое, когда защищена броней традиционного образа жизни, предметы же роскоши, которые привозили из-за Гоби, действуют разлагающе, подрывая его устои.

Китайцы, все как один, от императора до мандарина, купца, ученого и раба, считали, что их

собственный древний и мудрый образ жизни создает фундамент подлинной культуры, а кочевники — это просто варвары, воплощение алчности и страсти к разрушению. Подобными эпитетами пестрили работы историков на протяжении почти двух тысяч лет: кочевники — это хищные волки, суровые, жадные, ненасытные, свирепые, ненадежные. Автор первого века такими словами обобщает китайское отношение к варварам: «Мудрые правители считают их зверями и не стремятся устанавливать с ними кон такт или подчинить... Их земли не поддаются обработке, и управлять ими как подданными невозможно. Поэтому их всегда считают чужаками и никогда не видят в них своих... Обра щайтесь с ними жестко, когда они приходят, и берегитесь, когда они уходят». Конечно, с этими недостойными существами приходится торговать, но разве что только для того, чтобы приобрести лошадей, на которых можно от них защищаться. Но эти отношения не следует называть «торговлей». Кочевники приносят «дань», китайцы милостиво «одаривают» их. Любая связь между теми и другими только иллюзия.

Веками правители недолговечных китайских царств и империй бились над «проблемой кочевников» и проблема ми беспокойной северной границы, особенно в Ордосе, пустынной области в пределах петли, которую делает Желтая река. Каким способом лучше всего оградиться от нападений: умиротворением, переговорами, конфронтацией или нападением? Какого-то одного решения не находилось, по тому что кочевники все равно в конце концов оказывались в выигрыше, если только им этого хотелось. Земледельческие общества можно опустошить, а кочевые разорить не получится. Их армии исчезают, как дым над степной равниной, только для того, чтобы, перестроившись, в нужный момент вернуться назад.

Теоретически оставалась еще возможность перегородить им путь. Начиная с 300 года до н. э. между соперничавшими китайскими царствами начали возводить стены, и эти глинобитные укрепления относятся к числу самых совершенных для своего времени оборонительных сооружений в мире. Известны случаи, когда император какого-нибудь нового и крупного государства соединял несколько стен поменьше в одну, более крупную систему. Остатки нескольких таких «великих стен» сохранились до наших дней. Одна из древнейших протянулась через южную Гоби, где для дорожного покрытия использовали корку спекшейся от жары почвы, и далее через всю Внутреннюю Монголию, минуя город Паотоу. Еще одна дорога, построенная самими правителями Цзинь, виляет по Северо-Восточной Монголии.

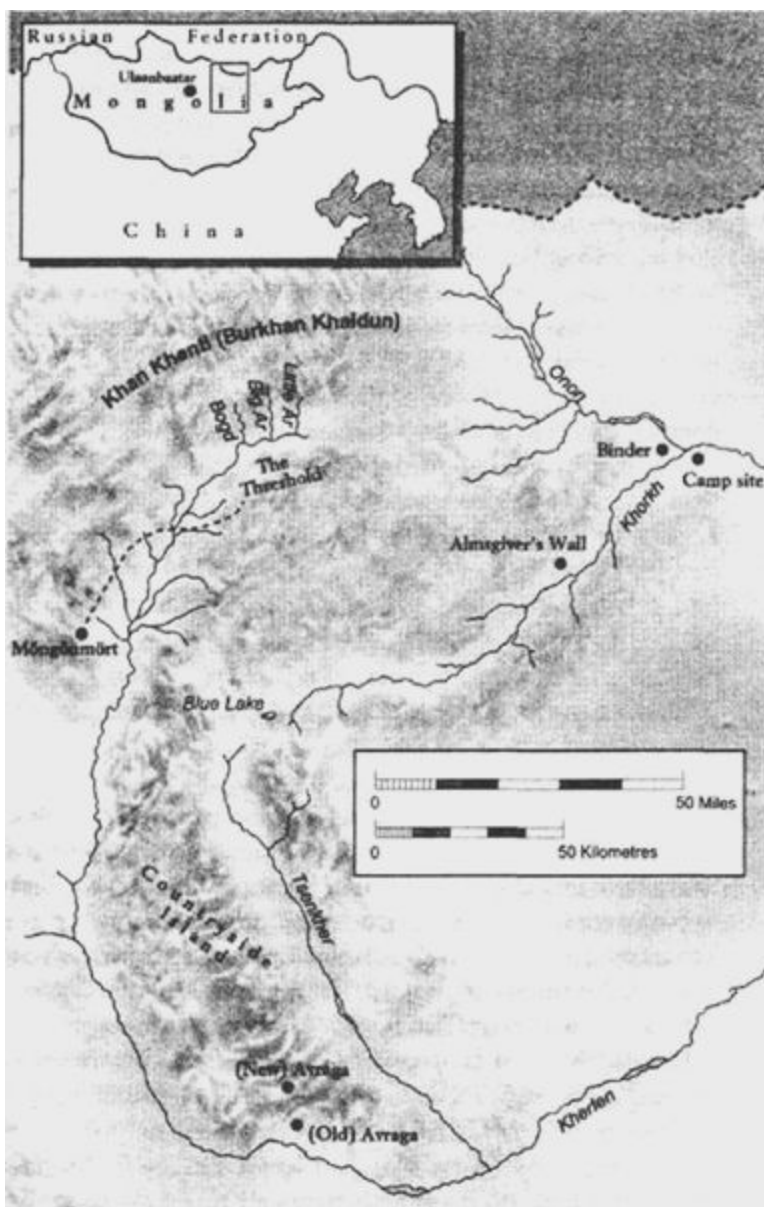

И та и другая на картах обозначается как Стена Чингисхана, хотя обе воздвигнуты задолго до него. Остатки этих стен разбросаны по всему Северному Китаю, они то возвышаются посреди пустыни, то делят надвое пшеничное поле, но в большинстве своем это почти сравнявшиеся с землей основания стен, дав но забытых и разрушенных силами природы. Исключение составляет нынешняя Великая стена, воздвигнутая из камня в XVI веке — последнее и самое величественное свидетельство ужаса, который с незапамятных времен охватывал китайцев перед лицом нашествия врага с севера. Однако как бы не вероятно это ни звучало, но строительство стены не сыграло никакой роли в сдерживании кочевников. Поражающая воображение стена взбегает по склонам и кручам гор и спускается в

долины, что само по себе говорит о том, что как оборонительное сооружение она не имеет практического значения. Армии кочевников не мчатся по горам, и Великая стена ни разу не пережила штурма и никогда не сдерживала вражеского нашествия. Но многим другим целям она послужила. Ею пользовались как поднятой над уровнем земли дорогой для переброски войск и наблюдения за тем, что делается по ту сторону стены, она служила разметкой границы, чтобы крестьяне знали свое место и можно было выбивать из них налоги, а также в качестве доказательства способности правителя набирать огромную рабочую силу и заниматься гигантскими проектами. Великая стена и ее предшественницы были символами силы и власти, точно так же, как военная мощь и богатство современных диктаторов.

Они также служили символом вековых предрассудков, духовной Великой стены, которая огораживала территорию цивилизации. Говоря словами китайского историка II века до н. э. Сыма Цянь, внутри стены «те, кто наряжен в шапку с кушаком,^[2] вне стен — варвары». Кочевники — антитезис добродетели и разума, страшная, изрыгающая зло противоположность культуры — находились буквально «за пределами культуры», отделенные от нее палисадом цивилизации. Борьба с варваром — удел правителя, доказательство его дееспособности и оправдание взятой им на себя власти, и стена была внешним наглядным олицетворением его долга. Эта борьба была бесконечной, потому что никакая политика не могла продержаться сколько-нибудь долго. Так или иначе, объявлялись кочевые кланы или вожди, которые попирали договоры, их армии подходили под стены и прогоняли крестьян-земледельцев с только что колонизованных ими земель назад, в давно освоенные

сельскохозяйственные районы. Кочевники проникали даже сюда, захватывали города, иногда свергали династии и основывали свои собственные (как в стародавние времена сделали юрчены), потом они подпадали под влияние цивилизации, их захватывал процесс разложения, они урбанизовались, и, в свою очередь, подобно своим предшественникам, они сталкивались с «проблемой кочевников».

Так что же происходило с демоном, стоило ему очутиться внутри Стены? А происходила волшебная трансформация. Очутившись внутри стен, демон переставал быть демоном, теперь это был всего лишь китайский правитель. Его присутствие внутри Стены делалось доказательством не военной мощи кочевников, а мощи Китая, способного цивилизовать даже самые демонические силы. Сам Чингис претерпел бы трансформацию, которой так страшился, выйдя (как это по считали бы китайцы) из своего варварского кокона и преобразившись в затмевающего своим величием солнце основателя китайской династии. Именно такую трансформацию уже прошел Хо-Л ома, император династии Цзинь к тому моменту, когда в 1140-х годах к нему с визитом прибыл Кабул. Это и послужило причиной, почему так оскорбились китайские военачальники непочтительным жестом Кабула и что заставило их затаить мечту о мести и с нетерпением ждать дня, когда смогут всласть поглумиться над ним.

Они отыгрались на Амбакае, преемнике Кабула, после того как он был пленен татарами, находившимися в вассальной зависимости от Цзинь. В других обстоятельствах за него был бы уплачен выкуп и он возвратился бы к своим, но татары решили угодить своему сюзерену и выдали ему Амбакаю. Его казнили необычайно изощренным методом, распяв на решетке, называвшейся «деревянным ослом».

Сразу после захвата его татарами Амбакай успел передать монголам слова, которые стали для его наследников девизом сплочения: «Пока не лопнут ногти на пяти ваших пальцах, пока не отвалятся все ваши десять пальцев, сражайтесь, что бы отомстить за меня!»

Китула, двоюродный дед Чингиса, выполнил завет Амбакаю и совершил несколько налетов на татар и

Цзинь, за что получил прозвище Монгольский Геркулес. О нем говорили, что у него громopodobный голос и вместо рук медвежьи лапы. Он за один присест съедал целиком овцу и мог запросто сломать человека, как стрелу, пополам. Но сила еще не гарантия победы. Около 1160 года при обстоятельствах, не оставивших след в истории, Цзинь нанесли монголам сокрушительное поражение. Их кланы вновь остались без лидера, монголы перестали быть нацией.

В течение нескольких лет монголы были погружены в пучину анархии. Наступили худшие времена. Через два поколения, как утверждает *«Тайная история»*, мудрец, пожелавший придать успехам Чингиса еще больше блеска, напомнил своему хану об этих пропадающих временах, когда

Поверхность земли
Вывернулась наизнанку,
И все монголы пошли друг на друга.

В этом ввергнутом в хаос и бездну нищеты мире один из мелких родовых вождей по имени Ейсуге стал отцом будущего Чингисхана. Даже *«Тайная история»*, обычно склонная придавать семье Чингиса видный статус, ханом его не называет. Но он был внуком Кабула, хана, который подергал цзиньского императора за бороду и который был важной фигурой в своем клане борджигинов. Поскольку кланы — практически расширенные семьи — укреплялись, а потом, со сменой поколений, распадались, редкие кланы сохраняли надолго свою идентичность, но борджигины были гордой сплоченной группой, которая могла проследить 150 лет семейной истории, начиная с того туманного периода, сведения о котором граничили между действительностью и легендой, когда борджигины

были одним из всего лишь пяти кланов. Ко времени, о котором ведется речь, борджигины сплотили восемнадцать других кланов, но при этом сохранили свою идентичность, выступая в качестве своего рода царского дома (люди до сих пор с гордостью говорят, что они борджигины, особенно это стало престижным после падения коммунизма). Ейсуге наверняка был хорошо известен среди людей, которые кочевали по степи и охотились на лесистых горных склонах на севере вдоль нынешней сибирской границы.

В молодости Ейсуге не терял времени даром и постепенно набирался жизненного опыта, который потом пришелся ему очень кстати. Главное, к чему он стремился, было создание и укрепление кланов и союзов. Одним из потенциальных союзников было соседнее на западе тюркское племя кераитов. История кераитов почти непросветная тьма, хотя некоторые интересные подробности до нас дошли.

К 1180 году кераиты уже два столетия номинально были христианами. Два кераитских вождя, отец и сын, даже носи ли христианское греко-латинское имя Маркус Кириякос. Они принадлежали к почти забытой в наши дни христианской секте, называвшейся по имени ересиарха V века Нестора, преданного анафеме за провозглашение равенства двух природ Христа — божественной и человеческой. По существу, этот тезис означал отрицание непорочного зачатия, которое, как проповедовал Нестор, ставило под сомнение человеческую природу Христа. Официальная анафема не положила конец несторианской ереси. Его последователи бежали в Персию и там начали процветать, проникли, распространяя свое вероучение, в Китай и Центральную Азию, где обратили в несторианство несколько племен, в том числе кераитов, и митрополит Мерва утверждал, что в 1009 году было крещено 200 000 человек. Эти мало похожие на правду

сведения с неизмеримо преувеличенными цифрами отчасти послужили распространению в христианском мире поразительных и очень упорных слухов, будто бы в Центральной Азии живет царь, называвшийся в Европе «Престер Иоанн» («престер» произошло от искаженного «пресвитер», т. е. «священник»). Как уверял германский епископ, первым записавший этот слух в 1145 году, Престер Иоанн, потомок Трех волхвов, в трудный час придет на помощь западным христианам. Позже эта небылица о еретической христианской секте и обращенных ею в Центральной Азии широко распространилась в Европе, когда христианские крестоносцы в Святой Земле столкнулись с мусульманами и стали уповать на то, чтодвигающиеся на запад и оставляющие после себя мертвую землю армии принадлежат Престеру Иоанну, спешащему на помощь осажденному Иерусалиму. Конечно же, это были монголы, ведомые Чингисханом.

В описываемый нами период во главе кераитов стоял Тогрул (по-тюркски «сокол»). История его жизни весьма красочная, в детстве его дважды выкрадывали и выкупали, а к трону он поднялся по трупам своих дядей. Затем, вероятно в 1160-х годах, ему пришлось бежать от мести одного из родственников. Ейсуге помог ему вернуться к власти в своем клане. Как это он сделал, неизвестно, но, скорее всего, он собрал для Тогрула войско, что свидетельствует о том, что Ейсуге пользовался определенным авторитетом. После этого Тогрул и Ейсуге стали «клятвенными братьями», по крови, и этот альянс через некоторое время сыграет особую роль в возрождении монголов.

Случайная встреча изменила судьбу Ейсуге, а вместе с ней и всего мира. В один прекрасный день он охотился с ястребом на берегу Онона и увидел всадника, скакавшего рядом с небольшой двухколесной тележкой, в которую был запряжен верблюд, в таком

экипаже обычно возили жен богатых людей. Возможно, Ейсуге узнал его, это был Чиледу, младший брат вождя соседнего племени меркитов, живших в лесах на северо-западе. *«Тайная история»* гласит, что его привлекло личико девушки, сидевшей в тележке, — Ейсуге был холост, а она была красоткой. Более того, судя по одежде, она принадлежала клану онгирадов, традиционно связанному с борджигинами брачными узами и кочевавшими в восточных степях, ближе к татарским землям. Он помчался домой, прихватил с собой двух братьев и с ними бросился вдогонку за медленно катившейся повозкой. Чиледу заметил неожиданную опасность и попробовал затаиться за холмом, трое братьев погнались за ним. Но Чиледу не собирался расставаться с невестой. Объехав холм, он вернулся, чтобы спасти ее. За несколько секунд, которые у них были, она поняла, что обоим им не спастись. «Ты видел их лица? — спросила она. — Они убьют тебя. Оставь меня, спасайся, найди себе другую жену. Пока ты жив, тебе встретятся другие девушки на передних сиденьях тележек!» Трое братьев приближались, она сорвала с себя кофту и кинула ему: «Пока ты жив, помни мой запах!»

Чиледу пустил лошадь в галоп, братья за ним — и гнались, пока не поняли, что не догонят. Тогда они вернулись, подхватили узду верблюда и не спеша двинулись по зеленой степи, увозя молодую Хулан, которая металась в своей тележке, рыдая от горя и безысходности.

Более поздние источники этого эпизода не упоминают, словно авторы видели нечто позорное в умыкании молодой женщины, которая, по всей видимости, любила своего настоящего мужа и совершенно не желала сделаться невестой «героя» Ейсуге. Но *«Тайная история»* обходится с историей в духе гомеровского повествования и критического

реализма — похищение жен было делом обычным, у племен существовали традиционные брачные партнеры, меркиты — разрешенный объект охоты, а действия Ейсуге — это мотивация для разгорания конфликта с меркитами в развитии сюжета «Истории».

Один из братьев, ехавший рядом с тележкой, велел Хулан замолчать и выбросить Чиледу из головы:

Тот, кто обнимал тебя,
Уже далеко за горами,
Тот, кто плакал по тебе,
Уже за многими реками.
Даже если ты закричишь,
Даже если он оглянется,
Он не увидит тебя.

Так что у Хулан не оставалось выбора, приходилось принять Ейсуге как второго мужа и защитника жизни, состоящей в уходе за скотом, бесконечных скитаниях по степям и пустыням, налетах и обороне от налетов.

Прошло шесть месяцев, Ейсуге вернулся в свой лагерь на Ононе после весеннего набега на татар, и Хулан сообщила мужу, что забеременела.

4 Корни амбиций

В XIX веке были описаны обычаи и обряды, которыми сопровождалось рождение ребенка в монгольской семье. Согласно описанию можно предположить, что гээр Хулан охранялся от злых духов луком со стрелами, внутрь допускались только близкие родственники и шаманка в качестве повитухи. Шаманка должна была внимательно осмотреть новорожденного и убедиться, что на нем нет никаких изъянов. Ей не нужно было обладать богатым воображением, чтобы прочитать по крови на новорожденном сыне могущественного вождя благоприятный знак. *«Тайная история»* сообщает, что ребенок появился на свет со сгустком крови в кулачке правой руки, что потом, совершенно естественно, было истолковано как знак силы. Дитя помазали коровьим маслом, за вернули в шкуру ягненка и положили в деревянную люльку с пробуровленными по краям отверстиями, куда пропускалась бечевка, чтобы можно было устроить дитя за спиной сидевшей на лошади матери.

Затем пришло время дать ребенку имя. Ейсуге только что вернулся из налета с захваченным в плен татарским вождем. По традиции он назвал мальчика именем захваченного врага (о котором мы больше не услышим — возможно, он был возвращен соплеменникам за выкуп), а будущий Чингисхан вошел в жизнь с татарским именем Темучин.

Учитывая успехи, которых позже добился Темучин, многие поддавались искушению объяснять их именем героя. Иногда говорят, что оно происходит от слова «томор» (железо), первой части составного слова «железная дорога» («томорцзан») и части слова «томорчин» (кузнец). Автором такого толкования, по-

видимому, был фламандец-путешественник монах Уильям из Рубрука, который называл Темучина потомственным кузнецом. Откуда у него такая странная мысль? Похоже, так он растолковал слова своего переводчика, приемного сына перса-ювелира, который работал на монголов. Воз можно, он поинтересовался, что означает «Темучин», как поинтересовался бы любой любознательный антрополог, и услышал в ответ неопределенное: «А, так, что-то вроде «чело век из железа»...» Рассказ монаха о своих приключениях — важнейший источник сведений о Монгольской империи в период ее приближения к точке наивысшего расцвета, но в этом вопросе он ошибался. Поскольку имя принадлежало татарскому вождю, то кузнецом был не кто иной, как плененный Темучин. Если быть ближе к истине, то он не был кузнецом. В монгольском имени нет звука «р». Но так случилось, что ошибка прижилась, как это бывает с ложной этимологией. В персидском языке в имя прокралось альтернативное написание, Темур — чин, это несуществующее «р». В результате ошибки, повторенной в двух языках, неправильное производное настолько вросло в лексикон, что переходит из книги в книгу. Очень соблазнительно считать, что завоевателем и разрушителем наций был Человек из железа; как Сталиным, Человеком из стали, стал Иосиф Джугашвили, но это было совсем не так.

Время, когда все это произошло, чрезвычайно волнует монголов. Общепризнанной датой рождения Чингиса считается приблизительно 1162 год, и на этой дате все еще настаивает официальная Монголия. Национальный день Монголии в 2002 году был провозглашен еще одним особым праздником, 840-летием рождения Чингиса. Таким образом, каждый год, оканчивающийся на «2», станет поводом к новому празднику. Однако другие историки, поколебленные возможностью того, что победа Цзинь над монголами

состоялась где-то в 1160 году, или исходящие из возраста Чингиса в момент смерти, склоняются к тому, что он родился между 1155-м и 1167 годами. В настоящее время ничего определенного сказать нельзя, а посему 1162 год не лучше и не хуже других.

Если эксперты спорят о том, когда, то не с меньшей страстностью они дискутируют на тему о том, где родился Чингис. В *«Тайной истории»* говорится, что это произошло на Ононе, неподалеку от места, называемого Делуун Болдог. На звание может переводиться как Злая горка. Непосвященному человеку со стороны вряд ли увидеть какую-нибудь разницу между горками и разным злом, тем не менее на честь быть местом рождения героя претендуют две Злые горки.

Одна находится вблизи Дадала, неподалеку от того места, где в Онон вливается его приток Балдж, что в 80 километрах к северо-востоку от исключительно ухоженного лагеря гэ-эров около Биндера. Это место с высящейся там десятиметровой статуей было официально выбрано местом рождения Чингиса еще в 1962 году, когда отмечали 800-летие его рождения и выпустили юбилейные почтовые марки и Академия наук провела симпозиум. Все это было разрешено вскоре после завершения строительства мавзолея Чингисхана во Внутренней Монголии, так что и празднование юбилея, и воздвижение статуи нетрудно было интерпретировать как ответ на попытку Китая сыграть на националистических чувствах монголов. Некоторые деятели в Монголии пожалели об этом шаге, так как он шел вразрез с советскими идеологическими установками. В глазах Советов Чингис был угнетателем, Монголия же была их вассалом, и превозносить его как героя было рискованно. Но тогда думалось, что риск себя оправдывал. Советский Союз только что порвал с Китаем, и демонстрация силы к северу от Гоби не должна была приветствоваться. Но события

развивались совсем не так, и, возможно, по той причине, что главный инициатор установки статуи член Центрального комитета партии Томор-Очир осмелился критиковать президента Монголии сталиниста Цеденбала. Произошла идеологическая чистка, Томор-Очира исключили из партии за «разжигание националистических чувств» и создание «антипартийной группы». Он был со слан работать в музее заштатного промышленного городка, состоял под надзором КГБ, и о нем слышали только тогда, когда в 1985 году он был при невыясненных обстоятельствах убит. Несмотря ни на что, статую сносить не стали, что свидетельствовало о некоей молчаливой поддержке сверху. В наши дни она стала одной из главных туристских достопримечательностей расположенного на берегу озера-курорта.

Второй артефакт — это само место, с которым в то летнее утро я мог познакомиться собственными глазами, стоя на возвышенности над лагерем гээровв Биндере и чувствуя, как выветриваются пары водки, выпитой накануне вечером по случаю первенства мира по футболу.

Я стоял около небольшой кучи камней, построенной кем — то в честь духа этой горы. Быстрые воды Онона бойко журчали в тени по каменистым перекатам, их еще не коснулись лучи солнца, восходившего за моей спиной. В высоте, под голубым небом божественной глубины и прозрачности, запел жаворонок, потом прокуковали две кукушки, и больше не было слышно ничего. Ни звука не доносилось ни из раскинувшегося в излучине реки леса, ни с реки, ни с лугов, ни с озера и холма, который и составлял таинственный центр не разгаданной загадки.

Эту Злую горку мы проехали накануне. Она ничем не отличалась от множества подобных холмов, разбросанных по великой степи, но нам она все-таки

запомнилась потому, что у ее подножия были навалены горы мусора. Два поколения тому назад Биндер лежал именно здесь. Коммунистические власти постановили перенести его в другое место. Целый го род перебрался на несколько километров в сторону от холма, и на его месте до сих пор видны остатки кирпичных фундаментов домов, навалены кучи искореженных кусков метал личных крыш. Со своего холма, с расстояния 4 километров, я мог разглядеть смутные очертания старого города. Борцы за охрану природы сказали бы, что это ужасно, но у степи свои собственные взгляды и правила. Степи безбрежны, там нет дорог, стада бродят куда им бог на душу поло жит — и никакого загрязнения окружающей среды. Так с какой же стати все это убирать?

Это место только с недавнего времени претендует называться подлинным местом рождения Чингиса. Мнение об этом укрепляется с каждым днем, и к тому есть веские исторические доводы, в обобщенном виде они изложены в брошюре, которая продается в туристском лагере, где установлены гээры, и которая написана профессором Сух-Баатаром из университета Чингисхана в Улан-Баторе. Накануне я услышал их от одного очень почтенного человека.

Мы ехали по незаметно взбирающейся по пологому подъему дороге, на горизонте маячили холмы, смотреть было не на что, пока в отдалении мы не различили маленький домик из потемневших бревен. Это походило на какую-то волшебную сказку, там было крылечко и одна комната. Миниатюрная сибирская дачаслужила, вероятно, летним домом одному из многочисленных друзей Баатара. На вопрос Баатара сморщенная как печеное яблоко дама махнула рукой вдоль едва приметной дороги. К этому моменту заморосил дождик. Через ветровое стекло машины мы увидели впереди странную фигуру, которая, когда мы притормозили ря

дом, превратилась в необычайно красивого человека лет семидесяти, одетого в выцветшую рубашку. Он тянул маленькую четырехколесную тележку, рядом с ним бежала черно-белая собака, что-то вроде овчарки. Это был Батамдаш, филолог, историк, тридцать лет проработавший профессором Монгольского национального университета, а сейчас он вез металлический бидон с водой, которую только что набрал в ручейке неподалеку. На неожиданное появление Баатара он никак не среагировал, просто забрался в машину и взял вымокшую собаку на колени. Баатар погрузил воду и тележку в багажник. Я погладил собаку, она лизнула мне руку и заурчала от удовольствия. Такое было для меня совершенно в новинку. Собаки в степи предназначены для того, чтобы отпугивать волков с ворами, поэтому в своем большинстве это злобные чудовища, не разбирающие, кто волк, кто преступник, а кто добропорядочный незнакомец с самыми добрыми намерениями. По своей природе монгольские собаки людоеды. Некоторые даже пытаются укусить проезжающую машину. Приближаясь к *гээру*, первым делом нужно с приличного расстояния крикнуть: «Уберите собак!» Никогда до этого в Монголии мне не попадались на глаза собаки размером чуть меньше пони, и, уж конечно, я не встречал среди них дружелюбных или пугливых.

Когда мы возвратились в однокомнатную дачу, Батамдаш рассказал мне о своих поисках места рождения Чингиса. С *«Тайной историей»* он, конечно, познакомился в детстве и знал, что Чингис «родился на Ононе».

— Когда я поехал в Дадал, то полагал, что Чингис, наверное, родился в такой прекраснейшей местности, посреди бескрайних степей. Но теперь я думаю по другому.

Батамдаш несколько раз проехал на лошади вверх и вниз по Онону. «Тайная история» утверждает, что ребенком Чингис ловил рыбу в Ононе, так что стоянка должна находиться вблизи реки. Место около Дадала расположено в 20 километрах от реки, а то, которое около Биндера, всего в пяти. Кроме того, Дадал — это очень замкнутое место. Там негде было бы расположиться военному лагерю, а отец Чингиса собирал армии. Батамдаш ни минуты не сомневался, что место слияния Онона и Хорха, равнина, которую я в то утро обзирал со своего наблюдательного пункта на вершине холма, и горы, обрамлявшие ее, — это и есть место, где родился Чингис.

Когда мальчику исполнилось восемь лет, Ейсуге отправился к родственникам Хулан договариваться о невесте для Темучина. Он тронулся в путь на восток и по дороге, еще не добравшись до стоянки семьи Хулан, встретил пару из ее клана онгирадов. У них была дочь Буртэ, на год старше Темучина, и они были не против породниться. Ейсуге и Дей-Цецен — Мудрый Дей — договорились, произнеся положенную в таких случаях фразу, что у их детей «горят глаза и светятся лица». Это означало, что у них прекрасное будущее. Для закрепления договора Ейсуге оставил сына у будущих тестя и тещи, возможно, с тем, чтобы они увидели, что это за мальчик, а может быть, и для того, чтобы он отрабатывал будущее приданое Буртэ (очень щедрое, как мы увидим позже). Покидая стоянку Дея, Ейсуге попросил того заботиться о Темучине и особенно беречь его от собак, так как «мой сын боится собак, вы мои родственники, не пугайте моего сына собаками!».

Человек с Запада может в удивлении поднять брови. Будущий правитель всей Евразии боялся собак? Удивляться тут нечему. Это могло быть просто отражение сказанного мною о монгольских собаках. Монгольские собаки всегда славились свирепостью.

Готов поспорить, что Чингис сам придумал эту пикантную деталь, которую автор *«Тайной истории»* использовал, чтобы подчеркнуть милую человеческую черту своего героя.

Возвращаясь домой, Ейсуге встретил группу пиروвавших татар; в соответствии со степными законами гостеприимства ему предложили поесть и выпить. К тому времени, когда он через три дня дотащился до своего стойбища, он был совершенно болен и находился буквально на краю могилы. Позже, после его смерти, наследники посчитали, что вино ваты татары. Очевидно, в этой группе татар находились люди, ставшие в свое время жертвами одного из набегов Ейсуге. Он их не узнал, так продолжали объяснять происшедшее, а они его запомнили, решили воспользоваться возможностью отомстить и подмешали яд в питье. Или, тоже возможно, он просто заболел. Во всяком случае, перед самой смертью он послал в стойбище Дея человека за Темучином.

Хулан осталась без защитника с шестью детьми в возрасте от трех до шести лет: четыремя собственными и двумя от «малой жены», чье имя не называлось. Семья, даже братья Ейсуге, которые должны были, по обычаям, оказывать Хулан поддержку, ничем не помогали невестке. Неожиданно рухнуло все — их мир, надежды на военные успехи, гарантии от невзгод.

Но Хулан была сильной женщиной. У нее не осталось стада, которое она могла бы назвать своим, и она сделалась охотницей и собирательницей: *«Тайная история»* красочно описывает, как, подоткнув юбки и твердо закрепив на голове шляпку женщины благородных кровей, она с заостренной можжевелевой палкой в руке выкапывает корни и собирает плоды с деревьев и кустов в лесах по склонам Бурхан Халдуна и берегам Онона. Мальчики научились мастерить крючки и ловили рыбу сетью.

Дикие лук и чеснок
Ели сыновья благородной матери,
Пока не стали правителями.
Сыновья терпеливой благородной матери
Выросли на семенах ильма
И сделались мудрыми законодателями.

Не приходится сомневаться, что рассказ всячески преувеличивает благородные достоинства Хулан, *богоматери*, но почему, ясно и так. Три или четыре важных для становления человека года Темучин знал, что такое быть на самом социальном дне, без защитных семейных связей, приятелей и близких друзей, не имея достаточно скота, чтобы получать мясо, молоко и войлок для нового покрытия юрты. Вполне вероятно, что его угнетало жестокое полуголодное существование нищих охотников-собирателей и он мечтал об относительном богатстве и свободе степей.

В эти тяжелые времена Темучин обрел сердечного друга, мальчика по имени Ямухай. Десятилетние мальчики обменивались подарками. Зимой, укутавшись от мороза в шкуры, они играли на льду Онона в кости, сделанные из бараньих бабок. И взрослые, и дети в Монголии по-прежнему играют в кости и каждую из шести сторон кости, по-своему бугорчатую, называют именами животных. По весне, когда сквозь снег пробилась свежая зелень, Ямухай сделал Темучину свистящую стрелу в обмен на стрелу с острием из рога. (Свистящими стрелами пользуются при охоте на оленей — услышав свист, удивленные олени, прислушиваясь, поднимают голову и застывают неподвижно, отчего становятся идеальной целью.) Мальчики дважды поклялись друг другу, что будут как кровные братья — *анда*.

Обстановка в семье была непростая — одной-единственной женщине приходилось растить четверых своих детей и двоих приемышей. Неудивительно, что два старших мальчика, Темучин и его сводный брат Бергтер, вступили в соперничество между собой. Однажды осенью, когда Темучину исполнилось тринадцать лет, эта пара поссорилась из-за пойманных Темучином жаворонка и пескаря. Когда Темучин пожаловался матери, та выговорила ему, как он может говорить такие вещи, когда

У нас есть тени и никаких друзей.

У нас есть лошадиные хвосты и нет кнута.

Почему вы не можете ладить? Темучин набычился и, кипя от ярости, молча отошел от нее. Потом позвал с собой одиннадцатилетнего младшего брата Касара, и, взяв луки наизготовку, они подкрались к Бегтеру, который с холма следил за светло-гнедыми меринами, и хладнокровно убили его.

Другие, более поздние источники опускают этот глупый и трусливый поступок, по всей видимости из-за того, что это бросало тень на будущего императора. Почему же Чингис, или поэты-певцы, или редактор *«Тайной истории»* рассказы вали об этом? Возможно, потому, что на это можно посмотреть с двух точек зрения. Первая — это то, что даже ребенком будущий покоритель мира демонстрировал безжалостность, без которой не завоевать и не удержать лидерство. Что еще более важно, это показывает, как многому предстояло научиться упрямому мальчишке Темучину.

Во всей вселенной был только один человек, который мог учить его уму-разуму и указывать на ошибки. Когда Хулан обнаружила преступление, она чуть не сошла с ума от горя. Ко времени написания

«Тайной истории» ее слова беспощадного осуждения, с которыми она обратилась к сыну, были переложены на стихи. «Вы просто уничтожители!» — закричала она, —

Словно дикая собака,
Пожирающая собственный послед...
Вы уничтожили собственную плоть!

Снова и снова прибегая к броским фразам, «Тайная история» рассказывает, как она «приводила старые пословицы, ссылалась на слова стариков», а потом спрашивала, как мог ли они сделать такое во время, когда «у нас есть тени и никаких друзей»? Позже, как говорили, Темучин никогда не терял уважения к матери, которая в таких суровых словах вкладывала в него мысль о том, что необходимо блюсти баланс между побуждением к мести и потребностью в совместных действиях и поддержанию верности. Этот урок он усвоил очень прочно. Темучин ни разу не высказал сожаления в убийстве Бегтера, но семья не распалась, и Касар через годы стал близким помощником своего старшего брата.

Никаких друзей, одни тени, а теперь еще больше врагов. Прошло не так много времени, возможно, это было в апреле следующего года, тайчиуты, родственники борджигинов, напали на стойбище Хулан. Почему это произошло, никто не знает. Может быть, дело было в ревности, которую испытывал их вождь, видевший в смышленном напористом Темучине будущего соперника. Если это так, то убийство Бегтера давало ему повод преследовать Темучина за преступление. Когда они пришли за ним, Темучин с двумя братьями бежал по тающему снегу и спрятался в узком ущелье, где они оказались запертыми. «Пусть выйдет Темучин! — кричали напавшие. — Остальные нам не

нужны!» Темучин бросился спать один и бежал через лес, где притаился, пока через девять дней голод не заставил отдаться в руки тайчиутов. Его захватили как пленника.

Этот эпизод и последующие приключения во всех красках рассказываются в «*Тайной истории*», отчасти, несомненно, потому, что получается захватывающая интрига, и отчасти потому, что в них достоверно изображена степная жизнь и личность Чингиса. Он, должно быть, рассказывал о своих приключениях не один раз и поощрял пересказ, так как таким образом подтверждались его растущее могущество, его зрелость и ниспосланная небом удачливость.

Неделю-другую Темучина, как заключенного, держал вождь тайчиутов Кирилтук, отличавшийся такой тучностью, что получил прозвище Жирняга. Он предпочитал ездить не на коне, а в тележке. По приказу Жирняги Кирилтука Темучина перевозили из стойбища в стойбище. Его не связывали, а надели колодку, тяжелый деревянный брус с отверстием для головы и рук. Колодку, передвижной позорный столб, до самого последнего времени надевали на преступников по всей Монголии и Китаю. К колодке была приделана цепь, за которую водили заключенного, потом опутывали ею.

Положение его было хуже не придумаешь, но на помощь пришли его характер и удачный случай. Однажды ночью Темучина поместили вместе с человеком по имени Шорканшира, членом одного из подчиненных тайчиутов племен, который не горел желанием хранить верность своему жирному господину. Он позволил двум своим сыновьям расслабить колодку, чтобы Темучину было удобнее спать. Так пустило корни крошечное древо дружбы, которая могла вырасти и развиться, если и когда этому придет время.

На следующую ночь наступило полнолуние — День красного круга, как зовут его монголы. Тайчиуты собрались на праздник. Представьте себе широкую долину Онона. Там и сям зеленеют сотни одиноких деревьев с нависающими над ним утесами, на лугах пасутся лошади и бараны, группами разбросаны юрты, из отверстий в крышах которых вьется дымок, у каждой юрты привязаны кони, люди приехали сюда с окружных стоянок, царит всеобщее веселье.

В этот день среди оживленных толп Темучин в колодке и на цепи, за которую его водит необычайно гордый от полученного поручения «тщедушный юнец», то и дело выпивающий подносимый гостями арак.

К вечеру, когда летний закат предвещает наступление темноты, празднующие, большинство из которых едва держится на ногах, разбредаются по своим юртам. Темучин пользуется удачным моментом. Он вырывает цепь из рук своего сторожа, замахнувшись колодкой, бьет его по голове и устремляется к лесу. За спиной он слышит вопли: «У меня сбежал заложник! Держите его!» — и понимает, что за ним начнется погоня. Времени на раздумье нет, особенно если учесть, что это полнолуние. Но вот река Онон. До нее рукой подать, он устремляется к берегу, находит заводь. Бухается в воду и ложится на дно, только голова, поддерживаемая деревянной колодкой, торчит над студеной водой.

Преследователи ринулись к лесу, все, кроме одного, который направился в сторону своего стойбища, вниз по реке. Это Шорканшира. Только притворившись, будто ищет беглеца. Он замечает Темучина. Пораженный, он восклицает: «Вот это да! Недаром говорят, у тебя огонь в глазах и светится лицо! Понятно, почему они завидуют! Лежи здесь и ни гугу! А я никому не скажу».

Потом он увидел вдалеке толпу преследователей и пошел им навстречу. Узнав, что они хотят продолжить

поиск, Шорканшира задержал их, убедив еще раз пошарить по лесу, чтобы каждый убедился, что хорошо посмотрел. Они повернули обратно, и Шорканшира прошептал Темучину, что те, кто его захватил, точат на него зубы, так что лучше залечь и ни звука. Снова появляются преследователи, и снова Шорканшира заговаривает с ними, высмеивает их и заставляет снова пуститься по старым следам прежде, чем отложить розыск до утра. В лесу и на близлежащем пастбище звуки погони затихают, и Шорканшира говорит Темучину, чтобы тот подождал, пока на берегу никого не останется, а потом отправлялся к своей матери — «если тебя кто-нибудь заметит, не говори, что видел меня».

Темучин, однако, думал по-другому. Он в жутком состоянии. Руки зажаты тяжелой колодкой, она до крови натерла шею и запястья. Он не сможет сесть на лошадь, даже если бы нашел ее. Брести пешком означало быть скоро узнанным. Он в набухшей шерстяной одежде и весь трясется в ледяной воде. Ночной воздух грозит заморозить. Бежать в таком виде — это все равно что умереть от стужи или, в лучшем случае, снова попасть в руки тайчиутов. Он бредет следом за Шорканшира вниз по течению. Высматривая юрту, где провел предыдущую ночь, и время от времени замирает, прислушиваясь, не услышит ли шлепанье, которое раздается, когда женщины взбивают в кожаных ведрах кобылье молоко, что бы за ночь оно перебродило в арак.

Он слышит эти звуки, видит юрту и входит в нее. При виде дрожащего промокшего беглеца у Шорканашира душа уходит в пятки, когда он только подумал, что будет с ним, если к нему придут преследователи. Он хочет, чтобы Темучин не медленно уходил, чем бы это ему ни грозило. Однако его семья — жена, двое сыновей, дочь — сочувствуют ему, как и до

этого. Они развязывают колодку, бросают ее в костер, потом высушивают одежду Темучина, дают ему поесть и попить и прячут в телеге с шерстью. Он засыпает.

Следующий день выдается жарким. Тайчиуты продолжили свою охоту за беглецом, и с леса переключились на юрты. Наконец они приходят к Шорканшира, заглядывают повсюду, ищут под постелями, хотят посмотреть, что в телеге под грудой шерсти. Они почти уже схватили Темучина за ступню — деталь, наверняка придуманная каким-нибудь по этому, чтобы добавить повествованию напряжения, — когда Шорканшира не мог больше сдерживаться.

— Да разве при такой жаре кто-нибудь может там остаться в живых? — выпалил он.

Подумав, что это и в самом деле глупо, искавшие Темучи на тайчиуты поворачиваются и уходят.

Шорканшира вздыхает с облегчением. «Я чуть было не лопнул от страха», — говорит он и просит Темучина уходить. Наверное, за этим последовало обсуждение, как это сделать и как сделать это лучше всего. В конце концов Шор кан-шира убеждает Темучина, что теперь у того прекрасный шанс унести ноги, снабжает его едой и водой, дает лошадь. Но седла, лука или трута для разжигания костра не дает. У Темучина не должно иметься ничего такого, что могло бы навести на Шорканширу подозрение, соблазнить парня на разжигание костра или позволить ему ввязаться в драку. Темучин тронулся вверх по течению, осторожно выбирая до рогу между спящими тайчиутами, и едет по известной ему дороге к дому его матери на верхнем Ононе, где и присоединяется к своей семье.

Несмотря на то что в других источниках приводятся разные другие подробности, «Тайная история» кажется ближе всех к истине, так как рисует испытания, которые формировали личность Темучина и реакцию на них Темучина. Он знает, что такое быть бедным и

изгоем. Он знает, насколько важна семья. Он видит, когда нужно действовать, и действует быстро и решительно, но у него не нервы, а веревки, и он умеет сдерживать эмоции. Самое же главное, он способен увидеть потенциального союзника и знает, как находить верных людей. (Темучин запомнит спасшую его доброту сыновей Шорканшира и сделает одного из них своим военачальником.) Когда он вернулся к материнскому очагу, в нем, наверно, еще кипело желание отомстить, но он подавил в се бе этот импульс во имя того, чтобы вернуть все, что пришлось утратить. Мечь была бы сладкой, но только при условии, что при этом дала бы главное — безопасность.

Для того чтобы добиться этого, мало храбрости, мало воинского искусства. Нужно овладеть искусством социального и политического руководства, которое отличает подлинно го вождя, нужно то, что обозначается одним словом: харизма. К пятнадцати годам он был на пути к ней.

«*Тайная история*» приводит еще один эпический эпизод. Проходит год. У семьи теперь есть стада и девять лошадей — достаточно для обеспечения ее всем необходимым, но не достаточно, чтобы она считалась богатой. Однажды, когда оставшийся в живых сводный брат Бельгуте отправился охотиться на сурков, взяв из табуна лучшую лошадь, гнедую кобылу, воры украли остальные восемь. Темучин с другими братьями мог только в бессильной ярости наблюдать за угоном. К вечеру, когда вернулся Бельгуте, мальчики заспорили, кому из них отправляться в погоню. Темучин, старший из них, настоял, что это сделает он, и умчался на оставшейся единственной лошади, два дня преследуя воров по следам на траве. На третье утро он выехал к юрте, около которой под присмотром подростка, «сильного и красивого юноши» по имени Борчу, пасся большой табун лошадей. Да, он видел Темучиновых

светло-гнедых меринов, их прогнали мимо сегодня рано утром. Он уговорил Темучина оставить у него усталую кобылу и взять новую, серую с черной спиной, а потом показал след. Он видел, как валится с ног Темучин после двухдневной погони. Кроме того, конокрадство преступление и заслуживает наказания. Борчу принимает мгновенное решение. «У всех людей страдания одни и те же, — говорит он. — Я поеду с тобой». Он даже не подумал вернуться в юрту и предупредить отца о том, что происходит. Они тут же ускакали вместе.

Прошло еще три дня, мальчики догнали похитителей с их стадами, украденные кони были при них. Мальчики действо вали стремительно, они ворвались в центр стада, отделили своих лошадей и поскакали с ними прочь. За ними увязался один всадник, но и он отстал, как только Темучин пустил в него стрелу.

На подъезде к стойбищу отца Борчу Темучин делает широкий жест: «Мой друг, без тебя разве смог бы я вернуть лошадей? Давай поделим их. Ты должен сказать, сколько лошадей ты хочешь взять».

Нет-нет, отвечает Борчу. Он и не подумает. Отец у него богат, а Борчу единственный сын. У него есть все, что нужно. Кроме того, он все делал из чувства дружбы. Он просто не может взять вознаграждение, будто лошади обыкновенная добыча.

Когда они приезжают назад к юрте Борчу, отец с бурной радостью встречает сына, он так беспокоился о его исчезновении и боялся, что потерял сына. Борчу, обычный подросток, и не думает каяться. Он вернулся, так в чем проблема? Побранив сына и поплавав от облегчения, отец, его звали Наку, велел Борчу снабдить Темучина провизией, а потом скрепил дружеские узы между юношами: «Вы оба молодые люди. Заботьтесь друг о друге. С этого момента не оставляй те друг

друга». Темучин запомнит, каким благородным бессребреником был Борчу, и Борчу потом станет одним из самых великих монгольских полководцев.

Оставалось выполнить еще одно обещание и восстановить утраченную связь с уже готовым союзником. Темучин, которому теперь исполнилось шестнадцать лет, возвращается в юрту Дей-Цецена, чтобы жениться на помолвленной с ним Буртэ, как и договаривался семь лет назад его отец. Буртэ семнадцать лет, она вполне созрела для замужества, и ее родители счастливы. До Дея дошли слухи о том, что случи лось с Темучином, и боялся худшего. Теперь же имелся повод устроить праздник.

В *«Тайной истории»* ничего не говорится о том, как прошла свадьба, возможно, потому, что ее ритуал был хорошо знаком слушателям и читателям. Можно предположить, что свадьбу сыграли на широкую ногу — Дей был богатым чело веком. Наверное, шаман объявил благоприятный день, когда молодые «поклонятся Небу». Свадебные церемонии в Монголии изменились после того, как в XVI веке буддизм стал господствующей религией в стране, но достаточно древних ритуалов сохранилось до самого недавнего прошлого, и поэтому нетрудно представить себе эту сцену. Жених в ярком дээлес луком и стрелами в руках, официальная встреча семейных групп, поэтическая декламация генеалогии для подтверждения статуса молодых и подтверждения того, что жених и невеста принадлежат к разным кланам, торжественный вход в юрту Дея, поднесение Темучину новой одежды и нового лука со стрелами, обмен добрыми пожеланиями, пиршество с поеданием куска особо твердой баранины, символизирующего прочность брачных уз, и прощание, которому предшествует ритуальное представление — жених хочет остаться с новой женой в ее семейной юрте, семья не весты гонит их с шутливыми

насмешками и кидает в них сухой навоз (принятый у кочевников эквивалент конфетти), наконец отъезд молодой четы, при котором невеста несет свои наряды. В данном случае она сама несет свое приданое, шубу из черного соболя. Вероятно, это была необыкновенно красивая шуба: иссиня-черная, лоснящаяся, как масло, с рукавами, в которых можно было прятать замерзшие пальцы, и с подолом, достающим до середины икр.

Мы, наверное, не ошибемся, если скажем, что теперь амбиции Темучина были под стать его аристократическим предкам. Не теряя времени, он принялся использовать свой новый статус женатого человека и главы семьи. Он посылает Бельгутея, покорного ему сводного брата, разыскать Борчу, чтобы тот стал его правой рукой. Он уже мог рассчитывать на свою семью, двух названных братьев и еще один монгольский клан, родственников Буртэ и Хулан, онгирадов. Ему по надобится еще помощь, он это понимал и знал, к кому обратиться. До рождения Темучина его отец стал названным братом Тогрула, вождя кeraitов, который в этот момент был настолько силен, что мог собрать два раза по десять тысяч воинов, т. е. две современные дивизии. Его влияние распространялось на области, начиная с Центральной Монголии — его улус находился на реке Тула, где сейчас находятся пригороды Улан-Батора, — и продолжалось до границы с Китаем к югу от Гоби. Это был человек с реальной политической и военной властью.

Говоря себе, будто названный брат отца был «ему почти как отец», Темучин, захватив с собой своего брата Касара и сводного брата Бельгутея, отправился уговаривать Тогрула стать его союзником. Но что, если Тогрул не согласится? У Темучина было кое-что такое, что могло оказаться весьма убедительным аргументом: приданое Буртэ, черная соболя шуба.

Расчет Темучина оказался верным. Тогрул и виду не пока зал, что у него были какие-то связи с отцом Темучина, но подарок свое дело сделал. «В обмен на соболью шубу, — сказал Тогрул, — я соберу твой разбредшийся народ».

Вскоре после этого разговора, вероятно в 1184 году, когда Темучину было около двадцати лет, приключилась еще одна беда, а за ней пришла удача. Слух, что Темучин входит в силу, дошел до живших в лесах меркитов. Хулан, мать Темучина, была отнята у Чиледу, брата их вождя, умершего вскоре по сле этого события. Теперь, пока Темучин еще не вошел в силу, наступил подходящий момент для мести. Осуществление этого плана требовало организации целого рейда, для чего нужно было недели на две-три оторвать многих скотоводов от их отар и табунов, поскольку улус меркитов находился километрах в трехстах к северу от улуса Темучина, на берегу Селенги, по ту сторону границы, которая нынче разделяет Россию и Монголию.

Налет состоялся на рассвете — клан Темучина разбил лагерь в широкой долине неподалеку от верховьев Керулена, единственной, выходящей на Бурхан Халдун, она спускается с покрытых лесами склонов, и пастбища постепенно переходят в густой ивняк на берегах реки; в этой долине лежит дорога, которой сегодня не миновать любому, желающему добраться до горы. Первой услышала топот копыт старуха — служанка и подняла тревогу. Хулан схватила пятилетнюю Темулун и вместе с остальными бежит вверх по реке, перебирается через хребет, соединявший две невысокие горы, и дальше по окраине подстилающего Халдун леса. Хребет, который называют Порогом, не сочли достойным упоминания в *«Тайной истории»*, так как его без особого труда можно преодолеть на лошадях, хотя на телеге (или на машине,

как мы увидим ниже) этого сделать не выйдет. Лошадей не хватило Буртэ и Когчин, старой служанке. Когчин сажает Буртэ в крытый фургон, запряженный волами, и трогается, очевидно, в сторону Порога. К ней подлетают меркиты и требуют Темучина. Вон его юрта, говорит она, а где Темучин, она не знает. Она здесь только помогает стричь овец и едет домой. Очень может быть, что ей удалось бы провести меркитов, если бы на неровной дороге не лопнула деревянная ось телеги. Тут же к телеге направляются меркиты посмотреть, что в ней. Овечья шерсть? Вряд ли. Давайте, парни, посмотрим. Они слезают с лошадей, поднимают полог и видят трофей — «кто-то сидит там, вроде бы женщина». Двое мужчин велят ей выходить, потом перекидывают ее на круп одной из лошадей и догоняют остальных, разыскивающих Темучина в окрестностях стойбища, на неприветливых склонах Бурхан Халдуна, болотистых берегах реки и в густом лесу. Наконец им надоедает непролазная грязь и непроходимая чаща, и они, прихватив пленников, решают прекратить погоню. «Все, мы отомстили», — говорят они друг другу и пускаются в недельный переход к дому. Вернувшись на свое стойбище, они отдают Буртэ младшему брату Чиледу по имени Чилгер.

Тем временем Темучин прячется в лесу, уходит по знакомым с детства оленьим тропам, спит в шалаше из ивовых веток, что нарезал у реки. На четвертое утро, когда опасность миновала, Темучин перестает прятаться и чувствует прилив благодарности за спасение. По крайней мере, вот как он позже рассказывает о пережитом. Он мог рассказывать то, что хотел. Никого другого, кто мог бы передать события тех дней по-другому, рядом с ним в то приключение не было.

На святом Халдуне
Я был, как вошь,
Но спасся
И сохранил жизнь.
У меня была единственная лошадь,
И по лосиным следам,
Делая шалаши из бересты,
Я забирался на Халдун.
На святом Халдуне
Я был ласточкой,
Но защищен. [\[3\]](#)

Хотя священными считаются все горы, эта гора, конечно же, из всех гор заслуживает особого внимания. Он дает обет всегда почитать ее как место своего спасения, упоминая каждый день в своих молитвах: «Семя моего семени будет это блю сти». Обратившись лицом к восходящему солнцу, он обвертывает шею своим поясом, почтительно снимает шапку, бьет себя в грудь, совершает ритуальный девятикратный поклон в сторону солнца и, встав на колени, умащивает землю животным жиром *иараком*.

Возможно, что ничего подобного не имело места. Возможно, после того, как он создал империю, Чингис решил создать вокруг своего спасения особую атмосферу и тем самым подчеркнуть богоданность своего права на правление, точно так же, как китайские императоры притязали на божественное происхождение своего права на трон. Только китайский император предъявлял «мандат Неба» после того, как его династия пришла к власти. Чингис же перещеголял их, претендуя на то, что такой мандат был у него всегда, еще до того как он добился успеха, тогда, когда он был еще вошь на склоне горы. Для своих притязаний он не мог выбрать лучшего антуража. Гора от века была

своеобразным кафедральным собором монголов. Совершенно естественно, что Чингис как правитель должен был желать, чтобы в нем виде ли еще и высшее духовное лицо, и представить себя в молодости в этой роли.

Это была далеко не только политическая тактика. Думаю, он был уверен в этом до глубины души. Как и почему это должно быть так, он не мог охватить, неразгаданная загадка стала частью его личности, и это очень своеобразно сказывалось на его отношении к религиям, с которыми ему приходилось сталкиваться, и на тех, кто до сих пор его почитает. Это создало в нем странную двойственность. С одной стороны, надменность и заносчивость человека, на ком лежит предназначение объединять, вести и побеждать и кто имеет безоговорочное оправдание для применения любых средств ради достижения божественной цели. С другой — смирение простого человека, благоговееющего перед необъяснимой природой предназначения. Вот что лежало в основе того парадоксального сочетания разрушительного и созидательного начал, свирепости и тороватости, которые составляли характер Чингиса.

Судя по простому и незамысловатому повествованию *«Тайной истории»*, его народ безоговорочно воспринимал историю о его спасении на Бурхан Халдуне за чистую монету. Первое же предложение, открывающее *«Тайную историю»*, провозглашает, что он был «рожден с предназначением свыше судьбой». Вот та вера, которая создавала его харизму и вдохновляла его соратников, семью, его военачальников и подданных.

Следующей задачей Темучина было выволить Буртэ. Он обратился к человеку, которого называл «отцом», Тогрулу, и не был разочарован. Разве Тогрул не обещал помочь Чингису объединить монголов? Теперь

За шубу из черного соболя
Я раздавлю все племя меркитов
И верну тебе госпожу Буртэ.

Тогрул пошлет две хазары своих конников, у Темучина есть свое небольшое войско, еще он попросит людей у друга детства и названного брата Ямухая. Ему также пришлось пережить превратности судьбы. И он побывал в плену у меркитов, был у них рабом, пока не нашел способа вернуть свободу, а потом окружить себя верными людьми. Теперь он глава собственного клана, человек такого калибра, с которым, как и с Темучином, нельзя не считаться. Горя желанием покончить с меркитами и преисполненный желания помочь названному брату, он взялся собрать еще две хазары и послал гонцов с подробными инструкциями о том, где и когда должны собраться войска.

Автор *«Тайной истории»* тщательно описывает после дующие события, так как они преподносят еще один бесценный урок основ военного дела. Все три войска должны были встретиться в Хентее, сплетении хребтов и долин, образующих коренные монгольские земли. Тогрул, чьи силы сосредоточивались в долине текущей на запад Туле, неподалеку от места, где сегодня стоит Улан-Батор, прошел со своими двумя хазарами 160 километров на северо-восток вверх по долине реки, перевалив 2500-метровый хребет Малого Хентея. Темучин же со своей хазарой поднялся по Керулену и дошел до тех же мест, где сходится узел горных хребтов и ущелий. Оба войска соединились и вместе спустились в широкую долину, образованную истоками Минджа, одной из рек, которые текут на север и впадают в Селенгу. Здесь была назначена встреча с Ямухаем. Ко времени, когда они туда подтянулись, Ямухай стоял там уже четвертый день и кипел от

негодования — и по очень веской причине. Тамошние места — это не степь, здесь, в сердце Хентея, пастбища теснились горами. По самым грубым подсчетам, для того чтобы прокормить коня в течение месяца, требуется 10 акров пастбища, у Ямухая было две хазары. Хотя хазара значила «десять тысяч», на деле в ней могло числиться до 3000 всадников. Значит, по самым скромным подсчетам, учитывая, что у каж дого должно было быть две-три лошади на подмену, это составляло 15 000 лошадей. Каждый день, в среднем, кони съедали до 5000 акров травы — и это не считая лошадей, принадлежавших семьям, кочевавшим в долине. Теперь представьте себе усиливающееся раздражение, которое испытывал Яму — хай, — тысячи людей настроились на сражение, спят кое-как, питаются тем, что взяли с собой, им не терпится вернуться домой к своим стадам и табунам, пастбища сокращаются, местному населению грозит катастрофа. Не говоря уже о том, что такое войско не спрячешь, и любой, оказавшийся поблизости меркит, мог без труда заметить, что тут затевается, и кинуться предупредить своих. Даже один день промедления будет чреват серьезной угрозой для всей операции как со стратегической точки зрения, так и по экономическим соображениям. Таким способом победы не обеспечишь и не вернешь Буртэ Темучину. Вот те уроки, которые поведала *«Тайная история»* — и мы можем заключить, что сам Чингис, — старается всеми силами подчеркнуть, вкладывая гневные рассуждения о них в уста Ямухая.

«Когда монголы говорят «да», — набрасывается он на союзников, когда они наконец подходят, — разве мы не даем клятву?» И не может быть никаких оправданий! Если монголы договариваются встретиться, их не должны задержать ни метель, ни гроза! *«Тайная*

история» специально акцентирует эту мысль двустышием:

Изгоним из наших рядов
Любого, нарушившего свое слово!

Темучин и Тогрул с опущенной головой принимают взбучку. Им нечего сказать. Они виноваты. Бранить их по следними словами дело Ямухая — дело будущего вождя нации, а самой нации, слушающей повествование, — брать его слова на заметку.

Через неделю или чуть больше объединенные войска, тысяч двенадцать воинов, пробираясь через путаницу гор в сторону озера Байкал, подошли к притоку Селенги, реке Хилок, на другом берегу которой находились стойбища меркитов. Реку переходили вплавь, каждый воин сплел себе камышовый плотик и добирался до противоположного берега, держась за лошадь. Операция была слишком масштабной, чтобы надеяться на эффект неожиданности. Охотники, рыскавшие по берегам Хилока, видели, что происходит, и тут же со всех ног бросились предупредить меркитов. Те в беспорядочной панике бросились спасаться в сторону Селенги и далее вдоль ее берегов.

В первых рядах нападающих скачет Темучин, громко выкрикивая имя Буртэ. Ценная заложница, Буртэ посажена в одну из мчащихся прочь телег. Она слышит голос мужа, выбирается из телеги, бежит к нему, хватается за уздечку, Темучин спрыгивает с коня, и она бросается в его объятия. Полу чаётся романтическая картина: двое молодых влюбленных сжимают друг друга в объятиях, светит луна, а вокруг застывшей в любовном экстазе пары во всех направлениях мечутся люди, кони, повозки.

С Темучина этого довольно. «Я нашел, что искал», — говорит он и дает сигнал прекратить погоню.

Эта победа вошла в историю. Меркиты были рассеяны, многих женщин взяли в наложницы или служанки, Буртэ освобождена, а Темучин утвердился в качестве монгольского вождя, почти равного Ямухаю. Единственное, что омрачало успех, — это то, что Буртэ вернулась беременной. Хотя отцовство уточнить так и не удалось, первый ребенок Буртэ, Джочи, всю жизнь не мог избавиться от клейма незаконнорожденного и не воспринимался как один из истинных наследников Темучина.

После завершения победоносного похода против меркитов семья Темучина восемнадцать месяцев жила с Ямухаем. Друзья были неразлучны, как когда-то в далеком детстве. Они обменивались шарфами, дарили друг другу лошадей, вместе пировали, вместе спали (это не говорит о гомосексуальных отношениях; по закону, установленному после того, как Темучин стал ханом, педерастия каралась смертью).

Но в один апрельский день эта неразлей-вода дружба не ожидаанно дала трещину. Семейные группы перебирались на весенние пастбища и ехали по берегу Онона. Двое друзей едут рядом впереди телег, когда Ямухай предлагает разбить два отдельных лагеря. Темучин озадачен и думает, не предлагает ли Ямухай разойтись. Он обращается за советом к Хулан, но ее перебивает Буртэ: кто не знает, что Ямухай любит все делать быстро, а потом также быстро остывает, наверное, мы все ему надоели.

Догадка порождает подозрение, а подозрение перерастает в ужасную мысль. Если двое не заодно, что тогда? Если они разойдутся, они не могут быть соратниками, если они не соратники, тогда они соперники, если соперники, тогда один или другой должен доминировать, а Темучин не из тех, кто может

удовлетвориться второстепенной ролью. Темучин принимает решение и ведет свою группу вперед, и они двигаются всю ночь без остановки.

Он мог бы просто уйти в тень и остаться малоприметной строчкой в истории. Но к тому времени, когда все рассказы были продиктованы и легли на бумагу, накопилось немало такого, что нуждалось в объяснении, и «Тайная история» сделала это, облачив долгий процесс мелких завоеваний и отступлений в форму сжатой драмы и добавив несколько броских обоснований вслед событиям прошлого.

На рассвете произошли странные события. К Темучину присоединились трое братьев со своими семьями, авторитетные члены небольшого клана. Потом из темноты вышли пятеро, за ними еще и еще семьи из большего числа кланов — таркуты, байуты, барулы, мангуты, арулаты, урянгаи, бесуды, сулусы, джалаиры — и все они за Темучина, а не за Ямухая. Все они члены не самых крупных кланов, потому что за Ямухаем стоят признанные вожди. Но Темучин предлагает нечто такое, чего не может предложить Ямухай: безмерную верность всем, кто предан ему, надежду всякому, кто дав но потерял надежду в жизни.

Среди монгольских кланов поползли слухи, что молодой Темучин — избранник Небес, слух становится надеждой, надежда — пророчеством. Прибывающие следом за первыми сообщают новые знаки и предзнаменования. Один человек говорит, что слышал, как вол промычал: «Боги неба и земли все за то, чтобы Темучин был господином всей нации!» И они продолжают прибывать — гениги, сакайиты, джуркины, даже из собственного клана Ямухая, — и все ставят юрты неподалеку. Некоторые — родственники, вроде Кучара, двоюродного брата Темучина, его же троюродных братьев Алтана, сына легендарного Кутула, и Сача, правнука Кабула — все они стоят выше

Темучина в семейной иерархии, и все-таки их влечет сюда чувство, что вот он, наконец, чело век, который так нужен монголам, чтобы восстановить их утерянное единство.

Решение принимается тремя старшими родственниками, которым приходится выбирать между выгодами служить под началом сильного лидера и унижительным подчинением младшему по возрасту. Они выбирают служение и дают клятву бороться с врагами нового хана, доставлять ему самых лучших женщин и лучших лошадей и охотиться для не го. Если во время войны они не подчинятся, «расчлени нас и брось наши подлые головы на землю!». Если они не подчинятся в мирное время, «оставь нас в мертвой пустыне!».

Затянувшийся на десятилетие процесс ассимиляции разных семей и кланов, подробности которой источники не зафиксировали, завершился к 1200 году. Основная часть монголов получила своего нового хана. Они снова нация и готовы обрушиться на соседей.

5 Восхождение к власти

Место рождения Темучина — лишь одно из исторических мест, ассоциирующихся с его возвышением. Существует множество других, их идентификация сделалась в Монголии настоящей малой индустрией. В атласах, фотоальбомах и неисчислимом числе туристских брошюр и буклетов вы найдете точное указание, где именно была украдена Хулан, где Темучин убежал от тайчиутов, путь, по которому он прошел, пока не нашел своей семьи. По большей части эти указания плод воображения или домыслов, названия — вещь переменчивая, легко забываются, потому что кланы находятся в движении, объединяются и распадаются. Реки и горы могут веками сохранять свои названия, а холмы, поля и леса не могут. Уж если вызывает сомнение название Бурхан Халдуна, можно ли утверждать, что, Голубое это или Черное, теперь то же, что было когда-то?

Но есть одно место, которое перебрасывает мостик между прошлым и настоящим. Это та местность — озеро, гора и близлежащие пастбища, — где Темучин со своей семьей обосновался после своего великого спасения и где, по всей видимости, он трансформировался из племенного вождя в императора. Голубое озеро, как оно называлось тогда и продолжает называться сегодня, — это самое сердце его коренного улуса. Оно расположено в таком удобном месте, какое только он мог себе представить, затаенное между холмами у подножия Бурхан Халдуна, в достаточном удалении (шестьдесят километров) от открытой степи, которая простирается на юг до Авраги. Именно отсюда мы и направлялись туда — вверх по долине реки Хорх, мимо поросших лесами холмов, по-

над истоками реки, через редкие еловые леса, где похожие на нарциссы цветы украшали тень желтыми пятнышками, и выехали на озеро, ставшее ареной событий, в результате которых Темучин стал Чингисом.

Мы расстались с Темучином, когда ему тридцать лет и он глава половины монгольских кланов. Для того чтобы изучить его путь к власти сначала над всем своим племенем, а за тем и над соседними племенами, нужно вникнуть в сложнейшую, разыгрывающуюся на шаткой почве игру. В Европе князьям, претендующим на власть, приходилось оглядываться на города, семьи, законы о преемственности. В степях все переменчиво, как текущая вода. Традиция требовала, чтобы вожди почитали священным свой долг перед семьями, кланами и названными братьями, но традиционные нормы развеивались как дым, если только возникали серьезные побуждения преступить их (и справиться с переживаниями, которые при этом неизбежны). Другие, менее значительные предписания касались пиршеств, женитьбы, союзов, походов и раздела военной добычи. Но ничто не оговаривало пределы применения такого права, ими становились власть и стремление выжить. Сам мир менялся, стоило хорошему году смениться плохим, вместе с ним менялся социальный механизм. Средневековая история степи — это камера Вильсона, в которой племенные частицы совершенно беспорядочно сталкиваются, раскалываются, отскакивают друг от друга, разрушаются, трансформируются и уничтожают друг друга. Враги оказывались в семейных отношениях, люди могли скакать по 150 километров в день, чтобы шпионить, оказывать помощь или предавать, и никто не мог заранее сказать, что это будет. Темучину понадобилось пятнадцать лет, чтобы из вождя своего клана вырасти в Чингиса, основа теля нации, лидера, обладающего безошибочным инстинктом, безграничным честолюбием и несгибаемым характером. Уроки

прошлого и источники (которые, в свою очередь, опираются на собственные уроки прошлого) дают нам основания предположить, какие события и черты характера объясняют возвышение Темучина. Одна черта вырисовывается определенно: его вера в божественное предначертание.

В начале 1190-х годов он, в лучшем случае, второй по силе племенной вождь. Предвидя столкновение с Темучином и зная собственную силу, Ямухай действует опережающе. Это не было каким-то спонтанным решением; на то, чтобы при вести в порядок стада, обеспечить себе верных союзников, набрать войско, требуется не меньше года. Затем, воспользовавшись в качестве предлога убийством родственника в ссоре из-за лошадей, Ямухай посылает на Темучина войско из 20 000-25 000 воинов. Предупрежденный об их подходе двумя членами одного из дружественных кланов, Темучин вряд ли имел время собрать силы, и результаты были самыми катастрофическими, пришлось спешно скрываться в путанице ущелий, окружающих верховья Онона, в который раз искать спасения под защитой предгорных холмов Бурхан Халдуна.

«Тайная история» не содержит последовательного изложения событий той поры, тем не менее из хаоса фактов и рассуждений можно извлечь представление о ряде самых существенных событий. Покровитель Темучина Тогрул — вождь кераитов — переживает тяжелые времена. Младший брат Тогрула при поддержке найманов низлагает его и отправляет в изгнание. Теперь кераитами правят найманы. Тогрул обращается за помощью к своему союзнику Темучи ну. Они объединяют свои силы. Обеспокоенные усилением Темучина, близкие к Ямухаю племена образуют союз и выбирают его главой, дав ему титул Гур-хан («вселенский вождь»). Среди этих племен тайчиуты, от которых в свое время таким чудом унес ноги Темучин...

В то время, очевидно в 1202 году, наступил еще один переломный момент в истории — на равнинах Восточной Монголии готовилась огромная битва. «Тайная история» оставляет в стороне политические, стратегические и военные подробности, автора занимало только одно: ему нужно было привести побольше примеров, которые бы подчеркивали особенную черту Темучина — верность, самую главную добродетель в жизни степняков. Ни на минуту не упуская из виду вероятность того, что эти истории были одобрены самим Чингисом и потом еще раз обработаны редактором «Тайной истории», желавшим усилить эффект, мы можем констатировать, что, вероятно, во время боя с ямухаевской коалицией Темучин дважды был близок к гибели, и оба случая давали повод продемонстрировать узы верности, которые связывали участников. Это было чем-то вроде священной клятвы.

Во время боя стрела едва не попала в Темучина, но пронзила шею его коня, и тот был убит. Он сменил лошадь, и тут другая, отравленная стрела все-таки поразила его в шею. Тем вечером на биваке, без еды и питья, которые могли бы поддержать его силы, он теряет сознание. Его соратник Джелме высасывает яд из раны, потом прокрадывается в лагерь Ямухая и крадет творог. Когда Темучин приходит в себя, Джелме дает ему творогу и воды. На рассвете к Темучину возвращаются силы, и он видит, что обязан Джелме жизнью.

Позже, когда бой уже выигран и Ямухай бежал, а Темучин добывает в его лагере последних вражеских воинов, его находит Шорканшира, человек, спрятавший Темучина у себя, когда тот пытался бежать от тайчиутов с колодкой на шее. Теперь он может в открытую присоединиться к Темучину, а с ним и его товарищ. Темучин спрашивает: известно ли ему, кто пустил стрелу, убившую его лошадь? Шоркан знает, что

это сделал его товарищ — Джирко. И он может признаться, что сделал это. Надо как можно быстрее принять решение. Как вражеский воин, едва не убивший Темучина, он может ожидать, что казнь последует незамедлительно. Он с Шорканом в свое время помог спастись молодому хану. И оба знают правду. Если Джирко смолчит, правда все равно выплывет наружу, и его сочтут трусом и лжецом. Лучше во всем признаться, даже рискуя жизнью, и отдаться на волю Темучину, обещая выполнять любой, самый трудный приказ. Если ты убьешь меня, я только превращусь в горстку земли, величиной с твою руку, но если ты смилостивишься надо мной, я покорю для тебя все океаны и горы. В подобных же случаях, позже в жизни, Темучина отступники больше не интересовали. Но сейчас речи о предательстве не идет. Оба они были обращены в рабство врагами. На него подействовало присутствие Шоркана, и Темучин хвалит честность и мужество Джирко. «Такого человека можно брать в товарищи, — говорит он и, не сходя с места, в память о его мужестве нарекает его другим именем: — Отныне он Джебе («острие стрелы»), и он будет моей стрелой».

Джебе и Джелме станут двумя величайшими военачальниками хана.

После того как утихла битва, вождь тайчиутов — Жирный Кирилтук, который мучил Темучина в плену, — сам стал пленником человека из подчиненного клана и двух его сыновей. Они швырнули Кирилтука в телегу, отец уселся на брюхе Кирилтука, и они поехали сдаваться, везя с собой дорогой трофеей. Пока они тряслись в телеге, им на память пришли рассказы о бескомпромиссном отношении Темучина к верности, их стала мучить мысль, правильно ли они поступают. В конце концов, они ведь поклялись служить человеку, ставшему их пленником. Они решают отказаться от предательства, отпускают Кирилтука и предстают

перед Темучином без него. Несмотря на то, что Темучин подверг бы Кирилтука жуткой смерти, для него верность вождю превыше всего, превыше жажды мести. «Вы не могли отречься от своего законного хана. Ваше сердце подсказало вам правильно», — говорит он этой троице и принимает на службу. (Кирилтук так или иначе получил свое, несколько позже его убил один из сыновей Шорканшира.)

На пути Темучина к полной власти над регионом оставались два главных препятствия. Первым был Ямухай, которому удалось остаться на свободе, он все еще глава племенного союза. Вторым — его нетвердый старший союзник Тогрул.

Тогрул стареет и становится ненадежен. Во время сражения с найманами он ускакал с поля боя, когда он только разгорался, за ним устремились враги и захватили его жену и сына Нилка. Тем не менее, у него хватило нахальства просить у Темучина помощи. Темучин, несмотря ни на что, снова посылает четверых лучших воинов вызволить семью Тогрула. Из благодарности Тогрул, естественно, в который раз клянется, что Темучин ему как сын. «Когда мы идем на наших врагов, давай ехать бок о бок с единой целью; когда мы охотимся на зверей, давай охотиться заодно».

Для закрепления союза Темучин предлагает женить своего сына Джочи на дочери Тогрула, а свою дочь выдать за Нилка, сына Тогрула. Но Нилка, несмотря на то что обязан жизнью Темучину, завидует авторитету Темучина и не хочет отдавать свое первенство как вождя клана человеку, которого отец совсем недавно назвал «сыном». Предложение о женитьбе он отвергает в весьма неуважительной форме. Тогрул мечется между двумя несовместимыми вещами — преданностью сыну и наследнику Нилку и сыну названного брата, Темучину, своему спасителю. Разрываемый этой дилеммой, он предстает перед нами трагической фигурой.

Если Темучину, младшему вождю, будет отказано, то, судя по всему, Тогрул в глазах других вождей будет иметь больше прав на командование всей степью. Союз преобразуется. Ямухай посылает Тогрулу предложение: Темучину доверять нельзя, выступай против него, а я присоединюсь к тебе. Тогрул, повязанный узами кровного братства и знающий о верности Темучина, опешил и совершенно не способен разрешить конфликт. Нилка дважды посылает отцу депешу, умоляя выступить против Темучина. Ну как старый хан не видит правды — ведь Темучин замыслил захватить власть над всеми ними? И все-таки Тогрул ничего не предпринимает, и «Тайная история» старается, как может, живописать его страдания, причиненные нерешительностью. «Как могу я оставить моего сына, — потерянно произносит он. — От нас все отвернутся! Как все вы можете говорить мне, что я должен оставить своего сына?»

Тогда Нилка прибегает к коварству, он посылает Темучину приглашение, предлагает ему руку своей сестры в надежде схватить и убить его. Двое шпионов предупредили о ловушке, и Темучин с небольшим эскортом уходит от погони по берегу реки Халх, а потом вдоль озера (а может быть, реки) Балджуна. Последовавшие события приобрели огромное значение, потому что ознаменовали наadir военных неудач Темучина и одновременно обозначили поворотный пункт в его искусстве лидерства. Как ни странно, никто не может найти какой-нибудь зацепки, чтобы определить, где находилась эта Балджуна. Учеными дискутируются несколько вариантов, причем предполагаемые места отстоят друг от друга на сотни километров. Возможно, это было озеро вблизи нынешнего Балзина, сто пятьдесят километров по другую сторону сибирской границы, может быть, это было на дальнем востоке Монголии, около Халха, или на

пятьсот километров к западу, на реке Балдж, неподалеку от местности, вы бранной в 1962 году в качестве места рождения Чингиса. Где бы это ни было, но будущий император еще раз оказался на грани гибели, о чем записано в ряде китайских источников, которые были вновь обретены и переведены в конце XIX века. Если им верить, то Темучин с девятнадцатью спутниками оказался в исключительно тяжелой ситуации, всем им пришлось пить мутную воду Балджуна. Вот как это звучит в одном из двух, почти идентичных рассказов.

Когда они добрались до Балджуна, припасов не осталось. Случилось так, что с севера примчалась дикая лошадь.^[4] Касар убил ее. Из шкуры они сделали котелок, с помощью кремня разожгли костер, из реки набрали воды. Они сварили мясо лошади и съели его. Будущий Чигисхан воздел руки к небу и произнес клятву; «Я закончил «великое дело», теперь я буду делить с вами, люди, и радости и горечи, если я нарушу мое слово, пусть я стану подобен вот этой воде». Среди военачальников и воинов не нашлось ни одного, у кого не сверкнули бы слезы на глазах.

Темучин повторил сцену, пережитую Генрихом V, когда готовность вождя разделить со своими соратниками страдания, поражение и смерть выковывает ни с чем не сравнимые узы:

Тот, кто проливает кровь со мной,
Да будет брат мне.

Будущий Чингисхан согласился бы со словами короля. Испытание «питием мутной воды» сплотило собравшихся вместе братьев, которые будут потом несказанно гордиться пережитыми трудностями и верностью, которая накрепко по вязала господина с его воинами. Потом, на протяжении их жизни, те, кто был участником Балджунского договора, названного так учеными, при упоминании его принимали таинственный вид. Об этой истории отцы рассказывают своим сыновьям.

И все же, несмотря на значимость этого происшествия, вы не найдете в *«Тайной истории»* ни слова. Поскольку в ней рассказывается о событиях, происшедших до и после него, это определенно сделано не случайно. О причине мы можем только гадать. Возможно, это событие было опущено именно из-за своей значительности, чтобы облегчить узкому кругу посвященных сохранять свою тайну. Возможно, балджунианцы стали своего рода масонами, строжайшим образом хранящими свой особый статус и не желающими, чтобы о ней узнал весь мир. Я могу представить себе и другую, более альтруистическую причину. К тому времени, когда была написана *«Тайная история»*, т. е. через двадцать пять лет, к императору пришло много отважных и верных людей, и автору *«Тайной истории»* могло показаться, что было бы неполитично публично отдавать кому-то дань восхищения, которым не удостоено столько не менее достойных людей.

Из Балджуны, где за лето 1203 года он с горсткой своих людей восстановил силы, Темучин посылает Тогрулу длинное и трогательное письмо, фактически предлагая национальное согласие — но на каких условиях? О чем говорилось в оригинале письма, можно только догадываться. Все, почему мы можем судить, — это версия, оставленная нам будущим Чингисом и

«Тайной историей». Естественно, оно вы держано в духе высокой морали.

«Хан, мой отец, с горечью спрашивает: Темучин, почему ты пошел на меня? Неужели ты не помнишь, как мы присягали на верность? Разве мы не были как волы, тянущие в одной упряжке, или как колеса двухколесной повозки? Или это не мой отец Ейсуге пришел к тебе на выручку? Разве вы не были названными братьями? Или не ты говорил: «Я отплачу твое добро детям твоих детей»? Когда ты был изгнанником, имел всего пять коз и пил кровь своих верблюдов, разве не я вернул тебе все? Когда тебя грабили найманы, разве я не послал четверых моих сильнейших людей, моих четырех «боевых коней» помочь тебе и спасти твоего сына? Так почему же, хан, мой отец, ты идешь на меня?»

С точки зрения морали позиции Темучина очень сильные, и Тогрул знает это. «О, мой бедный сын, — стонет он, — неужели мне суждено расстаться с ним?» С точки же зрения военной Темучин слаб и может рассчитывать на усиление только в разгаре лета, когда созреют на пастбищах травы и придут подкрепления от родственников жены, онгирадов и других местных кланов.

Выбрав выжидательную тактику, он не ошибается. В его отсутствие союз Тогрула распадается. Ямухай, как всегда, недовольный Тогрулом, строит планы убить старика. Тогрул узнает об этом. Заговорщики бегут к найманам. Темучин нападает на несчастного Тогрула и после трехдневного сражения — других подробностей этой битвы не имеется — одерживает победу. Ямухай и Тогрул с сыном бегут на запад, в земли найманов.

Там Тогрула убивает страж, который никак не мог поверить, что этот беглец — великий хан кераитов. Позже, когда его опознали, голову Тогрула доставили в ставку найманов, и княгиня-мать приказывает отдать почести бывшему союзнику найманов. Голову положили

на белый войлок и устроили церемонию возлияния вином и игры на музыкальных инструментах. Найманский наследный княжич Бай Буха — обычно называвшийся китайским титулом «тайянг» — сидел как загипнотизированный необычной церемонией. Он не сводил глаз с отрубленной головы. Внезапно он издает вопль: «Она улыбается!» — и ударом ноги превращает голову в кровавое месиво. Его родители в ужасе, особенно отец тайянга. Когда шаман толкует собачий лай как предзнаменование беды, старый хан впадает в депрессию. «Я старею, — бормочет он, — мой сын уродился дураком и думает только о соколах и охоте». Хан боится за будущее своего народа, которым суждено править этому параноику и болвану. Что касается Нилки, то он бежал на юго-запад, оставив Ямухая у найманов. Нилку в конце концов убили в Кашгаре, земле уйгуров, на дальних западных окраинах Китая.

Найманы не были покорены и, хотя жили на далеком западе, теперь представляли угрозу, так как у них нашел приют их новый союзник Ямухай. Темучин отдавал себе отчет в том, что рано или поздно, но решающая схватка должна произойти. Готовясь к ней, он снова отошел на восток, к реке Халха, чтобы перегруппироваться и спланировать предстоящую войну. Когда все было готово, в середине мая 1204 года он двинулся вверх по Керулену в сторону гор Хентей, где стояли лагерем найманы под командованием бездарного Тайянга. Когда монголы наконец вышли к позициям найманов, значительно превосходивших их численностью, их лошади бы ли тоже измотаны длинным переходом. Изучив ситуацию, один из вновь назначенных командиров предложил встать лагерем, чтобы восстановить силы и одновременно обманном маневром предупредить нападение врага: каждый воин должен разжечь не один, а пять костров. Это

сработало. В ту ночь выставленные на окрестных возвышенностях дозорные найманов доложили своему князю, что у монголов «костров больше, чем звезд на небе».

Тайянг, человек слабодушный, занервничал и предложил отойти и отложить сражение на следующий день. Здесь мы впервые слышим о Кучлуге, неистовом сыне Тайянга, которому в тот момент, полагаю, было около двадцати. Кучлуг и слышать об этом не хотел, он сказал, что от отца толку, что от спутанного теленка или «беременной бабы, которая носа не высовывает дальше места, где оправляется». Его поддерживает один из военачальников Тайянга, говоря, что, знай мы, что ты такой трус, мы бы лучше послали за твоей матерью, ты, кусочек говяшки... В гневе Тайянг отдает приказ вступить в бой.

В предшествующих стычках на равнине, километрах в 200 от нынешнего Улан-Батора, авангард Темучина обратил в бегство передовые отряды найманов. И теперь «*Тайная история*» смакует предстоящую победу. Когда Тайянг поинтересовался, почему бегут его воины, Ямухай напоминает князю, что у Темучина четыре великих соратника: военачальники Джебе, Джелме, Субудей и Кублай (не путать с внуком Чингиса, будущим ханом). Они вскормлены человеческим мясом, у них

Лбы из кованой меди,
Не носы, а зубила,
Не языки, а шила.
Сердца из железа,
Не мечи, а плетки.
Они поедают росу
И мчатся по ветру.

«Ах ты, — занервничал Тайянг, — давай держать этих варваров на расстоянии». И отступил в предгорья.

«А кто это там, — спрашивает Тайянг, перебравшись в безопасное место, — тот, что похож на голодного ястреба?»

«Тот, чье тело в литой меди и кованом железе? — отвечает Ямухай. — Это Темучин, мой названный брат».

Тайянг молчит.

Потом отвечает: «Опасный человек. Давай поднимемся повыше и останемся там».

Теперь Ямухая понесло: «Видишь Касара, брата Темучина? Мать кормила их человеческим мясом. Он сжирал быка-трех летку. Может целиком проглотить человека вместе с колчаном и вообще со всем и глотки не поцарапает. Он пробивает стрелой десять, а то и двадцать человек, пусть они даже будут по другую сторону горы».

Так продолжается, пока Тайянг не забирается на самую вершину горы. Тогда Ямухай посылает гонца к Темучину и сообщает ему, как он, верный Ямухай, нагнал на князя такого страха, что тот отступил. «Что до меня, — изворачивается он, — то я расстался с найманами».

Как бы ни происходила эта эпическая битва, заканчивается она победой Темучина. Тайянг умирает от ран, а Кучлуг бежит на запад (к кара-китаям, где начнет новую жизнь, ожидая случая снова сразиться с Темучином).

Ямухай тоже бежал в горы, с ним пять уцелевших воинов, они ищут убежища у меркитов, которые двадцать лет назад умыкнули Буртэ. Последовала еще одна война, и меркиты были окончательно разгромлены. Люди Ямухая выдают его, и он схвачен. Как сообщает «*Тайная история*», Чингис казнит людей Ямухая за то, что они пошли против своего хана, затем

дает Ямухаю шанс покаяться, призвав вспомнить их старые клятвы. «Мы должны, — говорит он, —

Напомнить друг другу, что Мы забыли,
Разбудить друг друга от сна.
Когда ты ушел и отделился от меня,
Ты все равно был моим счастливым,
благословенным названным братом,
Ведь правда, в дни, когда ты убивал и убивали
тебя,
Под ложечкой и в сердце твоём сосало по мне?

В сущности, он ищет предлога простить Ямуху. Он говорит, что Ямухай, возможно, и говорил что-то про меня, но «я не слышал, чтобы он думал угрожать моей жизни». Но Ямухай знает, что он конченный человек, ведь он разоблачил себя как обманщик и лицемер, интриган и предатель. «Теперь, когда перед тобой лежит весь мир, какая тебе польза от того, что я стану твоим товарищем? Совсем наоборот, мой названный брат, я буду преследовать тебя в снах, а солнечным днем доносить твои мысли».

Я был бы вошью в твоём воротнике,
Я стал бы щепкой в подкладке твоей шубы

«Дай мне умереть, не пролив моей крови. Или убей меня и положи мои кости на высоком месте. Тогда я буду вечно охранять и благословлять семя твоего семени».

Во всяком случае, так выглядят эти события в изложении «Тайной истории». Согласно ей Ямухай — это человек, сбившийся с пути, заблудшая овца, но под конец нашедший в себе силы вспомнить о

благородстве, что и объясняет доверие, которым он на первых порах пользовался у Темучина. А Темучин мудрый и щедрой души вождь, который ни за что не нарушит узы названного братства. Ямухай сам выносит себе приговор, и ему даруется не позорящая его смерть через удушение, его тело не выставляется на позорное обозрение как преступника, а хоронится подобающим его положению образом.

Темучин теперь стал господином практически большей части сегодняшней Монголии, человеком, который «объединил народ войлочных юрт».

В 1206 году национальное собрание — *курултай*, так же называется сегодня монгольский парламент — на Голубом озере провозглашает его вождем вновь объединенной нации и удостоивает титула Чингисхана.

По поводу этого титула нет единого мнения. Существовало много традиционных титулов, некоторые щедро раздавали правители Ляо или юрченгов, государств на севере Китая. Правитель Кара-Китая был Гуром, или «Вселенским ханом», этот титул взял себе Ямухай, Тогрул был Ваном (по-китайски — «княжеский», «благородный») Хан. Но ни традиционные титулы, тюркские или монгольские, в данном случае ничего не объясняют, ибо ни одному монголу до этого никогда не удавалось достичь таких высот. Другим — да, но не монголу.

«Чингис» был заново придуманным титулом, и ни до, ни после — никто не получал его, и о его происхождении много споров. Одна традиция сводилась к тому, что его дал Темучину верховный монгольский шаман или самый почитаемый и самый старый из старейшин, но это не проливает света на его значение. Возможно, оно имело какое-то отношение к слову «море» — *тенгис*. Океаны и озера являлись предметом особого поклонения, и когда позже, в шестнадцатом столетии, хан Алтан пожелал превознести высшего

буддийского сановника, то придумал монгольскую версию тибетского ламаистского титула и назвал его далай-лама, что также означает океан или большое озеро. А может быть, слово *Чингис* должно было напоминать слово, обозначавшее Небеса или Небо — Тенгер, которое делало бы нового императора Небесным правителем, сравнимым с китайскими императорами, которые правили по «Мандату Небес». Версия очень привлекательна, если бы только в слове «Чингис» имелась буква «р» или звучал этот звук и если бы имелось какое-нибудь грамматически приемлемое окончание «ис» для «Тенгер», чего категорически нет. Или, возможно, оно является атавизмом и уходит корнями на несколько веков назад, к уйгурскому правителю по имени Денгис или даже к сыну Аттилы Дензиху, что может иметь то же значение, что и современное монгольское *тенгисих* («море-великий»). Но даже если принять, что в народной памяти сохраняются такие теряющиеся во мгле времени предшественники, все равно возникает вопрос: почему в таком случае не обратиться к самим первоисточникам, Огузу и Аттиле? Это ничего не дает. В те времена, если кто-то и знал происхождение и значение титула, то все хранили молчание. Никто не видел резона объяснять это. Вот для того, чтобы дожить до такого момента, работали, воевали, ждали верные соратники Темучина. Они были щедро вознаграждены, о чем с самыми подробными деталями сообщает *«Тайная история»*, делая обзор смелым предприятиям и походам, которые привели их к такому итогу. Те, кто шел с ним до конца — список заслуженных ветеранов содержит 88 имен, — получили командование одной или несколькими «тысячами». В целом это создает армию из «95 тысяч хозяйств», хотя, если принять во внимание истинную величину «тысячи», это могло составлять всего 50 тысяч.

Борчу, Мухали, Борокул и Чилаган стали Чингисовыми «четырьмя боевыми конями», Кублай, Джелме, Джебе и Субудай — «моими четырьмя борзыми». Шорконшира, спасший новому императору жизнь, когда тот спасался от тайчиутов, стал императорским помощником, носителем колчана, как и его сыновья.

Новое общество, особенно таких размеров, нуждалось в новых правилах и новых формах управления. Особенно на значение на посты вносило новый элемент в систему управления империей кочевников. В прошлом единство монголов вечно подрывалось племенным соперничеством. Детство самого Чингиса оказалось отравленным клановыми распрями, они постоянно ставили ему западню на всех этапах прихода к власти. Теперь произошла революция, назначения делались не в зависимости от наследственного положения в племенной иерархии, а в зависимости от реальных заслуг.

Главным критерием была преданность. Шорканшира с сыновьями не были единственными, поднявшимися к власти из грязи. Пастухи, плотники, кожевенники были нередкостью. Джелме и Субудай были сыновьями кузнецов.

Новое общество, особенно если учесть его такие размеры, нуждалось в новых правилах и новых формах руководства. В особенности требовалось письменное ведение дел. С увеличением завоеванных земель Чингис стал понимать, что со временем такая потребность встанет. Об этом можно догадываться, исходя из того, что он приставил к делу одного из отбитых у найманов уйгура по имени Тататун, который в прошлом был высшим должностным лицом. У найманов он служил писцом и вел записи на уйгурском языке. Теперь Чингис велел ему делать то же самое для нового господина, а еще обучать письму молодых княжичей.

Этим зачатком канцелярии обязательно должен был ведать один из членов семьи — какой-то человек из ближайшего окружения, а не пленник-специалист. Выбор пал на Шиги, сводного брата Чингиса, которого вызволили из татарского плена за десять лет до описываемых событий. «Пока я навожу порядок во всей империи под покровительством Вечного Неба, ты стал моими всевидящими глазами и всеслышащими ушами, — сказал Чингис брату Шиги. — Раздели народ войлочных юрт на группы... наказывай тех, кто заслуживает наказания, и записывай раздел имущества, законы и решения «на белую бумагу в голубой книге». Это будут записи для будущих поколений, и всякий, кто попытается изменить их, будет наказан.

«Голубая книга» Шиги известна как «Великая Ясса» или джасагх (вариант транслитерации монгольского слова, означающего правительство или свод законов, которое звучит дзассаг). Оригинал книги утрачен, потому что в Китае она не получила легального статуса даже после монгольского завоевания, но отрывки из нее доступны из других источников, китайских и персидских.

В предыдущем абзаце прячется еще одно нововведение, наводящее на мысль о возрастающей уверенности Чингиса в предназначении свыше. Традиционно монголы поклонялись Голубому небу. Теперь, впервые, говорится о том, что Чингису покровительствует *Вечное Небо*. Сказать с уверенностью, когда точно произошла эта подмена, очень трудно, но перед нами свидетельство того, что Чингис и его сторонники находили все больше подтверждений исключительности судьбы Чингиса и превращения мечты в реальность. Переменчивое благословение Голубого неба может дать кратковременный успех клану, основание же целой нации предполагает нечто

более основательное — а что может быть для построения империи основательнее поддержки вечного божества?

Революция Чингиса охватила общество сверху донизу. Покончено с племенными отрядами, теперь полки присягают на верность своим командирам. Правда, некоторые полки остались племенными, но исключительно при условии, что они сохраняют безусловную преданность Чингису. Изменение статуса полка каралось смертной казнью, не проявившие себя в бою командиры смещались. Вся военная и социальная структура была поставлена на новый фундамент решением Чингиса сформировать собственный контингент личной охраны из 10 000 воинов, получивших особые привилегии. Это был гениальный ход, потому что в состав личной охраны брали сыновей полковых командиров, и они имели тот же ранг, что и их отцы, различие в их положении заключалось только в том, что за проступки отцов первыми несли наказание сыновья. Очень умно, в высшей степени оригинально, если не сказать уникально. Прежде чем нарушить клятву верности, командир десять раз подумает и вспомнит, что его сын в заложниках у хана и что предательство повлечет за собой санкции против обоих. Личная преданность стала пре выше всего, выше племенных уз, и это создавало совершенно новую и очень прочную социальную текстуру, подчиненную одной-единственной цели — завоеванию.

И завоевание было всем, так как это общество не знало денежной экономики. Войскам можно было платить только натурой. Власть сама по себе не давала ничего. Как только покоренные племена абсорбированы — мужчины распределены по полкам, молодые женщины розданы, дети обращены в рабство, шелк, чаши, седла, луки, кони и стада поделены, — воины вновь ждут нового приказа от вождя. Старая система

сломана, новая выстроена — но как, реально, можно заставить ее функционировать? Только нацелив на источник богатств, захват которых открывал дорогу к новым походам и новым завоеваниям — землям, простирающимся к югу от Гоби.

Голубое озеро не единственное возможное место, где могла проходить церемония, во время которой Темучин стал Чингисханом, но его красота, географическое положение и сама местность придают этой версии особую убедительность. Мне очень хочется, чтобы Темучин выбрал для «коронации» именно это место. На высоте шести метров над озером красуется открытое плато, выстланное ковром сочной травы, почти пологие восточные берега — идеальные пастбища и естественная площадь для построения войск и разбивки военного лагеря. Если командующему было необходимо окинуть взором свою армию, он мог подняться на 100 метров на зеленую лужайку на склоне горы Черное Сердце, что расположена напротив.

Я не одинок в своем мнении. Монголы давно уже приняли эту точку зрения, считая, что это наиболее вероятное место для этого торжества, и соответственно почитают его. Грубое кольцо плоских, изъеденных лишайниками камней отмечает основу чего-то очень большого — может быть, временно го дворца, построенного неизвестно когда и с какой целью. Так и хочется допустить, что это и есть зал коронации, но где доказательства? Возможно, это остатки какого-то сооружения, возведенного позже в память коронации, подобного более позднему добавлению — небольшому мраморному столбу с разбросанными вокруг камнями и приношениями, на котором выбит портрет человека с суровым взглядом.

Трижды совершающие ритуальный обход памятника паломники проложили вокруг него еле приметную тропку. На шесте трепещет голубой шелковый стяг с

надписью, нанесенной старым вертикальным письмом: «Здесь, на Голубом озере Черного сердца, был коронован Чингисхан».

На другом берегу озера гора Черное сердце гигантскими белыми буквами старым вертикальным шрифтом сама заявляет о причине собственной славы: «Чингис» и рядом меньшими: «Хан». Непонятно, как сделана эта надпись, возможно, траву соскоблили, чтобы проступила подстилающая ее белая меловая порода, как белые лошади на английских известковых холмах. Утром убедимся, так ли это.

Ночи там студены, даже летние, и я провел жуткую ночь, без подушки, на голой земле и только в тоненьком, не расчитанном на такие тяготы спальном мешке. На заре я, жалкая, отбившаяся от стада дрожащая овца, выбрался из своей пропитанной росой палатки и очутился в мире совершенства. Восходящее солнце четко выписывало контуры гор. Его косые лучи поднимали с поверхности озера пелену тумана, которая театрально, словно сухой лед, плыла у подножия Черного сердца. Надпись «ЧИНГИС», обращенная, конечно же, к югу, подкрашивалась с востока в оранжевый тон. Я быстро зашагал, пытаюсь отогреть неслушающиеся от холода ноги, и скоро вышел на полоску берега, изрытую норами сурков и мышей-полевок. Ни ветерка, высокие ели и вода застыли в полной неподвижности, ничто не колеблет зависшую над озером вуаль тумана. Единственными звуками, которые улавливали мои уши, были далекое-далекое «ку-ку» и песня невидимого в прозрачной голубизне жаворонка. Сур ки спали, спали, благодарение Всевышнему, и мухи. Единственными двигающимися предметами были я и рассеивающийся туман.

Хлюпающая под ногами грязь предупредила меня, что восточная оконечность озера заболочена. Я постарался держаться кромки старой береговой линии

и поднялся чуть выше, отсюда мне открылась моя тень, невероятно вытянувшаяся к западу прямо вдоль речки, питающей озеро. Теперь от тумана не осталось и следа, и Голубое озеро отражало в своих безмятежных водах голубое небо — лучшего символа божественного благоволения придумать трудно.

При ближайшем рассмотрении надпись «ЧИНГИС» оказалась выложенной из больших камней, наверное 150, что-то в этом роде, и все камни были выкрашены белой краской. Начали донимать мухи, и я поспешил заняться делом и измерил надпись шагами — получилось 37 метров сверху вниз, насколько это мне удалось, учитывая, что шагать пришлось под уклон. Камни были разнокалиберные — от здоровых валунов, весом с тонну, до камней, которые я смог бы при желании поднять. Мне подумалось: интересно, кто бы это мог сложить такую надпись и когда. За ней ухаживают, краска еще не выцвела. Это значит, что ее сделали сравнительно недавно, тем более если взять в расчет, что воскрешение Чингиса произошло только после падения коммунизма. Уже начинают оставлять следы мороз, дожди, талая вода и выпас скота, и не сколько камней скатились под гору. Один камень — верхний левый угол высеченной первой буквы — был недавно заменен. Невооруженным глазом видно отметину в траве, где он лежал. Если это делается по команде сверху, в чем я сомневаюсь, то все равно это делается с любовью.

И какой же это вид! Запыхавшись, я забрался на вершину и нашел там *ово*, кучу валунов, украшенную единственной полоской шелковой ткани, и валяющиеся повсюду пустые бутылки. Оглянувшись назад, на юг, я увидел бескрайние леса, перешагивающие через хребты и выделяющиеся густыми темными пятнами, которые разделяются зеленеющими склонами, как будто все это создано ландшафтным художником,

располагающим неограниченными ресурсами, что бы изобразить армии на марше. Западные берега озера невысокие, зеленеющие и такие же заболоченные, как и восточная оконечность, там заиленная серебристая полоска травы, перемежаемая группами ив, отделяет основное озеро от образующего отдельный водоем заливчика.

Уже потом, в ответ на мою банальность касательно веко-вечности этого вида, Баатар обратил мое внимание на болота и ивы. «Вы смотрите на это сейчас и думаете, ничто не может изменить то, что вы видите? Когда я был молодым, все эти озера были больше». Дело в глобальном потеплении. Озера лежат в зоне вечной мерзлоты, пояснил он, и в этой пограничной с Сибирью области вечная мерзлота тает, в результате все озера мелеют. «Не пройдет много времени, и они исчезнут».

Черное сердце, Голубое озеро — загадочные цвета. Стоя на вершине *околоово*. Я мог глядеть под более острым углом, и вода в озере не казалась мне голубой. Она была коричневой. Но вот теперь, когда я пишу эти строки и смотрю на фото, которое я снял, озеро получилось таким же чистым и голубым, как небо. По-видимому, тут дело не только в углах зрения. Фотоаппарат и человеческий глаз воспринимают волны разной частоты. Когда я спустился вниз и забрел в озерную воду, чтобы смыть пот, она была прозрачной и в деталях просматривалось темно-коричневое торфяное дно. Я зачерпнул руками воды и выпил — она была чистой и без каких-либо примесей, можно разливать по бутылкам. Этой странностью, вероятно, и объясняется название места. Голубое озеро с темным сердцем, так как *словохар* — «черный» означает также и «темный». Название вызывает в памяти древние противоположности: сверху и снизу, светлое и темное, небо и земля, божественное и земное, — что говорило о том, что вновь созданному Чингису было

предопределено стать господином земной империи, в которой, если правильно видеть ее, отразится божественное.

Часть II. Империя

6 Великое государство белого и высокого

Воображаемым взором по следуем теперь за Чингисом прямо на юг, через 600 километров степей и Гоби, через предгорья великих горных цепей, где гравийные поля уступают место лугам и пастбищам, между двумя горными хребтами в сторону Желтой реки, а затем вверх по течению широкой, текущей по илистому дну реки еще 250 километров до города Иньчуаня.

Полюбоваться видом Иньчуаня, столицы нынешней провинции Наньси, можно с верхнего этажа пагоды XI века, возвышающейся над деревьями, в тени которых утопает заросший травой дворик городского музея. Я взобрался по крутой и темной лестнице наверх, потому что общий обзор, как правило, дает некоторый ход мысли. Но этого здесь не получилось. Иньчуань — почти миллионный город, — на первый взгляд выглядел огромным, скучным, серым, малоэтажным послевоенным пригородом, рассмотреть что-либо подробнее мешала окутывавшая его дымка. Я подумал, что могу различить вдалеке полосу желтых песков пустыни. Дымку при носила пыльная пустыня, городской транспорт, толпы велосипедистов и трехколесных рикш, а также промышленные предприятия, примостившиеся на равнине к северу.

Но есть другой город Иньчуань, ключом к которому могут служить сама пагода и деревья с травой. Улицы обсажены деревьями, обочины в траве, их поливают из автоцистерн. Не видимые из-за дымки равнины оказываются бескрайними тучными полями пшеницы, овощей, ухоженных фруктовых садов, которые обводняются древней замысловатой системой каналов,

берущих воду из Желтой реки, что в 12 километрах к востоку от города. Музейная пагода напоминает, что у этого города древние корни, что было время, когда он славился как центр буддизма. В городе есть еще только одно многоэтажное здание — пагода высотой 54 метра, сложенная из кирпича 1500 лет назад. Она была закрыта, но не по причине небрежения, а совсем наоборот. Иньчуань возвращает себе свое богатое прошлое и делает это во имя еще более богатого будущего.

Это прошлое лежит в совсем ином и некитайском мире. Тысячу лет тому назад Иньчуань, — а положение его таково, что если провести прямую линию через всю территорию современного Китая, то Иньчуань окажется на одной трети расстояния с запада до морского побережья, что делало его недосыгаемым для любого китайского правителя, — был центром отдельной самостоятельной культуры, чьи непривычные и загадочные артефакты производят потрясающее впечатление на новичка.

До Иньчуаня я добирался поездом из Хух-Хото, столицы Внутренней Монголии, со своим другом, переводчиком и гидом Джоргитом, преподавателем университета Внутренней Монголии. Если с полчаса проехать по новой шоссейной дороге на запад от Иньчуаня, маячившие на горизонте неясным блеклым мазком горы материализуются в рваную скалистую стену — горы Хеланьшань. На их фоне над верхушками придорожных деревьев маячат непонятные, имеющие форму пули сооружения метров 30 высотой, они похожи на гигантские, изъеденные непогодой серые термитники. Их восемь штук, но с первого взгляда увидишь только три-четыре. Остальные поглощены окружающим их пространством, своего рода фартуком из гравия и земли, охватывающим полосу 10

километров у подножия гор, из которых он был вымыт. Эти купола — гробницы императоров.

Почти восемьсот лет гробницы назывались Озимандян — скими развалинами, это были загадочные, вызывающие благоговейный трепет руины, подобно огромным каменным ногам без тела, увековеченным в поэзии Шелли. Благодаря заботам чингисхановских войск, не оставивших после себя ни тел, ни сколько-нибудь значительного количества арте фактов, это место до сих пор одни только колоссальные груды камней. Но сейчас они притягивают к себе множество археологов и являются манящим туристским объектом, который сравнивают с египетскими пирамидами. Конечно же, они не эквивалентны пирамидам по масштабу, но они вместе с территорией, на которой расположены и которая равняется 50 квадратным километрам, говорят о мощи и престиже культуры, что 200 лет господствовала в регионе, равном Франции и Германии, вместе взятых. Вполне естественно, что хищный взгляд Чингиса остановился на этой стране.

Но почему именно на этой стране, а не на более богатых соседях, Цзинь, традиционном недруге монголов? Для того чтобы понять стратегию Чингиса, необходимо рассмотреть, какой у него был выбор.

В начале XIII века Китай представлял собой разделенную страну. Центральный и южный регионы долго находились под властью династии Сун, которая покровительствовала художественному и интеллектуальному ренессансу. Южную часть еще удерживала Сун, но север подпал под два «варварских» народа. На северо-востоке лежало царство, основанное за столетие до этого юрченами из Маньчжурии, которые дали ей название по имени своей династии — Цзинь. Кабул, прапрадед Чингиса, и Кутула, его двоюродный дед, воевали с Цзинь, и она под конец станет главной целью Чингиса. Но Цзинь была крепким орешком.

Сейчас она заключила союз со своим давнишним врагом, Сун, и была уже далеко не той, что раньше. Варварское происхождение забыто, и Цзинь управляла своими миллионами китайских крестьян и десятками хорошо укрепленных городов из-за мощных стен Бейджина.

Однако по соседству находилось второе «варварское» царство, то самое, с девятью мавзолеями в форме пули. Более известное под своим китайским названием Си Ся, оно выглядело более обещающим.

Теперь на минутку представьте себе последствия того, что собирался затеять Чингис. Перед ним три соперничающих государства: Цзинь, Сун и Си Ся, и мир между ними ба лансировал на весьма неустойчивой основе. Тут же, под боком, еще две державы: Тибет и (с начала X I I века) Кара-Китай. Теперь добавьте полунезависимые племена и кланы, живущие своей собственной политикой, лавируя между великими державами и ведя среди них свою игру, — все связаны интересом вокруг торговых путей, особенно тем, который мы называем Шелковый путь, хотя шелк к этому времени перестал быть главным товаром, который связывал Китай с Центральной Азией и в конечном итоге с Европой. Только представьте себе, какие там были религиозные противоречия — ислам на западе смешивался с буддизмом, конфуцианством, несторианским христианством и шаманизмом, и сколько там разных языков, среди них основные — китайский, тибетский, тюркский, арабский, тангутский (о нем подробнее еще будет разговор). Вот в какой котел собирался окунуться Чингис со своим народом и бросить в это извечно бурлящее варево свою армию, язык, культура и религия которой были совершенно чужды новой среде. Долговременные последствия этого шага были абсолютно непредсказуемыми.

Но будущий завоеватель и не мог задумываться о долговременных последствиях. Ему необходимо было как можно скорее найти самое уязвимое место для нанесения удара, который должен дать немедленный и самый богатый дивиденд и обеспечить монголам прочные и самые неприступные позиции в иерархии царств. Из двух возможных объектов Цзинь была слишком сильная, в ней имелось слишком много укрытых стенами городов и слишком много гор, через которые нужно будет переходить. Си Ся, по сравнению с Цзинь, была открытым домом под защитой только Гоби и песчаных пустынь, которые монголы могли преодолеть в считанные дни, в ней было немного городов, и ее войска были слабее. Со стратегической точки зрения было бы лучше сначала добиться победы над более слабым противником, а уже потом повернуть против того, кто сильнее. Можно было опасаться, что Цзинь вмешается в драку, но в данный момент это было весьма сомнительно, если иметь в виду недавнюю смерть ее правителя. Игра стоила свеч, если можно будет одержать скорую победу.

Я говорил, что предполагаемая жертва Чингиса больше известна по ее китайскому названию. По правде говоря, Си Ся вряд ли что-то говорит кому-либо, за исключением горстки специалистов, потому что Чингис постарался стереть с лица земли государство, культуру и народ этой страны. Здесь следует отметить, что здесь мы видим первый в истории описанный пример запланированного геноцида. Безусловно, это был очень эффективный этногеноцид. Сменившим культуру Си Ся монгольской и китайской культурам не было дела до спасения ее документов, ее письменности, сохранения ее памятников. Этим занимались ученые других стран, главным образом России, начавшие работу по дешифровке и интерпретации культурного наследия Си Ся. Недавно, по прошествии такого долгого времени,

китайцы проявили желание побороться за первенство в этой области, учредили исследовательский институт, стали собирать артефакты, реставрировать памятники. Только в наши дни эта древняя культура вновь открывается публичному обозрению на сцене, с которой ее выбросили силой.

Народ Си Ся называл себя «ми». Но, как это случается обычно, терминология доминирующей культуры рано или поздно должна возобладать. Китайцы звали жителей этой страны «даньцзянь», а по-монгольски они стали «тангутами» («дань» плюс монгольское окончание множественного числа «ут»). Тангуты из Си Ся — вот как их называют теперь. В VII веке предки тангутов под нажимом тибетцев мигрировали из горных районов восточного Тибета на восток. Прошло триста лет, и их базой стал Ордос, пространство в пределах излучины Желтой реки, где их вожди правили приграничными областями старого Ся по мандату династии Тан, отсюда и их более позднее название («си» значит «западное», Си Ся — Западное Ся, в отличие от Ся, которое в V веке существовало дальше к востоку).

Когда в 960 году к власти пришла династия Сун, тангуты воспользовались удобным моментом и в 1020 году основали новую столицу к западу от Желтой реки — вблизи или на месте сегодняшнего Иньчуаня, — а затем повели наступление на запад, через горы Хелан, создав в конечном итоге империю 1500 километров в ширину и 600 километров в глубину. Становым хребтом их владений была узкая полоса богатых пастбищ, пролежавшая между северными предгорьями Тибетского массива и мертвящими просторами пустыни Алашань, которая географически является южным протяжением Гоби. Эти пастбища распространяются до самого Дуньхуана с его комплексом буддийских пещер IV века на восточной оконечности пустыни Такла Макан.

Этот отрезок Шелкового пути, длиной 1000 километров и шириной местами не больше 15 километров, называли коридором Хэси («Хэ-Си» значит «Река-Запад», т. е. к западу от Желтой реки), теперь его принято называть коридором Ганьсу, по названию провинции, в которую он входит. На полдороге между Иньчуанем и Дуньхуаном ответвляется дорога, ведущая через пустыню к реке, которая теперь известна как Шуй, но для монголов это Эцинъ. Эта река текла через пустыню к пограничной крепости, которая известна под несколькими названиями: Эцина (по Марко-Поло) или Хара-Хото («Черный го род» — это монгольское название, только теперь окончание «о» опускается).

Истинный основатель Си Ся как независимой империи Ли Юаньжао был честолюбивым и талантливым правителем и целым рядом мер^[5] утвердил статус своего народа. Он дал царской семье новую фамилию Веймин (или как-то в этом роде — это китайская версия тангутского слова). Его владения стали Великим государством Белого и Высокого. И он отделил тангутов от их соседей, предписав мужчинам брить голову, оставляя челку над лбом. Его подданные должны были под страхом смертной казни выполнять этот указ. В 1038 году он провозгласил себя императором. Эти шаги заставили китайцев прибегнуть к оружию, и последовала шестилетняя война, закончившаяся только после того, как Юаньжао заманил китайцев в западню.

Выбрав долину, где удобно было устроить засаду приближающейся сунской армии, тангуты, как утверждает традиция, отошли и стали ждать, когда китайцы подойдут к нужному месту. Оставалась проблема, как узнать, что они туда подошли. Юаньжао придумал остроумный выход. По его приказу наловили много птиц и посадили в ящики, а ящики расставили

вдоль дороги. Сунская армия подошла, солдаты заинтересовались странными звуками, исходившими из ящиков, и открыли их. Птицы выпорхнули на свободу. Увидев стаю птиц, затаившиеся в засаде тангуты атаковали и перебили 20 000 сунских солдат. В 1044 году Сун подписала с тангутами договор, обязавшись ежегодно выплачивать «субсидию» — 135 000 кусков шелка, 2 тонны серебра и 13 тонн чая.

Перенос столицы в район Иньчуань, расположенный в непосредственной близости к Желтой реке, был очень умным маневром, ибо в его результате тангуты присвоили плодороднейшую долину величиной с Массачусетс или Уэльс, 20 000 квадратных километров, ядро которых составлял один миллион гектаров, обводнявшийся древней ирригационной системой, и мог, по подсчетам одного китайского историка, прокормить 4–5 миллионов человек.

Юаньжао издал также указ, подтвердивший подобный указ предшественника, по которому принимались меры к созданию тангутской письменности, ибо понимал, как понял двумя столетиями позже Чингис, что письменность будет официальной базой для государственной администрации и религии, а через них и национальной идентичности. Его честолюбие требовало, чтобы письменность демонстрировала уровень цивилизации и при этом отличалась уникальностью. Необходимо было выбрать модель для адаптации. Он мог бы остановиться на тибетском, который был бы намного проще, поскольку тангутский язык был родствен тибетскому и тибетская письменность имеет алфавит. Можно было бы взять несколько десятков букв, как сделали монголы. Нет, он пошел по другому пути, его привлекла письменность господствующей в регионе культуры — китайской, в которой каждый из тысяч знаков соответствует слогу. Другие китаизированные культуры

— корейская и японская — использовали китайские символы для письма на своих языках. Но Юаньжао велел своему ученому Ели Жэньжуну придумать знаки, которые были бы абсолютно оригинальными, что закрепило бы за тангутской письменностью славу не имеющей отношения к китайской. Таким образом, 6000 тангутских иероглифов выглядят как китайские, но китайскими не являются. Даже те, которые все-таки являются производными от китайских, изменены настолько, что никакому китайцу их не прочесть. Одна фонетика помочь не могла, так как тангут так же далек от китайского, как английский от венгерского.

Этим письмом пользовались для записи законов и для переводов буддийских текстов, который тангутские праотцы принесли с собой из Тибета и которые с самого начала под держивали буддизм как государственную религию. На деле для тангутов буддизм был больше чем религия, он был их идеологией, использовавшейся царской семьей для борьбы с китайским конфуцианством и утверждения тангутского главенства. Стремившийся прославиться добрыми делами, император приобрел у сун полный экземпляр 6000-страничной *Трипитаки*, свода буддийских канонических писаний, и повелел перевести ее на тангутский. Делая это, Си Ся старалась не отстать не только от сун, но и от лян и корейцев, которые сделали перевод *Трипитаки* за сто лет до этого. Но дело было не только в том, что свод буддийских текстов был переведен и переписан каллиграфом. Тангуты вслед за сун, лян и корейцами напечатали свой материал, вырезая каждую страницу в зеркальном отражении. Трипитака потребовала 130 000 печатных досок, на каждой сотни иероглифов, и каждая доска позволяла делать оттиск двух страниц. И это была лишь одна из тысяч буддийских работ, которые были отпечатаны или задолго до этого получены или приобретены тангутами.

Когда в 1907 году доступ в пещеры Магао около Дуньхуана, замурованные около 1000 года, был открыт для английского археолога сэра Ауреля Штейна, он купил (всего за 130 фунтов стерлингов, как он позже вспоминал) «плотную кипу рукописей, высотой почти 10 метров и объемом, как мы подсчитали потом, 500 кубических футов», около 40 000 рукописей и несколько сотен картин, составляющих теперь ядро огромных коллекций в Британском музее, Британской библиотеке и других хранилищах. Китайские, тибетские, уйгурские и санскритские документы, запрятанные еще до того, как расцвела тангутская культура, красноречиво свидетельствуют о том, насколько богатой была буддийская традиция в момент, когда тангуты начинали писать собственные сочинения. О масштабах их усилий стало возможным судить, когда русский путешественник Петр Козлов исследовал в 1908-1909 годах заброшенные руины северного аванпоста Си Ся города Хара-Хото и когда в Санкт-Петербург на телегах отправлено было 10 000 документов, многие из них на тангутском языке, и там они осели в обширной и в основном непрочитанной коллекции тангутской буддийской литературы.

Если тангуты выпустили потрясающее количество печатной продукции, то это потому, что потрясающими были их умение, организация и техника. Что значит напечатать *Трипитаку* — представьте себе, что вы собираетесь напечатать «Энциклопедию Британнику» и начинаете с изобретения собственной письменности, затем изготавливаете печатные доски, вырезая по дереву в зеркальном исполнении каждую страницу каждого из 31 томов.^[6]

Долгое время китайские ученые-гуманитарии сокрушались по поводу того, что такое количество тангутского исторического «сырья» исчезло в

«империалистических» музеях. Теперь же китайцы пытаются перехватить инициативу, и одно из мероприятий в этом направлении — создание прекрасного института Си Ся при Иньчуаньском университете провинции Нинся. Им руководит Дзяньлу, показавший нам кодекс законов Си Ся — «первый полный свод законов этнического меньшинства в Китае» — с такой гордостью, будто эта копия санкт-петербургского оригинала была его собственным произведением. За последнее столетие была проделана огромная работа, но та горстка ученых, которые могут читать тангутскую письменность, продолжают находить новый материал, помогающий воссоздать жизнь тангутского общества. «Мы находим установления по поводу одежды, да же ее цвета, предписанного для простого люда, указы о месте жительства, о том, как орошать поля, как строить каналы, в каком направлении должна течь вода».

Усилия китайцев занять доминирующее положение в изучении этого находящегося едва ли не семью печатями «поля чудес» во многом основываются на трудах всей жизни одного человека, Ли Фаньвэня, который не смог встретиться со мной из-за того, что он стар и очень плохо себя чувствовал. Страсть к малоизвестным языкам зародилась у него в 1955 году, и с той поры он весь отдался распутыванию их хитросплетений. Многие из 6000 иероглифов были расшифрованы русскими учеными, но символы составляли только долю проблемы. Ли пришлось также помучиться над грамматикой, а затем с накопленными знаниями взяться за разгадку знаков, имеющих множественное значение, — новых понятий, созданных соединением и преобразованием иероглифов. «Дерево», добавленное к «вырезать», дает понятие «долото», и это самое простое. Но как догадаться, что «сердце» плюс «зло» будет значить «вред», что «колени» плюс

«рука» плюс «идти» — это «взбираться»? Или «палец», написанный наоборот, значит «большой палец ноги»? Посвятив работе в этой области почти 50 лет, заполнив 30 000 карточек и расшифровав надписи на 3000 надгробий, Ли в 2001 году выпустил Словарь Си Ся — мандарин.

Великое государство Белого и Высокого создало и развило впечатляющую культуру, сосредоточившуюся в десятке крупных городов, где трудились умелые ткачи, строители, кожевенники, металлурги. Тангутские купцы торговали по всей Центральной Азии, снабжая ее элиту предметами роскоши. В 1980 году археологи наткнулись на клад, содержащий 10 000 железных монет, все они были отчеканены в двенадцатом столетии в Си Ся. Несмотря на обширнейшие пустыни, составлявшие большую часть ее территории, Си Ся располагала великолепными пастбищными землями Коридора Ганьсу, протянувшегося вдоль хорошо обеспеченных водой северных предгорий гор Цилян. Ее богатство позволяло содержать мощную армию, расквартированную по десятку военных округов, во главе каждого из них стоял член царской семьи. Во время войны император рассылал гонцов с серебряными пластинами, они сообщали местным военачальникам приказ начать призыв в армию всего мужского населения в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет. Таким образом, правитель был в состоянии набрать армию в 300 000 воинов.

Последующие 150 лет императоры Вэй Мин сменяли друг друга в семейном бизнесе управления, хотя случались и междоусобицы, временами возникали бунты и бандитские войны на беспокойных границах Си Ся. В 1125 году на территорию страны хлынули толпы беженцев-киданей, спасавшихся от нашествия юрченок. В 1140-х годах голод и землетрясения вызвали восстания. Но, если взять в целом, это было стабильное,

развитое, процветающее царство. Никому бы не пришло в голову, что его сила была и его уязвимым местом. Дело в том, что это была страна, управлявшаяся учеными и чиновниками, а ее армия опиралась только на крестьян-земледельцев и торговцев-горожан, у монголов же опорой войска было все население страны.

Во время, когда родился Чингис, Си Ся имела по всей стране систему государственных школ и колледж с 300 местами для подготовки чиновников и ученых. Ученая академия писала и хранила исторические труды. Император Жэньсяо, подобно своим предшественникам, был буддийским полу-божеством и стремился прослыть просвещенным монархом.

В 1189 году Жэньсяо отметил пятидесятилетие восшествия на престол распространением 100 000 экземпляров сутры о возвышении и втором рождении Маитрейи, пятого ботисатвы, и по 50 000 других сутр; все эти сутры были напечатаны на тангутском и китайском языках. Однако Жэньсяо оказался последним великим правителем Си Ся. Он умер в 1193 году, оставив империю на менее способных преемников.

Величественная, замощенная камнем дорога к гробницам выходит прямо на мавзолей номер 3, построенный основателем Си Ся и находящийся сейчас в обширном огороженном пространстве, где ведутся археологические раскопки. Сюда допускаются посетители. Но это лишь крошечная часть непостижимого целого. На другом конце равнины, подобно далекому песчаным замкам, стоят восемь других императорских гробниц и 200 сооружений поменьше, построенных для военачальников ниже рангом с их семьями, они открыты для посещения, и туристы, у которых хватит на это сил и времени и у которых есть соответствующая обувь, могут их посмотреть. Нам на помощь пришел наш водитель. Рядом с кассой была грунтовая дорога, которая шла

через каменистую пустошь, поросшую кустиками жесткой травы и пересеченную пересохшими руслами весенних потоков, и приводила к гробницам номер 2 и 3, построенным Юаньхао для прославления его отца и деда. Рабочие были заняты, устанавливая забор из дерева и железа, огораживая пространство для будущих посетителей. На нас с Джоригтом никто не обращал внимания, мы были одни с этими камнями, куста ми, далекими горами и этими непонятными сооружениями. Таких сооружений, как эти побитые погодой конусы, я никогда в жизни не видел. Вообразите себе носовую часть ракет, изъеденную во время встреч с астероидными облака ми. Вокруг их основания эродированный детрит набросал пыльные юбки. Но поверхность конусов выветрена неровно. Восемь столетий дождей прочертили на всех куполах горизонтальные и вертикальные бороздки. Кроме того, виднелось множество отверстий — ну просто масса отверстий.

— Джоригт, что это за отверстия, как ты думаешь? Похожи на птичьи гнезда.

— Это не птичьи.

— Может быть, это отверстия для вентиляции, — предположил я.

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Это же гробница. Внутри должна быть пустота. Там дол жен быть воздух внутри.

Оба мои предположения были ошибочными. В общем-то, ответ находился прямо у нас под ногами. Бульдозеры разравнивали площадку у гробницы, готовя, как я думаю, место для туристских орд, которые повалят сюда в один прекрасный день, — но между камешками гравия видны были кусоч ки изразца, маленькие осколки пастельно-зеленого и коричневого цвета. А рядом с гробницей номер 3 можно было увидеть и сохранившиеся в целости свидетельства того,

зачем понадобились заинтересовавшие меня отверстия на поверхности гробниц. На 50-метровом стенде была выставлена коллекция полукруглых черепиц, по моим подсчетам, не менее 20 000 штук. Черепица означала крыши. Отверстия и бороздки отмечали места, где в свое время стропила упирались в тело сооружения, бывшие вовсе не полыми, а сплошными, это была утрамбованная земля, наваленная на собственно гробницы и образовавшая над ними эти своеобразные башни. Стропила поддерживали выгибавшиеся кверху, возможно перекрывавшие друг друга, черепичные крыши, как это принято на китайских пагодах.

В апогее могущества Си Ся, в начале VIII века, это место должно было выглядеть очень впечатляюще — девять пагод сверкали красочными крышами, каждая в своем собственном дворе в окружении менее значительных «гробниц-спутников», и на всех девяти дворцовых участках охрана и многочисленное войско.

Все это очень понятно объяснено в прекрасном новом музее при входе в гробницу номер 3, которая подается как «одна из великолепных жемчужин в великой сокровищнице китайской истории и культуры». Мне кажется, что эти притязания справедливы и подтверждаются музейной экспозицией, где выставлены на обозрение модель гробницы с окружением, сотни статуй, черепиц, свитков, монет, печатных книг и керамики, рассказывающих о том, как видится сегодня история Си Ся. До меня не сразу дошло, к чему клонит наш гид, пока не насторожило что-то странное в его словах. Не то чтобы он монотонно, словно робот, оттарабанил вызубренный наизусть текст, замечательно само по себе было то, что там вообще нашелся говорящий по-английски гид. И дело было не в его манере откашливаться после каждого предложения, причем это звучало так, словно он говорил через прикрепленный на лацкане пиджака

микрофон и специально акцентировал окончание каждой фразы. Нет, меня смутило нечто такое, что стояло за произносимыми им словами.

Он говорил, что Си Ся просуществовало 190 лет, «пока не было завоевано войсками Внутренней Монголии».

— Войсками *Внутренней* Монголии! — пробормотал Джоригт. — Где же это, он думает, родился Чингисхан?

Гид не оговорился. «Мы видим девять императорских гробниц. — Гид упорно продолжал свое, подчеркивая свои слова шумной пунктуацией. — Но мы видим, что было двенадцать императоров. Специалисты думают, что последние три умерли во время войны с войсками Внутренней Монголии».

Хм. Если наш гид к тому же и гид по официальному мышлению, то это значит, что кто-то, обладающий властью, хотел, чтобы посетителям говорили, что вторгнувшиеся из-за Гоби монголы на самом деле пришли из китайской провинции. Не хотят ли заставить нас поверить, что тангуты понес ли поражение от китайских подданных?

Можно сразу сказать: да, так оно и было, что станет ясно через миг, когда я объясню, почему. Но быстрый ответ вряд ли сделает честь вопросу. Он открывает целую серию вопросов о природе идентичности нации, к которым я возвращался снова и снова на протяжении всего путешествия. Проблема лежит в том, как подходят сейчас к оценке Чингисхана с позиций истории и современности.

Это что касается причин такого быстрого ответа. Они станут ясны из воображаемого допроса:

- Кто напал на тангутов в начале XIII века?
- *Монголы под водительством Чингисхана.*
- Очень хорошо. И что произошло?
- *Чингисхан победил.*
- Превосходно. И?..

— *И в конечном итоге монголы завоевали остальной Ки тай.*

— Да, это так. И?..

— *И они основали династию Юань.*

— И династия Юань была важной вехой в истории какой нации?

— *Китая.*

— Потрясающе. Так кто основал эту китайскую династию?

— *Конечно, Чингисхан.*

Итак, здесь-то и кроется подвох: кем это делает Чингиса — китайцем или монголом?

Вы видите, куда мы клоним. Если смотреть на вещи с юга от Гоби, *Чингисхан, в сущности, китаец.* Из чего следует, что монголы, в сущности, китайцы. Выглядит логично.

Скажем так, прошлое внезапно становится частью сегодняшнего дня, с политическим подтекстом, который затронет нас несколько позже. В описываемый же момент, слушая нашего настойчивого гида, я невольно вспомнил разговор с Джоригтом в поезде, медленно тащившемся вдоль Желтой реки.

Нужно сказать несколько слов о Джоригте. Он родился в семье скотовода в степях Внутренней Монголии. До семи лет он ходил в монгольскую школу и говорил только по-монгольски. Его родители китайского языка не знали. Потом его отец стал чиновником в городе Шилин. Они с матерью сами никогда не учились читать, но считали, что образование — путь к продвижению в жизни. Окончив школу и сдав экзамены на монгольском, он поступил в Университет Внутренней Монголии в Хох-Хото, на отделение монгольского языка. Но к этому моменту он уже знал, что мир, в котором он живет, вовсе не монгольский. Это китайский мир. Чтобы продвигаться дальше, ему необходимо было изучить китайский язык. Приступив к изучению китайского в

возрасте семнадцати лет, к двадцати одному году он свободно говорил по-китайски. Потом он начал специализироваться на связи турецкого и монгольского языков, учился в Анкаре. Наконец, ближе к тридцати, принялся за английский, чему поспособствовал приезд в Хох-Хото американского профессора. Таким образом, монгольский — его первый язык, китайский — второй, турецкий — третий и английский — четвертый. Он служил мне переводчиком на всех четырех языках, и я ему бесконечно обязан. Он был также и неплохим бегуном, был чемпионом университета на дистанциях 800 метров, 1500 метров и 10 километров, что, как оказалось, должно было нам в скором времени очень пригодиться.

— Ну так как, — спросил я его, — ты китаец или?..

— Я монгол, но... — он сделал паузу, — но китайской национальности.

Для того чтобы пояснить свою мысль, он рассказал историю своего имени. Джоригт — достаточно простое имя по-монгольски, оно легко транслитерируется по-английски. Но китайские знаки односложные, каждый оканчивается на гласный или на «н», и поэтому невозможно соединять две согласные. Для того чтобы изобразить свое имя по-китайски, он должен как можно точнее передать звуки своего имени на монгольском. Получается что-то вроде Дже-Ри-Ге-Ту. Ну, это же со всей очевидностью не китайское имя, но оно делает его китайцем, потому что может быть написано и произнесено по-китайски. Из всего этого следует, что, какой бы смесью национальностей он себя ни чувствовал, для китайцев он китаец.

Такова, в сущности, китайская позиция по вопросу о национальной идентичности. Раз вы попадаете в китайскую сферу, в глазах китайцев вы становитесь китайцем. Джо-ригт — китаец, а раз так, то и Чингисхан тоже, и никаких больше разговоров.

Какое отношение ко всему этому имеют слова «войска Внутренней Монголии»? Ответ совершенно убедителен, но вам придется внимательно проследить за моими рассуждениями. Когда-то Монголия и Китай составляли одно целое под властью монголов, которые в силу этого фактически стали китайцами. Прошло время, и Монгольская империя распалась, а Китай уменьшился. Внешняя Монголия — Монгольская Народная Республика, как она стала называться, к несчастью, выпала из семьи в начале XII века, когда Китай был слабым. Но монголов во Внутренней Монголии, которая все еще часть Китая, больше, чем в самой Монголии, которая не является частью Китая. Таким образом, с точки зрения исторической реальности правильнее называть всех монголов «внутренними монголами», потому что для китайцев монголы происходят именно оттуда. Так что войска, захватившие Си Ся в XIII веке, были «внутренними монголами».

У этой проблемы есть еще одно измерение. Территория Си Ся занимала территории нынешних Синьцзяна, Ганьсу, Нанси и Внутренней Монголии, в отношении которых ни кто не усомнится, что это части Китая. Если бы тангуты были сегодня с нами, они, как и Чингис, и Джоригт, были бы китайцами, невзирая на то, что их язык родствен тибетскому, что они, победив китайцев, основали собственное государство и что они фактически прекратили свое существование или были поглощены задолго до того, как на свет появился единый Китай. В конце концов с лица земли их стер один из китайских народов, т. е. монголы. Это значит, что они неоспоримая часть великой семьи Китая, которая сложилась после 1949 года. Таким образом, безжалостно эксплуатируя суждения задним числом, можно рассматривать длительную борьбу за контроль над Внутренней Азией между тремя отдельными

национальностями как небольшую размолвку между членами одной семьи.

Фотография во всю стену с изображением 56 национальностей, живущих в Китае, как бы ставит точку музейной экспозиции и подводит черту под всей этой историей. Гид ответил на мой само собой разумеющийся вопрос: «Эта фотография говорит нам, что среди 56 национальностей нет тангутской национальности. Но тангутская национальность влилась в эти народы. Сегодня все национальности сближаются и делают нашу страну все более прекрасной».

Официальным подходом к проблеме меньшинств нельзя не восхищаться. Все, за исключением одной, национальности из 56 составляют всего лишь 5 процентов населения страны, подавляющее большинство населения ханьцы, но каждая из этих национальностей теоретически имеет гарантированный голос, язык и культуру. Национальным меньшинствам предоставляется возможность воспринять более широкую культуру, что во все века было проблемой приграничных регионов и в судьбе мигрантов и что в наши дни в еще более обширном числе ситуаций повторяется в мире перемещенных меньшинств. Но ханьская исключительность поднимает много вопросов, особенно что касается истории. Восстановление исторических границ или захват новых районов стирает с лица земли приграничные культуры, которые с трудом вписываются в китайский контекст. Тибет тому самый яркий пример. В случае тангутов мы видим весьма странное искажение исторической правды, когда задним числом китайцами делают единственный не китайский на род, которым до той поры, пока он сам не создал собственного царства, правили ни кто иные, как тибетцы.

И в распространении понятия бывших китайских подданных на население, проживающее в современных границах других государств, таится скрытый политический смысл. Часть Маньчжурии, которая теперь принадлежит России, в то или иное время была китайской (или, по крайней мере, ляо или цзинь, что в китайском понимании одно и то же). Отсюда, в случае, если российский контроль над этой территорией ослабнет, возникнет весьма интересная ситуация.

Или взять Монголию. Если победоносный монгольский завоеватель, Чингисхан, становится китайским правителем и если в результате этого монголы рассматриваются как ки тайцы, тогда Китай может претендовать на Монголию, хотя сейчас это независимое государство. В этом кроется потенциальный конфликт по поводу того, кто мог бы на законных основаниях осуществлять управление большей частью пограничных территорий Внутренней Азии, проблема, как мы увидим, прямо связанная с наследием Чингисхана.

Чингис уже многое знал о Си Ся, потому что монголы и тангуты жили как подозрительные родственники, непрерывно наблюдая друг за другом. У тангутов были тесные связи со старым союзником и врагом Тогрулом, ханом кераитов. Якха, брат Тогрула, был мальчиком пленен и воспитан тангутами, потом они даже сделали его *гамбу* (большим военачальником или советником). Дочь Якхи стала одной из приемных дочерей Чингиса, а со временем матерью двух китайских императоров-монголов и первого монгола-владыки Персии. И когда Нилка, сын Тогрула, бежал, то бежал через территорию тангутов, предоставив отличный предлог для первых монгольских набегов в 1205 году. Итак, монголы знали о тангутах все — об их науке, военной ловкости, глубокой буддийской религиозности (всех тангутских императоров они

называли «бурханом», что означало одновременно и Живой Будда, и Святой, тем же словом они называли свою священную гору Бурхан Халдун). Но это не имело никакого значения. Важно было лишь то, что тангуты были богатыми и уязвимыми.

Пока никаких имперских амбиций не возникало. Чингису, занятому походом на старых врагов меркитов, требовалась добыча для подкармливания армии, и, если возможно, получаемая не сразу, а постепенно. За источником необходимых средств не нужно было ходить далеко, это была Си Ся. Отсюда следовал вывод, что нужно обратить Си Ся в вассала, уплачивающего регулярную дань, и сделать это как можно быстрее, пока в войну не ввязалась Цзинь. Наверняка никто не думал об оккупации страны, скорее всего речь шла о том, как бы воспользоваться богатствами Си Ся в качестве трамплина к захвату Цзинь и получению там еще больших богатств.

Весной 1209 года вторжение началось. Для этой первой крупномасштабной кампании Чингис мог выбрать много разных маршрутов через Гоби. Возможно, он двинулся на юго-запад по пути, отстоящему от Авраги километров на 500, затем вниз по реке Онги, только начавшей освобождаться ото льда и полной талой воды, направляясь под укрытие хребтов Трех Красавиц. Здесь алтайские горы наконец растекаются на площади 20 000 квадратных километров горной страны с ее пиками, каньонами, высокогорными пастбищами, песками и гравийными полями. К западу разбегаются наперегонки цепочки поющих песков, высоких песчаных дюн, получивших такое название благодаря необычному непрерывному гудению, издаваемому подхваченными ветром частицами песка. На востоке простираются гравийные низины, где вода большая редкость и очень мало дичи. Но по сравнению с песками и пустынными равнинами

Три Красавицы, с их ручьями, лугами, изобилием живности, имели все преимущества, чтобы выбрать их для сосредоточения войск перед трудным переходом. Век за веком дикие животные постепенно отступали перед натиском скотоводов, но сейчас это Национальный парк, дикие звери возвращаются, и таким образом начинаешь понимать, какими благодатными для них были эти края. Во время одного из приездов сюда я наблюдал горных баранов, балансирующих на гребне утеса, слушал жалобы скотоводов на волков, видел же ребенка, покалеченного снежным барсом. Говорили даже, что кто-то наткнулся на одного из редчайших млекопитающих, гобийского медведя, реликтовой разновидности, миллионы лет назад отрезанной от своих гималайских родственников наступающими пустынями. В XIII веке Три Красавицы были раем для диких ослов, которые давали не только отличное мя со, но и обеспечивали превосходные условия для тренировки войск — они перемещаются табунами и соперничают в скорости и маневренности с лошадьми (был случай, когда мне удалось заснять на видео несущийся галопом со скоростью 70 км в час табун, это было в отдаленном районе западной Гоби, куда возвратились получившие теперь защиту закона дикие ослы).

От Трех Красавиц путь лежал на юг еще 300 километров, до гор Хеланьшань, образующих восточный выступ пустыни Алашань. Если судить по карте, это не лучший маршрут, создается впечатление, что лучше пройти вниз по Желтой реке, там, где теперь проложена железная дорога. Но это потребовало бы пересечь плотно населенные земледельческие области, которые иссечены многочисленными каналами. Быстро передвигавшейся кавалерии было предпочтительней двигаться по твердой, открытой пустыне Алашань, где

не встречаются на каждом шагу оборонительные узлы. Когда монголы захватили небольшой обнесенный стенами город, тангуты послали в Цзинь за помощью, ожидая, что те забудут прежние разногласия и обиды и поспешат выступить против общего врага. Но Чингис правильно рассчитал время для нападения. Цзинь управлялась новым правителем, князем Вэй, который цинично ответил тангутскому правителю: «Нам выгодно, когда наши враги нападают друг на друга. В чем здесь опасность для нас?»

Наступая на юг, пустыня справа, горы слева, монголы по дошли к крепости, закрывавшей единственный горный проход к тангутской столице, нынешнему Иньчуаню. Сегодня вы можете добраться до прохода за полчаса без всяких трудностей. В дни Чингиса дорога пролегла по высохшему руслу реки летом или по подножиям гор в период наводнений, подъем был пологим, всего на сто-двести метров. Крутые подъемы конникам давались трудно и медленно. Так что проход был, как и сегодня, единственным путем через горный кряж. Это объясняет возведение крепости, это была база тангутской армии силой в 70 000 воинов, спешно усиленной еще 50 000 солдат (всегда следует помнить, что эти цифры почти наверняка очень щедрые).

Даже располагая осадными силами, овладеть этой крепостью было невозможно. Единственной надеждой Чингиса было выманить тангутов на равнину. После двухмесячной осады монголы прибегли к своей обычной для таких ситуаций тактике. Они сделали вид, будто решили снять осаду и отходят, но на самом деле укрылись за холмами, оставив не большой отряд в качестве приманки. Когда тангуты, как и ожидалось, вышли из крепости, чтобы напасть на него, монголы вышли из засады и одержали потрясающую победу. Дорога на Иньчуань была открыта.

Но теперь встала еще одна проблема. Иньчуань был хорошо защищенный город, а монголы считались быстрой кочевой кавалерией. Им еще не доводилось брать города штурмом. У них не было тройных осадных луков, какими были вооружены Сунь и Цзинь, пускавших стрелы величиной с телеграфный столб, не имелось мощных катапульта, зажигательных бомб, начиненных низкокачественным порохом или расплавленным металлом, и они пока не располагали плененными экспертами, которые могли бы научить их ведению осадной войны. У них был опыт только мобильных и стремительных военных действий. Возможно, они смогли бы продержаться какое-то время за счет захваченных земель, но войска ждали быстрого вознаграждения, кроме того, опасно было задерживаться, пока тангуты не получат подкрепления из отдаленных областей империи Си Ся.

Выход оказался буквально под рукой — иньчуаньская система каналов, по которой из Желтой реки поступала вода для орошения полей Си Ся. Монголов не занимала мысль о сохранении таких капиталовложений, обслуживаемых презренными земледельцами. Поэтому они разрушили дамбы и попытались затопить город, чтобы вынудить его защитников капитулировать. Это была очень неудачная идея, ведь окружавшие Иньчуань сельскохозяйственные земли были совершенно плоскими, как Голландия. Выпущенные на волю воды растеклись во все стороны, но глубина водного покрытия оставалась небольшой. В городах дома не пострадали от наводнения, от него пострадали юрты и телеги. Монголы затопили самих себя и были вынуждены отойти назад, на более высокие места.

Тангутские вожди также оказались в трудном положении. Враг совсем рядом, посева уничтожены, помощи от Цзинь не будет.

Патовая ситуация.

В поисках выхода из тупика оба уступили. Тангутский император уступил, отдав дочь (ее звали Чака) за Чингиса, и в качестве дани поставил монголам верблюдов, соколов и ткани. Убежденный в том, что у него теперь есть уступчивый вассал, который будет выплачивать дань и снабжать его армию всем необходимым, Чингис приказал отступить.

Но это был его первый мирный международный договор, и в нем не хватало прозорливости. Как покажут события, он сделался жертвой собственной неопытности и выдавал желаемое за действительное. Тангуты сдались, вздохнули с облегчением, но держали фигу в кармане. Им казалось, что гроза позади. Выскочки варвары могут вымогать целые телеги трофеев и табуны верблюдов, но, конечно же, никогда им не захватить мощное царство с двухсотлетней историей, хорошо укрепленными городами и армией в несколько сот тысяч воинов, так ведь?

7 Вторжение в Китай

Когда ко двору Чингиса приехала делегация из Цзинь, чтобы объявить о новом избранном цзиньском императоре, и потребовала отдать ему должные почести, говорят, что Чингис с презрением плюнул. «Я думал, что правитель Срединного царства должен спуститься на землю с небес. Разве он может быть таким слабым, как князь Вэй? С какой стати мне кланяться ему?»

У него было достаточно оснований презирать Вэя. Новый цзиньский император правил неустойчивым государством, в котором 3 миллиона его юрченосов господствовали над 40 миллионами китайских крестьян, и население было измучено стихийными бедствиями, голодом и разрухой. Несколько больших цзиньских чиновников и вассальный киданьский князь, чувствуя, откуда дует ветер, уже перебежали к монголам и принесли с собой ценную информацию. Пограничное племя онгутов, *оседлавшее* транзитную зону между степями и земледельческими районами, предлагало монголам свободный проход. Информация об обороне Цзинь поступала также от купцов-мусульман, благодарных за безопасность, обеспеченную им расширяющейся империей Чингиса. Как всегда, система ветшающих «великих стен» не могла реально остановить воинов-кочевников. И его армия переживала подъем после победы над Си Ся.

И все же нападение не будет легким. Из своего населения, в десять раз большего, чем монголы, цзиньский император мог набрать кавалерию и пехоту в составе нескольких сотен тысяч воинов, а его города были основательно укреплены. Подступы к Бейджину прикрывали две огромные крепости, что делало его

неуязвимым для прямого приступа. Весной 1211 года монголы собрались в долинах к югу от Хентея и начали поход через Гоби. Они удачно рассредоточились и шли несколькими волнами, с тем чтобы не исчерпать немногие численные и разбросанные по пустыне колодцы и водоемы, наполненные талыми водами. Это была гигантская операция по любым стандартам. Представьте себе 100 000 воинов с 300 000 лошадей, разделенных на 10–20 групп по 5—10 тысяч человек, за каждой телегой следуют впряженные верблюды, и между ними все время скачут связные, и так вся армия растянулась на 800 километров по безжизненному каменистому пространству. И все же редакционная команда «Тайной истории» не обмолвилась об этом ни словом, и совершенно правильно. Все проходило достаточно гладко. Та кое совершалось не раз и войсками кочевников, и китайцами и будет совершаться потом. Монгольская аудитория ждала рассказа о личностях и увлекательных подвигах, и для нее эти бытовые подробности звучали бы банальностью. Поэтому сведения об этом походе можно найти только в китайских источниках, и они слишком немногочисленны.

Когда монгольская армия проникла в Северный Китай и приблизилась к проходу, называвшемуся в те времена Хуань Эрцзуй — Барсучья Пасть — и открывавшему дорогу на Бейджин, командующий войсками Цзинь по имени Чжи Чжун, по-видимому, совершил непростительную ошибку. У него была возможность нанести монголам неожиданный удар в момент, когда они увлеклись мародерством. Вместо этого, возможно, чтобы выиграть время, он послал воинского командира Минана для обсуждения условий мира с Чингисом. Минан моментально перебежал к монголам и сообщил, что Цзинь поджидают их в дальнем конце прохода. Там цзинь-ская кавалерия,

оказавшаяся зажатой между двумя высокими горами, была осыпана тучей стрел, затем атакована монгольскими всадниками. Цзиньские воины повернули назад и стали давить собственную пехоту. Трупы, «наваленные, как кучи трухлявых бревен», пишет *«Тайная история»*, валялись на всем пятидесятикилометровом протяжении долины, которая, понижаясь, выводит к Калгану (теперь Чжанцзякау), по граничному городу между плато Внутренней Монголии и равнинным Китаем. Монголы будут всегда считать битву при Барсучьей Пасти одной из своих величайших побед.

Через десять лет, когда даосский мудрец Чаньчунь, направляясь к Чингисхану, проезжал по тем местам, на крутых откосах вдоль дороги все еще белели кости погибших в том бою. «Свежий ветерок разогнал облака, и воздух был очень приятным», — записал один из спутников Чаньчуня.

К северу не было ничего, кроме обдуваемых ветром песков и жухлой травы. Здесь внезапно заканчивается Китай — его обычаи и климат. Но не должен ли каждый даос научиться с радостью принимать любую обстановку, в которой может оказаться? Сун Дефан и остальные (ученики Чаньчуня) указали на скелеты, разбросанные по полю боя, и изрекли: «Давайте, если благополучно вернемся домой, отслужим за их души службу Золотых Таблеток, ибо кто знает, не было ли это наше путешествие predetermined еще и для того, чтобы мы смогли помочь им обрести вечный покой?»

На обратном пути в начале 1224 года Чаньчунь остановился в городке, находившемся в 100 километрах от поля битвы, на пути бегства цзиньской армии. Здесь,

где глазам открывался вид все еще разоренных войной деревень, он выполнил свое обещание и две промозглые ночи и три дня молился «за одиноких убиенных».

После разгрома у Барсучьей Пасти монголы погнали цзиньских военачальников назад к Бейджину и захватили несколько крупных городов и крепостей. Бейджин затаился, предоставив монголам безнаказанно грабить и насильничать по всей стране. Чингисхан двинулся с основным войском на юг к Желтой реке, до которой оставалось 300 километров, а Джебе, один из самых блестящих его военачальников, устремился дальше на восток, в Маньчжурию, перешел замерзшую реку Ляо и нанес удар по старой маньчжурской столице Мукдену (теперь Шеньян). Этот второй по величине после Бейджина город оказался неприступным для прямого нападения, поэтому Джебе совершил то, что всегда делали монголы. Он сделал вид, будто монголы в панике бежали, в беспорядке побросав все свои обозы. Когда цзиньские разведчики подтвердили, что монголы отошли на 150 километров, обрадованные горожане принялись праздновать но вый, 1212 год, начав с того, что высыпали далеко за городские стены, чтобы собрать неожиданно свалившееся на них богатство. Монголы действовали как распрямившаяся пружина, они совершили безостановочный суточный бросок — и вот он перед ними, город с распахнутыми крепостными воротами и пирующими горожанами. Внезапность была полной. Они сорвали Мукден, как созревшую сливу.

Довольный своими победами, Чингис отошел на север, в пограничные районы между степями и Гоби. Для него и его армии победа не значила ничего, кроме награбленной добычи, разрушений и подтверждения своего господства. По своему духу он ощущал себя не более чем вождем банды, главарем налетчиков,

который не ставит цели занять завоеванные земли и управлять ими. Но, сам того не подозревая, он втягивался в новый вид военных действий, взятие городов, что превращало его в совершенно иного вождя.

Осенью 1212 года новый поход прервался, едва начавшись, когда Чингиса ранило стрелой и он приказал уходить на отдых и передышку. Он вернулся следующим летом, вновь овладел городами по пути наступления, снова напал на Барсучью Пасть с ее двумя мощными крепостями. Источники повествуют, что вся окружающая крепости территория, глубиной 50 километров, была усеяна железными шариками с четырьмя шипами, которые протыкали копыта лошадей, но два знаменитейших Чингисовых военачальника, Джебе и Субудай, обошли равнину стороной, проведя свои войска вдоль горных гребней, и захватили южный форт на дальнем конце прохода, вынудив таким образом сдаться северный. Наконец дорога на Бейджин была свободна.

Цзинь переживала апокалиптические времена. Тысячи солдат полегли на полях сражений, монголы отбирали продовольствие, крестьяне голодали. В осажденных крепостях обороняющиеся становились каннибалами. Бейджин сотрясали политические междоусобицы. Честолюбивый императорский любимчик и сумасбродный военачальник Чжи Чжун был прощен за катастрофическое поражение при Хуань Эрцзуй и, чтобы показать всем, что ни во что не ставит монгольскую угрозу, предался увлечению охотой в окрестностях столицы, для чего использовал собственную частную армию. Монголы приблизились, и тогда он понял, что такое ухарство до добра не доведет и может оказаться самоубийственным, но полагаться на ненадежную волю своего императора у него не было никакого желания. Он устроил заговор, перебил 5000

солдат, охранявших Запретный город, убил императора, посадил на трон марионетку, а себя провозгласил регентом, по поводу чего устроил пир, собрав на него самых знаменитых и красивых куртизанок города.

Когда через два месяца монголы окружили город, Чжи Чжун направил против них 6000 солдат, пригрозив смертью их командиру Гао Чи, если он не сумеет справиться с монголами, чего сделать Гао Чи не смог. Он понимал, что его ждет верная смерть, и решил опередить Чжи Чжуна. Захватив с собой небольшой отряд, еще до того, как известие о поражении достигло города, он подстерег Чжи Чжуна и отрубил ему голову. С отрубленной головой регента Гао Чи прибежал к императору и признался во всем. Император настолько об радовался избавлению от железной хватки самозванца-регента, а может быть, настолько испугался при виде ужасного зрелища отрубленной головы, что тут же сделал Гао Чи командующим войсками империи.

От империи к этому времени мало что осталось. Император оказался запертым в своей столице, большинство городов застыли в ужасе от страха, и Чингису было достаточно выслать небольшое войско, чтобы опустошать страну и захватывать города. Его армия все еще оставалась армией кочевников, у нее не имелось тяжелого осадного снаряжения, но Чингис воспринимал уроки. Монголы пользовались жестокостью, как другие катапультами. Выстроив перед собой тысячи пленных, они гнали их перед рядами штурмующих. Осажденные часто, узнавая родственников в копошащейся у стен массе, не находили в себе силы убивать близких людей и капитулировали. Таким образом разделенная на три колонны стотысячная армия двигалась на юг и запад к Желтой реке и на восток к Тихому океану, сравнивая с землей города на своем пути. Площадь, захваченная Чингисом, составила прямоугольник в 750 километров

длиной и 450 километров шириной — территорию размером с Германию. «Повсюду к северу от Желтой реки, — писал китайский биограф великого монгольского полководца Мукали, — стояли клубы пыли и дыма, и дробь барабанов слышалась на небесах». За два месяца нынешние провинции Шаньси, Хэбэй и Шаньдун превратились в руины.

Но Бейджин держался, так как еще за сто лет до этого его превратили в неприступную твердыню. За пределами городских стен построили четыре форта-деревни, в каждом имелись собственные зернохранилище и арсенал, и каждый был соединен со столицей подземным ходом. В этих фортах спрятались военачальники и вельможи, и с ними по 4000 солдат в каждом. Стены крепости, толщиной 15 метров у основания, защищались тремя рвами, питавшимися водой из озера Куньмын. Крепость была построена в форме прямоугольника с периметром в 15 километров. Зубчатый парапет возвышался над землей на 12 метров, стены имели 13 ворот и сторожевые башни каждые 15 метров, всего их насчитывалось 900 штук

Защитники этих основательных оборонительных сооружений располагали не менее серьезным вооружением. Двойные и тройные арбалеты стреляли трехметровыми стрелами на километр (эти поразительные данные были засвидетельствованы персидским источником во время нападения монголов на замок ассасинов в 1256 году). Другой осадный лук времен Тан мог стрелять семью видами стрел на 500 метров, и они «пробивают все, во что бы ни попадали, даже городские стены и валы». Роль артиллерии выполняли катапульты, которые называют «боевой рогаткой», они были установлены на подвижной платформе с рычагами до 10 метров длиной, на одном конце которых нагружали камни, а другую оттягивали канатами. Команда из шести человек под руководством

«артиллериста» со стены могла, натянув канаты, швырнуть 25-килограммовый булыжник на 200–300 метров. Все это оружие могло быть приспособлено для стрельбы широким набором зажигательных снарядов, ибо шли первые пробы применения пороха в военном деле. Горящие стрелы, выпускаемые осадными луками, зажигательные ядра, забрасываемые боевыми рогатками — некоторые делали из воска, если они должны были гореть медленно, другие со специальными острыми шипами, чтобы те застревали в дереве, иные, изготовленные из керамики и наполненные расплавленным металлом, — все они были предназначены для поджигания штурмовых лестниц и осадных башен. Китайцам было известно, как очищать сырую нефть и получать нефть, которую можно было разбрасывать в горшках или бутылках, наподобие коктейлей Молотова. Они умели также перегонять нефть и пользоваться ею, как пользовались «греческим огнем» в Европе. Устав 1044 года описывает грубый, но эффективный огнемет: трубу, наполненную греческим огнем, можно было поджигать с помощью пороховой камеры и разбрызгивать горящую смесь на головы штурмующих. Возможно, китайцы применяли и «ядовитые дымовые бомбы», наполненные химикалиями или экскрементами. Это оружие не только сдерживало монголов, но и служило учебным пособием. Для того чтобы брать и удерживать города, следовало овладеть этим оружием с помощью пленных и перебежчиков.

Осада Бейджина длилась почти год, до весны 1214 года. Это было трудным временем для монголов, у которых, как рассказывали, разразилась какая-то эпидемия, у них закончились припасы и расцвел каннибализм (впрочем, сообщения об этом исходили из немонгольских источников, многие из которых намеренно преподносили монголов в самом невыгодном свете). К весне положение защитников крепости было

еще хуже. Чингис предложил снять осаду: «Небеса настолько ослабили тебя, — передал он императору, — что, если бы я к тому же напал на тебя в твой трудный час, что подумали бы обо мне Небеса?» Естественно, императора еще нужно было убеждать: «Какие условия ты предложишь, чтобы я мог успокоить моих командиров?» Это было предложение, от которого император не мог отказаться. Он согласился отдать дочь, 500 мальчиков и девочек, 3000 лошадей и поразительное количество шелка — 10 000 «свертков» (в развернутом виде их совокупная длина составляла около 90 километров ткани). Обещая уйти с миром, Чингис приказал своим нагруженным награбленным добром войскам возвращаться на север, в ожидавшие их степи.

Цзиньский император получил горький урок. Окруженный разоренными областями, с постоянной угрозой нападения кочевников, теперь уже научившихся осадной войне, Бейджин не мог более считаться неуязвимым. Изобиловавшая проломами и обветшавшая Великая стена, теперь уже не столько символ вековой мощи, сколько свидетельство бессилия, больше никогда не защитит от таких, как Чингис. В безопасности можно чувствовать себя только за настоящей географической границей между Средним царством и кочевниками. Он решает перенести столицу не в Маньчжурию, родные места Цзинь, а подальше на юг, в древнюю китайскую столицу Кайфэн. Цзинь окончательно порвут со своими юрченскими корнями и бесповоротно заявят себя китайцами.

Это было колоссальное предприятие. Источники говорят о 3000 нагруженных сокровищами верблюдах и 30 000 телегах с документами и царским имуществом, два месяца двигавшихся по 600-километровому пути на юг в поисках укрытия за Желтой рекой. Получилось наоборот. Около 2000 воинов императорской гвардии

были киданями из Маньчжурии, и для них переезд на юг был признанием слабости, им, конечно, не улыбалось забираться еще глубже в китайские земли, отдаляясь все больше от домов предков. Отойдя от Бейджина километров на пятьдесят, они подняли бунт, поскакали назад, раскинули там свои юрты и послали гонцов к Чингису с просьбой принять их под свою защиту.

Монгольская армия стояла лагерем километрах в 4000 к северу от опустошенной цзиньской столицы у озера в степях Внутренней Монголии. Чингис пришел в ярость, узнав об отъезде цзиньского правительства. Китайский источник так передает его слова: «Цзиньский император не доверяет мне! Он пользуется миром, чтобы обманывать меня!» Он, конечно, понял, какая невероятная возможность открывается перед ним: Бейджин оставлен императором, а мятежные войска готовы поддержать монголов. Но действовать нужно было быстро. Новая столица в Кайфэне может стать базой для будущего наступления Цзинь, и тогда будет намного труднее разделаться с ним. К сентябрю монголы снова стояли под стенами Бейджина.

Попыток штурма не предпринималось. Осень сменилась зимой, а монголы стояли и стояли, не предпринимая никаких активных действий. Весной император послал из Кайфэна две колонны войск на помощь осажденным. Монголы разгромили обе и захватили 1000 телег с продовольствием. В руки монголов перешел еще ряд провинциальных городов. В Бейджине начался голод. Как нередко случалось в осажденных крепостях, живые стали поедать мертвых. Отцы города вели жаркие споры, умереть ли, сражаясь, или спасаться бегством. Заместитель Гао Чи, гражданский градоначальник, покончил с собой. Начальник войска выскользнул из города, прихватив с собой родню (он добрался до Кайфэна, и там его казнили за предательство). В июне оставшиеся без

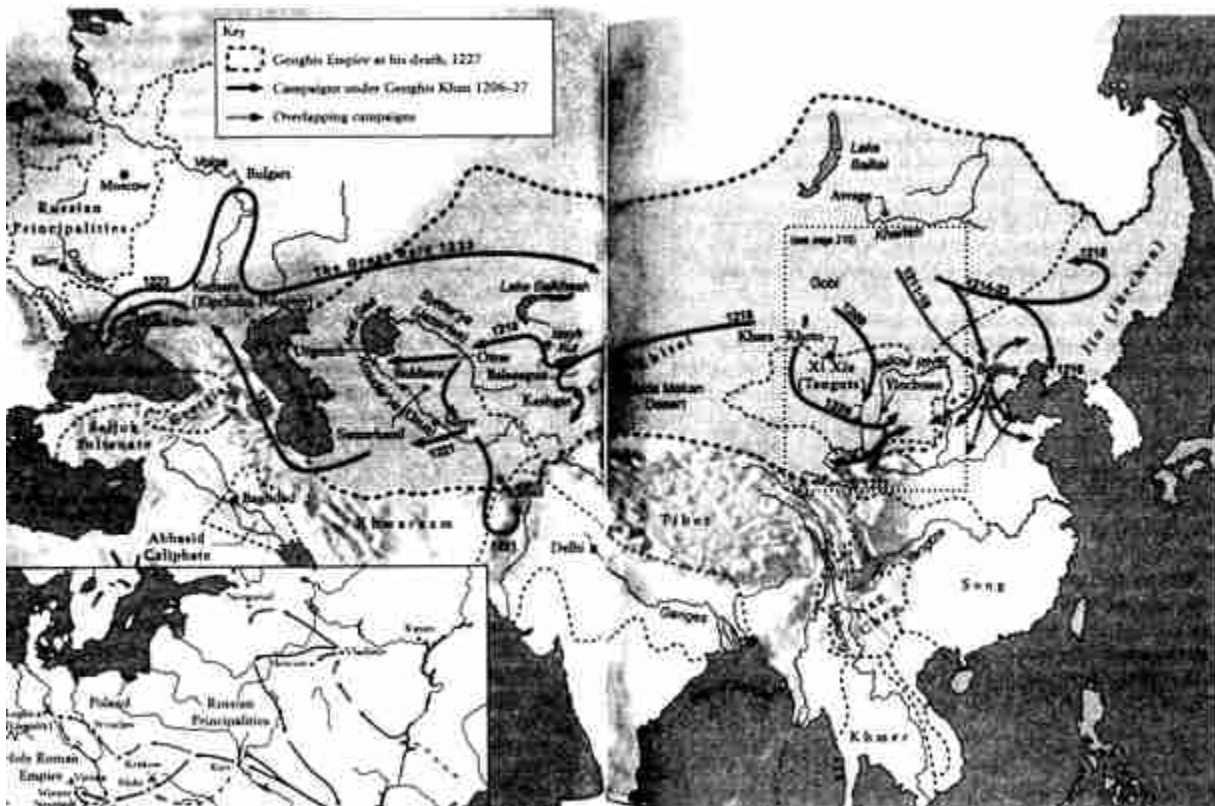
руководства и потерявшие всякую надежду жители города распахнули ворота и капитулировали.

Сам Чингис к этому времени передислоцировался к окраине степей, на 150 километров севернее Бейджина, и теперь двигался назад к Керулену. Не чувствуя его сдерживающего влияния, монголы бесчинствовали вовсю. Они разграбили город, перебили тысячи людей. Дворец императора запылялся, и часть города горела в течение целого месяца.

Через год сюда приехал посол следующего противника Чингиса, шаха Хорезма, чтобы убедиться собственными глазами, правда ли, что такой огромный и хорошо защищенный город мог пасть под натиском каких-то кочевников. Доказательства были более чем очевидными. Он докладывал, что кости перебитых жителей навалены рядами, что земля пропиталась человеческим жиром, что часть его свиты умерла от болезней, распространяемой разлагающимися трупами. Он также поведал поистине страшную историю о том, как 60 000 девушек бросились с городской стены, только бы не попасть в руки монголов.

Теперь монголы властвовали над всем северо-востоком Китая. Они разрезали империю Цзинь пополам, оставив два ее фланга, южную часть за Желтой рекой и Маньчжурию. На вновь завоеванных территориях те несколько городов, которые все еще держались, теперь сложили оружие. Уцелевшие гарнизоны отказались повиноваться прежним военачальникам и перекидывались на сторону новых. Голод и разруха погнали миллион китайцев на юг к новой столице Цзинь. Но Чингису этого было мало, так как цзиньский император, основавшийся теперь в Кайфэне, не желал окончательно покориться. Нужно было нанести решающий удар, вернее, два удара — полностью покончить с властью Цзинь в Маньчжурии и напасть на Кайфэн.

Маньчжурия была тихой заводью земледельцев, скотоводов и охотников, здесь самый сильный киданьский вождь Лью-ке в 1212 году объявил себя вассалом Чингиса и сделался властелином большей части Маньчжурии, господином на 600 000 семей. Остальная часть региона давно уже отослала свою молодежь в войска Цзинь. Поход на Маньчжурию будет теперь легкой прогулкой.

Так и получилось, когда Мукали и брат Чингиса Касар прошли по Маньчжурии в 1214-1216 годах. Мукали, славившийся своей силой, кудрявыми бакенбардами, велико лепной стрельбой из лука и умением тщательно планировать свои действия, в свои 45 лет был одним из лучших полководцев Чингиса, неотлучно находился рядом с ним в течение пятнадцати лет, и ему предстояло стать центральной фигурой в подавлении Севера Китая. Одной из главных задач был

захват Пекина, старой провинциальной столицы Ляо, и справиться с ней удалось очень необычным способом. Монгольский военачальник по имени Есень, владевший как местным тюркским наречием, так и китайским языком, устроил засаду и захватил вновь назначенного цзиньского коменданта города, который направлялся принять командование гарнизоном. Есень воспользовался его документами и убедил стражу у ворот города, что он и есть их новый начальник, а затем в качестве начальника города приказал страже покинуть городские стены. Мукали вошел в город, практически не встретив сопротивления и заполучив целый город со 100 000 домов и всем имевшимся в них продовольствием и оружием. После этого по всей Маньчжурии сопротивление прекратилось. Решив наказать два города, которые продолжали сопротивляться, Мукали велел перерезать всех горожан, кроме плотников, каменщиков и, хотя звучит неправдоподобно, *актеров*. Нужно думать, что монголы изголодались по легким развлечениям.

Небольшое войско продолжало поход, покрыв оставшиеся 300 километров до дальней оконечности Ляодуньского полуострова, и к осени 1216 года вышло на берег Тихого океана, оставив по пути отряд для преследования нескольких тысяч мятежных киданей, ушедших за реку Ялу в Корею. Перебив одних и взяв в плен других, вызывающе державший себя монгольский эмиссар отправился с визитом ко двору корейского царя в городе Кесоне, богатом и космополитичном речном порту, который лежит на границе между Северной и Южной Кореей. Наплевав на придворный этикет, он вошел в покои царя с мечом и луком, чтобы сообщить тому новость, что Корея была только что спасена от грабителей киданей. Что мог предложить царь в компенсацию за услугу? В сложившихся обстоятельствах очень немало — 100 000 самых

больших листов корейской бумаги, Чингис, судя по всему, хотел, чтобы его только что овладевшие грамотой чиновники имели достаточное количество канцелярских принадлежностей.

С Южной Маньчжурией было покончено. Район, размерами с половину Франции (или равный штату Вайоминг), присоединили к монгольским владениям с вынужденного согласия уязвленного монарха с востока.

Когда известия об этих завоеваниях дошли до Чингиса, он потребовал от своего нового вассала Си Ся 30 000 солдат и, получив их, направил армию на юг в Ордос, вдоль Желтой реки, с задачей овладеть Кайфэном с тыла. Разразилась еще одна большая война, затянувшаяся на целый год. Монгольские и тангутские войска, числом 60 000 воинов, вторглись на глубину 1000 километров на территорию врага, где им противостояли превосходящие силы противника, опирающиеся на бесчисленное количество укрепленных городов, и дошли до окрестностей самого Кайфэна. Произошло с полдесятка крупных сражений, по большей части зимой, после чего, убедившись, что цзиньская оборона им не по зубам, нападавшие в конце концов отступили. Во время самого напряженного этапа этой войны армия завоевателей прошла вдоль Желтой реки около 800 километров за 60 дней. Сравните это с наступающей механизированной армией. В начале августа 1944 года после июньской высадки в Европе американцы под командованием генерала Паттона продвигались по 30 километров в день, и то только три дня подряд, не встречая практически никакого сопротивления по длинным прямым мощным дорогам Бретани, а в 1216 году монгольская конница проходила по 13 километров в день по пересеченной местности, выиграв четыре крупных сражения и испытывая постоянную угрозу новых нападений в течение двух месяцев.

Не приходится удивляться тому, что Цзинь запросила мира. Один китайский источник приводит реакцию Чингиса, задавшего своим военачальникам вопрос: «Мы взяли всех оленей и всех других зверей, остался один кролик, может быть, отпустить его?» Это была проверка его военачальников, и один из них высказался: мир может наступить только тогда, когда император больше не император, а всего лишь князь-вассал нашего хана. Этого-то ответа и ждал Чингис. Война продолжится, и она продолжилась, завершившись полной победой над Цзинь почти 20 лет спустя.

Победа пришла бы намного раньше, если бы события на западе не отвлекли внимание Чингиса, открыв новую главу в истории монгольских завоеваний.

8 Мусульманский холокост

История монгольских завоеваний уже соединила две несхожие между собой культуры, перенеся нас из монгольских травянистых степей в урбанизированное богатство и стабильность Си Ся и Северного Китая. Этот процесс пока не принес положительных результатов, пролилось море крови, не внеся ничего нового в исторический процесс, такое бывало и раньше... Теперь события развиваются таким образом, что вовлекается третья культура, религия ислам, и последствия этого процесса совершенно беспрецедентны в мировой истории. Ни одна культура до этого не производила столь разрушительной мощи, как монголы, ни одна культура не страдала еще так, как предстояло пострадать мусульманскому миру. Количество смертей в Китае измерялось десятками тысяч. События, которые вот-вот развернутся перед нашим внутренним взором, умножают эту цифру по меньшей мере в десятки раз.

Цифры, вне всякого сомнения, преувеличенные исламскими писателями, но тем не менее ужасающие, вызывают мысль о невероятном разгуле страшной расовой или религиозной ненависти и беспощадности и нетерпимости к чужой идеологии. Но не было ничего похожего, не было честолюбивого стремления любыми средствами утвердить великую истину шаманизма в пику всем иным конфессиям, не было решимости господствующей расы искоренить презренных противников или завоевать «лебенсраум», жизненное пространство, в Центральной Азии. Единственным всепоглощающим и всепобеждающим побуждением было завоевание, потому что каковы бы ни были таинственные причины этому, но так написано на роду Чингиса, так предопределили его судьбу Небеса.

Разрушение было вопросом стратегии. Случалось, оно имело субъективный характер, когда тот или иной правитель или город наносил оскорбление, но, как правило, в этом не было ничего личного, только порождение бесконечной и непоколебимой веры в собственное превосходство — не над какой-то определенной группой людей, а над всеми расами вообще. Расизм избирателен, а им у монголов и не пахло. Склоняться перед ними должны были все без разбору. (Это чувство было свойственно и нескольким другим народам, пережившим апогей своих империй, англичанам — в начале 1900-х годов, китайцам — XVI II века, американским неоконсерваторам — в 2003 году.) Города, области, царства и империи — все подминал беспощадный каток, единственно с тем, чтобы открыть дорогу к следующей победе, а смерть и разрушения были лишь побочным продуктом достижения цели. Все, что приносит победу, — хорошо, все, что ей мешает, — плохо. Все очень просто.

Первое звено в этой цепи событий было выковано многие годы назад, когда отпрыск найманского правящего дома Кучлуг бежал на запад с остатками своих разгромленных войск. Ему удалось создать еще одно обширное царство, которое, наподобие Си Ся, было сокрыто от современного взгляда своей отдаленностью во времени и пространстве.

Тем не менее, какими бы забытыми и далекими они ни были, Кучлуг со своей новой базой сыграл важнейшую роль в этой истории, так как они привлекли внимание Чингиса к западу, миру ислама, что, в свою очередь, создало предпосылки для дальнейших завоеваний дальше и дальше на запад.

Если мы хотим разобраться в том, что произошло, придется перевести стрелки часов на сто лет назад. Когда кидани, правившие в Китае под именем Ляо, были в 1124 году свергнуты с Трона Дракона юрченами, член

киданьского правящего дома Янь Люй Даши собрал 200 человек своих людей и бежал на запад, найдя убежище за 2500 километров, перейдя пустыни Синьцзяна и Горы Тянь, где его не могли настигнуть новые владыки Северного Китая. Здесь, десятилетие спустя, в забытом всеми анархическом уголке Внутренней Азии, населенном невообразимой мешаниной тюркских племен и исламских народов, Даши создал царство трав, гор и пустынь размером с Западную Европу. Центром его царства сделался Киргизстан, кроме него, туда входили территории, которые сегодня являются Западным Китаем, Южным Казахстаном и Таджикистаном. Даши взял себе титул Гур (Вселенский) хан и назвал свое царство Кара-Китай, или Черный Китай, по названию своего собственного киданьского племени. Okрепнув, он начал взимать дань со своего мусульманского соседа (о ком поговорим ниже).

Когда через 70 лет туда добрался Кучлуг, тогдашний Гур-хан встретил его с распростертыми объятиями. Кучлуг упрочил свое положение при дворе хана, женившись на его дочери. Затем, говоря словами персидского историка конца XIII века, «он бросился, словно стрела, выпущенная из мощного лука», и захватил трон. Предательство вряд ли подарило ему много друзей. Но он поступил еще хуже — по желанию своей новой жены он обратился в буддизм, сделался ярким врагом ислама и потребовал, чтобы все вожди-мусульмане отказались от своей веры, настроив, таким образом, против себя своих новых подданных. Когда имам Хотана в южном Синьцзяне стал его проклинять: «Пыль тебе в рот, враг веры!» — Кучлуг распял имама на дверях его собственного медресе. Естественно, Чингис не мог не догадываться, что этот взбалмошный фанатик в один прекрасный день может воспользоваться своим новым положением, чтобы попытаться отомстить за отца и деда. Ради будущей

безопасности монгольской нации его следовало уничтожить.

После многолетних войн в Китае это не представляло собой трудной задачи, и в 1218 году Чингис поручает Джебе выступить в поход на Кучлуга. Осаждать большие города его 20 000 воинам не придется. Самую трудную задачу ставил географический фактор: нужно было преодолеть 2600 километров, сначала через монгольские степи, затем перевалить через 3000-метровые Алтайские горы, а за ними — скалистые хребты Тянь-Шаня, где пики поднимаются на высоту больше 5000 метров. Следуя одним из маршрутов Шелкового пути, армия обогнула бы Иссык-Куль, второе по величине в мире альпийское озеро с его уникальной экологией. Глуби на водной массы, термальная активность и соленость дела ют озеро аккумулятором тепла, и благодаря ему его долина имеет достаточно теплый климат, чтобы там можно было сажать виноград и шелковицу для выращивания шелковичных червей. В 80 километрах от западной оконечности Иссык — Куля располагалась столица Кучлука Баласаган, теперь от нее ничего не осталось, только торчит 25-метровый остаток минарета XI века, называвшегося Башня Бурана.

С военной точки зрения победа далась легко, как и предвидел Чингис. Узнав о приближении монголов, Кучлуг бежал за триста километров на юг, возможно через перевал Торугарт, а оттуда вниз к Кашгару, большому рынку Шелкового пути, что на западной окраине пустыни Такла Макан. Пустившись вдогонку, Джебе запретил мародерство, и кашгарские уйгуры встречали его с радостью. Кучлуг продолжил бегство через пустыню в сторону Памира, лежащего в 100 километрах к юго-западу от Кашгара, возможно желая держаться глубокого ущелья реки Гез, выходящего к землям, которые сейчас относятся к Пакистану.

«Преследуемый, как бешеная собака» монголами, пишет Джувайни, Кучлуг с горсткой людей попал в глухое, не имеющее выхода ущелье. Монголы сказали встретившимся местным охотникам, кого они ищут, и те, увидев возможность подзаработать и прославиться, пойма ли Кучлуга и отдали монголам. Заплатив охотникам, монголы отсекли Кучлугу голову и разъезжали с ней, демонстрируя победу, по городам своих новых владений. Так закончилась борьба Чингиса с тремя поколениями найманских правителей.

Победа над Кучлугом привела монголов к установлению контактов с их исламским соседом, царством, занимавшим территорию нынешних Узбекистана и Туркменистана, вместе с частью Ирана и Афганистана. Оно называлось Хорезм (это одно из полудюжины произношений) по названию его главной провинции. Этот беспокойный регион на восточной окраине исламского мира, два столетия составлявший часть Сельджукской империи, стал образующим ядром нового царства за полвека до описываемых событий, и это создало обстановку непрерывных войн между несколькими заинтересованными сторонами, среди них были ханы Кара-Китая, и они некоторое время контролировали большую часть Хорезма, потому же собирали с него дань. К концу XII века Хорезм, в свою очередь, расширился за счет соседних провинций Хорасан и Трансоксиана. Получилось, что у него в руках сосредоточился контроль над великим рынком Шелкового пути — над Самаркандом, Бухарой, Ургенчем, Ходжендом, Мервом, Нишапуром, а также над пограничной рекой, Амударьей, в классические времена называвшейся Оксусом. Область, известная как Трансоксиания, или Трансоксиана, земли «за Оксусом», простиралась почти на 500 километров через пустыню Кызылкум до бесплодных берегов Сырдарьи (старинного Джаксартеса). Борьба за этот регион, в

доставке снабжаемый водой с тающих ледников Памира, почти не оставила следов в письменных документах или традиции, историки составляют о ней представление по монетам. Время было сложное и жестокое, один только Самарканд выдержал 70 нападений кара-китайцев, почти по одному в год. В такой обстановке хорезмшах Мухаммед заключил союз с Кучлугом, в тот момент бывшим на подъеме. В результате, когда Кучлуг захватил власть в Кара-Китае, у Мухаммеда были развязаны руки начать строительство собственной империи, положив тем самым начало развитию событий, которые привели к следующей стадии в продвижении Чингиса к трансконтинентальному владычеству. [7]

Трудно сказать, как бы развивались события в дальнейшем, если бы не характер Мухаммеда. Ни у кого не находится доброго слова об этом жутком человеке, навлекшем на свой народ и свою веру невиданное бедствие. Его мать Теркен, жившая собственным двором, также разделяет с ним большую долю вины. Очень похоже, что именно по ее наитию этот капризный, беспечный и ненадежный тюрк попытался силой навязать свою волю народу, большинство которого составляли иранцы.

Некий Отман, султан Самарканда, поднял восстание, для начала перебив всех хорезмийцев в городе, буквально изрезав их на куски и развесив их на базарах. Когда Мухаммед снова захватил город, было умерщвлено 10 000 человек, а вместе с ними Отман тоже. Так что, когда шах сделал Самарканд своей столицей, население вряд ли встретило его с восторгом. Вдобавок он вел войны с высшей духовной властью ислама, Багдадским халифатом, и не могло быть и речи, что бы представлять себя защитником веры. Ну и, наконец, его репутация, мягко говоря, оставляла

желать лучшего, о его распутстве ходили легенды. Вот как описывают его современники: «Только и знает, что постоянно удовлетворять свои желания в компании смазливых танцовщиц и непрерывно пить красное вино».

Чингису не было никакого смысла вмешиваться в это месиво вражды, он говорил, что ему нужны только торговые связи. Однако шах Мухаммед уже имел сообщения о том, как был разграблен Бейджин, его посол рассказал ему о горах костей и озерах человеческого жира. Можно ли поверить, что кровожадный вождь воинственных орд вдруг, ни с того ни с сего, превратился в поборника мира? Как ни странно, но ответ на этот вопрос скорее всего звучит «да», поскольку еще не был завоеван Северный Китай, и на это потребуется еще двадцать лет. Ответ Мухаммеда прозвучал верхом глупости, продемонстрировав его слабость, наивность, невежество, ксенофобию и надменность: «Для меня нет разницы между тобой, Гурханом или Кучлугом... Пусть будет война, в которой ломаются мечи и трещат копья!»

Чингис продолжал добиваться развития торговли, поскольку война в этом регионе означала дополнительное напряжение для монгольского царства, еще одну кампанию, удлинение границ, которые придется защищать, и, кто знает, возможно, поражение. Главные же перспективы развития торговли были прекраснейшие. В Монголию приезжали три купца из Бухары, желавшие изучить маршрут, который внезапно наметился в связи с монгольскими завоеваниями в Северном Китае. Теперь, когда они вернулись еще раз, Чингис послал с ними огромную торговую делегацию из 100 (согласно «*Тайной истории*»), а может быть, 450 (как утверждают другие) торговцев, все они были мусульманами, кроме стоявшего во главе монгола. Целью делегации было

наладить торговлю с исламскими странами. Им предстояло за несколько недель преодолеть 2700 километров. Делегация везла с собой еще одно послание Чингиса к Мухаммеду, объяснявшее, что они прибыли, чтобы «иметь возможность приобрести удивительные изделия тех стран, и что впредь нарыв зла можно будет вскрыть улучшением отношений».

Или что-то в этом роде. Существует несколько версий относительно того, что на самом деле сказал Чингис, все они принадлежат исламской стороне, и ни одна из них не звучит враждебно. Как свидетельствует еще один источник, Чингис претендовал на равенство или называл Мухаммеда «самым возлюбленным из моих сыновей», что любому главе государства не могло не показаться покровительственным, но назвать это объявлением войны никак нельзя. Но Мухаммед воспринял его именно так.

В 1217 году делегация добралась до Отрара, города на реке Сырдарья. Сегодня Отрар нужно искать на западе современного Казахстана, от него сохранились всего лишь несколько поросших травой холмов и беспорядочно разбросанные развалины. В начале тринадцатого столетия это был процветающий пограничный город, раскинувшийся на 20 гектарах. Правителем города был еще один злой гений этой истории, которого источники называют по рангу или титулу Инальчук («Маленький господин») или Кадирхан («Могущественный хан»). Наместник Икс, Инальчук, как его принято называть, приходился родственником властной матери Мухаммеда и ни за что не стал бы рисковать, действуя по собственной инициативе. Именно он, по кивку или движению глаз повелите ля, распахнул ворота в ад, вдвойне надругавшись над посланниками Чингиса. Во-первых, он обвинил их в шпионаже и, во-вторых, бросил в тюрьму. Чингис пришел в страшное негодование, но не поддался на

провокацию. Он в последний раз протянул Мухаммеду оливковую ветвь, послав трех эмиссаров, которые представили все дело так, чтобы Мухаммед воспользовался случаем и, сославшись на полную неосведомленность о поступке своего наместника, выдал им виновного для наказания. Мухаммед вместо этого нанес монголам смертельное оскорбление. Он велел убить одного, а возможно, и всех троих послов.

И потом, «ни минуты не раздумывая, — пишет Джувайни, — шах тут же приказал, чтобы эту группу мусульман (чингисовых торговцев в Отраре)... лишили жизни», а их богатые товары конфисковали. «Маленький господин» Инальчук перерезал всю делегацию. А это были, напомню, его единоверцы, все, кроме возглавлявшего делегацию монгола. Определенно, такой поступок вряд ли мог вызвать восторг у его собственного народа. Фактически Мухаммед проиграл войну за сердца и умы еще до того, как прогремела первая битва. Джувайни, как это часто у него бывает, поднимается до поэтических высот, оплакивая поспешность совершенного действия, которое, как показали события, «разорили и опустошили целый мир... и капли их крови переполнили целый Оксус».

Достаточно было убить одного посла, чтобы спровоцировать войну, а что говорить о 100, а то и о 450, или сколько их было там. Когда Чингис получил сообщение о происшедшем, как описывает Джувайни, он был вне себя от ярости, пламя гнева заставило воду политься из глаз, и потушить его могла только кровь. Он пошел «один на вершину горы» — я думаю, мы можем принять, что если он поступил именно так, то это должна была быть Буркан Халдун, — обнажил голову, обратил лицо к земле и три дня и ночи возносил молитву, говоря: «Нет вины моей в этой беде, надели меня силами свершить мою месть».

Так начался новый этап в возвышении Чингиса. До этого момента его вели традиции. Наследием любого монгольского правителя был наказ захватить Китай, и для этого главным условием было единство племен, это, в свою очередь, оправдывало преследование вождя-соперника, даже если далеко за пределами монгольских владений, в данном случае в Кара-Китае, а это, как понял бы любой хороший стратег, затрагивало бы и Си Ся. Но разве найдешь вождя кочевников, всегда привязанного к своему кочевью, который охотно отправится за тридевять земель подавлять чью-то империю, не говоря уже о том, что эта империя господствует во всей Внутренней Азии. Однако в представлении Чингиса у него не было иного выбора. Его не только унизили, ему не только открыто бросили вызов, этого мало, так как если он не ответит на угрозу, то почти наверняка сам падет жертвой амбициозного шаха, который не прочь прибрать к рукам богатые китайские земли. Как написано в *«Тайной истории»*, у него ни на миг не возникало сомнений, что следует сделать: «Давайте направим наших коней против исламского народа, чтобы отомстить!»

По-видимому, решение, принятое Чингисом, вызвало в его семье обсуждение вопроса о преемнике. Вопрос поста вила Юсуй, одна из его жен, которых у него теперь было не сколько. *«Тайная история»* вкладывает ей в уста следующие слова:

Когда твое тело, словно старое и высохшее
дерево,
С шумом рухнет на землю,
Кому ты оставишь свой народ?

Чингис понимал, о чем идет речь, потому что по традиции его наследник станет старшим в клане, пока

будет в состоянии отстаивать свое право, хотя он, может быть, должен быть лучше других подготовлен к тому, чтобы взять на себя правление, и, возможно, необязательно это будет один из сыновей вождя. Однако теперь наследнику представляло управлять кое-чем побольше клана, и все его сыновья, каждый по-своему, опытные военачальники. Правила будут изменены. Должен править один из его сыновей. Но который? Чингис изложил проблему открыто перед всеми четырьмя. Трон, по правилам, должен был бы достаться Джочи, старшему, но отцом Джочи мог сделаться меркит, когда его мать была в плену. Разгорелась перебранка, подробно описанная в *«Тайной истории»*.

Джагатай, второй сын, крикнул: «Ты хочешь сказать, что нами будет управлять меркитский ублюдок?»

Джочи схватил брата за грудки: «Наш отец, хан, никогда не говорил, что я какой-то другой. Как смеешь ты? Думаешь, ты умнее меня? Только вспылчивей!»

Два военачальника, Борчу и Мукали, разняли их, а окончательно разрядил атмосферу шаман Кокочос, напомнив, какие опасности преодолел Чингис, чтобы основать единую нацию — *когда не оставалось пить ничего, кроме слюны*, хан все равно не сдавался и продолжал борьбу, *пока от пота с бровей не промокали ноги*. А ваша мать? Она ради вас ходила голодной и вытащила вас за шею, чтобы были не хуже других.

Джагатай принял упрек. Хорошо, он будет работать с Джочи, сказал он, и предложил в качестве компромисса третьего сына, Угедэя: «Угедэй милосердный, пусть получит титул». Чингис еще больше утишил страсти. Он сказал, что первым двум братьям нет нужды работать вместе — Мать-Земля большая, и у нее много рек, каждый получит свою часть во владение. Из Тули, самого младшего, вышел бы

хороший хан, он храбро проявил себя в китайском походе, но жена у него кераимская княжна, *несторианская христианка*, женщина с большими амбициями и большого ума. Что, если под ее влиянием наследники Чингиса перестанут уважать свои собственные традиции? (Он как в воду глядел. Княжна, Соргагатани, проявит себя самой деятельной для своих лет женщиной, это ее сыновья в конечном итоге разделят между собой имперское наследство.)

Что должен был сказать Угедэй? Он знал, что ему просто улыбнулось счастье. Способный и щедрый — да, но что касается «милосердия» — вернее было бы сказать «недостаточно жестокий». К тому же он горький пьяница. В его неуверенном ответе он проявился как нельзя ясно, со всеми своими сильными сторонами и слабостями. Ну что же, он будет стараться, но за своих потомков ручаться не может. Не очень впечатляющая речь, но и этого было достаточно. Наследник выбран, клан и нация по-прежнему едины.

И для похода на запад был заложен фундамент.

Взяв на себя личное руководство кампанией, требовавшей тщательного планирования, Чингис искал себе помощников. Помощников особенно в сфере, с которой монгольский вождь никогда прежде не имел дела, — в сфере управления завоеванными территориями. Нужно полагать, что Чингис не мог не заметить, что глупо дважды, а то и трижды завоевывать уже завоеванное, как случилось в Китае, где по несколько раз приходилось осаждать и брать одни и те же города. Среди монгольских князей было несколько человек, имевших хотя бы зачаточные представления о том, что такое управление, так как они выучили принятое несколько лет назад уйгурское письмо. Но не было настоящего чиновничества. Оно понадобится, если Чингис не хочет повторить ошибки китайских войн.

Возможно, именно в этот момент он или кто-то из приближенных вспомнил одного пленного, взятого три года назад в Бейджине, где его сводный брат Шиги составил опись имперских сокровищ и переписал знатных пленников. Среди цзиньских чиновников выделялся один — выделялся и в буквальном смысле слова — он был очень высоким молодым человеком (ростом 8 чу, примерно два метра), 25 лет, с бородой до пояса и прекрасным звучным голосом. Он был киданем, одним из тех, кто, будучи подданными Ляо, одно время правили северо-восточным Китаем и были смещены Цзинь. Его звали Чу Цзай, он принадлежал к семье Янь Люй, одной из самых видных в империи Ляо и уходивших корнями на двести лет назад ко времени основателя династии Ляо. Если уточнять, то его отец был приемным сыном, но Чу Цзай считал себя до кончиков ногтей Янь Люем. Его отец служил императорам Цзинь, сначала переводчиком — он говорил на китайском, киданьском и юрченском, — а потом и важным чиновником, разбогател и стал влиятельной фигурой. Чу Цзай родился в семье, открывавшей ему самые радужные перспективы, показывал блестящие успехи в учебе, был по этому и администратором, знатоком буддийской литературы. Когда в страну вторгся Чингис, он служил вице-префектом провинции. Его отозвали в столицу, и он служил в ней всю осаду. Пережив страшное разграбление города, он укрепился в убеждении, что истине и добродетели лучше всего служить, соединив доктрины трех мудрецов — Конфуция, Будды и Лао-цзы, основателя даоизма. Теперь его призывает к себе Чингис, которому нужен человек для организации и управления имперской бюрократией. Это была большая честь, и Чу Цзай должен был проявить все свое смирение в благодарность за освобождение от прежних господ.

В письме, ставшем потом знаменитым, Чингис обратился к нему со словами: «Ляо и Цзинь поколениями были врагами. Я отомстил за тебя».

Чу Цзай ответил с неожиданной сдержанностью: «Мои отец и дед оба верно служили Цзинь. Могу ли я, и как подданный, и как сын, таить в сердце неискренность и считать мое го суверена и моего отца своими врагами?»

Это произвело впечатление на Чингиса, и он предложил этому выдержанному и умному молодому человеку посту пить к нему на службу. И Длиннобородый, как прозвал его Чингис, позаботился о том, чтобы эти завоевания стали доказательством того, что Чингисом руководит Провидение. С этого времени Чу Цзай, используя большой интерес своего господина к духовным вопросам, будет играть важную роль в формировании характера хана и его империи. Почти с полной уверенностью можно утверждать, что именно Чу Цзай сочинил в 1219 году пространное обращение Чингиса к мудрецу Цянчуню, обрисовав Чингиса как воина-аскета, ведущего самый простой образ жизни и сражающегося за торжество добродетели.

Небеса устали наблюдать, как в Китае чувства высокомерия и пристрастия к роскоши перешли всякие границы. Что касается меня, то я живу в диких областях Севера, где не может родиться алчность и стяжательство. Я возвращаюсь к простоте, я соблю аю умеренность. Я ношу то же платье, ем то же мясо, чти и последний пастух, и конюх в конюшне. Я забочусь о простых людях, как заботятся о малом ребенке, а к солдатам отношусь как к своим братьям. Я участвовал в 100 сражениях, и всегда скакал в первом ряду. За семь лет я завершил огромную работу, и в

шести направлениях пространства все подчиняется одному закону.

Возвращение к простоте кочевого образа жизни? Не совсем, ибо единство и добродетель еще не стали всеобщим достоянием, воля Небес еще не выполнена. Чингис рассылает просьбы о войсках всем своим вассалам в приграничной Монголии, в уйгурских землях, в Северном Китае, в Мань журии и, наконец, в Си Ся. Он победил Си Ся, получил дань, его царь-буддист, Бурхань, обещал ему помощь, когда она потребуется, и наверняка поведет себя как подобает вассалу. Чингис отправляет послание императору: «Помнишь, ты обещал быть моей правой рукой? Так вот, мне нужно свести счеты с мухаммедистами, поэтому «стань моей правой рукой и скачи бок о бок со мной!».

Однако в ответ Чингис получил пощечину, едва ли не та кую же, как от шаха Мухаммеда. Пощечину отпустил ему не сам правитель Си Ся, а Аша, его первый военачальник, или гамбу, реальная сила за спиной императора. Когда посланец Чингиса объяснил, что требуется от императора и зачем, Аше, видимо, показалось, что у него появилась потрясающая возможность восстановить независимость Си Ся. Монголы еще не добились окончательной победы в Северном Китае, а теперь им грозит еще одна война, к тому же вести ее придется на западе за 2000 километров от Монголии. Вряд ли найдется на земле держава, которая способна выдержать две разные войны на фронтах, отдаленных друг от друга на та кое расстояние. Аша опередил своего государя с полным презрения отказом: «Если Чингис и в самом деле такой слабый, зачем он вообще назвался ханом?»

Когда был получен ответ, Чингис был вне себя и не находил слов, чтобы выразить свой гнев. Первым делом он дол жен выступить против Мухаммеда. Ну а потом,

«если Вечное Небо защищает меня», о, вот тогда придет час расплаты!

В 1219 году Чингис повел свои войска на Запад, покоряя по пути небольшие племена. Теперь это была совсем иная армия по сравнению с той, которая перешла Гоби, чтобы ударить по Си Ся и Северному Китаю, не похожая также и на ту, которую вел Джебе, преследуя Кучлуга. В ее составе было 100 000–150 000 воинов, каждый с двумя-тремя конями, она сохраняла присущие армиям кочевников скорость передвижения и способность совершать длинные переходы, до 100 километров в сутки, преодолевать пустыни, реки, возникать и исчезать, как по мановению волшебной палочки. Но теперь появился совершенно новый элемент. Осада Бейджина и других китайских городов заставила монголов обзавестись самыми лучшими осадными орудиями и обрести умение пользоваться ими. Навьюченные на лошадей и верблюдов, нагруженные на четырехколесные телеги или передвигаясь на собственных колесах, за армией тащились стенобитные орудия, штурмовые лестницы, четырехколесные подвижные щиты, метательные катапульты с многочисленными видами зажигательных и дымовых бомб, огнеметные трубы и гигантские двойные и тройные осадные луки, способные пускать стрелы с мачту величиной, чтобы пробивать глинобитные стены с расстояния километр. Скорее всего, они взяли все это у китайцев — через 40 лет, в 1258 году монгольскую армию при осаде Багдада сопровождала тысяча китайских команд, обслуживавших осадные луки. Такого внушительно го сочетания кочевой конницы и осадного вооружения ни кто еще не видел.

Это еще не все. В походе войско всегда кормилось тем, что можно было взять по пути, грабежами и мародерством. Это был единственный способ

расплачиваться с солдатами и военачальниками. Но предшествующие армии, кочевые или городские, умели только воевать. Кочевники в походе были высшего класса специалистами своего боевого дела и, когда доходило до обращения с побежденными, не знали ничего другого, кроме как брать в плен умелых ремесленников, мужчин убивать, женщин насиловать и вместе с детьми обращать в рабство. За пленными и рабами нужен был надзор, что, при значительном количестве побежденных, подрывало обеспечивавшую победу гибкость армии. Вот почему традиционные кочевнические войска приходили, побеждали и уходили. Армии из земледельцев и горожан, напротив, были орудиями для захвата территории и других земледельцев и городов и, соответственно, были заинтересованы не допускать полного уничтожения того, что будет им принадлежать.

Эта монгольская армия шла с новыми задачами, ставить которые научилась в Китае, подсказавшие эту смертельную комбинацию кочевнической тактики и военной техники. Теперь пленных использовали в следующих трех целях: как искусную рабскую рабочую силу, как солдат в нековчественских контингентах и, что особенно отвратительно, в качестве пушечного мяса, когда гражданских пленных гнали впереди войска, чтобы завалить ими крепостные рвы, подставить под полную силу удара обороняющихся, а случалось, и для того, чтобы заставить обороняющихся сложить оружие, потому что они не могли убивать близких им людей, свою плоть и кровь.

Так что то, что двигалось на запад в 1219 году, было настоящим Джаггернаутом, ведомой своей конницей ужасающей машиной войны. Обремененная телегами и осадными машинами, она была громоздким зверем, который требовал прокладки дорог и строительства мостов, особенно на Алтае и Тянь-Шане. Но эта армия

была не только громоздкой, не только самодостаточной, но еще и непрерывно росла. Выученные кавалерийские отряды не потеряли своей маневренности. С каждым взятым городом неочевидные отряды усиливались, становились богаче, многочисленнее и лучше вооружены. Достаточно первого успеха, и машина войны слепо и неумолимо покатится вперед, и остановить ее или замедлить ход могут только непреодолимые географические препятствия, невыносимый климат или планы ее верховного главнокомандующего.

Увидеть все это в то время или предусмотреть последствия не мог никто. У верховного главнокомандующего не было никакого конечного плана, кроме как покарать зло, рас платиться с войсками и обеспечить безопасность своей империи. Он не мог заранее предугадать, что начинает нечто великое, что не имеет естественных пределов, ибо какой правитель, особенно побывавший в шкуре изгоя, скажет, что не хочет больше увеличивать свое богатство или не беспокоиться о своей безопасности?

Когда войска Чингиса подошли к границам Хорезма, им противостояли потенциально намного более мощные силы. Но шах не пользовался любовью подданных и не мог рисковать созданием единой структуры командования во главе с военачальником, который в любой момент может просто повернуть против него. Поэтому, когда монголы окружили Отрар, шахские войска оказались рассредоточенными по главным городам Хорезма. Все это Чингис знал от недовольных Мухаммедом мусульманских чиновников, перебежавших к монголам. Он искусно воспользовался этими разногласиями, рассылая своих купцов-мусульман успокаивать местное население и предлагая городам и крепостям мирно сдаваться на условиях, что они не будут отданы на разграбление монгольским войскам.

Другое дело узлы обороны. Отрар, чей наместник высек искру, из которой разгорелась эта кровавая война, был особой целью Чингиса, и его штурм запомнился в Центральной Азии как Отрарская катастрофа. Чингис хотел заполучить наместника живым, чтобы устроить ему достойную публичную казнь. Осада, запечатленная искусной диорамой в алматинском Историческом музее, длилась пять месяцев, пока комендант крепости не попытался бежать через потайной ход. Его действия ускорили конец и его собственный — он был схвачен монголами и казнен за предательство, — и города. Монголы проникли в город по тому же потайному ходу, которым воспользовался уносивший ноги комендант. Объект их охоты, «Маленький господин» Инальчук с несколькими сотнями защитников, забаррикадировался во внутренней цитадели. Так как монголы получили приказ взять его живым, то не спешили и еще месяц методично вели осаду. Поняв, что они обречены, защитники стали устраивать самоубийственные вылазки, по пятьдесят человек за один раз, пока Инальчук с горсткой оставшихся с ним воинов не были загнаны на верхний этаж башни, где они выламывали из стен кирпичи и швыряли в нападающих. Дело кончилось тем, что Инальчука в цепях вывели на площадь для казни, которая, по словам одного источника, была выполнена весьма изощренным способом: глаза и уши ему залили расплавленным серебром. Мне кажется, такой конец для него был излишне дорогим и маловероятным, наверное, с ним разделались как-нибудь попроще. Сам город сровняли с землей, от него остались только горы мусора, которые только недавно, почти 800 лет спустя, обнаружили археологи.

Чингис же разделил свою армию, послав Джочи на север, чтобы широким обходным маневром отрезать северные области Хорезма. В январе 1220 года Чингис

выслал вторую армию расправиться с Отраром, а сам повел другую в обход Бухары, через пустыню Кызылкум, по вымерзшим пескам, по крытым редкими кочками жесткой травы. Переходя замерзшую Сырдарью, он вышел к маленькому городу Зарну, где ясно продемонстрировал свою политику: сопротивляйся — и смерть, сдавайся — и жизнь. Жители Зарнука, недолго раздумывая, встали на путь мудрости и выживания. Цитадель разрушили, молодых мужчин забрали в армию, а всем остальным разрешили разойтись по домам. Второй город, Нурата, известный в те времена как Нур, тоже недолго раздумывал и принял такое же решение.

В феврале или марте 1220 года монгольская армия была на подступах к Бухаре, и ее 20-тысячный гарнизон, предприняв опережающий удар, потерпел сокрушающее поражение на берегах Амударьи. Остатки бухарского войска быстро отступили в цитадель, Арк, горожане же, не имевшие никакого желания расставаться с жизнью во имя ненавистного шаха, открыли ворота. Чингис въехал в город и поскакал дальше по узким, застроенным деревянными домами улицам, где жили простолюдины, миновал дворец из кирпича-сырца, оказался во внутреннем городе, Шахристане, у самого большого здания Бухары, и, таким образом, впервые в жизни увидел своими глазами город настолько богатый во всех отношениях, что он, наверное, и подозревать не мог.

Цивилизация, которая лежала сейчас у ног Чингиса, по своему блеску могла сравниться с Китаем, хотя и была намного моложе. Ее основали 500 лет до этого, когда вдохновленные основателем ислама Мухаммедом арабы овладели Персией, Сирией, Ираком, Египтом, Северной Африкой, Центральной Азией, даже Испанией, и на короткий период им стала под властью территория от Пиренеев до Западного Китая.

Некоторое время эта империя была объединена ее новой религией и священной книгой ислама Кораном, который, подобно тому, что сделала для Англии Библия короля Якова, очистил арабский язык и стимулировал его развитие в самый критический момент его истории. Мусульмане ссылаются на него как на истинное доказательство существования Аллаха. На этой основе вырос еще один источник доктрины ислама — *сунна*, рассказывающая о делах и высказываниях пророка и его преемников. Взятые вместе, эти две составные доктрины пропитывают каждый аспект ислама — управление, законы, знания, поведение, творческую деятельность мусульман, поскольку ислам не проводит четкой грани между церковью и государством, священным и мирским — священным должно быть все. Ислам был «братством верующих».

Одно дело построить империю, совсем другое — управлять ею. Отдельные области и секты старались оставлять богатства и власть за собой. Шииты претендовали на право строить управление по-своему, основываясь на взглядах «Шиат Али», Али, зятя Мухаммеда. Другая, поддерживавшая Аббаса, дядю Мухаммеда, возникла на окраине империи, прежде всего в Ираке. При Аббасидах центр тяжести империи переместился на Восток, в Багдад. К тысячному году исламский мир, созданный как единая имперская река, растекся на пять главных и десятки менее значительных рукавов могучей дельты. Тем не менее некоторого рода единство сохранилось. Мусульманские богословы от Гиндукуша до Испании поклонялись одному и тому же богу, почитали одного и того же пророка, говорили на арабском, этом «лингва франка», и унаследовали одно и то же культурное богатство. Экономическая мощь ислама черпалась из торговли, соединявшей Северную Африку, Европу, Русь, Средний Восток, Индию и Китай. Ислам признавал порабощение

немусульман, все зарабатывали на торговле рабами — африканцами, тюрками, индийцами или славянами. Арабские монеты были найдены в Финляндии, мусульманские купцы выписывали чеки, которые принимались банками в главных городах от Кордовы до Самарканда. Один торговец имел склады на Волге, другой около Бухары и третий в Гуджарате.

Стимулируемый несметным богатством, средневековый ислам жаждал познания мира и вдохновил на изыскания блестящих ученых. Бумага сменила папирус, процветали книжные лавки, библиотеки украшали дома богатых людей. Арабский был языком божественного откровения, все благоговели перед написанным словом, и каллиграфия стала искусством выше живописи. Это не был мир фундаменталистов-интравертов, поскольку средневековый ислам, уверенный в своем превосходстве, отличался стремлением к новому, любознательностью и поразительной терпимостью. Арабы обращались к грекам в поиске научных и религиозных знаний, переводили многих греческих классиков. В этой богатейшей амальгаме находили себе место многие языки и вероучения — персидский, санскрит, сирийский языки; христианство, иудаизм и зороастризм.

Полным цветом расцветали искусство и наука. Урбанизированные образованные люди покровительствовали поэтам, историки прославляли достижения ислама, архитекторы строили мечети с куполами, на сотни лет опередив купола итальянского Ренессанса. Украшенные штукатуркой и фресками дворцы создали орнаментальный стиль, которому следовали во всех исламских странах. Арабские цифры, производные от индийских, являлись, как много позже обнаружила Европа, гораздо более мощным математическим инструментом, чем те, которыми

располагали предшествующие системы. Несмотря на то что арабские алхимики не расставались с убеждением, что золото можно получить путем преобразования металлов, их скрупулезные поиски «философского камня», который поможет добиться этого, перебросили мост между алхимией (*аль-кемия*, «трансмутация») и современной химией. Мусульмане-путешественники писали очерки о Китае, Европе и значительной части Африки. Европейские языки, обогащенные переводами с арабского на латынь, все еще отдают дань достижениям арабской науки: зеро (от *сифр*, «пустой») и алгебра (*аль — джебр*, «сведение в единое целое»), названия звезд, вроде Бетельгейза (от *байтр аль-джавза*, «дом близнецов») и Альтаир («летающий»), зенит, надир, азимут.

Величайшим центром исламской культуры стал Багдад. Раскинувшийся на берегах Тигра, он был спланирован как совершенный круг, образованный тройным валом, охраняемым 360 сторожевыми башнями. Круглый город, как его называли, скоро стал магнитом, притягивавшим купцов, ученых и художников из таких далей, как Испания и Северная Индия, и вырастал в самую большую метрополию в мире, соперничая с Константинополем, — по размерам он равнялся Парижу конца X I X века — и аккумулируя соответствующие богатства. В багдадских торговых складах можно было найти фарфор из Китая, мускус и слоновую кость из Африки, пряности и жемчуг из Малайи, славянских рабов, воск и меха.

Четыре столетия древние персидские города-оазисы Самарканд, Бухара, Мерв и Гургандж, восточные аванпосты ислама, были достойными двойниками Багдада. Вспоминая своего персидского предка VIII века, Самана Худара, Саманиды создали свой собственный вид ислама, продвинулись на восток в Афганистан, не давали арабам продвинуться туда и

сдерживали новую угрозу с востока — тюркские племена, с вождением посматривавшие на богатства исламского мира.

Все эти четыре города, расположенные на реках, питаемых ледниками Памира, утекающих в пески пустыни Кызыл-кум, существовали за счет сложной системы каналов и подземных водоводов (*канат*), все были окружены мощными стенами для защиты от врагов и наступающих песков и дав но служили надежными бастионами Хорасана и Трансоксиании. Все они торговыми узлами связывали восток и запад. Упакованные в лед дыни отправлялись в Багдад. Бумага из Самарканда, изготовленная по китайской технологии, пользовалась спросом по всему мусульманскому миру и вскоре появится на Северных Пиренеях. Караваны величиной с не большую армию — по 5000 человек и 3000 лошадей и верблюдов — сновали между ними и Восточной Европой, перевозя шелк, медную посуду и драгоценности в обмен на меха, янтарь и овечьи шкуры. Из Китая доставляли фарфор и специи в обмен на лошадей и стекло.

Бухара с населением 300 000 человек почти сравнялась с самим Багдадом. Ее ученые и поэты, писавшие и на арабском, и на персидском, превратили ее в нарицательный эпитет «Свод ислама на Востоке». Ее царская библиотека насчитывала 45 тысяч рукописей, имела целую анфиладу комнат, отведенных книгам по отдельным дисциплинам. По словам составителя антологий XI века Аль-Таалаби, Бухара была «блистательной святыней империи, местом встречи самых уникальных умов столетия». Возможно, величайшим из этих великих умов был философ и врач Ибн Сина (980-1037), известный в Европе по испанской версии его имени Авиценна, родившийся неподалеку от места, где *сейчас* стоял Чингис. Он написал более 200 работ, самая знаменитая из них «*Каноны медицины*»,

будучи переведена на латынь, на целых пять веков стала в Европе главным учебником по медицине.

И над всем этим блистательным миром нависла угроза уничтожения, когда сюда докатилась последняя волна ми грации тюркских племен на запад, продолжавшаяся не одно столетие. Но исламская цивилизация вынесла их натиск, так как, осев на этих землях, тюрки приняли ислам суннитского толка заодно с мусульманскими именами и титулами. По этому, когда в 999 году тюрки вошли в Бухару, все обошлось без кровопролития, и Саманидов с позором изгнали. Мавзолей Исмаила Самани, жемчужина архитектуры начала X века, был почти погребен под движущимися песками (вот по чему Чингис не увидел его, вот почему гости Бухары могут теперь восхищаться его узорчатой, под стать ручной вышивке, кирпичной кладкой). В начале XIII века Хорезм, со своими бездарными правителями, унаследовал эти религиозные, художественные и культурные традиции, о которых Чингис знал очень мало, а также богатство, о котором он был уже на слыхан.

Джувайни описывает последующие события весьма и весьма подробно. Чингис стоял рядом с одним из шедевров средневековой исламской архитектуры — минаретом Кальян, который построил 80 лет назад честолюбивый тюрк Арслан-хан. Это было — и есть — настоящее чудо, не только из-за своей высоты, почти 50 метров, но и потому, что это одно из немногих зданий, сохранившихся после бесчисленных землетрясений в регионе. Как сегодня рассказывают туристам гиды, архитектор Арслана, мастер Барко, по собственному опыту знал, что нужно делать. Его фундамент был выполнен в форме перевернутой пирамиды и уходил на 10 метров в глубину и был выполнен из строительного раствора: смеси извести, гипса, верблюжьего молока и яичного белка. Он оставил свой странный, но надежно

проверенный цемент на три года твердеть, затем добавил слой камыша и на этом зубе, покрытом противоударным слоем, поставил здание, которое в течение 700 лет оставалось самым высоким в Центральной Азии. Его двенадцать поясков-перевязок из обожженного кирпича по-прежнему кружевной арабской вязью прославляют имя Барко. Местные жители называют минарет Башней смерти, потому что, как рассказывал мой гид Сергей, пока мы карабкались по ста пяти слабо различимым и пыльным ступенькам, с самого верха башни сбрасывали преступников.

Рядом с башней находился величественный вход во внутренний двор, имевший длину 120 метров и окруженный многосводчатой колоннадой. Это был дворец? — задал через переводчика вопрос Чингис, как утверждает одна из версий событий. Нет, ответили ему, это дом Бога, Пятничная мечеть. Он слез с коня, вошел во двор, поднялся на несколько ступе ней, ведших к кафедре, и...

А может быть, все было сложнее. По словам служителя, приткнувшегося у замызанного коврика внутри прохода во двор, произошло следующее. Чингис еще раз взглянул на минарет...

— Башня смерти? — подсказал я, со знающим видом посмотрев на Сергея.

— Башня смерти! — Служитель отрицательно помахал рукой. — Никакой Башни смерти тут не было! Это святое место. Казнили всегда на Регистане. Есть одна легенда про вдову, которой сосед предложил выйти за него замуж. Когда она от казалась, сказав, что останется верной своему мужу, он обвинил ее в проституции и добился, чтобы ее сбросили с башни, но ее платье раздулось как парашют, и она осталась жива, и это доказало, что она была невиновна, нет-нет, какая там Башня смерти!

Ну, все равно, — продолжал служитель, — Чингис стоял и смотрел на минарет; когда он поднял глаза, чтобы увидеть ее верх, с него свалилась шапка. Он нагнулся подобрать ее и проговорил: «Этот минарет первая вещь, которой я поклонился».

Служитель воодушевляется, и мы слышим новые детали.

Чингис указывает на кафедру и спрашивает: «Это трон?» Нет, говорят ему, это нечто для проповедей, трон в крепости. Тогда Чингис идет в крепость, велит закрывшейся в ней страже сдаваться, но некоторых воинов пришлось убить, когда они не захотели сложить оружие. Затем он возвращается в мечеть, казнит 200 шейхов и бросает их головы в колодец, что во дворе мечети — он там и по сей день, вон там, под восьмиугольным помостом, — и только после этого, согласно данной версии легенды, Чингис взошел на кафедру...

Чтобы произнести слова, относительно верности которых единодушно согласились Джувайни, Сергей и служитель:

— В кишлаках не найти корма для лошадей. Набейте-ка брюхо нашим коням.

Пока имамы и прочая знать держали лошадей монголов, солдаты очищали амбары, стаскивали корм в мечеть, потом выкинули Кораны из деревянных ящиков, где они с величайшим тщанием хранились, и понаделали из ящиков ясли для корма лошадей. Часа через два отряды стали возвращаться в свои лагеря за пределами городских стен, чтобы приготовиться к штурму цитадели, а Кораны, как ненужный хлам, выбросили на землю под копыта своих коней.

Некоторые историки видели в этом намеренное осквернение мусульманской святыни, совершенное по воле Чингиса. Но это не вписывается в обстановку. Чингис, полный уверенности, что служит Промыслу,

смотрел на всех свысока, но не презирал людей за их веру. Джувайни сам не делает никаких комментариев по поводу растоптанных Коранов. Чингис и его воины, совершенно не придававшие этому значения, просто занимались обычным для себя делом, устраивали конюшню, им было все равно, где она будет находиться. И все-таки в таком беспечном пренебрежении к побежденным был свой урок, и Чингис не упустил случая воспользоваться им. Здесь, после легкой победы, он имел все основания верить в поддержку Небес, и он желал, чтобы его враги поняли это и, смирившись, подчинились. Выехав из города, он направился в *мусалла*, молитвенный двор, построенный на случай праздников, проводившихся за стенами города. Он решил произнести там речь перед тщательно подобранной аудиторией. Он велел собравшимся горожанам отобрать из своего числа самых богатых и самых знатных. Двести восемьдесят перепуганных, но любопытствующих людей собрались в скромных стенах простой мусаллы. Джувайни дает совершенно определенные цифры: 190 бухарских резидентов, 90 купцов из других городов. Чингис поднялся на кафедру и объяснил, в чем причины его возвышения, а их падения:

— О, люди! Знаю, что вы совершили тяжкие грехи и что самые знатные среди вас совершили эти грехи. Если вы спросите меня, как я докажу эти слова, то я отвечу, что знаю это, потому что я наказание Божье. Если бы вы не совершали тяжких грехов, Бог не послал бы вам такого наказания, как я.

Будучи мусульманином, Джувайни не мог пропустить эти слова без комментариев, хотя всегда оглядывался на монгольских правителей, под покровительством которых писал свои заметки. В словах Чингиса не было ничего личного и ничего мстительного. Просто он говорил о никчемных

правителях Хорезма и о том, как мусульмане за последние не сколько десятков лет собственными руками разодрали на части свое общество. Он не обязан наказывать за это, при условии, что получит достаточные трофеи, чтобы была довольна его армия.

Что и произошло. Его до смерти перепуганной аудиторией были самые видные торговцы и благородные бухарцы, к каждому из них приставили по стражу, чтобы ограбить их мог только Чингис или его военачальники, а не рядовые воины. В течение нескольких последующих дней, пока шахские солдаты со своими семьями сидели запертыми в цитадели, а горожане прятались по своим домам, богатые вельможи со своим эскортом тянулись из города к юрте Чингиса, где от давали свое богатство — звонкую монету, ювелирные украшения, одежду, ткани.

Для завершения «наказания Божьего» осталось сделать до конца две вещи: захватить центральную цитадель, откуда оставшиеся стойкими воины-мусульмане беспокоили ночными вылазками, и распорядиться населением. Окружавшие цитадель деревянные дома, мешавшие организации штурма, подожгли. Запылал почти весь город, не тронутыми огнем остались главная мечеть и сложенные из сырца-кирпича дворцы. Теперь ничто не мешало баллистам и катапультам, а вместе с ними и двойным, и тройным осадным лукам выдвинуться на открытые позиции. К стенам под градом горящих зажигательных бомб подогнали толпы горожан, чтобы их трупами и камнями завалить оборонительный ров. Битва продолжалась много дней, пока не рухнули стены Арка и огонь не совершил разрушений и пока его защитники не погибли убитыми в бою или не были казнены после него, при чем смерти предавали всех мужчин, которые «стояли выше рукоятки плети». Оставшихся в живых горожан выгнали за стены город к мусалла, где распределяли — молодых

в солдаты, женщин с их детьми в рабы, кузнецов, плотников и ювелиров в команды монгольских ремесленников.

Теперь монгольская машина смерти покатила на запад по направлению к Самарканду, а часть войска отрядили, что бы по ходу дела захватить Ходжент, пограничный город, стоявший на страже великолепных плодородных земель Ферганской долины. Самарканд, новую столицу Мухаммеда, «самый прелестный из райских уголков в этом мире», обороняли от сорока до ста десяти тысяч войск (или, возможно, это число людей вообще, источники дают крайне разбросанные цифры), которые укрылись за рвом и городскими стенами с цитаделью, спешно укреплявшиеся на протяжении недель, прошедших после осады Отрара. У защитников города имелся отряд слонов, которых, по-видимому, купил в Индии какой-то предприимчивый купец. Монголы раскину ли свой лагерь под самыми стенами города и прогоняли вокруг них толпы пленных, у каждого десятого в руках был флаг, они размахивали ими, чтобы у защитников создалось впечатление, будто их окружила гигантская армия. Вскоре к осаждающим присоединилось войско, пришедшее из Отрара. Защитники города предприняли тщетную попытку про рвать блокаду и выпустили на монголов слонов, но животные запаниковали, повернули вспять и начали топтать своих, а потом убежали в степь. Снова беспомощное руководство Мухаммеда сыграло с городом и всей страной злую шутку. Сам он бежал, заставляя всех встречавшихся по пути собирать свои пожитки и уходить, потому что сопротивление было бессмысленно. Городские богатеи и духовенство никак не желали сложить головы за такого человека и запросили мира, получив те же условия, что и жители Бухары: конфисковали их имущество, женщин и

ремесленников разобрали монгольские начальники и их семьи.

Завоевание Хорезма не могло, конечно, закончиться без поимки или смерти бежавшего Мухаммеда, эту задачу выполняли Джебе и Субудай, преследовавшие его по пятам через нынешние Узбекистан, Туркменистан и Иран. Обезумевший от страха, Мухаммед в отчаянии носился по своим бывшим владениям в поисках безопасного убежища, чувствуя за спиной на расстоянии однодневного конного перехода своих преследователей. Наконец он доскакал до берегов Каспия, где местные эмиры посоветовали затаиться на маленьком острове. Бросив свои сокровища на разграбление, он с небольшой свитой (в ней находился его сын Джалал ад-Дин) добрался на веслах до острова, где скончался от печали и безысходности. Судьба его матери была еще страшнее, ее схватили в маленькой крепости к югу от Каспийского моря, долго держали без пищи, а потом увезли в Монголию, где она провела много лет в неволе.

Тем временем монгольские клещи сжимались вокруг великого города Гурганджа, или Ургенча, как его позже стали называть (и продолжают называть сегодня). С севера в конце 1220 года подошел Джочи, захвативший с полдюжины менее значительных городов. С юго-востока подтянулись Джагатай и Удегэй, усиленные Борчу и личным корпусом Чингиса. Всего там собралось, наверное, тысяч сто солдат, однако этого числа было явно недостаточно, чтобы запугать горожан, приготовившихся к осаде, продлившейся месяцев пять. Это было самое трудное для монголов сражение. Здесь, на заливаемых половодьем Амударьи равнинах, не было камней для катапульт, и монголы срубили шелковичные деревья, что-бы делать снаряды. Пленных, как принято, загнали в рвы, а по том подорвали стены. После того как стены обрушились, монголам пришлось вести бои за

каждую улочку, одну за другой, шаг за шагом поджигая дома зажигательной смесью. Когда им показалось, что события развиваются слишком медленно, они решили затопить город, повернув на него реку, это предприятие закончилось самым бедственным образом, горожане неожиданно напали на монголов, раскапывавших дамбу, и прикончили 3000 человек. К моменту полной победы, что состоялась в начале 1221 года, у монголов не было никакого желания проявлять милосердие. Владевших какой-нибудь профессией, а таких нашлось более 100 000, увели в плен, остальных перерезали. Джувайни сообщает, что 50 000 солдат зарезали по 24 человека каждый. Это дает нам цифру *1,2 миллиона убитых*.

Из числа городов, переживших катастрофу, немногие хранят полученные в ее результате шрамы. Хиросима построила новый город, чтобы прикрыть свой ужасающий атомный ожог. Развалины Сан-Пьера на Мартинике, в 1902 году погребенного под лавой после извержения вулкана, когда-то напоминали Хиросиму, а сегодня опаленных камней не вид но, на их месте стоят лавочки торговцев и детские площадки. Гамбург, Берлин, даже Дрезден — осталось очень немного мест, которые напоминают о том, что пятьдесят лет назад их бомбили и на их месте лежали бесформенные груды бетона и камней.

Этого не скажешь о древнем Мерве. В начале XIII века этот город-оазис был жемчужиной Центральной Азии, городом мечетей и дворцов, *стен внутри стен*, глинобитных пригородов, занимавших площадь более ста гектаров, живших за счет прохладной воды, поступавшей по сети каналов от плотины, перегораживавшей реку Мургаб. В десяти библиотеках Мерва хранились 150 000 томов книг, величайшая коллекция в Центральной Азии. За сто лет до прихода Чингиса в своей обсерватории, следы которой не

найжены по сию пору, работал Омар Хайям. В наше время от Мерва осталась лишь тень. Если подняться на один из небольших холмиков неподалеку от его центра, окажешься со всех сторон окруженным серовато-коричневыми горами битого кирпича и глины, тонущих под толстым слоем вековой пыли, и так акр за акром. Единственное свидетельство возрождения города маячит за 30 километров отсюда, где новый Мерв — Мары — заявляет о себе облаком промышленных выбросов в небе. На равнине вокруг холмы, холмики, горки разной формы и величины, серая картина разорения и опустошения, впечатление от которой усиливается сиротливо торчащими над мертвым пространством оголенными развалинами: купола мавзолея султана Санджара XII века, когда-то покрытого бирюзовыми изразцами, яркий блеск которых был виден с рас стояния в один день перехода через пустыню и который не утратил своего значения как одно из величайших архитектурных чудес Центральной Азии. Великая Кыз Кала — «замок девственниц» — прямоугольник оранжевых колонн без крыши стоит, полный таинственности, как выброшенный чужеземцами за ненадобностью артефакт.

Здесь произошло нечто такое, отчего город превратился в безжизненную пустыню. Невозможно догадаться, что здесь стряслось. Это все равно что осматривать руины Хиросимы, Сан-Пьера или Дрездена, не имея представления об атомных бомбах, вулканах или смертоносных смерчах. Все вокруг свидетельствовало о взрыве, но никакой подсказки о его причине. Для того чтобы понять, что тут произошло, нужно хорошенько покопаться в прошлом, в земле и в письменных свидетельствах.

Это произошло не сразу, многие разрушения вызваны воздействием ветра и дождей, но процесс начался в январе 1221 года, когда к стенам Мерва

подошли монголы. Боевой дух города укрепил один из бывших военачальников шаха — вельможа по имени Муджир аль-Мулк, о его стремлении стать шахом Джувайни пишет с осуждением: «В глубине его сердца закралась мысль, будто без его позволения не может восходить солнце».

Когда отряд монголов в составе 800 человек произвел разведку боем, их отбросили, захватив в плен 60 человек, и пленных водили на показ по всему городу, а затем отправили на плаху. Узнав об этом унижении, Чингис поклялся отомстить городу.

Армия, окружившая Мерв, была невелика, около 7000 человек, у каждого воина лук и нож, каждый в жестком кожаном панцире, у каждого сменные лошади. Как часто случалось, сегодня перед ними был противник, намного превосходящий их по численности. Им противостояли 12 тысяч воинов и город с 70 000 жителями, но теперь разбухший в десять, а то и больше раз за счет беженцев из окрестных кишлаков. Отцы города совершили ошибку, решив оказать сопротивление, и горожане знали, что их ждет. Город замер, загипнотизированный ужасом. И солдаты, и горожане закрывались в домах и ждали, не предпринимая никаких действий. «Мир накинуд на себя покрывало скорби, — писал Джувайни, — и монголы заняли позиции в несколько колец, окружив город».

Монгольский командующий патрулировал стены в течение шести дней. В какой-то момент 200 воинов попытались прорваться из крепости, но тут же их загнали обратно в крепость. Увидев, что у него нет иной альтернативы, Муджир аль-Мулк запросил мира. Монголы потребовали выдать им 200 самых богатых и самых влиятельных людей, они тут же предстали перед монголами, и их расспросили об их богатстве. После чего монголы без боя вошли в город, полные решимости

рассчитаться за все. Четыре дня они гнали в степь толпы покорных людей.

Началось избиение. Город разграбили. Здания заминировали, книги сожгли или зарыли в землю. Хиросима была разрушена в секунды, Сан-Пьерр — за четыре минуты, Дрезден — за ночь, убитые считались десятками тысяч. Мерв умирал несколько дней. И потерял почти все и почти всех.

Монголы распорядились, чтобы, за исключением 400 ремесленников, которых они специально выбрали и отделили от остальных мужчин, и некоторых мальчиков и девочек, которых они уводили в рабство, все население, включая женщин и детей, подлежит уничтожению, и чтобы ни один человек не избежал смерти. Жителей Мерва распределили между солдатами и рекрутами, так что каждый из них должен был убить триста—четыреста человек.

Когда монголы ушли, под руководством одного муллы начали считать потери. «Он теперь вместе с некоторыми другими лицами провел тринадцать дней и ночей, подсчитывая, сколько людей убили внутри городских стен. Учитывая только тех, кого можно было легко увидеть, и не считая тех, кто был убит в ямах, подвалах и развалинах, а также в кишлаках и пустыне, они сошлись на цифре более одного миллиона трехсот тысяч человек».

Один миллион триста тысяч? И это в дополнение к одному миллиону двумстам тысячам, которые, как полагают, были перебиты в Ургенче? Многие историки высказывают сомнение относительно таких цифр, потому что они звучат просто невероятными. Но мы знаем из ужасов прошлого столетия, что массовая

бойня осуществляется без особого труда, если у тех, кто ее проводит, есть для этого воля, руководство и технология. Во время армяно-турецкой резни 1915 года турки вырезали один миллион четыреста тысяч армян из общего армянского населения страны в два миллиона сто тысяч человек, нацисты перебили за время холокоста шесть миллионов, зверства красных кхмеров в Камбодже в середине 1970-х годов унесли жизни одного миллиона семисот тысяч человек (из восьмимиллионного населения страны), восемьсот тысяч были перебиты в Руанде во время геноцида 1994 года (при населении пять миллионов восемьсот тысяч человек).

Поэтому 1,3 миллиона жертв — цифра более чем возможная для Мерва и полученная за время намного более короткое, чем в большинстве приведенных в предыдущем абзаце примеров. Холокост длился пять лет, красные кхмеры убивали более трех лет, а геноцид в Руанде, который Саманта Пау эр назвала «самым быстрым геноцидом, какой только знает мир», чуть дольше трех месяцев. Но если оставить в стороне споры о том, что называть «геноцидом», то ни один из приведенных выше примеров не может сравниться с тем, что содеяли монголы в Мерве. Для монгола было проще разделаться с покорившимся судьбе пленным, чем с сопротивляющейся овцой. Овцу режут с осторожностью, так, чтобы не испортить мясо. В груди делается небольшая дыра, в нее засовывают руку, хватают сердце и останавливают его. Овца, видимо, ничего не чувствует, и вся операция занимает полминуты. Для того чтобы разделаться с жителями Мерва, представлявшими несравненно меньшую цену, чем овца, не требовалось таких церемоний. На то, чтобы полоснуть по горлу, нужно несколько секунд, и можно переходить к следующему. Речь тут идет не о годах и месяцах, а о часах. Для 7000 солдат расправа над

миллионом человек была всего лишь тяжелой работой одного утра.

Свыше миллиона убитых в Мерве, десятки тысяч в не скольких других городах — это был, конечно же, холокост невиданных масштабов. Если учесть отношение монголов к немонголам, их неукоснительное повиновение приказу и их искусство убивать, то технически для них было вполне возможно прикончить три или больше миллиона людей за два — три года вторжения в исламскую империю.

Но можно ли верить этим цифрам?

Полезно поглядеть на судьбу Мерва, как ее описывает Джувайни после уничтожения 1,3 миллиона человек, т. е., предположительно, всех, кого монголы нашли в пределах города и за его стенами. Это случилось в феврале 1221 года. Тем не менее в ноябре того же года слухи о том, что Джалал ад-Дин поднял оружие на монголов, послужили поводом для восстания. Монгольский гауляйтер Бармас приказал собрать «ремесленников и т. п.» в лагере вне стен города, попытался вызвать туда «благородных», но ничего не получилось, «поубивал много народа, который попался ему у городских ворот», и многих увез в Бухару. Внутри Мерва шла борьба между мятежниками и промонгольскими элементами. Один мятежник «отремонтировал стены и цитадель... занялся сельским хозяйством и починил плотину». Когда появился другой мятежник, человек Джалал ад-Дина, «простой народ восстал и перешел к нему», а он, в свою очередь, начал заниматься сельским хозяйством и строительством дамб. Подавить мятеж прибыл сам Шиги, потому что «люди из разных частей, привлеченные изобилием его богатств, поднялись из всех углов и повернулись лицом к Мерву», к ним присоединились горожане. Новая осада закончилась уже знакомым нам образом: «На верующих надевали

верблюжью сбрую, выводили на веревке по десять-двадцать человек и топили в крови (то есть казнили), и таким образом жертвами стали 100 000 человек». Назначенный монголами наместник придумал подлую уловку, он призвал всех оставшихся в живых вознести молитву, «и все, кто выбрался из своих убежищ», были схвачены и брошены в тюрьму, «в конце концов их сталкивали с крыши». Таким образом погибли многие люди, и так продолжалось, пока «во всем городе не осталось в живых и четырех человек». И все же новый эмир, Арслан, взял на себя правление — чем и кем, позвольте спросить? Собрал армию в 10 000 воинов и властвовал шесть месяцев. Вернулся монгольский военачальник, «поубивав всех, кого нашел». Потом снова пришел Шиги и «начал пытаться и мучить жителей». И снова, «за исключением 10 или 12 индийцев... в городе никого не осталось». И тем не менее в 1240-х годах наместник Аргун приехал в кишлак неподалеку от Мерва, где «несколько дней пировал в царском дворце, и каждый из вельмож... начал разбивать парк и сооружать дворец». В 1256 году Мерв был в числе провинций, откуда «вино лилось, как вода, и неограниченное количество провизии» доставлялось для монгольского правителя Хелегу. В этом повествовании о повторяющихся катастрофах всегда находилось все больше людей, которых можно было убивать, всегда что-то оставалось для новых грабежей, и если только это правда, то каждая катастрофа не была такой уж апокалиптической, как ее расписывал Джувайни.

Сколько же на самом деле погибло людей? Сказать невозможно. Никакой переписи населения не производилось, и все цифры едва ли не больше, чем догадка. Но некоторые основания для размышлений остаются. Во всем Хорезме имелось 20 крупных городов, в среднем в каждом городе жило 100 000 человек, что

грубо дает 2 миллиона горожан. Географы, которых цитирует Бартольд, насчитали в богатейшей Зеравшанской долине 223 кишлака, там же находятся города Бухара и Самарканд. Предположим, что в каждом кишлаке жило по 1000 человек, скажем, в целом 250 000, теперь возьмем, что в других, менее богатых провинциях было еще 750 кишлаков, что дает число сельских жителей — 1 миллион. Сложим, итого получится 3 миллиона. А теперь посмотрим более свежие цифры по региону, когда-то составлявшему Хорезм. В начале двадцатого столетия Узбекистан и Туркменистан, бывшие тогда «Русским Туркестаном», насчитывали 2 миллиона человек, а иранская провинция Хоросан — около миллиона — снова, в целом, приблизительно 3 миллиона (в настоящее время там проживает около 30 миллионов человек). Таким образом, если Джувайни прав, то принятые нами цифры бы ли тогда примерно такими же, как до установления коммунистической власти, и монголы убили не просто каждого проживавшего в ряде главных городов, а *перебили все население их нового владения.*

Но не перебили. Даже в самых экстремальных случаях го рода продолжали функционировать, мятежи подавлялись, войска набирались, налоги платились и восстановительные работы предпринимались. Простая оценка разрушений, основанная на сохранившихся источниках, едва ли соответствует сопоставлению с развивавшимися там после ухода монголов событиями. Таким образом, наши предположения иили источники должны ошибаться, правда остается по гребенной под мусором истории, и ее не восстановишь. Возможно, единственное, что мы можем сделать, — это допустить, что населения было больше, а число смертей меньше, где-нибудь 25 процентов из 5 миллионов, в этом случае подавленное и доведенное до скотского состояния

общество еще могло как-то существовать, пока течение времени не освободило его от подавленности.

Все же, при самых консервативных подсчетах, это дает нам 1,25 миллиона смертей за два года.

Что ни говори, но по своим масштабам такое избиение людей в абсолютном выражении остается одним из самых массовых в истории, столь резкое сокращение населения на 25–30 процентов может сравниться разве что с Черной смертью, величайшей катастрофой в истории Европы.

Хорезмийским бойням находим современные эквиваленты. То, что произошло в Мерве, Ургенче и по всему этому региону, сравнимо с нацистским холокостом. Больше всего меня поражает банальность этого зла. Монголы, все до одного, были мастерами по забиванию животных, для них убить овцу было делом рутинным, и убийство тех людей ни чем от этого не отличалось, это была работа, которую положено выполнять — ровно так же, как для Рудольфа Хесса, коменданта Аушвица, заведование газовыми камерами и печами было не больше, чем обыкновенной технической и бюрократической проблемой. Но на этом сравнение заканчивается. Холокост явился последствием политики, последовательно проводившейся годами и не имевшей ни военных, ни экономических целей, единственной целью было выполнение антисемитской химеры Гитлера. Массовые убийства в Хорезме, напротив, были суммарным выражением одноразового решения использовать террор в качестве орудия устрашения, если выразиться точнее, то это был не геноцид, а убийство городов, стратегия, заслуживающая собственного термина — урбоцид. Для монголов месть по своей мотивации не имела ни расовой, ни религиозной подоплеки, она осуществлялась в конкретном месте и была частью определенной стратегии.

Кровавая резня в Мерве еще не означала конца. Джаллал-Аддин, сын Мухаммеда, пошел не в отца. Он собрал остатки войск и, преследуемый Чингисом, отступил на юг, в нынешний Афганистан. Весной 1221 в Парване, к северу от Кабула, он нанес монголам первое в этой войне поражение. (Между прочим, монголами командовал Шиги, сводный брат Чингиса и вероятный редактор *«Тайной истории»*. Чингис отнесся к этому снисходительно. Шиги не доводилось еще испытывать ударов судьбы, сказал он. Это послужит ему хорошим уроком.) Джаллал пытаясь, несмотря ни на что, оказывать сопротивление, отступил еще на 400 километров,

перешел через Гиндукуш и через Хайбарский проход, спустился на равнины Северной Индии. Там он оказался зажатым между Индом и теснящими его монголами. Здесь нашла конец его армия, но не он сам. Как живописует Джувайни, он бросился со своим конем в воды Инда и, переплыв необъятную стремнину, благополучно выбрался на противоположный берег. Изумленный Чингис, прижав руку ко рту, с восхищением следил за ним во все глаза и приказал не преследовать его: «Если бы у каждого отца был такой сын!» Джаллал не погиб и некоторое время продолжал воевать, правда без особого успеха, и о его геройстве слагали легенды. Где он встретил свою смерть, никто не знает. Говорили, что в 1231 году его зарезали курдские разбойники, не ведавшие, кто он. Многие годы по поводу его судьбы ходили слухи. Джувайни пишет, что объявились два лже-Джалала, обоих за самозванство казнили.

Чингис решил не пользоваться плодами победы и не вторгаться в пределы Индии. По одной из версий, ему по встречался заговоривший с ним «единорог». Скорее всего, это были носороги, вид которых вызвал в Чингисе такое благоговение, что он внял толкованию Чу Цзая — не мешкая поворачивай назад! — и пошел туда, куда

звала его судьба, обрушившись на неверных вассалов, осмелившихся бросить ему вызов, и на неведомые страны, лежавшие далеко на западе.

9 Великий набег

Главный закон истории гласит: никаких законов не существует. Однако есть горстка близких к истине допущений. Вот одно из них:

Империи расширяются, пока у них есть силы расширяться.

Новые завоевания создают новые границы, а с ними новые проблемы, а необходимость решать эти проблемы требует новых завоеваний. То, что было законом для римлян, англичан, русских, французов, китайцев, а теперь для американцев, было законом и для монголов.

Теперь, когда Мухаммеда больше нет и Хорезмийская империя вот-вот уйдет в небытие истории, Субудай, Джебе и другие победоносные военачальники стояли на берегах Каспия и осматривались вокруг в поисках земель для новых завоеваний. Когда в начале 1221 года Субудай поскакал в Самарканд, чтобы обсудить с Чингисом планы очередных кампаний, он не имел в виду территориальные захваты за пределами исламского мира. Завоевание исламского мира уже само по себе представляло достаточно серьезную задачу. Его центром — Багдадом — овладеть будет крайне непросто. Но к северо-западу от Багдада жили называвшие себя булгарами мусульманские племена, торговцы мехами, у которых установились прочные торговые связи с Хорезмом. Сегодня этнологи признают отдаленное родство этих булгар с южными булгарами, осевшими в районе Болгарии, но уже в те дальние времена контакт между этими двумя этническими

группами был полностью утрачен. Эти болгары в X веке приняли ислам и были протонацией охотников и рыболовов, разбогатевшей на торговле мехами с Русью и исламским миром. Они были мусульманами и союзниками Хорезма, а значит, вполне законной добычей. Но как далеко до них? С кем и с чем придется встретиться на пути, особенно в суровых горах Кавказа, что по другую сторону Каспия? Чингис согласился, что неплохо было бы разведать все это. В тот момент он был поглощен преследованием уходившего на юг Джалал эд-Дина, а Тули готовил армию идти на Мерв. Год-другой Чингис мог обойтись без Субудая. Лучшей кандидатуры для командования войсками в походе на Запад, чем сорокапятилетний одноглазый ветеран, прошедший Китай, Маньчжурию, Кара-Китай и Хорезм, найти было трудно. Он и Джебе присоединятся к Джучи — с Хорезмом тот уже покончил, — втроем они обойдут Каспий и выяснят, что можно взять у болгар. Эта экспедиция окупится сторицей, если принять в расчет возможную добычу и информацию о новых землях.

Так зародилось одно из удивительнейших предприятий в истории войн — поход длиной в 7500 километров, в результате которого монголы впервые вошли в контакт с христианским миром.

Первым царством, лежавшим на пути монгольского войска, была Грузия, за 1000 лет до этого ставшая христианским государством и уже 100 лет как добившаяся независимости.

Оно переживало апогей своего могущества и авторитета благодаря легендарной царице Тамаре, чья империя простиралась от Черного моря на весь Кавказ вплоть до Азербайджана на Каспийском море. Грузины вспоминают правление Тамары (1184-1213) как золотой век своей истории, как расцвет литературы, архитектуры, науки и искусства. Тбилиси превратился в перекресток, где встречались Евро па, Россия и Хорезм.

Руставели, автор грузинского эпоса «Витязь в тигровой шкуре», созданного им за несколько лет до монгольского нашествия, был знаком с китайской и греческой философией. Знаменитая своими дворцами и монастырями, своими церковными книгами и иконами в драгоценных окладах, Грузия была именно тем, что нужно было Джебе и Субудаяу для зачина их грандиозного предприятия.

Случилось так, что именно в 1221 году до христианской Европы дошли слухи о событиях в Центральной Азии. В тот самый момент христианство нуждалось в помощи. Три последние года германские и французские армии, участвовавшие в пятом крестовом походе, пытались овладеть Египтом и были вдребезги разбиты сарацинами. Папа обратился за поддержкой к грузинам, богатым и сильным братьям во Христе. Но наследник Тамары, Георгий Великолепный, уже не казался единственным потенциальным спасителем. Жак де Витри, французский епископ Акры, города крестоносцев, написал лидерам христианского мира в Риме, Лондоне, Вене и Париже, что «появился новый и могущественный за щитник христианства». Его зовут царь Давид Индийский, он внук легендарного христианского царя Престера Иоанна, с которым его вскоре начали путать. По всей видимости, Давид-Престер Иоанн вышел из глубины азиатских просторов, откликнувшись на просьбу главы несторианской церкви в Багдаде, разгромил исламские орды и теперь спешит на Запад, чтобы спасти христианскую Европу и вернуть Иерусалим его законным наследникам. Эта чепуха, эхом повторявшая рассказы побывавших в Хорезме и Грузии путешественников, базировалась на нескольких подлинных фактах, главным из которых было то, что действительно в свое время существовал несторианский царь (Тогрул) и что действительно исламским державам были нанесены поражения

(основателем Кара-Китая Даши, а теперь самим Чингисом).

Позже распространяемые Жаком слухи получили своего рода косвенное подтверждение из самой Грузии, куда пришли монголы. Нападение произошло с молниеносной быстротой при отсутствии очевидной последовательности в действиях нападавших. Монголы дошли почти до Тбилиси, перебили цвет грузинского воинства, а затем растворились в северном Иране, передумали наносить удар по Багдаду, снова повернули на север, еще раз разгромили грузинскую армию (при этом был убит Георгий Великолепный), после чего двинулись дальше через Кавказские горы, — грузинам было невдомек, что монгольские армии всего лишь проводят разведку боем, и поэтому не довершили начатого разгрома их страны.

Так или иначе, но теперь не могло быть и речи о посылке помощи крестоносцам в Египте. Наследница Георгия, его сестра Русудан, направила папе трогательное извинение. «На мою страну напали полчища дикарей-татар, людей ужасного вида, кровожадных, как волки, и смелых, как львы. Должно быть, они имеют христианское происхождение...» По всей видимости, она приняла эмблему летящего сокола на монгольском флаге за видоизмененный крест. А сейчас они ушли, их, солгала Русудан, прогнали храбрые витязи Грузии. «Увы, — заканчивала она свое послание, — но мы больше не в силах оказать Кресту поддержку, как до этого обещали Вашему Святейшеству».

На равнинах Северного Кавказа, там, где находится сегодняшняя Чечня, монголы натолкнулись еще на одного, на этот раз более грозного противника. Эти кочевые тюркские племена, называвшиеся на Руси половцами, в тюркских племенах кипчаками, а в Европе куманами, господствовали в степях, простиравшихся к

северу от Черного моря, за Доном до границ Русского государства и до самой его столицы Киева. Половцы, ведшие дела с Грузией, Византией и Русью и имевшие мобильную армию, усиленную тяжелыми боевыми орудиями и конными лучниками, были для монголов трудным орешком. К тому же они воевали на своей земле и располагали большими людскими резервами, которые получали от местных князьков.

Джебе и Субудай, зажатые между превосходящими силами половцев и ледниками Кавказа, долго пребывали в отчаянном положении. Наконец им пришла в голову единствен но верная для такой ситуации мысль. Они направили к половцам посла с приношениями, караванами взятых в Грузии сокровищ. Половцы соблазнились богатствами и, приняв подношения, снявшись за ночь, ускакали к себе в степи, оставив местные племена расхлебывать последствия. Они не рассчитали, что оправившиеся монголы, не обремененные теперь обозами или боевыми орудиями, перехватят их и разобьют и таким образом вернут себе награбленное. Оставшиеся половцы ушли в русские земли, предоставив монголам свободу рук в степях севернее Крыма. Теперь Джебе и Субудай разделились. Джебе остался на берегах Дона, а Субудай направился на Юг к Крыму, сметая на своем пути сопротивление половцев. Здесь-то монголы впервые встретились с европейцами. Эти люди принадлежали к совершенно иной империи, торговой империи Венеции. Ее анклав, закрывавший вход в Азовское море, являлся одной из двух венецианских баз в Крыму — второй был Херсонес, располагавшийся неподалеку от нынешнего Севастополя. Соперник Венеции Генуя имела своими аванпостами Судак (в то время называвшийся Солдайя) и Феодосию (Каффа), обосновавшись между ними. Венецианские купцы моментально оценили потенциал вновь пришедших. Монголы были богаты, они сидели на

разукрашенных серебром седлах, сбруя их коней отливалась серебром, они надевали кольчуги на шелковые рубахи, их обслуживала целая армия переводчиков, их сопровождала большая группа опытных торговцев-мусульман, и они могли отнять силой оружия все, что им было угодно. И для монголов венецианцы представляли интерес, у них были парусные суда, торговые связи и доступ к рынку новых товаров. Сделка состоялась. Субудай превратил генуэзский Судак в пепел ще, предоставил венецианцам монопольное право на черноморскую торговлю и ушел на Дон соединиться с Джебе.

В последние месяцы 1222 года они оба пустились в поход через незащищенные степи на запад в сторону Днестра. Разведчики доставляли языков для допроса, ученые из Китая нанимали команды переводчиков, чиновники собирали информацию о народах, городах, армиях, урожае и климате. Вербовались шпионы, им платили и засылали обратно до мой в качестве «залегших кротов», ожидающих развития со ытий. Теперь, обогащенные информацией и трофеями, Джебе и Субудай поспешили к Днепру, чтобы начать оттуда долгий поход на север, на болгар.

Впрочем, предстояло решить еще некоторые вопросы. Несмотря на то что у половцев были натянутые отношения с русскими, половецкий хан Хотян (или Хутан) укрепил свое положение, став союзником, а точнее, зятем русского князя Мстислава Мстиславовича Удалого. Хотян предложил Мстиславу военный союз против монголов: «Сегодня они захватили нашу землю, а завтра наступит ваш черед». На их сторону встали князья других русских княжеств: Волыни, Курска, Киева, Чернигова, Суздаля, Ростова, все они весной 1223 года встали на западном берегу Днепра.

Перед лицом такой силы монголы заколебались. Они получили сообщение, что Джочи, двигавшийся на запад с земель Северного Прикаспия, получил приказ присоединиться к ним, но Джочи, как всегда, показал, что не желает, чтобы им командовали. Вероятно, он «заболел», скорее всего ему не хотелось терять свободу действий. Его все не было, и Субудай с Джебе направили к русским князьям мирное посольство. Монголы сказали, что между ними и русскими нет вражды, что ссора произошла между монголами и половцами. Все, что нам нужно, — это чтобы вы обещали не помогать нашим врагам. Но точно так же, как четыре года назад поступил шах Мухаммед, князья отвергли монгольские предложения, обвинили послов в том, что они шпионы, и убили их. Теперь, как и в предыдущем случае, речь шла об оскорблении, которое требовало мести и могло быть смыто только кровью. Русское войско медленно собиралось на берегу Днепра, в том месте, где он расширяется за порогами, которые в на стоящее время затоплены водохранилищем гигантской Запорожской ГЭС. Войско растянулось до самого острова Хортица, который через несколько веков станет знаменитой казацкой базой, оно насчитывало около 80 000 воинов: конных лучников-половцев, галицкую пехоту, добравшуюся сюда на лодках, тяжело вооруженных русских конников в их конических шлемах и железных забралах, вооруженных длинными мечами и булавами, повсюду виднелись телеги со снаряжением и продовольствием, а там, где стояли русские, плескались на ветру хоругви на высоких шестах. У войска был весьма угрожающий вид. Но это было войско, приученное вести войну европейского стиля, складывающуюся из отдельных сражений, опирающихся на крепости со рвами, бастионами и крепостными валами. К тому же во главе полков стояли командиры, питавшие друг к другу ненависть едва ли

не большую, чем к общему врагу. Не было ни времени, ни желания создать единое командование, провести разведку или выработать стратегию.

Сравните это с жесткой дисциплиной 20 000-25 000 монголов, их быстротой передвижения на поле боя и единством их цели, что обеспечивалось службой посыльных, которая поддерживала постоянную связь со штабом Чингиса — почтовой службой на перекладных лошадях, со станциями, где регулярно меняли лошадей и наездников, что позволяло передавать сообщения со скоростью 600 километров в сутки, так быстро делать это не удавалось никому вплоть до появления железной дороги, и Чингисовы перекладные были на много гибче железного коня. Более того, монголы представляли собой теперь превосходно экипированную кавалерию, вооруженную не только собственными луками, но еще и мусульманскими панцирями и легкими клинками дамасской стали.

Как только выстроившиеся на западном берегу Днепра русские увидели своего противника, смотреть на него они уже не могли без презрения. Когда отряд русской конницы переправлялся через реку, к восточному берегу подскочило несколько небольших групп монголов, вооруженных только луками и саблями, они выпустили по несколько стрел и унеслись в степь. Уверенность русских еще больше укрепилась, когда они рассеяли небольшой монгольский отряд и, захватив, казнили его командира, который прятался за курганом, возможно имея целью действовать в тылу русской армии. Основные силы русского войска ускорили переправу по мосту из стыкованных лодок. Монголы продолжали отступать, казалось, с радостью бросая скот и взятых в этих местах пленных. Воодушевленное легким успехом войско двигалось вперед, пока, пользуясь словами анонимного русского летописца, «все войско не заполнилось скотом».

Девять дней монголы отступали на своих быстрых мало рослых конях, наступление продолжалось, войска все глубже втягивались в бескрайние степи, русские, еще больше уверовавшись в победу, были озабочены охраной обоза, половцы радовались возвращению их земель. 31 мая русские подошли к небольшой реке Калка, она текла в неглубоком русле между низкими степными холмами и в сорока кило метрах к югу впадала в Азовское море. Первыми, конечно, перешли через нее половцы, не уступавшие монголам в быстроте передвижения. За ними следовала русская конница, потом пехота, обозы и тяжелое снаряжение оставили на дальней оконечности небольшого дефила. Войско походило на разбрызгавшуюся по полю гигантскую лужу.

Теперь монголы атаковали — и совершенно необычным образом. Их более тяжелая конница погнала легко вооруженных лучников-половцев и тут же набросилась на русскую конницу, пустив в ход пики, копья и легкие клинки, смятые наступающие бросились бежать, сметая на своем пути собственный арьергард, хаотичная волна отступающих вынеслась на неширокую речную долину. Шестеро князей и 70 других знатных людей остались лежать на поле брани. Киевляне, не успевшие переправиться через Калку, попытались выстроить телеги в оборонительный порядок и стали медленно отходить, другие в беспорядке скакали или бежали по степи. Через несколько дней немногие унесшие ноги добрались до Днепра и спустились на лодках вниз по реке, другие выбились из сил, слоняясь по степи, и погибли. Из военачальников спастись удалось только галицкому князю Мстиславу Удалому, и он сумел добраться до своего дома на границе современных Венгрии и Украины.

В конце концов оставшиеся в живых вожди, включая Мстислава Романовича Киевского, сдались на условиях,

что не будет пролито крови. Субудай и Джебе не допускали и мысли о том, что убийство их послов останется неотмщенным, но свое слово сдержали и предоставили своим противникам полагающуюся князьям привилегию расстаться с жизнью без крови. Способ, к которому прибегли монголы, был совершенно отвратительным, зверским и обрекал жертвы на длительные мучения. Это было сделано не только из желания доставить монгольским вождям садистское удовольствие, но в качестве предупреждения ждущему их прихода Западу. Пленников связали и уложили на землю, а на них поставили настил, на котором пировали Субудай, Джебе вместе со своими военачальниками, в то время как под ними медленно задохались князь Мстислав и его союзники.

В это же время, в начале июня 1223 года, Джочи, который до этого не торопился выполнять полученный приказ и задерживался к северу от Каспия, наконец двинулся в поход с подкреплениями для Субудая и Джебе. Те же, после короткого набега за Днепр, повернули назад к Волге, где и соединились с Джочи. Поднявшись вверх по течению реки на 700 километров, они встретили самое жесткое сопротивление за все время этой кампании, его оказали так называемые волжские булгары. У них было два города, Булгар и Сувар, контролировавшие Волгу в районе нынешней Казани. Булгары бы ли первоначальной целью всего похода, и он чуть не закончился настоящей катастрофой. В источниках не содержится никаких подробностей, но булгары оказались не по зубам монголам, и те, потерпев первое и единственное поражение, отступили, запомнив это унижение, чтобы отомстить за него, когда это стало возможным через пятнадцать лет.

Великий набег на Русь, закончившийся решающим сражением на реке Калке, имел исключительные

последствия. Возвращаясь в свой коренной улус на реке Иртыш, где их ждал Чингис, монголы увозили с собой прекрасное знание страны, ее ресурсов и сил противника. Потребуется значительно больше усилий, чтобы покорить приграничные племена, после чего можно будет захватывать одно русское княжество за другим и спокойно грабить их города, потому что русских раздирали междоусобицы.

А там, дальше, как они узнали от пленных половцев, лежат новые просторы тучных пастбищ, которые могут прокормить любую монгольскую армию, направляющуюся на Запад. Тщательно подготовив предстоящую кампанию, Чингис мог выполнить предназначения судьбы и создать третью опорную базу для своей кочевнической империи. В Центре его коренной улус, на Дальнем Востоке богатые города Китая, на Дальнем Западе новая цель — богатые равнины Венгрии. Не требовалось слишком много воображения, чтобы увидеть Венгрию новой Монголией, Европу как еще один Китай, созревший для того, чтобы собирать там урожай.

10 В поисках бессмертия

Но что все это значило? Со всей очевидностью события доказали Чингису, что ему предначертано Небесами стать властелином мира, и близится исполнение обещания, высказанного ему в иносказательной форме на склонах Бурхан Халдун сорок лет назад. Но почему именно он? И в чем сущность той силы, которая возвеличила Чингиса и через него его нацию? Вдвойне непонятно, почему его сначала извлекают из неизвестности, оберегают и вознаграждают за повиновение невиданными завоеваниями, а потом отказывают ему в осознании Истины с большой буквы и в понимании сил, которые движут этим миром.

Это всего лишь предположения, но подобные мысли буквально носились в воздухе, которым он дышал с детства, когда среди монголов и тюрков развертывалось соперничество шаманизма и христианства. С юношеских лет он знал, что монгольские шаманы с их барабанами, масками и мистическим трансом не открывают того единственного пути, который ведет к духовному познанию, что священнослужители других религий раскрывают более глубокие тайны человеческого духа и что и другие политические вожди тоже свидетельствуют о поддержке, оказываемой им свыше. Жизненный опыт Чингиса, вождя и завоевателя, постоянно обогащался. Китайский император правил по мандату Небес, царь Си Ся был Бурханом, Святым, Живым Буддой. Повсюду он видел священные монументы, утверждавшие религиозное верование, пагоды и гробницы Иньчуаня, храмы Датона и Бейджина. Теперь из писем, написанных писцами Субудая и доставляемых ему

почтой на перекладных, он узнавал о других великих монументах, христианских святынях — соборах Грузии. Ему представлялось, что все эти верования — шаманизм, конфуцианство, буддизм, христианство — так или иначе ведут к познанию одной и той же ускользающей, окутанной пеленой тайны истине. Такое заключение можно сделать на основании одного из его указов, в котором он приказывал с одинаковым уважением относиться ко всем религиям; это была установка, определявшая одну из самых примечательных особенностей монгольских императоров со времен Чингиса и до последних Моголов — они отличались религиозной терпимостью.

Непредвзятость духовного поиска и отсутствие предубеждений, по-видимому, пробудили в Чингисе и некоторые иные, более земные мысли. Если столь неопределенные верования могут создавать такие империи и памятники, то какой же властью обладал бы он, познав *истинную* Истину! Особенно если бы она: *а)* открывала тайну следующей жизни и обеспечивала несомненный переход в нее и *б)* давала возможность более практичного характера, а именно продлить эту жизнь.

При Чингисе было два человека, способных в большей степени, чем другие, побуждать его к подобным размышлениям. Один из них был кидань Янь Люй Чу Цзай, Длиннобородый, переживший осаду Бейджина, после нее удалившийся в буддийский приют искать просвещения, а потом в 1218 году сделавшийся ближайшим советником Чингиса. Другим был китаец, ханьский министр, Лю Вень, получивший известность также и как лекарь, лечивший травами, и как учитель изготавливать свистящие костяные наконечники для стрел. От этих двоих людей Чингис и услышал впервые о даоистской секте «Цюаньчень» («Полное совершенство») и ее именованном руководителе —

мудреце Цянчуне. Это произошло в период, когда он был занят подготовкой к походу на Хорезм.

Секта «Полное совершенство», родившаяся из смеси высоких чувств и эксцентричности, была основана Ван Че, прозванным Сумасшедшим Ваном, которому ее доктрину изложили двое таинственных неизвестных, встретившиеся ему во время прогулки. В сущности, это была разновидность даоизма, развившаяся за 1700 лет из учений полуполюгендарного Лао-цзы. Даосы считали, что достойная жизнь проходит в поиске Пути — дао, или тао, и в следовании этим путем. Под этим они понимали изначальную чистоту людей и вещей — их «естественное состояние» до того, как их испортила жизнь, — предопределение человеческой судьбы Небеса ми и возвращение в догреховное состояние чистоты после того, как будет пройден путь, уготованный судьбой. Одними из двух важнейших вкладов Вана в это древнее учение было требование крайнего, мистического аскетизма, который предусматривал сведение до минимума времени сна и воздержание, называвшееся «выжиганием темного дьявола». Проникнувшись этими идеями, он вырыл себе трехметровую яму и оставался в ней два года, потом сменил ее на хижину. После четырех лет изоляции от внешнего мира он спалил хижину, и его нашли пляшущим на пепелище. Только после этого, очевидно, как следует укрепив свои плоть и дух, он на конец основал общество «Конгрегация Золотого Лотоса», имевшее целью проповедь его синкретического учения — Три доктрины, которое сводило воедино три главные религии Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм — при ведущей роли даосизма как вероучения. К этическим, поведенческим и управленческим идеалам даосизма он добавил заботу о социальном благе, причем все его заповеди относились в равной мере к мужчинам и женщинам, и распространение их на

женщин было одним из самых характерных особенностей его доктрины.

Среди учеников Вана был подросток по имени Цю, получивший широкую известность за необыкновенную память и составление изящных стихов. Когда в 1170 году Ван умер, Цю, которому исполнилось 22 года и который взял себе имя Цянчунь («Нескончаемая весна»), занялся распространением его учения. Поэтому он был хорошо знаком с огромной даосской литературой по алхимии и верил, что определенные субстанции — нефрит, жемчуг, перламутр, киноварь, золото — при условии, что они получены искусственным путем, могут быть использованы для изготовления эликсира, продляющего жизнь. Подобно многим исламским и европейским алхимикам, символика алхимии, т. е. духовная трансмутация, занимала Цянчуна больше, нежели ее практическое применение. Но именно идея продления жизни во многом объясняла растущую популярность секты. В Бейджине секту «Полное совершенство» патронировал императорский двор Ляо, и она стала обзаводиться собственными храмами. Помимо этого, во время войны с Сун, когда города предавались огню, а сельская местность кишела разбойниками, филантропические принципы секты имели большой успех и привлекали в ее ряды новых и новых обращенных из простых людей.

Человек, подобный Цянчуню, должен был привлечь в манию Чингиса и некоторых из его приближенных по не скольким причинам. В планы Чу Цзя входило пробудить у Чингиса интерес к какой-либо системе, которая помогла бы Небесам трансформировать кровавого убийцу-вождя варваров-кочевников в цивилизованного и одухотворенного имперского правителя.

С политической точки зрения Чингису определенно было бы выгодно привлечь к себе человека,

обладающего таким добрым влиянием на его беспокойных китайских подданных. Но вопрос решила практическая сторона применения алхимии. Чингису было в тот момент за шестьдесят, и он не сможет вечно продолжать свои походы, если только то, что он услышал от Лю Веня, не было правдой, а именно что Цянчуню 300 лет и *он* может научить других секрету долгожительства.

На самом же деле Цянчуню в 1219 году было 70 лет, и глава секты уже получал и отклонял приглашения сунского двора. Теперь же в его храм в 500 километрах от Бейджина, в Лайджоу на полуострове Шаньдун, прибыла делегация с далекого северо-запада с более настойчивым приглашением: это было пространное письмо, составленное на китайском языке Чу Цзаем (позже его текст был выбит на нескольких стелах) и представлявшее Чингиса в облике сурового даосского мудреца-аскета. Письмо доставил Лю Вень со свитой из 20 монголов. Лю Вень находился в одном из найманских стойбищ в Центральной Монголии, когда получил приказ Чингиса. Переход через степи, Гоби и опустошенные войной сельские районы Северного Китая до храма Цянчуна занял семь месяцев.

Поначалу, подумав о том, какое путешествие нужно будет совершить, мудрец заколебался. Вторжение Чингиса в Хорезм было в полном разгаре, и он с каждым днем все больше удалялся от Китая. Лю Вень занервничал. Вдруг старик откажется, как отказался от приглашения Сун? «Император послал меня в качестве особого посланника через горы и озера, приказав ни в коем случае не возвращаться без тебя, сколько бы на это ни ушло времени, месяцы или годы». Допускаю, что в этот момент Вень мог сыграть на честолюбии Цянчуна. Если все будет хорошо, то разве встреча с Чингисом не поднимет авторитет его секты и его религии?

Ясно, что об отказе не могло быть и речи. Очень хорошо, такова воля Небес. Цянчунь приготовился к путешествию за

10 000 километров и отсутствию в четыре года. Записи о его путешествии вел ученик мудреца Ли Чичан (записи были великолепно переведены востоковедом Артуром Уэйли в книге «Путешествия алхимика», откуда взяты цитаты, приводимые в этой главе). Записки дают нам уникальное описание стран и народов Внутренней Азии в такой важный момент ее истории. Никогда еще не было возможно кому-нибудь, не говоря уже о пожилом монахе, совершать по этим землям, постоянно представлявшим собой яблоко раздора, путешествие от берегов Тихого океана до самого сердца ислама, больше того, даже до самых границ Индии, находясь под защитой одной силы, какой теперь выступала объединенная империя Чингиса. Путешествие Цянчуня — это первый пример беспрецедентной свободы, установленной беспрецедентной жестокостью, проявлявшейся предшествующие 20 лет. «Монгольский мир» (Pax Mongolica) на протяжении последующих полутора столетий позволит многочисленным западным путешественникам пересекать Евразию с запада на восток, среди них будут христианские миссионеры, купцы и ученые, и самым известным из этих путешественников станет Марко Поло.

Но первым проделал этот путь, верно, в обратном направлении человек, отправившийся в путешествие по приглашению самого Чингиса.

Через несколько дней после встречи с Лю Венем Цянчунь отправился в путь, конечной целью которого должно было стать прибытие в Хорезм или в какое-либо другое место, где мог оказаться Чингис, причем не играло роли, сколько времени понадобится, чтобы добраться туда (оказалось, что таким местом стал Афганистан, и встреча произошла через два года).

Цянчуня сопровождали девятнадцать последователей и конный эскорт из пятнадцати воинов. Лю Вень со своим отрядом гарантировали безопасную дорогу, даосские священнослужители по пути следования устраивали торжественные церемонии приветствия, и Цянчунь прибыл в Бейджин, где его осаждали толпы поклонников, умолявших преподать им наставление или дать новое имя. С каждым днем становилось все труднее покинуть город. Нужно было совершить церемонию встречи полнолуния, провести посвящение в священнослужители. Пришло сообщение, что Чингис перебрался еще дальше на запад. Путешествие будет долгим, дорога трудной, а Учитель стареет. Цянчунь предложил, не лучше ли встретиться с ханом по его возвращении? Нет-нет, это не возможно. И тут вдруг Цянчунь узнает, что Лю Вень везет с собой множество девушек для пополнения ханского гарема.

— Я простой дикарь-горец, — решительно сказал старик. — Но я не думаю, что вы должны заставлять меня путешествовать с целым гаремом.

Были посланы соответствующие донесения, внесены соответствующие поправки в подготовку путешествия. Они будут передвигаться не спеша и в полной безопасности, сделают гигантский крюк, заехав в улус Темуджа, младшего брата Чингиса, что в Восточной Монголии, обойдя таким образом ненадежных тангутов и безжизненные глубины Гоби. Путешествие продолжалось с остановками в храмах для отдыха от летнего зноя. Одно только присутствие Цянчуня вызывало чудеса: прекратилась засуха. Облако в форме зонтика прикрыло толпу от свирепого солнца, пустой колодец наполнился водой по самые края. Лето сменилось осенью. В горах к югу от Гоби их догнало полное заботы письмо от самого Чингиса (возможно, написанное тем же Чу Цзаем). «Путь перед вами, и по земле, и по воде, очень и очень трудный, но я надеюсь,

что слуги и «отдых для ног» (т. е. удобства), которые я предоставлю, помогут пути показаться не таким долгим». Зимой провели в еще одном храме, и путешествие продолжилось в марте 1221 года. Расставаясь с Цянчуном, его ученики «спросили его, горько плача, когда они могут ждать его обратно из этого невероятно далекого путешествия». Он ответил неопределенно, ссылаясь на то, что ему трудно сказать, установится ли гармония между его собственным дао и дао монголов, но под конец, когда они не отставали с этим вопросом, сказал, что он снова увидится с ними через три года. Вскоре после расставания с учениками он со своей свитой проезжал через проход Барсучья Пасть, где увидел горы человеческих костей, оставшихся после первой крупной по беды монголов в Китае, и пообещал по возвращении помолиться за отошедших в мир иной.

После этого они вышли на безлесные просторы степей Восточной Монголии. Учитель ехал на лошади или полулежал в повозке. Они пользовались гостеприимством скотоводов или разбивали собственный лагерь и через шесть недель вышли к скоплению многочисленных фургонов и *геро* стойбища Темуджа. Отдохнув три недели, они снова тронулись в путь, теперь на запад. Их небольшой отряд разросся, потому что Темудж подарил десять повозок и несколько сотен волов и лошадей.

Они следовали южным берегом Керулена, когда, к их не вероятному изумлению, в воздухе похолодало, солнце затянулось дымкой, и они неожиданно погрузились в почти кромешную тьму. Случилось полное солнечное затмение, событие, которое позволяет установить точную дату и место, где они находились в этот момент.

Это произошло поздним утром 23 мая 1221 года по современному календарю, и они находились неподалеку от Авраги, лежащей в 10 километрах к

северу от реки. Здесь проделанный мною путь совпал с маршрутом Цянчуня, и я наблюдал глаза ми Ли, как возницы повозок и всадники остановились, пораженные, увидев реку, текущую в берегах, заросших зазеленевшими после зимы ивами, и океан трав, расцвеченный точками маленьких, похожих на звездочки цветов, а там, вдалеке, исчезающие в ледяной дымке горы с шапками снега, а над всем этим черный диск луны, ненадолго увенчанный короной спрятавшегося за ней солнца и зависший в суме речном небе, которое вдруг засверкало всей россыпью звезд.

Путешественники продолжили свой путь вдоль Керулена, реку, чтобы переночевать в Авраге, переходить не стали, и это говорит о том, что старая столица утратила свое значение и ее уже переносили на новое запланированное место, в Каракорум. В том месте, где Керулен отклоняется к северу, в сторону Бурхан Халдуна, они повернули на юго-запад, где их ожидал восторженный прием в каждом лагере, отмеченным скоплением юрт. Монголы, которым от мышей-полевков известны все степные секреты, уже не первый месяц поджидали приезда Цянчуня. Все лето они двигались на юго-запад и прошли неподалеку от того места, где предполагалось отстроить Каракорум, о чем Ли не обмолвился ни словом, и продолжили путь по петляющей среди холмов дороге, которая привела их в покрытые соснами и елями Хангайские горы. Здесь, на высокогорных пастбищах, они увидели «сотни и тысячи» фургонов и юрт, «паланкины, павильоны и прочие красоты этого лагеря наверняка поразили бы ханов древних гуннов». Это было летнее стойбище двух княгинь, одна из них была тангуткой, которую подарили Чингису, когда в 1210 году сдалось Си Ся, вторая была китайкой, подаренной в 1210 году после капитуляции Бейджина. Ожидая возвращения хана, они, по-видимому, жили совсем неплохо, как приличествовало

их положению, и щедро угощали хлебом, испеченным из муки, доставленной на верблюдах за 700 километров из-за Тянь-Шаня. Дальше их путь лежал через горный хребет и вниз через долину, где они повстречали первого мусульманина, занятого рытьем канала для орошения полей ячменя (ячмень хорошо растет даже в Гоби, если есть вода, которую можно собирать из множества родничков у подножия гор).

Где-то на севере находилось стойбище военачальника по имени Чинкай, мусульманина из Хорезма, который ушел из родных мест, присоединился к кераитам, поступил на службу к Чингису в тот самый момент, когда ему пришлось «испить воды Балджуны», и сделался его доверенным помощником. Сам Чинкай приехал на следующий день. Учитель просил его, нельзя ли перезимовать здесь и дожждаться приезда Чингиса? Невозможно, ответил Чинкай, это выше его сил и может стоить ему места: «Если Учитель останется здесь, виноватым буду я». Но Чинкай с этого момента сам поведет путешественников. Он знает дорогу через обрывистые Алтайские горы до самой пустыни, через Царство Белых Костей, где когда-то пропала целая армия, а потом на горизонте они увидят сверкающие вершины Тянь-Шаня и пойдут, огибая восточные рубежи великого Джунгарского бассейна, где путь через песчаные дюны «походит на плавание корабля через гребни гигантских валов» и где даже сейчас, в сентябре, днем стоит убийственный зной, и двигаться можно только по ночам. Спутники Цянчуня затряслись при мысли, что на них из окружающего мрака станут набрасываться всякие чудища, но Учитель рассмеялся и сказал: «Разве вы не знаете, что привидения и злые духи исчезают в присутствии честных людей?»

Теперь они вступили на земли уйгуров, где у Бешбалага, одного из городов-оазисов к востоку от современного Урумчи, проходил Шелковый путь.

Местный правитель поместил Учителя на верхнем этаже огромного дома с видом на виноградники и прислал ему вина, фруктов и благовония — не совсем то, что требовалось аскету, не употреблявшему фруктов, но вполне в соответствии с его воинским сопровождением. Вечером путешественников развлекала труппа китайских карликов и музыкантов.

Дальше их путь лежал на запад в сторону Казахстана, и они повернули налево к озеру Сайрам, там пришлось перетаскивать повозки через овраги и горные потоки новой военной дороги через перевал Сосновый с 48 деревянными мостами, построенными Джагатаем год назад для передвижения монгольских войск. Отсюда они пошли по реке Или с ее лугами и шелковичными деревьями, миновали Алмалык, получивший свое название (как бывшая столица Казахстана Алмата) по названию фрукта, которым славилась область, — «алма», яблоко. Отсюда по обращенным к северу предгорьям Тянь-Шаня, мимо Баласагуна, старой столицы, где перед своим поражением ненадолго воцарился Кучлугони, проследовали через Ташкент, пересекли вход в Ферганскую долину к Самарканду.

Былое население Самарканда в 100 000 домов, скажем, 350 000 человек, сократилось после нападения Чингисхана на 75 процентов (а это был город, который в основном избежал гнева монгольских захватчиков). Сейчас им правила интернациональная администрация. Китайцы, кидани и тангуты занимались земледелием, китайские ремесленники восстанавливали город. Лю Вень выехал вперед и вернулся с сообщением, что понтонная переправа через Сырдарью разрушена бандитами.

На пороге зима. Чингис далеко, воюет в Афганистане. Не лучше ли организовать встречу весной? Учитель дал согласие. Наместник Самарканда,

кидань по имени А-хай, владевший множеством языков, предоставил в распоряжение Цян-чуня дворец шаха Мухаммеда, который сам А-хай отказался использовать для своей резиденции, опасаясь мятежа местных жителей. Путешественники заволновались, и на этот раз их успокоил Цянчунь: «Человек, исповедующий Дао, полагается на дорогу судьбы, куда бы она ни вывела, — произнес он с присущим ему оптимизмом. — Добро и Зло идут своим путем и не вредят друг другу». Наместник упорно предлагал Учителю вино, золотую парчу, рис, муку, фрукты и овощи, он отказался от всего, согласился принять только виноград для своих гостей. Трудно быть аскетом, живя во дворце в окружении поклонников и имея возможность пользоваться любой роскошью и удобствами, но Цянчунь не поддался соблазнам и не отступился от своих принципов: «В его обычай входило раздавать беднякам и голодающим горожанам все зерно, без которого мы могли обойтись... и таким образом он спас много жизней».

Среди посетителей, приходивших к Цянчуню, был китайский астроном. Поскольку астрономия и астрология были двумя сторонами одной монеты, они сравнивали свои заметки и тщательно рассчитали время полного затмения, которое путешественники наблюдали близ Авраги. На Керулуне луна закрыла солнце полностью, далее к югу на 70 процентов, в Самарканде, — на 60 процентов. «Получилось, будто кто-то свечу прикрыл веером, — заключил Учитель. — В непосредственной тени веера света не было, но чем дальше в сторону, тем сильнее становился свет».

Наступила весна. Мост привели в порядок, бандитов разогнали. Чу Цзай прибыл, чтобы сопровождать Учителя к хану. Наступил ли нужный момент? Цянчунь не был в этом уверен. Чингис находился за 500 километров к югу, в глубоко засыпанных снегами горах Гиндукуша.

Учитель слышал, что южнее Амударьи нет овощей. Он подождет, пока не удастся наладить его питание, против такого решения никто из его спутников не возражал. Нежели чем месить афганский снег, лучше задержаться еще на несколько недель, тем более в компании восхитительного Чу Цзяя, наслаждаясь весной в Самарканде, обмениваясь стихами, беседуя с астрономами и астрологами, восхищаясь цветущим миндалем, террасами, озерами, пагодами, садами, огородами и лесами, где можно познавать таинства Дао, отдыхать на мягкой траве, запивая разговор вином.

Но вот настал момент, когда уже не было места проволочкам. Прибыло письмо от хана. «Учитель! Вы, не жалея себя, ехали ко мне через горы и реки от самой Страны восходящего солнца. Теперь я направляюсь домой, и мне не терпится услышать ваши поучения».

Прошедшие два года еще больше укрепили в нем желание познать тайны не только долгой жизни, но и подлинной власти, той власти, которая проистекает из религиозных убеждений. Он видел, как бились многие хорезмийцы, не за своих вождей, не просто за сохранение своих богатств, а за свою религию. Он с благоговением взирал на величественный минарет Кальян в Бухаре, на мечети, которые украшают всякий мусульманский город, и (почти наверняка, потому что проезжал совсем близко) на двух Будд из песчаника, высотой 40 и 50 метров, которые смотрели на мир из своих ниш, вырубленных в утесах Бамьяна, что к северо-востоку от Кабула, пока их в 2001 году не взорвали талибы (есть планы восстановить эти статуи). Любой вождь, обладающий даром воображения, пожелал бы пользоваться теми преданностью и уважением, которые стоят за такими творениями.

Учителю предстояло еще одно нелегкое путешествие — на юг через Железные ворота, ущелье

Бузгала, игольное ушко между бездонными пропастями, настолько узкое, что когда-то его перегораживали двойными дверями. Дорога шла над Амударьей в том месте, где теперь проходит граница Узбекистана, и поднималась в горы Северного Афганистана, где, по словам гонца, «снег такой глубокий, что когда я ткнул своим кнутом, то не нащупал дна». Но снег таял, и Бурчи ждал с эскортом из 1000 воинов, чтобы провести Учителя на юг через Бамьян и Парван (сегодня Чарикар, главный город провинции Парван находится в 80 километрах от Кабула).

На второй неделе мая, когда солнце раннего лета начинает согревать афганские нагорья, Учитель и хан наконец встретились и начали беседовать через переводчика. Эти два старых человека были почти ровней, каждый отличился в своей области, каждый признавал в другом тяжелым трудом заработанный авторитет. После краткого обмена любезностями — Чингис выразил восхищение, что такой человек, отказав другому императору, отправился за 10 000 *ли*, чтобы повидаться с ним; Учитель, смиренный горный отшельник, ответил, что их встреча предначертана Небесами, — Чингис взял быка за рога:

— Учитель, какое лекарство долгой жизни ты привез мне из далеких краев?

Учитель не растерялся.

— У меня есть средство для защиты жизни, — промолвил он, — но нет эликсира, который продлил бы ее.

Чингис любил открытый разговор и проглотил разочарование. Поставили юрты, у гостя спросили, как его величать (Отец? Учитель? Мастер? Чингис остановился на Бессмертном Святом). Теперь о главной цели путешествия, как она представлялась Чу Цзаем и самим Учителем. Бессмертный Святой, которому было теперь 73 года, наставит правителя сердца Азии (чей

возраст был 62 года) на том, что такое правильная жизнь и правильное правление. Но эти области еще не полностью усмирены. Чингису все еще приходится заниматься усмирением бандитов в горах, на это уйдет еще с месяц. Учитель сказал, что в таком случае было бы лучше вернуться в Самарканд. Не будет ли это утомительным? — забеспокоился Чингис. О нет, на путешествие туда и обратно уходит всего лишь три недели, это пустяк по сравнению с пройденными 10 000 ли.

Вернувшись в Самарканд, Учитель жил с известным комфортом, скрашивавшим летнюю жару, на веранде его обдувал легкий ветерок, он купался в прохладных водах озера, питался баклажанами и дынями, таких сладких не найти в Китае, они росли на поле, предоставленном наместником. В сентябре пришло время возвращаться в Афганистан.

Чингис собирался домой и не скрывал, что Цянчунь со своей свитой должен ехать вместе с ним. В дороге между ними состоялось несколько бесед, завершившихся рассуждением Цянчуна о том, что такое Дао и что составляет фундамент всего сущего в Небесах и на Земле. Чингис распорядился, чтобы слова Учителя были записаны на монгольском и китайском языках, случилось это 20 ноября 1222 года.

«Большинство людей имеют представление только о величии Небес, — объяснял Учитель, переводчиком служил А-хай, наместник Самарканда. — Они не понимают величия Дао. Когда родился первый человек, от него исходило святое сияние и шаг его был легкий. Но у него пробудился такой аппетит и такие сильные желания, что тело его отяжелело, а святой свет померк. Жизнь его, смущенная чувственностью и эмоциональными привязанностями, потеряла уравновешенность. Те, кто изучает Дао, ищут путь к восстановлению равновесия через квиетизм, т. е.

стремление к душевному покою, аскетизм и медитацию. Вот где находят подлинный эликсир, ту символическую комбинацию минералов, которая дает долгую жизнь. Хану следует умерить свои аппетиты, жить без желаний, отказаться от изнеженных вкусов, питаться только свежей и легкой пищей, воздерживаться от вожделений. Стоит увидеть соблазн, и очень трудно сдерживать себя. Я бы попросил тебя не забывать об этом. Попробуй с месяц поспать один. Еще лучше, мог бы он добавить, попробуй брать меньше девочек, чтобы» йин-духи», низменные сексуальные позывы, не будоражили беззащитный спящий мозг. Не представляешь, сколько новых сил появится у тебя. Как говорили древние: «Лекарства, принимаемые тысячу дней, принесут меньше пользы, чем одна ночь без женщины».

На обратном пути Учитель, как всегда, держался особняком, подальше от шума и суеты, которые неизбежно сопровождают войско в походе. Но уроки продолжались, и хану пришлось выслушивать новые вещи против шерсти. «Забудь про монгольские табу, вроде запрета купаться летом в реках и стирать одежду». Были вещи и поважнее. «Говорят, что из трех тысяч грехов наихудший — плохое обращение со своими отцом и матерью. И в этом, я думаю, твои подданные очень виноваты, было бы хорошо, если бы твое величество использовало все свое влияние, чтобы они исправились».

Хану это очень понравилось: «Бессмертный Святой, твои слова безмерно справедливы. Я тоже так считаю». Потом он объявил своим военачальникам и советникам: «Небеса послали нам этого Бессмертного Святого, чтобы он поведал мне все эти мудрые истины. Запишите их в своих сердцах». (Чего они не сделали — имя Цянчуня ни разу не упоминается в «Тайной истории».)

Теперь Учитель попросил отпустить его обратно в Китай. Он обещал вернуться через три года и, если хочет выполнить обещание, должен теперь отправляться в путь. Всего еще несколько дней, попросил Чингис, потому что скоро приедут мои сыновья. Задержка оказалась не без пользы, так как мудрому старцу удалось дать императору еще один совет.

Во время охоты хан упал, а кабан, за которым он гнался, вместо того чтобы наброситься на него со своими клыками, остановился как вкопанный. Цянчунь сказал, что это знак, который подают Небеса, чтобы напомнить ему, что всякая жизнь бесценна, в этом случае жизнь кабана. (Видимо, Цянчунь не воспользовался случаем высказаться по поводу миллиона или того больше человеческих существ, которых совсем недавно перебили в этих местах, свидетельства чему нельзя было не видеть, куда ни обратишь взор, возможно такова воля Небес, и Чингис всего лишь их беспомощное орудие.) Так или иначе, годы берут свое. Нужно прекратить охотиться.

«Я прекрасно понимаю, что твой совет несравненно прекрасен, — ответил хан. — Но, к несчастью, мы, монголы, с детства воспитаны стрелять из лука и скакать на конях. Нелегко отказаться от таких привычек». Тем не менее он попытался внять совету и месяца два не охотился.

Во время прощальной встречи было объявлено о награде, на которую Учитель и его последователи надеялись. Чингис спросил, много ли у Цянчуна в Китае учеников. О да, ответил Лю Вень, когда он сопровождал Учителя, он собственными глазами видел много учеников — и списков, составленных сборщиками налогов для изъятия части собираемых ими доходов. И тут Чингис отдал приказ освободить от налогов учеников Цянчуна — практически всех его

последователей, — и указ был тут же написан, и на него поставили императорскую печать. Это был очень хитрый ход: Чу Цзай готовил почву под это решение, но имел в виду распространить закон вообще на всех даосских монахов. По какой-то причине Чу Цзай отсутствовал и не был на последней аудиенции, и в результате выиграли только даосы. Чу Цзай никогда не простил этого старику.

Мановением руки Чингис дал ход малой революции, которой суждено было послужить и ему самому, и его духовному наставнику. Не успел Цянчунь добраться до дома, как перед лицом новой, централизованной и в высшей степени амбициозной формой даосизма начал отступать буддизм. Цянчунь ехал на чингисхановских перекладных и был в Бейджине в начале 1224 года, где его встречали толпы почитателей. Желая как можно скорее видеть осуществление ханского указа, Учитель призвал своих последователей спокойно признать власть монголов. Освобождение от налогов имело потрясающий эффект для привлечения сторонников. С этого момента маленькая секта, почти не видная в тени своего родителя и соперника буддизма, стала расти как на дрожжах, новые группы приверженцев взялись строить новые храмы — наместник Бейджина отвел для одного из них большой участок земли — и забирать приходящие в упадок буддийские. Для даосов это было время чудес предзнаменований. Журавли делали в небе круг, колодец с прогорклой водой наполнялся кристально чистой пресной. Планета Марс вошла в созвездие Скорпиона, предзнаменуя катастрофу, которую Учитель сумел отвести с помощью умелых заклинаний. В нескольких случаях силой молитвы он приостановил голод.

В 1227 году Цянчуна сделали главой всего расширяющегося и свободного от налогов движения, по существу он становится своего рода даосским папой, а

его *Ватиканом* делается подновленный и расширенный храм, переименованный в его честь. Но он знал, что совсем недолго осталось до его часа (что и понятно, если учесть, что ему было 79 лет и что он страдал от дизентерии). Когда ураган разрушил один из берегов дворцового озера, Учитель улыбнулся и промолвил: «Когда падают горы и высыхают озера, разве это не время для меня уйти тем же путем?»

22 августа, за шесть месяцев до своего восьмидесятилетия, он скончался. По странному совпадению в тот же месяц и тот же год умер его величайший ученик: но это история для еще одной главы. Ли Цичан описывает его смерть краткими и простыми, как мазок кисти, словами. В тот день Учитель написал стихотворение о быстротекущей жизни и ее неумиряющей сущности в предвосхищении мгновения, когда он сбросит скорлупу своего тела и вознесется к святому бессмертию. «Потом он пошел в зал Пао цюань и возвратился к Чистоте и Непорочности. Зал наполнился необыкновенным благоуханием».

Нельзя не сказать, что его переход в лучший мир иной не был одинаково оплакиваемым и вовсе не был окружен атмосферой всеобщей преданности и неземного пиетета. Цян-чунь очень многое сделал для своей секты, и это доводило буддистов-ортодоксов до бешенства, они радовались его кончине и злорадствовали по поводу обстоятельств, в которых она произошла. Он умер от дизентерии, подчеркивали они, сидя в туалете, и грубо злословили по поводу источника благоухания, который окутал его в минуту смерти.

Но последователей у него было великое множество, а слава росла не по дням, а по часам. Когда к его телу открыли доступ, за день проходило до 10 000 желавших отдать ему последние почести — князья, чиновники, ученые, простолюдины, буддийские священнослужители и монахи, не говоря уже о даосах,

число которых множилось каждый день. Добровольцы отстроили храм в его честь всего лишь за 40 дней. Сумасшедший Ван и его апостолы станут действующими лицами пьес и рассказов, а учение секты Полного Совершенства станет основной частью современного даосизма во исполнение стихов, написанных Учителем Цянчунем в день его смерти:

Скоротечная пена плывет и исчезает;
Но поток течет себе, не обращая на нее
внимания.

11 Последний поход

В 1224 году у Чингиса наконец стали свободны руки, чтобы разделаться с Си Ся, тангутским царством, которое отказало ему в подкреплениях пять лет тому назад. Отказ он воспринял как пощечину, которой наградил его низестоящий, как оскорбление, которому несть прощения, как угрозу самому существованию новой империи. Си Ся должно быть уничтожено.

Но перед ним как стратегом маячил настоящий кошмар. В тот момент за господство во Внутренней Азии боролись четыре державы: монголы, Си Ся, Цзинь в Северном Китае (монголы не смогли сокрушить их до конца) и Сун на юге. Следующий этап в этой борьбе наступил в 1227 году, году двух поворотных пунктов в истории, которые произошли почти одновременно, — смерти Чингиса и окончательного решения проблемы Си Ся.

Во главе Си Ся стоял новый молодой правитель Сяньцзун, которому было не по плечу вернуть своему государству былую, домонгольскую стабильность. Возможно, догадываясь о том, что надвигается на его страну, он подписал мирный договор с соперниками и соседями Цзинь, которые нуждались в передышке в войне на три фронта. Для того чтобы выиграть время, коварный Сяньцзун предложил подписать мир и Чингису, в качестве приманки намекая на то, что мог бы пойти и на признание вины своего предшественника и делать в будущем так, как ему скажут. Чингис в принципе со гласился, потому что гарантированный мир с тангутами развязывал ему руки в том, чтобы, не оглядываясь на них, заняться остальным Китаем. Но Сяньцзун должен доказать свою искренность, прислав Чингису в качестве заложника своего сына. Пока шли

переговоры, получилась краткая передышка, и Чингис перегруппировал свои силы, теперь он был готов к любому повороту событий. Никакого княжича в качестве заложника не объявилось. Когда монгольский эмиссар потребовал, чтобы это условие было выполнено, тангутский правитель, положившись на заключенный с Цзинь мир, наотрез отказался.

Теперь военная машина Чингиса пришла в движение. Перед ним были два ставших союзниками противника, и, если он хотел опередить объединение их сил, ему нужно было действовать быстро. Осенью 1225 года он двинулся на юг. Как и прежний раз, его путь лежал через Гоби и горные цепи, называвшиеся Три Красавицы, где по речным долинам в междугорье разгуливали стада диких ослов. Чингис в свои шестьдесят с лишним лет никогда не пропускал хорошей охоты. Как-то во время охоты его серо-коричневая лошадь вздыбилась, и хан упал на землю. Полученная им травма, может быть вывихнутое плечо или ушибленное ребро, требовала отдыха.

Той ночью у Чингиса поднялся жар. Пришлось менять планы. Вожди встретились, чтобы обсудить положение. Свое мнение высказал Толун, *черби* своего рода (управляющий двором, камергер) Чингиса, сопровождавший своего господина во время вторжения в Китай тринадцать лет назад. Тангуты городские жители, сказал он, они никуда не двинутся, лучше всего отступить, дать время хану выздороветь и тогда нанести удар. Но когда это предложение довели до

хана, он не захотел и слушать об этом: «Тангуты скажут, что мы слабы сердцем». Лучше оставаться там, где мы стоим, и тянуть время, послать письмо с напоминанием о причинах войны, намекнуть, что тангутам еще не поздно договориться о мире, если они хотят мира. Услышав, что сообщил ему посол Чингиса, он стал искать выход из положения. Уж если на то пошло, то не он вино ват в том, что Чингису отказали в помощи пять лет назад...

Ну нет, вмешался заносчивый главнокомандующий тангутов Аша: «Это я произнес слова оскорбления! — И бросил в лицо послам Чингиса недвусмысленный вызов. — Вы, монголы, наверное, теперь научились воевать. Так что, если вам хочется повоевать, у меня на родине в Алашани решетчатые юрты, навьюченные верблюды и люди. Приходите ко мне в Алашань! Там и повоюем!»

Когда Чингису сообщили ответ, он еще не оправился от жара, но пришел в бешенство. Что за наглецы! Тангуты должны были стать вассалами! А что делают — предательство за предательством, оскорбление за оскорблением. Его еще больше охватил гнев, когда он вспомнил, что 20 лет назад помог этим людям избежать большой беды. На этот раз сомневаться не приходится, нельзя допустить, чтобы теперь, когда настало время покончить с Цзинь, взять остальной Китай, на его фланге был такой противник. Сейчас на карту поставлено больше, чем имперская стратегия. Его оскорбили лично. «Когда нам брошены такие сильные слова, как можем мы отступить? — передает его слова *«Тайная история»*. - Даже если это будет означать для меня смерть, знает Бог, мы не можем просто так взять и уйти!»

Вызывающие слова Аши было не просто провокацией, они раскрывали его карты. В них сказались многовековые традиции, которыми

руководствовались государства по всей Евразии, когда дело доходило до сведения счетов. Если должны состояться сражения, то командующие должны бы ли знать, где встретится сопротивление, должны соблюдаться правила игры, чтобы можно было представить исход. Чингис действовал по-другому. Теперь он знал, какую стратегию ожидал от него Аша, — стремительный бросок с севера через Гоби, а потом бои в заднем дворе у Аши, где тангуты могут поддерживаться двумя своими главными городами, Иньчуанем и Увэем, получая оттуда резервы, — поэтому он сделает как раз наоборот. Но не нужно торопиться. Война, как всегда, будет вестись на его условиях. Все равно наступает зима. Войска разбросаны по долинам Трех Красавиц, где они вырубают из речек кусками замерзшую воду и охотятся за дикими осликами и овцами, заготавливая впрок замороженное мясо. Многие, наверное, на зимние месяцы вернулись к своим стойбищам, бросив осадные орудия с промерзшими канатами до своего возвращения.

Весной, когда постепенно потеплело и ландшафт смягчился, войска снова собрались на своих позициях. Чингис окреп настолько, что был в состоянии лично вести армию через 160 километров песка и гравия, которые отделяют Три Красавицы от сегодняшних границ Китая, через границы Си Ся в сторону северной твердыни Си Ся, города, который монголы называли Хара-Хото, Черный город.

Этот город служил крепостью-аванпостом на протяжении 1000 лет. Он охранял неприветливый пейзаж засыпанной гравием равнины, по которой ветер пересыпал похожие на гигантские змеи песчаные дюны, но это был процветающий аванпост с населением, наверное, не одной тысячи людей, потому что стоял на т-образном перекрестке, где к Шелковому пути с востока подсоединялась дорога к реке Эцин, как

называли ее монголы (ее китайское название было в те времена Цюйюань, а теперь Шюи). Она протекала по мертвой пустыне в сторону приветливых зеленых подножий Киланьшаня, Снежных Гор, расположенных на 300 километров южнее. Теперь все, что осталось от города, — это квадратные иссеченные песчаными бурями десятиметровые стены вокруг едва приметных остатков упавших зданий.

Представьте себе войско воинов-кочевников, которые теперь поднаторели также и в осадной войне, у них есть ката пульты, способные забрасывать на 200–300 метров наполненные порохом бомбы, огнеметы, луки с несколькими тетивами и, очень возможно, теперь и первые настоящие фугасные бомбы, «сотрясающий небо гром», о существовании которых есть запись более позднего времени, свидетельствующая о том, что их применяли при осаде Кайфэна в 1232 году. Такая бомба состояла из наполненной порохом железной оболочки, которая взрывалась с таким грохотом, что было слышно за несколько километров. Находившихся в радиусе 10–12 метров от взрыва солдат «разносило на куски, и даже следа не оставалось».

Нечего и думать, что Хара-Хото мог выстоять. Его захват был первым шагом к обходному маневру, который имел целью лишить Си Ся возможности использовать резервы, когда дело дойдет до главных сражений, и если бы Аша осмелился высылать из Иньчуаня подмогу через пустыню на расстояние 500 километров, то его войска приходили бы к месту сражения совершенно измотанными, на пределе продовольственных ресурсов и совершенно непригодными для ведения боя. Тангуты, наследники утонченной и урбанизированной культуры, предпочитали полагаться на крепкие стены. Никакой армии не вышло навстречу воюющим не по правилам монголам.

Такая политика абсолютно устраивала монголов. Они могли сосредоточивать свои силы там, где это могло принести наибольший эффект, в то время как их противники оставались разобщенными и прикованными к одному месту. Кроме того, как только был взят очередной город, монголы, как правило, оказывались в состоянии усиливаться за счет пленных, перебежчиков, предателей, захваченного продовольствия и оружия и переходить к захвату следующего города, который брали, если получалось, путем переговоров или боем, если переговоров не получалось. Как это было в Хорезме, это не был блицкриг, это было упорное поступательное движение, которое набирало силы, как набирает силы медленно надвигающаяся снежная лавина.

Через два месяца тремястами километрами южнее, где Эцин поворачивает на восток вдоль гор Цилян, Чингис мог позволить себе разделить армию, усиленную тангутским продовольствием, оружием, животными, пленными и предателями. Субудай направился на запад, чтобы нанести удар по самым отдаленным городам Си Ся, а главные силы пошли на восток к сердцу бунтующих владений.

На 160 километров к востоку находился город Шелкового пути Ганджоу. В наши дни это промышленный город, а в дни Чингиса это был город-оазис, славившийся своими пастбищами и своими лошадьми, а еще буддийским храмом с 34-метровой статуей сидящего Будды (и храм, и статуя целы и поныне). Чингис бывал здесь раньше, ненадолго, во время похода 1205 года. В то время был захвачен мальчик, сын коменданта города. Мальчик привык к монгольскому образу жизни, воевал, хорошо проявил себя, принял монгольское имя Цагаан (Белый), поднялся от рядового воина до поста командира охраны Чингиса. Отец Цагаана все еще занимал пост коменданта города.

Цагаан пустил через стену стрелу с запиской к отцу, попросив встретиться с ним. Отец согласился. Представители сторон договаривались об условиях сдачи города, когда заместитель коменданта узнал о происходящем, захватил власть, убил отца Цагаана и наотрез отказался вести переговоры с монголами. Разгневанный Чингис, по одному источнику, пригрозил похоронить весь город живьем. Но после того как город пал, Цагаан попросил пощадить его родной город — всех жителей, кроме 35 человек, которые участвовали в заговоре и убили его отца.

В августе, пока Чингис скрывался от жары в Снежных горах, его войска стояли у ворот Увэя, второго по величине го рода Си Ся. Поскольку вся территория современного Западного Китая находилась в руках монголов, жители Увэя обращали свои взоры за помощью к столице. Никакой помощи не пришло. Видя, что единственной альтернативой смерти была сдача города, горожане сдались и остались в живых.

Пришла осень. Чингис вернулся с гор и присоединился к войску на Желтой реке, переправился через нее и...

Я должен прервать свое повествование. Источники более чем недооценивают этот маневр монголов. Желтая река не то препятствие, которое можно взять в два прыжка. В этом месте, где она огибает горы Хелань перед тем, как направить течение на север мимо Иньчуаня, река представляет собой километровой ширины жидкую кашу из ила, и, на мой взгляд, она совсем не желтая, а грязно-коричневая. Она слишком широкая, чтобы пускаться по ней вброд, и на середине течение довольно быстрое, и, хотя конница кочевников могла переплывать реку, пользуясь надувными мехами, она слишком глубокая для фургонов. И, помимо всего прочего, вода в ней такая густая, что ее можно есть. Я плавал в ней, открывал глаза под водой и совершенно

ничего не видел. Из реки я вылез весь в грязи по бедра. На этой реке нужны лодки, вид транспорта, не очень востребованный в Монголии. К счастью, местное население имело речной транспорт — надувные мешки из овечьих или коровьих шкур (они по сей день в ходу — в прибрежном городе Шапотоу туристы могут совершать речные прогулки, гребя на платформах, установленных на кожаных мешках). Источники XIV века сообщают о том, как несколько мехов, привязанных к платформе и управляемых гребцами, составляли довольно прочное водное средство для доставки зерна и соли по спокойным водам реки до Иньчуаня и даже еще дальше. Это определенно не было новаторской идеей. Такие плавательные платформы были и ранее известны монголам. И их быстро приспособили для перевозки на другой берег повозок, телег, волов и на вьюченных лошадей. Достигнув другого берега, можно было увезти с собой и меха, и сами платформы.

Переправившись через Желтую реку, монголы подошли к Иньчуаню с юго-востока, откуда Аша ожидал их меньше всего — со стороны, противоположной той, которую он назвал в своем дерзком ответе Чингису.

Этого было достаточно, чтобы наполнить смертельным страхом сердце любого правителя, что, по-видимому, и получилось. Бездарный император Сяньцзун умер, и чаша с ядом царствования перешла к его родственнику, еще одному представителю клана Веймин, которого также звали Сянь. Его правление было настолько мимолетным, а то, что последовало за ним, столь ужасным, что он лишь мелькнул видением на страницах истории.

В ноябре монголы окружили Лиу (Линчжоу, как его тогда называли тангуты, или Теремджи — Угрожающий, как его называли монголы), что расположен всего в 30 километрах к югу от Иньчуаня. Только теперь тангуты

предприняли активные действия. Лиу, подобно Иньчуаню, снабжался водой по обширной системе каналов. Большую часть года это была хорошая оборонительная система. Но стояла зима, и каналы, и сама река покрылись твердым льдом. Тангутская армия шла с противоположного берега. Монголы сняли осаду, перешли реку по льду, атаковали, разгромили растерявшихся тангутов, а затем снова вернулись к осаде. Никаких подробностей об этом сражении не сохранилось, но можно предположить, что обе стороны понимали, что с тангутами покончено.

Лиу пал в декабре. Единственной сохранившейся деталью этого эпизода было то, что бурно торжествовавшую армию поразила какая-то инфекционная болезнь, то ли тиф, то ли дизентерия. Нам это известно, так как ученый муж и императорский советник Чу Цзай, возвращавшийся из Центральной Азии, был свидетелем разграбления города и охватившей монголов эпидемии и принимал меры, чтобы сдержать и то и другое. В то время как все монгольские командиры соперничали между собой, хватая детей, женщин и ценности, Его Превосходительство (Чу Цзай) взял только несколько книг и два верблюжьих вьюка с ревенем, которым пользовался заразившихся воинов. Это очень странная деталь. Наверное, ремень помогал молодым воинам, не получавшим свежей пищи, другого объяснения не вижу.

Теперь, когда одно войско осаждало Иньчуань, другое должно было не только покончить с городами поменьше на востоке и на юге, но и начать реализацию гораздо более широкого плана, имевшего целью нейтрализацию Цзинь. Продолжая в Си Ся очищать захваченные территории и осаду Иньчуаня, Чингис, теперь вместе с Субадаем, двинул войска на юг и на запад, через 100 километров перейдя границу Цзинь. Таким маневром он перерезал узкий, шириной около

150 километров, язык Западного Цзинь, территории, покрывавшей теперешние китайские провинции Нинся и Гансу, чтобы помешать войскам Цзинь соединиться с их союзниками тангутами и подготовить завоевание главной территории собственно Цзинь. Для этого Субадай перевалил через северные отроги гор Люпань, пройдя за февраль и март, если считать по прямой, 450 километров или что-нибудь вдвое больше, если учесть, что по прямой он пройти не мог, так как должен был совершать зигзаги от города к городу, — поразительный результат для войска, которое уже больше года вело непрерывные боевые действия. Субадай отметил успех посылкой 5000 коней в подарок своему повелителю и господину.

Чингис же двинулся на юг и таким образом вышел или, по крайней мере, приблизился к еще одному удивительному памятнику, говорившему ему о том таинственном мире, до которого теперь, казалось, рукой подать.

Маршрут армии Чингиса следовал течению реки Цин Шуй. На первый взгляд долина реки выглядит очень привлекательно, плоской и ровной. На самом же деле толстый слой чернозема пересекается оврагами, промытыми потоками, стекающими с гор Люпань на запад и на восток с гор Шан и Луо. Вероятными тогда были деревянные мосты, а поскольку дело было летом, то сама Цин Шуй походила на ручей с затвердевшим под солнцем дном по краям, над которым высились крутые берега. Но шли они по руслу реки или по дороге, фургоны и осадные орудия двигаться быстро не могли. Отряды конников, конечно, ничто не сдерживало, и они могли свободно скакать впереди колонны или в стороны, чтобы разведывать лучшую дорогу, искать продовольствие или находить вражеские отряды. Так что Чингису докладывали о том, что делается за 20 километров впереди по извилистой дороге,

цеплявшейся за обрывистые берега реки Сы Коу («Вход в Храм»), которая впадает в Цин Шуи в пыльном городишке Саньюн.

Следуя повороту дороги, петляющей по неровным пластам красного песчаника, вы увидите утес, испещренный щелями, как пчелиные соты. Их больше сотни — все это кельи буддийских монахов еще VI века, соединенные до головокружения крутыми, высеченными в скале лестницами. Это Сюмишань, «Гора Сокровищ». Когда-то это было удивительнейшее место для тех, кто искал просвещения, — уединенное, суровое, но красивое, с видами на красные и зеленые овраги, промытые в песчанике, и на украшенное островками травы нагорье. Сейчас там нет монахов, лишь пара дряхлых сторожей с золотыми зубами и в очках, скрепленных массивными прищепками. Скалы изъедены закрученными корнями кривых сосен и покрыты шрамами, оставленными ножами школьников. Если дух Сюмишань обладает силой наказывать любителей оставлять граффити, то Ван Юцзинь и Гу Ицзин, в числе прочих, в своем последующем перевоплощении будут жуками.

А сила тут чувствуется. Она маячит за выступом скалы в форме Будды, бережно хранимого камнем, из которого она высечена. Полуприкрытые глаза Будды и строгие складки его одеяния олицетворяют традиционный образ покоя и просвещения. Но подлинное впечатление создают сами размеры статуи. Несмотря на то что Будда изображен сидящим, его высота 20,7 метра. Джордж Бернард Шоу однажды так определил, что такое чудо — это что-то, порождающее веру, и долгие века этот изваянный в скале гигант, должно быть, творил для преисполненных благоговения новообращенных именно такое чудо. Он мог бы творить это чудо и сегодня, если бы к нему приходили новообращенные, потому что пережил много большее,

чем разрушения, нанесенные временем и погодой. В 1960-х годах во время культурной революции красногвардейцы, помешанные на разрушении, отбили ему ноги, а потом уже не могли ничего больше сделать с ним. Сейчас он отремонтирован, ноги отлиты в бетоне, и он сидит, устремив взор поверх горного кряжа, как сидел последние 1400 лет.

Перед лицом такого колоссального утверждения веры скептицизм отступает, и ему на смену приходит смирение. За два юанясторож, который был буддистом не больше, чем я, зажег шесть палочек благовоний, ударом деревянного молотка заставил погудеть серебряный сосуд с множеством отверстий по бокам и пробубнил для нас молитву. Мы с Джоргитом склонили головы.

Мне нравится думать, что Чингис чувствовал нечто подобное, когда проходил этим же путем весной 1227 года, хотя и по другой причине. Он шел, чтобы оборвать целую линию царской династии, чьи величественные гробницы вскоре опустошат и разрушат, и они останутся стоять на поминание будущим поколениям о бесславном конце этого царского дома. Перед его глазами возвышалось нечто, созданное верой и величайшим мастерством, нечто такое, чему поклонялись веками и еще будут поклоняться многие и многие столетия. К этому моменту два в высшей степени неудачные падения, тяжелая простуда и груз оставшихся за спиной лет — все это наводило на мысли о том, что он смертен. Мне кажется, что Чингис тогда раздумывал о том, что будут говорить о нем после его смерти, и надеялся запомниться чем-то великим, не только горами трупов и пепелищами городов. Чем? Для любого настоящего кочевника памятники и монументы ничто, заметил Джоргит, прислушиваясь к монотонному напеву молитвы, который, как нетрудно было представить себе, мог бы доноситься из заброшенного

монастыря Сюмишань. Храмы и гробницы не заметишь, как без следа рассыпаются в прах. Но заставь поклоняться себе, и будешь вечно жить в сердцах и умах людей.

Через несколько недель, наблюдая за осадой Лонде, Чингис пришел к выводу, что Иньчуань, столица Си Ся, должно быть, готова сдаться. Он послал на переговоры своего военачальника-тангута Цагаана. Тот установил, что за шесть месяцев голод и болезни сделали свое дело и Сянь готов капитулировать. Император сказал, что ему только нужен месяц отсрочки, чтобы собрать достойные подарки. Сянь, просидевший на троне какие-то несколько недель, наверное, рассчитывал на известную снисходительность победителей и надеялся на долгие годы сохранить власть, оставаясь вассалом монголов. Ни того ни другого Чингис и не думал ему давать. Не думал он и показывать свои истинные намерения, которые не менялись в отношении всех, кто оказывал ему сопротивление, а уж тем более в отношении народа, дважды обманувшего его, об этом не могло быть и речи. Этим людям нельзя доверять, нельзя с ними мириться. Только смерть, беспощадная смерть. Тангуты нанесли ему тяжкое оскорбление, нарушили обещания, не дали войск, не сдали крепости, особенно столицы Иньчуаня. Как мрачно сказано в *«Тайной истории»*, Чингис изрек: «Пока мы едим, давайте поговорим о том, какой смерти мы предали их и как мы их разгромили. Давайте скажем: «Это был конец, их больше нет». Началом этого конца должна была стать смерть тангутского правителя. Так что Чингис со гласился на официальную капитуляцию, послал своего приближенного Толуна взять на себя обязанности регента, а подлинные планы пока оставил про себя.

Стояло лето, и Чингис обосновался в горах Люпань, неподалеку от современного Гуюаня, откуда продолжал

жонглировать политикой, при необходимости нанося удары, но всегда готовый добиваться своего путем переговоров.

Фактически с Си Ся было покончено, и правители Цзинь понимали это. В том же месяце, когда Си Ся пошла на капитуляцию, цзиньский император, согласно официальной юаньской истории, направил посольство с просьбой о мире. Аудиенция, нужно догадываться, была грандиозным официальным представлением, во время которого Чингис обратился к двум послам со сладкими словами. Он напомнил, что несколько месяцев до этого соединились пять планет, и этот знак подвигнул его на обещание положить конец убийствам и грабежам. «Но в спешке я не издал об этом специального указа, — сказал он своим приближенным. — Так пусть сегодня мой приказ будет возглашен повсюду, дома и за пределами страны, и пусть эти послы знают о том, что я приказываю!»

Вероятно, конец убийствам и грабежам не означал мира, потому что продвижение по территории Цзинь не приостанавливалось, командовал им сам Чингис. Но в 100 километрах к югу от гор Люпань, совсем близко от границ Цзинь и Сун, Чингис заболел, и так серьезно, что его быстро перевез ли обратно на север, и это положило начало событиям, поставившим под угрозу дело всей его жизни.

Часть III Смерть

12 Долина смерти

Гуюань, город на юге провинции Нинся, совершенно непривлекателен для туристов. Это бедный невзрачный город в самой бедной провинции Китая, где проживает мусульманское меньшинство, хуэй, беднейшие из бедных. К югу от Желтой реки плодородные земли, обводняемые каналами Иньчуаня, становятся проблемными районами. Почвы там очень богатые — иногда толщина плодородного слоя достигает пятидесяти сантиметров, и слой лежит сплошной однородной полосой черного цвета, нанесенной за тысячи лет ветрами, дующими из Гоби. Но обработке эта земля не поддается. Дожди смывают ее, солнце запекает, ветры взбивают в пыльные облака, водные потоки вырезают овраги, то и дело меняющие свое место. Здесь поле, сделанное плодородным, благодаря благословенному сочетанию дождя и солнца, в десять последующих лет выветривается и вымывается до состояния пустыни. Ничто не остается постоянным, ни урожай, ни дома из темно-красного сырцового кирпича, и цикл нищеты все еще не прерван кирпичом и цементом, каналами и озерами, прочными зданиями.

Образование здесь обязательное, но немногие семьи хуэй могут найти 25 долларов в год, чтобы заплатить за учебу ребенка. В лучшем случае семьи складываются, чтобы по слать в школу одного из детей, и до школы еще добираться два часа пешком. Даже в этом случае он (а обычно это мальчик) может съесть за день ломоть хлеба, а то и того меньше. Все это я узнал у Лойры Лэйдло, учительницы-иностранки в Гуюане. В городе 100 000 жителей, и я в нем задержался на целый день. Иностранцы там экзотическая редкость, поэтому мы встречались с ними с неизбежностью

притягиваемых друг к другу магнитов. «Вы англичанин. Здесь есть английская учительница. Она мой друг. Пошли». За чаем и лапшой, заказанных с помощью выразительных знаков по меню с картинками, Мойра рассказала мне о своей работе в этих суровых условиях. Нельзя сказать, что она от них в отчаянии. Обстановка хорошо известна правительству и иностранным организациям, оказывающим гуманитарную помощь (это объясняло присутствие здесь Мойры), но на перемены уйдет, наверное, не один десяток лет. Тем временем учащиеся, которые понимают, что их будущее зависит от образования, едва таскают ноги от голода, и многие дети из сельской местности остаются дома, чтобы обрабатывать землю, ибо кто же будет вкладывать время и силы в образование ради будущего, когда хлеб нужен сегодня?

Понятно, что я был поражен, найдя в Гюане прекрасный музей, в котором рассказывается о довольно богатом прошлом. В отдаленные времена Гюань был не заштатным провинциальным городишком, а местом, где сходились дороги Шелкового пути. Его охраняли двойные стены 13 километра в периметре с десятью воротами, и на выполненном в масштабе макете можно было разглядеть, как Гюань выглядел в конце Средневековья. Таким процветающим он оставался веками. Местный правитель VI века, военачальник по имени Ли Шэнь, построил для себя подземную усыпальницу, пройти к которой можно было по сорокаметровому наклонному тоннелю и которую охраняла его собственная армия, 237 терракотовых солдат. Возможно, этот же самый Ли купил и самое дорогое сокровище музея, элегантную серебряную вазу VI века, украшенную сценами из легенд о Древней Трое. Очень странно было увидеть «А-Фу-До-Те» — Афродиту, танцующей с Менелаем, Еленой и Парисом на

персидской вазе, из готовленной через 2000 лет после падения Трои, да еще в китайском городе в 4500 километрах от Персии и в 7000 километрах от самой Трои.

Монголы захватили Гюань в 1267 году без единого усилия, с такой легкостью, что никто об этом и не вспоминает. Чингису этот город понадобился не случайно, так как за восемь лет до этого хан прошел продолжением этого пути на запад и дошел до Бухары и Самарканда. Если получится все задуманное, монголы возьмут под свой контроль весь торговый путь, соединявший Китай через Центральную Азию с Европой.

И совсем под боком располагалась превосходнейшая военная база, которую мне с Джоригтом предстояло посетить вместе с заместителем директора музея Ян Шиюном, мы направились в государственный лесной парк Люпаньшань, куда, как казалось, было известно всем и каждому — и мистеру Яну, и вообще всем на свете — перевезли Чингиса в его последние дни.

Дорога лежала на юг от Гюаня по невысоким холмам, где зеленое покрывало лугов и полей то и дело разрезалось коричневыми оврагами. Справа от него, выгнув спину, как ящерица, зеленым изумрудом высились горы Люпань. Не доезжая со всем немного до южной границы провинции Нинся, вы поворачиваете к ним и продолжаете следовать по глубокому ущелью. Через несколько километров появляются два ряда строений, стоящих по обе стороны причудливых въездных ворот — белый дракон выгнул под прямым углом спину, и его шипастый бетонный позвоночник оседлал дорогу.

А далее, за воротами, простирается дикая природа непередаваемой красоты и, невзирая на приезжающих на один день туристов, столь же непередаваемой уединенности. Иностранцы ничего об этом парке не

знают, упоминания о нем не найти ни в одном туристическом справочнике, так как это совершенно новый парк, добраться до него невероятно трудно, дорога туда еще только строится, и остановиться негде, если не считать десяти спартанских комнат у входа с драконом. Но все неудобства, связанные с посещением парка, окупаются с лихвой, ведь это такое гигантское нетронутое чудо: 679 000 квадратных километров, что больше площади двух английских графств, больше штата Делавэр. Это квадратные километры на карте. На земле же это нескончаемые гряды высоченных складок на лице земли, лесистые кряж за кряжем, пик за пиком, овраг за оврагом, пробитые горными потоками ущелья, все это удваивает, если не больше, площадь поверхности, занимаемой парком. Минуя ворота, вы попадаете на только что отстроенную дорогу, она поднимается вверх крутыми зигзагами, и перед вашими глазами предстает еще более грандиозное зрелище: расположенные террасами луга исчезают в мареве далее. Мы ехали в самом сердце парка, дорога вела к последнему лагерю Чингиса. Я мысленно представил себе гээры и пастбища и никак не мог совместить эту картинку с нависающими друг над другом утесами и лесами. Проход резко пошел вверх, потом так же резко стал спускаться вниз, в ущелье, где царствовали ели, валуны и стремительный горный поток, только для того, чтобы вновь устремиться к вершинам гор, туда, где от увиденного у меня захватило дух.

Последний лагерь Чингисхана состоял из трех «монгольских юрт», сделанных из прекрасного новенького гладкого бетона, на их сужающихся кверху крышах красовались ленты разноцветных флажков. На автостоянке парка было несколько автомобилей и мотоцикл. На открытой площадке за гээрамиу старой деревянной телеги были привязаны две лошади, что

должно было, наверное, служить имитацией фольклорной деревни. Я надеялся встретиться с чем-то настоящим, а увидел обыкновенный кич.

Но минуточку. Пока Джоригт и мистер Ян, археолог из Гуюаня, разговаривали с местным гидом, кое-кто из мотоциклистов побойчее стали залезать на лошадей. Я стал наблюдать за ними и вдруг почувствовал, что передо мной не что такое, что совершенно выпадало из псевдо-древней картинки «лагеря» с его бетонными юртами и туристами. Это был стол с восьмью сиденьями, стол, вырубленный из одного огромного квадратного камня, и сиденья из цилиндрических камней, высотой со стул — все это было, вне всякого сомнения, по-настоящему древним.

Ко мне подошли остальные, нужно было обсудить насущнейший вопрос об обеде в честь визита, которым мистер Ян нечасто удостаивал парк. Да-да, обед, конечно, но, ради всего святого, что это за древние камни?

— Юаньская династия, — пояснил молодой гид, двадцати двухлетний хуэй, которого звали Ма — Видите дырку в центре? Сюда вставляли древко знамени. Этим пользовался Чингисхан.

— Что? Откуда вы знаете?

Ма, выпускник Иньчуаньского туристического колледжа, рассказывал с неподражаемой уверенностью, в подтверждение своих слов указывая на официальный туристский буклет.

— В 1227 году Чингис остановился здесь на лето. Это очень интересно. Когда он напал на Си Ся, то упал с лошади и сильно ушибся. Но у него был долг, он должен был воевать, поэтому он приехал сюда и тут готовил свою армию, и еще охотился и лечил свое тело. Но ничего не помогало. И он тут умер. Было очень жарко, и его тело начало разлагаться, и его тут похоронили.

Только седло и другое его снаряжение взяли, чтобы захоронить в другом месте.

Это было поразительнейшее утверждение. Ни один другой источник не говорил о том, что Чингис мог и в самом деле быть захоронен здесь, в горах Люпаныпань. Это известие перекроит весь мой замысел, не говоря уже про саму основу моих исследований. Все это звучало настолько абсурдно, что я сразу перестал верить всему, что он говорил.

Что было такого особенного в этой тайной, скрытой в дремучих лесах, труднодоступной долине, если подходить с точки зрения истории?

— Летом здесь прохладно, и это очень хорошее место для обучения войска, это мое мнение. Это очень важная военная позиция, на равном расстоянии от монгольских войск в провинциях Ганьсу и Шанси. Если вы займете это место... — он обвел рукой окружающие горы, — никаким вражеским войскам вас не достать, но вы сможете контролировать всю окружающую область.

Это, по крайней мере, было правдой. Если посмотреть на карту, Люпаньские горы находятся в 200 километрах от границы Си Ся и в 150 километрах от границы Сун, как раз в се редине западного крыла Цзинь.

— Вы думаете, Чингисхан действительно был здесь?

— Ну, конечно. Мы все это знаем. Вон там, дальше по до роге, место, где Чингис собирал своих полководцев, чтобы держать совет и обучать их. Это Учебный центр. А есть еще место, которое называют Командным центром.

Хм. Возможно ли в самом деле, чтобы целая армия, осадные орудия и все такое прочее могло быть собрано здесь, чтобы все это перетащили сюда по такому крутому подъему? И если перетащили, то как сумели разместить их в лагере? Как обучали? Здесь один лес, никаких пастбищ. Ма продолжал говорить, не очень

складно рассказывая о том, как император Си Ся приезжал сюда, чтобы поговорить с Чингисом и Кублайханом, внуком Чингиса, тем самым, который потом уничтожил Си Ся. Еще больше ерунды. Мне нужны были до казательства.

— Доказательства — камни.

— Но вы хотите сказать, что эти камни были найдены прямо здесь?

— Нет, но неподалеку, дальше по дороге.

Небо было ясным, солнце палило не очень жаростно, а с обедом можно потерпеть. У нас оставалось время пройтись дальше, туда, где дорога сворачивает на тропинку, сквозь лес уходящую вверх. Мы присоединились к группе тихих китайских туристов, приехавших сюда в поиске настоящей природы, как ехидно прокомментировал Джоригт, монгол, и теперь чувствуют под подошвами модных штиблет и туфель на шпильках незаасфальтированную землю. Ма остановился и неопределенно махнул рукой в сторону заросшего елями склона:

— Они нашли камни вон там.

— Кто нашел их?

— Археологи. Но скоро уже никто не будет знать, где они их нашли, потому что вырастут эти деревья.

Мне бы следовало обратить внимание на то, что эти деревья еще молодые. И мне нужно было бы догадаться, почему. Поскольку Мойра Лейдло работает учительницей в Гуюане, она рассказывала мне об одной из самых дурацких крайностей культурной революции, когда великие китайские лидеры начали кампанию по уничтожению воробьев. Ясно, что воробьи погибнут, если не будет деревьев, чтобы на них гнездиться, поэтому кампания против воробьев обернулась кампанией против деревьев. Естественно, это имело катастрофические последствия, оголив города, обнажив склоны гор и холмов, ускорив процессы эрозии почвы и

не произведя никакого впечатления на воробьев. В конце концов маятник качнулся в другую сторону, и про антиворобьиную кампанию забыли, начав новую инициативу. Все и повсюду снова должны сажать деревья. Этот, только что основанный национальный парк должен быть превращен в лес, и немедленно. Вот откуда, догадался я, этот быстро разрастающийся покров из елей.

Во всем этом разрастающемся лесу объяснений имелась маленькая прореха: если до культурной революции это был лес, то как получилось, что там были эти камни?

— Раньше не было деревьев, — произнес Ма.

— Почему не было?

— Потому что их спилили. — Он проявлял верх терпения.

— Значит, здесь были люди?

— Много, крестьяне и охотники.

Внезапно парк представился мне совершенно в ином свете. Никакой доисторической чащи тут не было и в помине, это была запрятавшаяся от чужого глаза долина, где в свое время жила община. Здесь рубили деревья на дрова и расчищали места для полей и огородов, сажали семена и собирали урожаи, разводили скот, охотились в лесах на кабанов, кроликов и оленей и поддерживали связь с внешним миром через крутой перевал, которым мы недавно проходили, — никакая это не новая дорога, а старая тропа, доступная для лошадей и фургонов. И если в этой плодородной и хорошо защищенной долине всего несколько лет назад жили люди, то, конечно же; здесь люди жили многие столетия. В 1227 году эта долина, наверное, представляла собой обширное пространство, покрытое полями и пастбищами, и лучшего места для того, чтобы скрыться армии кочевников, найти было трудно.

Мне нужно было за что-то зацепиться, чтобы понять, в чем тут дело. Может быть, что-то из фольклора могло бы помочь. Возможно, есть старики, с которыми можно было бы поговорить.

— Ну что вы, тут никого нет. Это государственный лесной парк, и поэтому всех переселили. Последние жители уехали года четыре назад.

Но мы уже прошли вперед довольно далеко, миновали ельник и вступили под сень прохладного и успокаивающего глаз лиственного леса. Совершенно непроизвольно я взглянул в просвет между двумя стройными березами и увидел что-то похожее на темные пятна километрах в двух от нас, их окружали полосы зелени.

— Но взгляни. Ведь это дома?

Дома стояли на совершенно открытом пространстве, где приветливо зеленели поля, судя по оттенку зелени, на них зрела пшеница. Я подумал, что это горы расстелили перед нами гостеприимный ковер.

— А разве это не поля? Может быть, там есть люди.

— Нет никаких людей! — Ма твердо стоял на своем. — Всех людей переселили.

— Хорошо, но ведь кто-то обрабатывает эти поля.

— Нет, нет.

— Нет да, это же новые посевы.

— Никакие не новые. Это невозможно. Четыре года сюда никто не приходит!

Так можно сойти с ума. Если там посевы, значит, там люди, если там люди, т. е. кому дать нам информацию, рассказать, что говорят в этих местах, может быть, можно получить какие — то данные о том, что же на самом деле произошло здесь.

— Посмотри, тропинка. — Я показал на прогал в придорожном кустарнике. — И следы машины. — В общем-то, если это и были следы автопокрышек, то машина должна была быть очень маленькой.

— Полиция, — сказал Ма Теперь он не чувствовал себя так уж уверенно. — На мопедах.

Куда они ехали, за кем или за чем? Все молчали. Видно было, что, сам того не желая, Ма оказался заинтригован, как и Джоригт, который выступал в роли переводчика и миро творца. Если тропинка ведет к домам, то дорога туда-обратно займет не больше часа. Обедать придется подождать.

Мы пошли по тропе и тут же погрузились в лесную идиллию — протоптанная дорожка пересекала ручейки кристальной прозрачности, какую мы уже привыкли видеть только в магазинных бутылках с питьевой водой; над голо вой смыкался изумрудный полог, отфильтровывавший солнечный свет, который падал на землю пятнистым ковром разных оттенков зеленого цвета. Следы машины были еще не старые, их оставили несколько дней назад, и это были сле ды не мопеда и не машины. Их оставил один из таких двухколесных тракторов, которым управляют с помощью длинных ручек, сидя на прицепе.

Но когда, пройдя мимо пруда и поля, которое я разглядел с дороги (это была не пшеница, а что-то похожее на ячмень), мы подошли к домам, то увидели, что очутились в деревне-призраке. Перед нами стояли пять-шесть заброшенных, поглощаемых кустами домов с проваливающимися от времени, изогнутыми серыми черепичными крышами. Дорожки между домами заросли сорняками.

Юренма? — крикнул Джоригт. — Есть тут кто-нибудь?

Никакого эха не донеслось к нам с окружающих холмов, никто нам не ответил, ни звука, только жужжание цикад и щебет птиц. Нам стало не по себе. Следы машины и засеянное поле свидетельствовали о присутствии человека, но тут полное молчание, запустение, разруха. В голове у меня про неслись самые

невероятные и фантастические предположения. Все бежали. Все умерли. Вот-вот мы встретим чудом выжившего человека, этакое китайского Бена Ганна, спятившего от многолетнего одиночества в этой глуши.

Потом позади заросшего дворика я увидел что-то, заставившее меня напрячься. Это был огромный, прекрасно вытесанный каменный чан диаметром с метр, с внутренней стороны были видны следы, оставленные резцом каменотеса. Вытесать такое не взялся бы никакой крестьянин, и чан был совсем не новый. Сразу, как бенгальские огни, вспыхнули сопоставления. Стол там, в лагере... «Юаньская династия»... теперь это — кормушка для скота, монгольская поилка для лошадей. Скорее всего. Вывод звякнул, как щелчок хорошо смазанного замка.

Я теперь думаю, что ошибался. Но это было продолжением воображаемой картины, порожденной великолепным видом на расстилающуюся передо мной долину, с которой я мысленно убрал деревья, и она превратилась в тучную степь, а вон там еще и река. Не может быть, чтобы никто не мог сказать нам, что тут было раньше. Нужно будет вернуться сюда и поискать людей. Каким образом и когда, я не представлял себе, как не имели такого представления и остальные.

Мы повернули обратно. Все о чем-то думали, и не хотели разговаривать. Мы снова прошли мимо непонятого поля, пустились по тропинке, перешли ручей.

И тут, буквально откуда ни возьмись, прямо перед нами возникла женщина, строгая, полная внутреннего достоинства, в серой рубахе, темных брюках и белом, похожем на поварскую колпаке на голове, платке, свидетельствующем, что она мусульманка из племени хуэй. Она несла малыша, лет трех, с румяными, как его передничек, щеками; это определенно была девочка, потому что на ней были брюки женского покроя; за

женщину держался мальчуган, года на два постарше, одетый в потрепанную серую курточку с выцветшими английскими надписями «Любопытный» спереди и сзади. На плече у нее висела сумка. Она собирала съедобный, похожий на спаржу папоротник, который она назвала цюсе, его не знали ни Ма, ни Джоригт. В мгновение ока она раскрыла нам множество тайн.

Ее зовут Ли Бочэн, и это ее муж и девери обрабатывали смутившие нас поля. Они когда-то жили здесь, и даже после того, как власти приказали уходить, не захотели бросить свой клочок земли. Каждое лето они возвращаются, чтобы посеять и собрать урожай. О да, она слышала о Чингисхане, но если мы хотим узнать о нем, то лучше поговорить с мужчинами. Они придут с коровами чуть позже. Часам к четырем мы вернулись, нас ждали шестеро мужчин, а с ними уже знакомая нам женщина со своими двумя ребятишками. Дверь дома была распахнута, и можно было увидеть кирпичную плиту, каменную платформу для сна с разбросанными на ней матрасами, надстроенную над плитой, чтобы ночью она обогревала спящих. Перед домом на куске полиэтилена были аккуратно разложены лекарственные растения, которые они называли шо-ю. Мы присели на брошенную на камни мешковину, и женщина вынесла нам зеленого чая в стеклянных баночках из-под джема. Муж женщины, жилистый мужчина лет тридцати с небольшим, одетый в черно-белую полосатую рубашку, взял на себя роль ведущего и стал рассказывать о Чингисе, словно тот был прежним хозяином дома.

Все это — и он широко повел рукой — принадлежало Чингису. Это было Место учений, где жили его телохранители, а вон там, где сейчас скот, там он жил, Место собраний. А вон там, за конопляным полем (а это была конопля, а не пшеница и не ячмень), находился Командный центр. «Вот что рассказывал мне мой отец,

потому что это то, что рассказывали ему старики, когда пятьдесят лет назад мы приехали сюда. Я помню, как мой отец с дедом разговаривали об этом. А вон там было то, что называли Тронным залом Чингисхана.

— Вы имеете в виду террасу?

— Нет-нет, это Место собраний! Я имею в виду вон там, повыше. — Он показал на гору, которая господствовала над всей долиной. — Это вон там, там есть площадка, оттуда видно все.

Мне подумалось о каком-то строении, вроде башенки для обозрения.

— Если подняться туда, можно увидеть камни со времен Чингисхана?

— Сколько хочешь камней! Кормушки и всякое такое. Когда я был ребенком, их было видно повсюду, а теперь большинство ушло в землю или заросло.

У меня захватило дух от мысли, что я сейчас сделаю великое археологическое открытие, голова пошла кругом. Может он показать нам? Да, может. Но добираться до того места был какой-то кошмар. Нужно было бы сообразить раньше и надеть длинные брюки, столько там ядовитых колючек. Я с сомнением посмотрел на Джоригта, он был в легких тапочках без задника, но Джоригт не сдавался: «Я Джоригт. Я монгол», — произнес он, всем своим видом показывая, что никакие физические трудности ему нипочем.

На следующее утро в восемь утра мы были уже выше террасы над домом, гидами с нами пошли двое братьев — Юй Ухэ и Юй Усе. Сначала мы поднимались еловым лесом, и братья вели рассказ.

Когда их семья перебралась в эти места, здесь жила община в 30 семей. Лет сто назад здесь стоял буддийский храм, но пришли мусульмане хуэ, и храм разобрали по камешку, чтобы строить дома (вот откуда, догадался я, такие большие камни в стенах домов). Потом долину специально засадили деревьями под

лозунгом «Хватит пахать землю, вырасти деревья!». Теперь все жители ушли отсюда насовсем. Они остались последними, но приезжают только летом, перегоняют сюда через перевал в горах своих овец и сколько-то коров, чтобы обрабатывать поля и собирать лекарственные травы в лесу. «Мы не уйдем, пока нам не выплатят нашу компенсацию. Или, может быть, нам предложат зерно вместо денег. В общем, будем продолжать крестьянствовать, сколько получится».

Теперь мы вошли в густой лес. Один из братьев показал на какую-то темную кучу на земле. Медвежий помет. Здесь были медведи. О, их сколько хочешь, несколько дней назад вокруг дома бродили целых шесть.

Он вел нас по берегу ручья, у нас над головой нависали перепутавшиеся ветви подлеска. Мы перешли через ручей и вскарабкались по чуть ли не вертикальному склону, ноги утопали в рыхлом слое перегнивших листьев. Земля наверху, затененная березами с полосками отставшей бересты на стволах, выровнялась и была покрыта непонятными холмиками камешков.

Раньше тут проходила дорога, как бы между прочим заметил Юй Ухэ. Он оказался наиболее разговорчивым из братьев. Его брат больше помалкивал. Разобрать что-нибудь на бесформенной, в пятнах тени поверхности земли было очень трудно, но вот, конечно, — я увидел место, где, по всей вероятности, проходила колея, здесь на обнаженной породе выросло дерево, метров пяти высотой, это обнажение породы могло быть естественным, но могло быть и механическим.

Нас окликнули откуда-то сверху, наши сопровождающие ответили, и завязался разговор. На земле на коленках стоял человек и руками разгребал мягкую почву, еще один в той же позе копался в земле в

тени деревьев, всего их было много больше, человек десять.

Они собирали лекарственные растения. Они пришли сюда до рассвета из деревни, до которой два с половиной километра, по одной из бесчисленных тропок через горы, и будут тут работать весь день.

Дикие места начинали раскрываться все больше и больше, словно постепенно приоткрывая передо мной двери к пониманию того, что веками так привлекало это место крестыян и охотников и, возможно, привлекло на несколько лет воинов-кочевников. Местность славилась лекарственными растениями. Потом я увидел список, в нем перечислялись 39 названий. Одно из них имело местное название чанбо. Местная медицинская компания покупала чанбоза 22 юаня (около 2,75 доллара США) за килограмм, и каждый из этой группы мог собрать за день 2-3 килограмма. Для чего нужен этот маленький, похожий на лук корень и как его готовят, никто из сборщиков не знал. Все, что они делали, — это собирали чанбои продавали его.

Юй Ухэ помахал рукой: «Это место мы называем Лечебницей Чингисхана».

Неожиданно, глядя на эти пятнистые заросли, я начал кое о чем догадываться. Это была непрерывно обновляющаяся экосистема, насыщенная влагой почва, тянущиеся к солнцу, куда ни глянь, нежные ростки и пышно расцветающие кустарники, и отличить естественное от искусственного была нелегкая задача. Но если тут была дорога и эта вершина играла роль своего рода сторожевой башни, возможно, что здесь, прямо здесь, была своего рода аптека, куда могли приходиться раненые и больные, чтобы полечиться лекарственными травами.

Еще до полудня мы уже вышли из леса и шли по ковру разнотравья, лютиков и горечавки, тропинка бежала по открытому кряжу (хотя мания видеть всюду

еловые деревья дошла даже до этих краев, и через несколько лет, вероятно, горы будут полностью, что совершенно неестественно, покрыты лесом). На гребне горы обнажались остатки стены, которая, как мне представляется, была в свое время частью наблюдательного пункта, с которого открывался обзор на набегавшие друг на друга волны лесистых гор. Отсюда я не смог приметить никаких признаков присутствия человека — ни дороги, ни строения, ни дыма костра — подо мной просматривалась долина, по которой мы проходили по дороге сюда, почти заброшенная деревня, язык бледно-зеленой конопли и высовывавшиеся из-за покрывала зелени три бетонные крыши туристского лагеря.

Но наблюдательный пункт на вершине невысокого холма не годится для наблюдения за армейскими маневрами. Мне хотелось найти обещанную «площадку». Мы начали спуск и попали в заросли колючки. Это не была обычая ежевика, а толстенные, закрученные трехметровые деревья, протянувшие во все стороны свои иглы, такого кустарника было бы достаточно, чтобы охранять Спящую красавицу. Разыскивая «площадку», мы крутились почти на одном месте. Где-то со всем близко, где-то здесь, бормотал Юй Ухэ, во всяком случае она раньше была где-то здесь. Я снова начал терять в него веру, когда земля начала выравниваться, и, запутавшиеся между порядком надоевших елок, мы, все четверо, собрались вместе.

— Он хотя бы знает, где мы? — без всякой надежды поинтересовался я у Джоригта.

Они перебросились несколькими короткими фразами, и затем я услышал:

— Это здесь, Тронный зал Чингисхана. Он еще называл его Местом Господина.

Я понял, что никакого каменного возвышения не будет. Он был травяной — или когда-то был травяной. Я

измерил его шагами, Тронный зал Чингисхана был 250 метров длины и 50 метров ширины.

Честно говоря, теперь никому не захотелось бы сидеть здесь. Когда братья Юй были мальчишками, здесь было открытое место, не было деревьев, и можно было видеть разбросанные по траве остатки обработанных камней, и открывался красивый вид на их деревню. А теперь монокультура закрыла этот вид, а камни покрылись дерном. Какой-то безмозглый плановик выписал сюда бригады сажальщиков и уничтожил то самое место, которое можно было тогда превратить в террасу обозрения, куда бы стекались люди, готовые претерпеть известные неудобства, чтобы пообщаться с природой и встретиться с историей. Не скажу, что я поверил, будто сам Чингис бывал на этом месте или даже пользовался им. Но его военачальники вполне могли пользоваться им как наблюдательным пунктом, потому что если подойти к краю плоской площадки, то можно увидеть лежащую внизу долину, и нетрудно вообразить, что это огромный плац для парадов, что внизу сгрудились юрты и лошади, выстроились воинские части. И в траве торчало несколько больших камней, так что можно было легко представить себе, кто мог бы стоять или сидеть на них или что они могли видеть.

Вниз мы спускались по крутой и травянистой тропе. Заговорили о медведях. Они были довольно большими, доходи ли до плеча Юям, имели несколько оттенков окраски, красной и коричневой, и были совершенно неопасными. «Два дня назад шесть медведей пришли на посевы». Я видел подтверждение этих слов — глубокие рытвины на поле, мимо которого мы в тот момент проходили. «И если закричать на них, они уходят».

Мы уже почти поравнялись с домами, и я пытался разобраться в увиденном за день. Все это лишь

неосновательное сырье, артефакты и фольклор, переносящие меня на 50,100 и 800 лет назад, в них нет ничего такого, что позволило пере нести их на солидную почву истории. Мои первые эмоциональные всплески: «Монгольский флагшток!», «Поилки!» — уступили место более трезвой оценке возможного толкования фактов. Зачем монгольским войскам в походе каменные поилки? Скорее всего, это обыкновенные зернотерки или мельничные камни, оставшиеся в наследие с прошлого или прошлых веков, когда здесь находился храм и большая крестьянская община.

Но при всем при том оставались легенды и само место: потаенная долина с ее лекарственными травами, некоторые из которых посчитали таким сильным средством, что ими можно было вылечить даже занемогшего завоевателя.

Мне повезло. Но если вы, читатель, отправитесь туда, боюсь, вы опоздаете. Те, кто помнит то, что когда-то рассказы вали об этом месте, разъедутся по городам и деревням за пределами долины. В конце концов по мере того, как развивается и растет экономика Китая, будет все меньше и меньше людей, которые пойдут в горы искать лекарственные травы. Тропинки зарастут, поля исчезнут под дикими травами, до ма сравняются с землей, открытые пространства зарастут елями. Все, чем будут удовлетворяться посетители, — это огороженная дорога и туристский лагерь, где гиды рассказывают сказки, которые ничем нельзя подтвердить, о горах, где никогда не было дорог. Даже если приедут историки и археологи, кто вспомнит, где когда-то были Учебный центр, Командный центр, Лечебница и Тронный зал Чингисхана?

13 К тайной могиле

Теперь мы вернемся к тем нескольким дням середины лета 1227 года, когда решалась судьба Евразии. Убийство одного императора, смерть самого Чингиса, уничтожение целой культуры, смерть еще многих тысяч людей — всего этого достаточно, чтобы привлечь внимание историков, если только детали были описаны правильно. Но это «если только» заставляет задумываться над деталью, которая придает этим событиям несколько иной характер. Речь идет о тайне, которой окружена смерть Чингиса. Именно необходимость сохранения тайны, которую предвидел Чингис и которую сумели соблюсти его сподвижники, сделала возможным осуществление преследовавшихся им целей. Если бы сведения выплыли наружу, все было бы потеряно — враги перевели бы дыхание, завоеванное было бы утрачено, только еще складывающаяся Монгольская империя была бы задушена в колыбели, весь ход евразийской истории пошел бы в другом направлении.

Но как лежавший на смертном одре император или выполнявшие его волю наследники сумели сделать это? Никто этого, конечно, не знает, столь плотной завесой тайны окутали разыгравшуюся тогда драму. Но ученые и археологи собирают информацию по крупицам, и постепенно на фоне гор и холмов, декораций на сцене, где разыгрывалась она, приходят в движение призраки, и от них мы слышим слова, по которым можно составить представление о том, что могло происходить в горах Люпань и вокруг них почти 800 лет тому назад.

Вспомним обстановку второй недели августа 1227 года.

Чингис на пороге окончательного завоевания Си Ся и только что занял Западное Цзинь. Оно должно стать базой, с которой можно будет довести до конца захват Северного Ки тая, и тогда он будет владыкой гигантской империи, раскинувшейся от берегов Тихого океана почти до Багдада. Если ничего не помешает, дело всей жизни свершится. Император Си Ся вот-вот капитулирует. В этот критический момент Чингиса сваливает болезнь, возможно тиф, принесенный его войсками из похода на юг. Историки обычно сходятся на том, что это случилось километрах в 100 от гор Люпань, в той части нынешней провинции Ганьсу, которую называют Цин Шуэй, но по этому поводу возникают сомнения, потому что название местности совпадает с названием реки, впадающей в Желтую реку. Некоторые настаивают на том, что Чингис умер в Цин Шуэй, но это опровергают двое ученых, Суй Чэн и Юй Цзюнь из университета Нинся, знакомых с большим массивом самого разного рода материалов. Их изыскания, основывающиеся на исторических источниках и археологических находках, показывают, что народная память, отразившаяся в рассказах крестьян в Люпаньшане, имеет под собой реальную почву.

Где бы ни застигла Чингиса немощь, это что-то очень серьезное, и все окружающие знают это. Невозможно скрыть, что хан чем-то болен, но насколько серьезно, не должно породить слухи. Поэтому в первый день последней недели жизни Чингиса стремительно, в закрытой повозке, отправляют в укромную долину в горах Люпань, где можно гарантировать сохранение тайны и где под рукой войска, готовые выполнить его приказ и, при необходимости, вскочить на коней и двинуться на Си Ся и Цзинь. Здесь также есть возможность организовать его лечение целебными лесными растениями.

Ничего не помогает. К нему подкрадывается смерть.

Но несколько дней, как написано в одном китайском источнике, «Юань ши» («История династии Юань»), Чингис все еще остается стратегом и думает о будущем. Его указания ясны. В одной из версий этого события, принадлежащей арабскому историку Рашиду ад-Дину, писавшему двумя поколениями спустя, Чингис говорит: «Никто не должен знать о моей смерти. Не плачьте и не оплакивайте меня, чтобы врагам не стало известно об этом. Но когда правитель тангутов и население в назначенный день и час выйдут из города, уничтожьте всех до единого».

А потом, как передают китайские источники, Чингис излагает свою стратегию, согласно которой разгром Цзинь должен стать первым шагом к завоеванию всего Китая. И в этот момент у него мутнеет взгляд, смерть приближается. Его окружение понимает, какая катастрофа может произойти. Император Си Ся вышел из Иньчуаня, и может получиться, что перед ним не будет победителя, чтобы вручить ему капитуляцию. Если до него дойдет эта новость, он тут же повернет назад и начнет думать, как спастись самому и как сохранить государство. Самый лучший выход для него будет немедленно обратиться к Цзинь, объединить с ним силы против общего врага, ликвидировать достигнутое Чингисом и нанести смертельный удар по великой Чингисовой стратегии будущих захватов.

Есть только один курс возможных действий. Все должно идти как запланировано. Ни намек на случившееся не должно просочиться вовне. Важно, чтобы император Си Ся приехал, капитулировал и затем первым из своего предательского народа расстался с жизнью.

Но все это нужно осуществить с умом. Это народ религиозный. Какова бы ни была политическая роль Сяня, он окружен аурой великих религиозных традиций — традиций, которые уважаются Чингисом и его

приближенными. В» *Тай ной истории*» Сяня называют его религиозным титулом, Илуху Бурхан, Святейший, выражая таким образом почтение к нему как мирскому и духовному вождю. Было бы не со всем хорошо расправиться с живым Буддой. С той же проблемой сталкивались средневековые короли в Европе, когда убивали архиепископов. Это дело необходимо обставить благими намерениями и убедительными оправданиями. Генрих Второй заламывал руки, стеля, что убийство Бекетта было ужасным недоразумением. Чингис тоже умел жонглировать словами. Для того чтобы превратить Сяня из близкого к Богу священнослужителя в земную политическую фигуру, Чингис объявил, что Святейший отныне будет называться буддийским титулом Сидургу (Верный). На первый взгляд это звучало очень лестно, достойной признательностью за смирение. На самом же деле это был завуалированный смертный приговор. Верный вассал? Правитель, который последние шесть месяцев поднимал свой народ к сопротивлению? Такая верность заслуживает только одной награды — смерти.

Где должен был разыгрываться этот эндшпиль? Не около Иньчуаня, так как Чингис находился далеко на юге. Конечно же, не на секретной базе, запрятанной в горах Люпань. Но есть, есть подходящее место на открытой местности и неподалеку, его уже довольно давно выбрали, как мне кажется, для совершенно других целей.

Между Гуанем и Люпаньскими горами дорога вьется по не высоким террасированным склонам и минует довольно длинный ряд глинобитных домов, которые и составляют Кайчен, деревню, жители которой живут, производя пшеницу, ячмень, лен и овощи. На соседних склонах мимо похожих на огромные буханки черного хлеба стогов сена тарахтит двухколесный трактор. Здесь не всегда была такая тихая заводь, и уже скоро ее не будет. Вон там, за горой, строится

гидроэлектростанция, которая будет снабжать энергией и питьевой водой всю область. Но не одна электростанция должна вернуть Кайчену былую славу и известность.

Дорожный указатель оповещает, что за поворотом «Древние развалины Кайчена». Смотрим и не видим ничего, кроме пшеничных полей на террасах и посадок помидоров и работающей с тяпкой женщины хуэй в белом платке. А дальше волнистой зеленой линией закрывают горизонт горы Люпань. Не слышно ничего, кроме пения жаворонков, пыхтения трактора и позвякивания тяпки о землю.

Мистер Янь объяснил мне, что я вижу перед собой. Слабо различимые формы под морем пшеницы когда-то были стенами, составлявшими квадрат периметра 3-4 километра. В XIII веке Хубилай, внук Чингиса, хан, своими победами осуществивший мечту Чингиса, построил здесь провинциальную штабквартиру, которая должна была соперничать с Гуянем, расположенным в двадцати километрах от этого места. Она была расширена и укреплена одним из тринадцати сыновей Хубилая, Мангалой, князем Анси (провинция Шанси), и сын Мангалы в 1297 году квартировался здесь с десятитысячным войском. Никакими сведениями о том, как выглядел в те времена этот город, мы не располагаем, потому что в 1306 году его стерло с лица земли землетрясение. Погибло пять тысяч человек, остальные разбежались, глинобитные здания рассыпались, и Кайчен стерло не только с лица земли, но и из человеческой памяти.

Сейчас китайские археологи готовятся предпринять самые крупные в провинции Нинся раскопки. Правительство выделило на проект 100 000 миллионов юаней (12,5 мил лиона долларов). Я поинтересовался, будут ли они просить международной помощи, и представил себе, как это место наводнится японскими,

американскими и европейскими учеными. Но в Китае достаточно своих специалистов. «Это китайские предки», — бросил мистер Янь таким тоном, словно монголы тут были ни при чем. Китайцы сами в грядущие десять лет разберутся с происхождением города, изучат сокровища, которые скрывает земля.

А такие сокровища там есть. Женщина хуэй перестала махать своей тлякой и ответила на мой вопрос. Нет, сама она не находила ничего, «но два года назад один старик нашел вазу».

— Где?

— А вот здесь, на этом поле помидоров.

Ваза не была единственной находкой. Другие крестьяне также находили множество осколков глазированной черепицы желтого цвета — императорского цвета. У мистера Яня в его музее в Гуяне есть такие, и, несомненно, еще больше можно найти в крепости Хубилая.

Теперь вернемся к сути дела. Зачем Хубилаю нужно было строить свой штаб в Кайчене, когда Гуянь всего в каких-то 20 километрах, там есть стены, постоянные дворы? Возможно, потому, что Кайчен в первую очередь был святым местом и выбрал его весной 1227 года сам Чингис. Для этого у Чингиса были веские причины: Кайчен находился на достаточном расстоянии от беспокойных жителей Гуяня, до спрятанных в горах Люпань войскам день пути, и расположен он был на открытой равнине, где может собраться огромная армия, здесь не будут мешать горожане, здания, узкие улочки. Здесь, позволю себе предположить, Чингис велел построить временный дворец, где монголы могли принять посольство Цзинь, которое направлялось к нему в поисках мира. А потом, по удачному совпадению, эта новая штабквартира с ее дворцами-юртами и военным гарнизоном пригодилась во второй раз, для встречи с императором Си Ся, когда тот приехал

вручить окончательную капитуляцию и встретить свою судьбу.

Весь этот маскарад должен был бы быть тщательно разыгран. Источники соглашаются на том, что очень быстро, одна за другой, произошло пять вещей:

- император Си Ся прибыл;
- он явился на аудиенцию с Чингисом;
- ему пожаловали новый титул;
- Чингис приказал убить его;
- сам Чингис умер.

Однако, по источникам, не получается определить с достаточной четкостью, в каком именно порядке эти вещи происходили, так что последующее повествование представляет собой всего лишь самый вероятный из возможных сценариев.

Сянь, император Си Ся, приезжает к юрте-дворцу в Кайчене, и ему предложены необычные условия аудиенции — в юрту он не войдет и должен будет находиться «за дверями». И во время аудиенции, пишет *«Тайная история»*, Чингису «стало плохо». Это очень странно, согласитесь, ведь вряд ли хан, создатель империи, которая к тому моменту уже прево ходит Римскую, пожелает обойтись с повергнутым врагом подобным образом, хотя бы потому, что это может вызвать у императора и его свиты подозрение. Можно сделать только один внятный вывод. Ни у Чингиса, ни у его окружения не было иного выхода, потому что Чингис просто был не в состоянии провести аудиенцию. Конечно, тангутскому императору все равно не жить, но важно было, чтобы он выказал покорность и преподнес дары, завершив таким образом ритуал официальной капитуляции, который означал передачу его царства Чингису. И еще важно, чтобы у тех, кто останется в живых, и у рядовых монголов запечатлелось в сознании, что Чингис по-прежнему держит в руках все бразды правления.

Ясно, что весь этот необычный спектакль — обреченный император со своей свитой и нагруженными повозками, окружающий антураж с военачальниками и членами семьи, огромный императорский дворец-юрта с задернутым дверным пологом — все это имеет смысл, только если мы допустим, что там, за пологом, Чингис настолько близок к смерти, что его нельзя видеть, — *или он уже мертв*. Такая возможность представляется мне наиболее вероятной. Чингис прожил только неделю после начала болезни. Императору Си Ся со свитой и нагруженным обозом потребовалось бы около двух недель, чтобы добраться до Кайчена, за 300 километров от своей столицы. Тем временем Чингис заболел, и его отвезли в Люпаньшань для лечения. Естественно, лечение могла прекратить только смерть. И только в полном уединении той долины удрученным приближенным удастся устроить все так, чтобы ни одна душа не узнала о его смерти, а потом незаметно перевезти «заболевшего» господина для спектакля с «аудиенцией» в Кайчен.

Ничего не понимающий Сянь передает свои подарки, главным из которых были золотые статуэтки Будды, и потом дары посыпались как из рога изобилия, все по девять экземпляров — девять цифра благоприятная — девять золотых чаш, девять серебряных, девять мальчиков, девять девочек, девять мерин, девять верблюдов и многое-многое еще, все по девять штук, и все подобранные по качеству и цвету.

Затем Тули провел церемонию казни. Лишение жизни правителей, как и убийство вообще всех благородных, требовало соблюдения ритуала, которого от века придерживались монголы. Не должно было пролиться крови. Жертве можно было сломать шею. Ее можно было повесить или задушить (что и было сделано в данном случае, если верить «*Тайной истории*»). Каким

бы способом это ни было сделано, это сделали в тайне, потому что не просочилось никаких подробностей казни, ни как или где умер император Си Ся, ни того, сколько человек убили вместе с ним.

Только много позже в более официальных китайских источниках упоминаются некоторые факты. Чингис, очевидно, умер, проболев неделю в год Свиньи (1227), на двенадцатый день седьмого лунного месяца, т. е. 25 августа. Но напрашивается некоторый скептицизм. Те китайские источники, которые представляются наиболее надежными, были написаны, в лучшем случае, не меньше чем через десять лет после завершения монгольского завоевания Цзинь, и не все другие источники соглашались с этой датой. И конечно, поскольку никому не известна дата его рождения, его возраст называют по-разному: от 62 до 72, — но более широко принятая цифра 65 лет. Это дает 1162 год как дату его рождения. *«Тайная история»*, наиболее осведомленный источник, к тому же источник, который просто должен был бы остановиться на таком важном событии, не сообщает совершенно ничего, ограничиваясь словами «он вознесся на Небо». Я вижу в этом доказательство того, что время и обстоятельства упокоения хана должны были остаться государственной тайной.

Тайна порождает слухи. Одна за другой появлялись истории о том, что Чингис умер, осаждая тот или другой город, или о том, что он дожил до капитуляции Сяня. И позже, через десятки, через сотни лет, поэты вспоминали смерть великого человека. Саган Мудрый собрал все эти истории в своей *«Драгоценной Хронике»*, *«Истории Восточных монголов и их царского дома»*. Несколькими десятилетиями ранее анонимный автор составил *«Золотой итог»*, в котором нашли отражение, в сущности, все те же события. И та и другая книга не более исторически достоверны, чем легенды о Дворе

короля Артура. Те немногие факты, которые лежат в их основе, теряются под наслоением постчингисовского фольклора, во многом буддийского.

В сочинении Сагана, например, царь Си Ся показывает свою силу, превращаясь утром в змею, в полдень в тигра и вечером в младенца. Чингис превосходит своего врага, становится птицей, львом и правителем Неба и хватает его. Но когда тангутского царя закололи люди Чингиса, он оказывается неуязвимым. «Вы не можете поразить меня обычным оружием. Но, — говорит он и тут же делает поразительно глупое признание, которое так характерно для волшебных сказок, — но вот в подошвах сапог у меня спрятано оружие, которым меня можно убить». С этими словами он вытаскивает меч и продолжает: «Теперь вы можете меня убить. Если из моего тела потечет молоко, это плохой знак для вас. Если брызнет кровь, это плохо для вашего потомства». И еще одна вещь — «если Чингис возьмет мою жену, то пусть хорошенько обыщет ее».

Чингис убивает его и забирает его жену Гурбелчин. Она красавица и всех ослепляет своей красотой. Но, говорит она, раньше была еще красивее, пока на нее не упала пыль от Чингисовых войск. Поэтому она плавает в Желтой реке, и тут к ней подлетает птица из дома ее отца и предсказывает ей, что она умрет утонув. Она выходит из воды снова такая же красивая, как раньше, до того как на нее пала пыль от монгольских войск. Перед сном ее, наверное, плохо обыскали, и ночью «она ранила его, отчего он стал слабым, и у него закружилась голова», а Гурбелчин, как ей и было предсказано, побежала к реке и утопилась. Хан и его сподвижники произносят достойные речи, после чего Чингис «возносится к своему отцу на Небо».

Существует много других версий. Вот одна из них, рассказанная Оуэну Латтимору, путешественнику и

выдающемуся монголоведу. Здесь самое время сказать несколько слов о легендарном Латтиморе, человеке несравненных познаний и опыта, пользующемся известностью среди монголов, которые дали ему прозвище Одноглазая стекляшка, потому что он носил монокль. Я встречался с ним пару раз, когда он выступал перед только что основанным Англо-монгольским обществом, сравнительно небольшой группой ученых, путешественников и студентов. Я боготворил его, так как знал, что его вынудили покинуть Соединенные Штаты, где он подвергался грязным преследованиям Джо Маккарти за то, что «отдал Китай» коммунистам. Встретиться с нами он приехал из Лидса, где он создал кафедру монгольских исследований. Монокля не помню. Это был небольшого роста энергичный человек, очень доброжелательный по отношению к молодым ученым, это самая большая поддержка, которую они могут получить. Вот что рассказал ему спутник-монгол Араш из Ордоса.

Где же Чингисхан? Он не умер. А произошло вот что. Чингисхану приснилась кровь на белом снегу, красная-красная на белом — белом. Он призвал своих мудрецов и спросил, что это значит. Они ответили, что это обозначает прекраснейшую из дев. Тогда он обратился к жителям завоеванных им стран и спросил их, где живет прекраснейшая из дев. Ему ответили: есть такая дева. Это дочь царя города Красной Стены в стране тангутов. Чингис послал гонца и попросил отдать ему эту деву. Царь города Красной Стены ответил гонцу: «Конечно, если великий Чингис просит мою дочь, я отдам ее». Но дочери сказал по секрету: «Вот тебе нож, он очень маленький и очень острый. Спрячь его в своей одежде, и, когда придет время, ты знаешь, что делать». Потом девушку привезли Чингису, и он возлег с ней, но когда он лег рядом с ним, она вынула нож и кастрировала его. Чингис закричал, когда почувствовал

боль, и вбежали люди, но он сказал им только: «Уберите эту девчонку, я хочу спать». Он заснул и никогда от этого сна не пробудился, но это было шестьсот или семьсот лет тому назад, и разве Святой Чингис не вылечил бы себя? Когда он вылечит себя, то проснется и спасет свой народ.

Из всей этой мешанины тибетской, китайской, буддийской и монгольской традиций просматривается только одна информация, а именно чудовищность утраты. По-видимому, время шло, но люди не хотели признавать, что их бог-царь мог умереть естественной смертью, и тогда появилась история о мести и трагическом происшествии, когда с их героем, как с Самсоном, сотворили великое зло, причем это сделала женщина и иностранка. Для монголов такого рода истории удовлетворяли психологическую потребность, которая все еще подспудно чувствуется, в объяснении того, как они могли утратить силу и власть. Эту легенду знают все монголы, и она все время приукрашивается, обрастает новыми подробностями о том, как злая царица сотворила с Чингисом нечто ужасное и потом бросилась в Желтую реку, которую монголы и по сей день называют Царицыной рекой.

Так погиб один из самых удивительных лидеров в истории. От многих других он отличался тем, что чем ближе подходишь к нему, тем больше им восхищаешься.

Для того чтобы понять его, можно, например, вспомнить, что ему пришлось пережить в юности. Кто он был такой — щепка в волнах океана трав, вошь на горном склоне, и он понял, что ключ к выживанию нужно искать в том, чего у него нет, — в силе и власти. В умении находить в себе силы, чтобы платить добром за добро, командовать, бороться и воевать, побеждать и управлять, вновь добиваться утраченного, а потом

создавать в этом неустойчивом мире такую уверенность в будущем, которой уже ничто не может угрожать.

Но все это рассуждения задним умом и современная психология. Его лечащий врач в Вечных Небесах мог бы сказать, что его целеустремленность объясняется обездоленным детством, но я сомневаюсь, что дух Чингиса согласился бы с этим, ибо это означало бы полное отрицание того, что, как он верил, лежало вне его самого. Его личность строилась на уверенности в том, что прийти к мировому господству ему предопределено свыше. Помощь ему нужна только в выборе средств, и это дают гадание по обожженной бараньей лопатке, буддийская астрология, уединенная молитва на горе, где к нему пришло прозрение, — он увидел то, что ему суждено совершить по воле Небес: он должен добиться невиданной власти, власти земной, сравнимой с властью небесной.

Власть, главное власть. Завоевать власть, удержать власть, расширить власть — вот его цель. Он не был первым и не был последним, привлекая соратников сочетанием харизмы и убежденности, способным пробуждать в других веру в то, что воля Хох Тенгер, Голубого Неба — Вечного Неба сравнима с его собственной. Поражаешься, как на протяжении 50 лет ему удавалось оставаться самим собой, не нарушать равновесия между развитием своей личности, меняющимися условиями и растущей властью, не позволять ни одной из этих переменных возобладать, никогда не поддаваясь сожалениям и не впадая в неистовую гордыню, никогда не выпуская из рук бразды правления, никогда не позволяя событиям вести его за собой. В истории человечества это было какое-то новое явление и, к счастью, уникальное. Назовем это Руководством Вечного Неба.

ДЕСЯТЬ ПРАВИЛ РУКОВОДСТВА ВЕЧНОГО НЕБА

1. Не забывать добра

В отношениях с людьми Чингис никогда не забывал проявленной к нему щедрости. Придя к власти, он сказал человеку, который укрыл его, когда он бежал из плена: «В своих снах во тьме ночи и в своем сердце в ясный день я вспоминал добро, которое ты сделал для меня». Часть его нравственного правила составляли почести, которыми он окружал доблестных и верных, каким бы ни был их статус. Узы верности выковываются не сразу, и хранить их нужно во что бы то ни стало (пусть даже пуская в ход шантаж — его телохранители, сыновья командиров, по существу, были заложниками). Но, утвердившись в доверии к человеку, он полагался на него полностью, передав, например, управление завоеванными территориями Северного Китая своему «наместнику» Мухали. В годы его правления собирались налоги для поддержки обедневших соратников. Это не имело ничего общего с предпосылками социализма или демократии и не было проявлением гуманности, напротив, в этом воплощались проявления самого заурядного трабализма, доведенный до логического конца основополагающий долг преуспевающего племенного вождя.

2. Будь воздержанным

Он оставался суровым кочевником, категорически не пользовался роскошью, ценил простоту. Про него говорили, что он снимет с себя одежду и отдаст монголу в нужде. Выросший в горах и степи, он оставался физически крепким всю свою жизнь, продолжал охотиться, когда ему было за шестьдесят.

3. Умей держать себя в руках

Особенно поражает его способность сдерживать гнев и выслушивать чужое мнение. Когда его дядя

перебежал в соперничающее племя, он в сердцах приказал убить его, но когда два его соратника, Бурчи и Мухали, вместе со сводным братом Шиги стали выговаривать ему — убить твоего дядю значит погасить твой огонь, он ведь единственная память о твоём отце, это просто недоразумение, он исправится и так далее и тому подобное, — он заплакал. «Ну ладно, пусть его», — сказал он и замолчал.

4. Ищи талант, где только возможно, и пользуйся им

При Чингисе скотоводы вырастали до генералов, враги становились его чиновниками. К служившим ему немонголам он был так же щедр, как к своим соплеменникам. Он восхищался талантом и вознаграждал его безо всякого предубеждения, при единственном условии сохранения верности. Одним из тех, кто вместе с Чингисом «пил мутную воду Балджуна», был купец-мусульманин Джафар, потом он стал послом и регентом в Северном Китае. На службе у Чингиса находились мусульмане, китайцы (Чу Цзай самый блестящий пример), христиане несторианского толка и буддисты.

5. Убивай врагов без сожаления

К тем, кто не был с ним связан или противостоял ему, Чингис был безжалостен. Убедившись в неверности даже родственника или бывшего друга, он становился жестоким палачом. Если он никогда не забывал добро, он никогда не прощал оскорбления, сопротивление оскорбляло не только его, но и Небо над ним. Умыкнувшие его жену Буртэ меркиты жестоко казнены. Тайчиуты, захватившие его, развеяны по ветру, как пепел костра. В отношении татар, убивших его отца, он повелел: «Мы должны искать мести за наших предков. Пусть все они будут перебиты!» Мечь — это ниспосланный Небом долг, и по мере усиления его власти усиливалось и возмездие — империи Цзинь, тем мусульманским владыкам и городам, которые

осмеливались сопротивляться, наконец тангутам Си Ся. Не могло быть и речи ни о каком великодушии, которое военные лидеры городских культур показывали своим противникам, исходя из общности традиций и вероятности превращения их в будущем в союзников. Для Чингиса противник, который не склонил голову сразу, оставался врагом, недостойным называться человеком, и подлежит уничтожению без раздумий. Естественно, те, кто попадал в эту категорию, судили о нем только с этой точки зрения, считая кровожадным варваром.

Арабский историк Рашид ад-Дин рисует эту особенность характера Чингиса, передавая следующую историю. Однажды Чингис ехал вместе с Борчу и другими товарищами и задал им вопрос. Что они считают величайшим счастьем для человека? Они немного поспорили и потом ответили, что самое большое счастье для человека — соколиная охота: резвый жеребец несется вперед, на запястье сокол, что может быть прекраснее? «Ошибаетесь, — ответил Чингис. — Величайшее счастье для человека — это гнать и побеждать врага, захватить все его богатства, оставить его замужних женщин рыдать и выть, скакать на его жеребце, пользоваться телами его женщин как подстилками, смотреть на их розовые груди, целовать их губы, сладкие, как ягоды». Знаменитые слова, потому что передают правду...

6. Будь против жестокости

...но только отчасти. Эти слова были написаны уже через 50 лет после смерти Чингиса и уже были приукрашены фольклором. И они также наводят на мысль о наслаждении страданием других. Но ведь никто не обвинял его в бессмысленной жестокости. Мухаммед, шах Хорезма, пытал свои жертвы, как поступал и его сын Джалал, но Чингис этого не делал. Больше того, в не скольких случаях он приказывал проявлять сдержанность.

Возможно, мы не находим ничего похожего на добродетели, подсказываемые христианским страданием, — терпимость, всепрощение, любовь к своему врагу, — но мы не найдем в нем и ничего похожего на инквизиторский садизм.

7. Приспосабливайся и не бойся новых способов управления

Чингис отличался гораздо большей тонкостью и проницательностью, чем подразумевается привычным образом обыкновенного варвара. Если о лидере судят по людям, которых он берет к себе на работу, то о Чингисе стоит судить высоко, ибо он оценил выгоды, которые приносит письменность и бюрократия, и требовал от нанимаемых им людей ведения документации и наставлял их в вопросах управления — что совершенно замечательно, если вспомнить, что мы говорим о неграмотном воине-скотоводе. Короче говоря, он набирался мудрости. С каждым подъемом на новую ступень власти — от клана к племени, нации, империи — он рос как государственный деятель. Этот процесс тем более удивительный, что он был первым из своего народа, который совершил такой прыжок, и что его единственными учителями были его враги.

8. Знай, что тебя поддерживают Небеса

И на каждом этапе он ни на минуту не сомневался в поддержке Неба, так как подъем на каждую новую ступень давал тому новое подтверждение. Во время войны с Хорезмом он послал своего эмиссара с письменным посланием, где ссылаясь на следующие слова, ниспосланные ему Небом: «Да знают это эмиры, и великие мира сего, и простые люди, что все лицо земли от восхода солнца до заката я отдал тебе». Это идеология с простой и не подлежащей оспариванию посылкой: все до единой страны по воле Неба подлежат управлению монголами еще до их завоевания.

Иностранным правителям остается только признать это, и все будет хорошо.

9. Заставь своих сподвижников и наследников поверить в это

Янь Луи Чу Цзай пришел к Чингису потому, что полагал, что он выполняет волю Небес. Успех послужил тому доказательством — завоевание Цзинь было делом, справиться с которым «не по плечу любой человеческой силе». Это освобождало Чу Цзая от его предшествующих обязательств. Гуюк, сын Угедэя и его преемник на ханском троне (1246–1248), писал папе Иннокентию Четвертому: «Вечное Небо убило и уничтожило те страны и народы, потому что они не присоединились ни к Чингисхану, ни к *кагану* (т. е. к хану ханов, самому Гуюку), которые были посланы распространить повеление Неба... Как может кто-нибудь захватывать или убивать по своей собственной воле вопреки повелению Неба?»

10. Уважай свободу вероисповедания

Почему Чингис стал избранником Неба, было для него загадкой, так же как загадкой оставалось, что за божество избрало его. Поскольку неясно, как понимать Небо и как толковать волю Неба, то уважать нужно всех, кто стремится постигнуть такое понимание (если это не противоречит правилам номер 8 и 9, тем, которые касаются божественной поддержки, если противоречит, то действует правило номер 5 — уничтожение).

От Александра Македонского до Сталина величайшие вожди и гнуснейшие диктаторы обладали некоторыми из этих черт. Имел ли кто-нибудь все из них? Возьмите несколько и посмотрите. Царство Иисуса было не на этой земле. Наполеон показал себя как блестящий полководец и политический руководитель, но ни о какой божественной поддержке он не говорил. Мухаммед был гениальным религиозным и военным

деятелем, но недолго просуществовавшая империя ислама была создана не столько им самим, сколько его наследниками. Ближе стоит Александр, но по жестокости его не сравнишь с Чингисом. Вероятно, не прошли даром лекции по этике, которые читал ему его учитель Аристотель, а может быть, он просто не успел, потому что не дожил до возраста Чингиса.

Руководство тангутов было обезглавлено, большинство их городов оказались в руках монголов, и тангуты пали легкой добычей победителей. Иньчуань разграбили, с царских гробниц посрывали изразцы, кости тангутских царей выбросили из могил, народ разбежался — воля Чингиса была скрупулезно исполнена. Сведений о масштабах разорения страны мизерно мало. «*Тайная история*» ограничивается скупой констатацией: «Так как тангутский народ не выполнил своих обещаний, Чингисхан наказал его во второй раз». Китайских источников практически нет, потому что ни монголы, ни позже ни одна из китайских династий нисколько не сожалели об исчезновении соперничавшей с ними империи. Тангуты почти начисто исчезли, а вместе с ними исчезли их письменные и материальные памятники, не считая нескольких изолированных друг от друга анклавов, которые в конечном итоге не смогли спасти письменность и язык. Несмотря на то что теперь, когда удалось расшифровать тунгутское письмо, вряд ли кому-нибудь повезет обнаружить рассказ о невероятной кровавой бойне, поскольку в живых не оставили никого, кто мог бы это описать.

А что стало с телом Чингиса? На этот вопрос так и не получено окончательного ответа, ибо нет могилы. Вместо ответа существуют две отдельные традиции, которые лежат в основе, соответственно, двух исключаящих друг друга притязаний, Китая и Монголии, и каждая из этих стран считает себя истинным наследником Чингиса. Традиция в Китае

исходит из того, где находились личные вещи Чингиса. Прямо противоположная монгольская традиция говорит о теле Чингиса, которое, как утверждают монголы, было перевезено через Гоби в монгольский коренной улус и там похоронено в тайной могиле.

Но ничего достоверного нет ни в одной из этих традиций. Был разгар лета. В августе тела разлагаются очень быстро. Какая бы секретность ни требовалась, возвращение следовало осуществить как можно быстрее. Кортёжу предстояло преодолеть 1600 километров, и повозке, двигающейся с необходимой осторожностью и осмотрительностью, понадобилось бы не меньше трех недель. Тело могли как-то сохранять с помощью трав, но монголы не знали мумификации. Путешествие должно было проходить с большой спешкой.

«Тайная история» молчит о похоронном кортёже или похоронах, перескакивая через прошедший после смерти Чингиса год прямо к Великому собранию на Керулене, где Угедэя утвердили наследником Чингиса. Невозможно поверить, что такое эмоциональное событие, как перевозка тела и похороны хана, могло пройти мимо составителей «Тайной истории». Единственным правдоподобным объяснением можно считать то, что все это было намеренно опущено, и единственное возможное объяснение такого табу сводится к двум вещам. Первое — это стремление сохранить в секрете то, что было до этого государственной тайной, а именно смерть и перевозку тела, и второе — скрыть от всех, кроме самого узкого круга приближенных, место захоронения.

Опять стратегия дала толчок разрастанию легенд. Вскоре, как это было со смертью Чингиса, фольклор принялся восполнять недостаток информации выдумками, и одна из таких выдумок утверждала, что якобы перевозка тела сопровождалась вселенской

бойней. Это было записано двумя историками: арабским писателем Рашид ад-Дином и Марко Поло. Рашид написал прямо: «Они убивали все живое, что встречалось по пути». Вот что написал Марко Поло в свойственной ему доверительной и убеждающей манере.

Позвольте мне рассказать вам одну странную вещь. Когда они везут тело любого императора для захоронения с его предками, конвой, сопровождающий тело, убивает каждого, с кем повстречается на дороге, и при этом возглашает: «Отправляйтесь и служите своему господину в ином мире!» Они делают это, искренне полагая, что все, кого они таким образом убивают, действительно будут обслуживать своего господина в ином мире. Так же они по ступают с лошадьми... И я вам скажу совершеннейшую правду, что, когда умер Мангоу Каан (Монкехан, внук Чингиса), было убито так, как я рассказывал, 20 000 человек, повстречавших тело на дороге.

Авторитет этих двух писателей и предрассудки их читателей сделали возможным, чтобы написанные с тех пор бесчисленные истории, как популярные, так и научные изыскания, воспринимали этот рассказ как Евангелие и не удосуживались делать комментарии. В какой-то степени это так похоже на правду, потому что последнее путешествие вождя-варвара, перебившего на своем веку столько сотен тысяч человек, просто не может не сопровождаться еще большими смертями. Среди авторов, принявших эту идею за чистую монету, Ральф Фокс, Лео де Хартог, Пол Рачинский и Мишель Родин, кое-кто из них даже добавил красок в эту картину. Продин писал в своей в высшей степени

художественной» *Монгольской империи*»: "Все живые существа, которым не повезло попасться на глаза этим всадникам, люди или звери, птицы или змеи, настигались и безжалостно убивались».

Я в это не верю. Этого не найти ни в одном монгольском или китайском источнике. Монах Вильям из Рубрука, который был при дворе Мухе в Каракоруме в 1253–1255 годах, ни словом не упоминает эту легенду. Нет этого и у Джувайни, пребывавшего в Каракоруме в то же самое время, что и монах Уильям. Захоронение сокровищ, убитых рабов и наложниц и т. д. — да, даже захоронение заживо, очень может быть. Но уничтожение всего живого по пути похоронного кортежа?

Обратимся для начала к тому, что положено в основу этой истории. И Рашид, и Поло писали об этом спустя 50, а то и больше лет после этого события. Рашид, хотя он и имел доступ к монгольским источникам, но по-монгольски не говорил, полагался на помощь своего хозяина Газана (он работал у него в 1295–1304 годах и отстоял от Чингиса на пять поколений), а также на помощь посла монгольского двора в Бейджине. Возможно, от кого-то из них он и услышал эту историю, которую излагает всего в десять слов (в переводе). И Марко Поло тоже отнюдь не связывал убийства в пути с кортежем Чингиса, у него есть слова «любого императора», он также не указывает прямо на Монхе (умершем за четырнадцать лет до приезда Поло в Китай, он не видел похорон). То, что он писал, — это слухи, разговоры, наверняка сдобренные желанием произвести впечатление на читателей.

Оправдать эти сомнительные действия можно разве что тем, что они осуществлялись в интересах сохранения в тайне смерть Чингиса. Но это тоже нелепо. Конечно, нужно бы что-то делать для

соблюдения тайны, но как могло убийство людей, не говоря уже о «всем живом», сохранить тайну. Подразумевалось ли, что речь идет о китайцах и тангутах? Очень может быть — они считались существами низшего сорта, и это еще как-то можно понять, если иметь в виду, что маршрут передвижения лежал через достаточно безлюдные места. Но что случилось в Монголии? Или мы должны предположить, что охрана убивала тех самых людей, о которых проявлял такую заботу их господин? В степи новости распространяются с завидной быстротой и каждый знает каждого. В ясную погоду отличный обзор на большое расстояние. Ничто не будет так заметно, как огромный кортеж, и ничто не может лучше оповестить всех, что кортеж что-то прячет, убивай или не убивай каждого встречного. Кто же, наслышанный о массовых убийствах, останется на пути следования, чтобы лишиться головы? Скажите мне, ради всего святого. Как охрана может гарантировать, что уничтожила всех свидетелей? А тела — разве можно их бросить в степи и не насторожить и напугать следующего встречного. Неужели императорский кортеж будет возить за собой трупы? Думаю, не будет.

Лучше всего сохранить тайну можно, двигаясь быстро, небольшой группой и не привлекая внимания к тому, что вы что-то прячете. И никакой гигантской четырехколесной телеги с установленной на ней юртой, которую тащат 22 вола (вспомните овраги в Цинь Шуэй и саму Желтую реку). Скорее всего, это могли быть двухколесные дроги, запряженные верблюдом, о чем вспоминает фольклор, собранный Саганом Мудрым в «Золотые итоги».

Маршрута кортежа, конечно, никто не знает. Он должен был пролегать через Цинь Шуэй в сторону Желтой реки. А потом куда?

В одном из описываемых Саганом происшествий просматривается намек на то, что фургон по оси увяз в грязи и монгольский военачальник взывает к своему святому господину, льву среди людей, рожденному по воле Вечного Неба, уговаривая его помочь, ведь все, что ему дорого, лежит впереди. Дворцы, царицы, дети, народ, придворные, подданные, вода, соратники, место, где он родился. Вон они, там, господин! И вдруг, о чудо, — ибо это поминальный плач, одна из самых эмоциональных монгольских поэм, квазибиблейская по стилю — Господь услышал и дал Свое благословение. Фургон дернулся и покатился, и люди возрадовались и пошли с телом хана дальше к великой земле предков.

Это произошло, если произошло, в горах Мона или Муна. Эти два горных хребта теперь называются Инь, они окаймляют великий изгиб Желтой реки к северу от Ордоса. На западе, между горами и пустыней, находится низина, где болота и плутающие речные рукава образуют что-то вроде дельты, именно в таком месте и мог застрять двухколесный фургон. Если это действительно случилось, то, значит, кортеж держал путь на восток, чтобы выйти на дорогу, по которой столько раз проходил Чингис. В походах на Цзинь восточный маршрут через регион, где каменистые равнины Гоби сменяются степями, сделался своего рода царской дорогой. Сегодня в одном месте ее пересекает железная дорога, которая тянется до Улан-Батора. И после границы проходит через Эрденет (по-китайски — Эрилиан) и Замын Ууд («Дверь Дороги»). Она продолжает оставаться главной дорогой, хотя замощена только с китайской стороны и на несколько километров по монгольской территории. В Замын Ууд кончается асфальтированное шоссе, и дальше через Гоби ведет грунтовая дорога. Трейлеры из Китая, перегруженные сверх всякой разумной меры, отрываются от длинной очереди в таможне и

черепашьям шагом, фырча и выпуская облака дыма, направляются через холмистые просторы Гоби к Улан-Батору, Иркутску, Алмате и еще дальше.

Похоронный кортеж, следующий этим маршрутом, не будет направляться в сторону Улан-Батора. Он мог бы, может быть, сделать крюк через Каракорум, превращавшийся в имперскую столицу. Скорее всего, сообразуясь с необходимостью соблюдать тайну, он пошел бы напрямик через каменистую пустыню и еще три дня двигался вперед, пока не вышел в степь, где пересек бы обмелевший Керулен до Авраги. Потом двинулся бы дальше по последнему отрезку пути на север по берегу Керулена, обогнул бы Худо Арал Ходо, и перед ним открылось бы сердце Хентей — леса и голые нагорья Бурхан Халдуна.

14 Империя раздвигает пределы

К моменту своей смерти чингис правил территорией, простиравшейся от берегов Тихого океана до Каспия, империей в два раза большей, чем Римская, обширнее, чем любое современное государство, за исключением России. И это было только половиной того, чем она станет к 1300 году, монголы удвоят завоевания Чингиса, прибавив к ним Китай, Корею, Тибет, Пакистан, Иран, большую часть Турции, Кавказ (Грузию, Армению, Азербайджан), большую часть населенной Руси, Украину и половину Польши. Они дойдут и дальше, будут вести войны в Европе, Египте и Японии. Монгольский воин, пробиравшийся с разведкой по венским лесам в 1241 году, теоретически мог пережить штормы, которые спасли Японию от монгольских судов в 1274 и 1278 годах, а возможно, даже слышал рассказы о разграблении Бирмы и высадке на Яве десятью годами позже.

28 миллионов квадратных километров, одна пятая суши земного шара. Если вспомнить о том, что никто в Евразии не знал о существовании Америки или Австралии и очень мало знал об Африке, то нетрудно представить себе, что в те времена могло казаться, что недалек день, когда весь мир будет под властью монголов, как было задумано Чингисом и предопределено Небом. То, что один человек, Хубилай, внук Чингиса, был номинальным господином такого колоссального владения, — один из удивительнейших фактов истории.

Возвышение и падение этой империи — предмет, на который потрачены многие жизни, и ему посвящено содержание целых библиотек. Прежде чем назваться монголоведом, приходится всерьез задуматься, потому

что знакомство с одними только первичными источниками потребует умения читать монгольские тексты, написанные кириллицей и вертикальным письмом, на китайском, арабском, персидском, корейском, японском, тибетском, грузинском языках, а так — же на латыни, на которой написано большинство сообщений европейцев. Так что этот обзор наследия Чингиса — на стоящий галоп по Европе, переходящий на рысь, когда возникает необходимость задержаться подробнее на двух противоположных оконечностях основанной им империи. Чингис разделил свои владения между сыновьями, по традиции отдав самую отдаленную от дома часть, за Аралом, старшему сыну Джучи. Ко времени, когда нужно было принимать наследство, Джучи уже умер, поэтому его владения поделили между двумя его сыновьями, Орда и Бату. Ценная Азия, от Аральского моря до Тибета, отошла к Джагатаю. Тули, младшему, достались пастбища отца, опять-таки, как требовала того традиция, — в данном случае речь шла почти обо всей Монголии. Угедэй, теперь каган, хан ханов, правил большей частью Северного Китая и только что завоеванного Си Ся, которое стало его личным владением, а также еще непокорной частью Цзинь, и, если улыбнется счастье, за ними последует и Южный Китай.

Как и предвидел Чингис, в Северном Китае, как только завершится его завоевание, главным будет организовать управление. Военные действия в том регионе были практически приостановлены в связи с походом на Хорезм, смертью великого полководца Мухали в 1223 году и смертью самого Чингиса в 1227-м. Многие из достигнутого было утрачено. Потерпев поражение в войне 1230-1231 годов, Угедэй последовал предсмертному совету отца и заключил мир с Сунь, вторгся с помощью младшего брата Тули и великого

полководца Субудая в Цзинь и осадил Кайфэн. Оставив осаду на Субудая, братья-ханы разбили лагерь в горах под Бейджином. Здесь при невыясненных обстоятельствах Тули умер, и Монголия перешла к Угедэю. В 1234 году Кайфэн пал, все мужчины — члены семейства Цзинь были умерщвлены, и в Северном Китае установилось верховенство монголов.

Как поступить с новым приобретением? Об этом монгольские лидеры продолжали спорить между собой с момента воцарения Угедэя. Страна была разорена точно таким же образом, как был разорен Хорезм, но в масштабах, которые сегодня кажутся просто невразумительными. По документам Цзинь, в начале XII века население страны составляло 40 миллионов человек, к 1234 году оно сократилось до 10 миллионов, когда монголы провели первую официальную перепись.

[8] Монгольские князья продавали жителей Цзинь в рабство целыми общинами; избежавшие пленения, дезертиры и беженцы переполняли храмы. Несколько членов нового двора в Каракоруме предложили простейшее для такого хаотического состояния страны решение — геноцид. Какая польза от крестьян? Их труд никому не нужен, у них ничего не отберешь, потому что они не имеют никаких ценностей, и к тому же от них можно ждать враждебных выступлений. Они стоят меньше коров и лошадей, давайте заменим их коровами и лошадьми. Самое лучшее — это всех перебить, сколько бы миллионов их ни было, землю обратим в пастбища. У 10 000 воинов уйдет не так много времени, чтобы перерезать по тысяче человек каждому. Так можно было бы очень быстро очистить всю страну.

Эти безумные рассуждения помешал превратить в действия Янь Луй Чу Цзай. Несколько лет он был ближайшим помощником зятя Чингиса в китайском отделе зачаточного секретариата хана и работал с

группой ученых, составивших проекты указов на монгольском, китайском и несколько позже на тангутском языках. Чу Цзай осуществлял дело своей жизни, суть которого состояла в том, чтобы помочь Небесам, остановившим свой выбор на данном правителе, преобразовать варварство и невежество в добродетель и мудрость. Мечта его была вместе и революционной, и утопической, сырым материалом для эксперимента — лежащий в руинах Северный Китай. Чу Цзай стремился применять конфуцианские правила успешного управления, одновременно поощряя буддизм для культивирования разума, но его конечной целью было создание общества, которое перерастет конфуцианство, приблизительно так же, как коммунисты предвидели общество, которое через социализм придет к коммунизму. Поначалу все у него складывалось удачно. Его сподвижники, выступавшие в роли писарей, переводчиков, эмиссаров, астрологов и сборщиков налогов, показали себя очень полезными в деле управления вновь завоеванными землями. Он оказывался очень вовремя и к месту в нескольких городах — Самарканде, Линчжоу, Кайфэне — и спасал там библиотеки, исторические ценности и ученых.

Он предложил Угедэю план. Очень хорошо представляя себе, что монголам китайская цивилизация не нужна, если не будет приносить материальной выгоды, он указал, что если крестьяне будут процветать, с них можно будет взимать налоги и таким образом развивать экономику. Для этого он наметил неслыханный в Китае, не говоря уже о Монголии, план восстановления и управления. Во-первых, гражданские власти должны быть отделены от военных, которым свойственна произвольная и своекорыстная жестокость. Цзинь следует разделить на десять районов, в каждом иметь налоговый аппарат, который облагал бы крестьян налогами и взимал с горожан подушный налог, налоги

должны уплачиваться шелком, серебром или зерном, все доходы от налогов идут в государственную казну. Даосское духовенство, разжиревшее и увеличившееся на пожалованном Чингисом персональном освобождении от уплаты налогов, обклады валось налогами на храмовые сборы и законами против дальнейшего присвоения буддийских храмов.

Монгольские военачальники резко возражали против таких нововведений. Но Чу Цзай, поддержанный Угедэем, стоял на своем твердо, и в 1231 году в бюджете были заложены доходы от его налогов в сумме 10 000 слитков серебра. Угедэй сделал его начальником китайского отдела секретариата, непосредственно подчиненным начальнику монголо-уйгурского отдела, тому самому Циньци, который сопровождал монаха Цянчуня к Чингису. Налоги требовали ведения учета, что было очень важным для наделения монгольской элиты землей. Отсюда перепись 1234-1236 годов, что упоминается в «Голубой книге», которая велась Шиги, сводным братом Чингиса, осуществлявшим и общий надзор за редактированием *«Тайной истории»*. Государственное управление требовало образованных людей. В 1233 году Чу Цзай вызволил из рабства десятки ученых и вообще людей благородного происхождения, среди них был прямой потомок Конфуция, которого поставили в качестве судьи в Шаньтуне, родном городе Конфуция. Он основал государственное издательство и школу для сыновей китайских и монгольских чиновников, чтобы создать следующее поколение ученых и чиновников. Для бывших чиновников Цзинь, отданных в рабство, он устроил квалификационные экзамены, установив наказание для рабовладельцев, которые будут саботировать это постановление. Четыре тысячи человек сдавали экзамены, тысячу приняли на службу, и они снова стали свободными.

Долгое время Чу Цзай не мог добиться осуществления своих реформ. К концу 1230-х годов Угедэй, печально прославившийся пьянством, оказался все больше неспособным управлять империей, и власть фактически перешла к его честолюбивой и пронырливой второй жене — Торгене. Антикитайская часть придворных была против незнакомых ей методов управления, которые предлагал Чу Цзай. Мусульманские торговцы обещали большой доход. Становясь ростовщиками, наживаясь на несчастных китайцах, которым давали деньги в рост под 100 процентов годовых, они затем отбирали собственность за неуплату долга. В 1239 году торговец Абд аль-Рахман был назначен главным сборщиком «сельского налога» во всех бывших территориях Цзинь, а на следующий год Чу Цзая совсем оттеснили от дел. Некоторое влияние при дворе он сохранил, оставаясь астрологом Угедэя. В декабре 1241 года серьезно занемогший император затеял большую охоту, пренебрегая предупреждением Чу Цзая не делать этого. После охоты он всю ночь пил, алкоголем его накачивал ставший ближайшим фаворитом Абд аль-Рахман. На рассвете Угедэй умер.

Чу Цзай скончался через два года, в возрасте 54 лет, говорили, от разбитого сердца, после 30 лет преданного служения неосуществимому идеалу. Но сделал он многое. Невозможно сказать, уничтожили бы монголы и в самом деле все население Северного Китая, но благодаря Чу Цзаю ответа на этот вопрос мы так и не узнаем. Если Чингис и сделал одну мудрую вещь, то это взяв на службу этого способного и идеалистически настроенного человека.

Чу Цзаю посмертно были оказаны достойные почести, его удостоили посмертных титулов и гробницу рядом с бейджинским озером Куньмин. Позже гробницу дважды переносили, последний раз в сады Летнего

дворца. Если идти по берегу озера Куньмин, где всегда множество лодок, пройдите мимо Зала нефритовых волн и поверните через арку в выкрашенной в красный цвет стене в маленький, затененный кипарисами дворик, здесь вы найдете Длиннобородого, изваянного в его полный двухметровый рост. Это статуя XV II I века, повторяющая ранний оригинал. Рядом с ним вы сечены строчки, принадлежащие императору Чэнь Луня, то же XVIII века: «Хотя мы родились в разных династиях, я уважаю его за честность перед своим императором. Я сам император, надеюсь, мои министры берут с него пример».

Тем временем Запад полностью покорен не был. В сущности, с потерей интереса у Чингиса и с его смертью старые завоевания были растеряны. Халиф по-прежнему правил Багдадом, а манящие призывы выйти в венгерские степи не находили отклика. Эти далекие венгерские степи определенно были монгольской судьбой, как Калифорния американской. Владение ими будет недолговечным, но продолжится ровно столько, сколько было необходимо для демонстрации честолюбия Чингиса в самой его чудовищной форме.

Принадлежавшая Джучи часть империи, север и юг, была поделена между его сыновьями Орда и Бату. В 1235 году, сразу после падения Цзинь, Угедэй устроил великий национальный съезд вождей в Каракоруме, новой столице, вставшей там, где когда-то в степях долины реки Орхон владычество валитюрки. По величине он был чуть больше деревни, занимая около двух квадратных километров площади. Но город был защищен стеной, внутри которой имелась вторая, огораживавшая дворец Угедэя — похожее на церковь здание. Потом в городе установили двенадцать небольших шаманских святынь, две мечети, христианскую церковь, много домов и море юрт. Но монголы не были сильны в архитектуре, в их творениях

всегда присутствовало что-то искусственное — Бразилиа или Канберра вместо Лондона и Парижа. Монах Уильям из Рубрука, который был к Каракоруме в 1254 году, презрительно отозвался об увиденном, сказав, что «монастырь Сен-Дени стоит в десять раз больше, чем этот дворец». Сегодня это главная туристская достопримечательность Монголии, но от древней столицы ничего не осталось, только огромная каменная черепаша, когда-то служившая основанием колонны. Камни Каракорума ушли в землю или по шли на постройку монастыря XVII века, что находится неподалеку.

Столица еще находилась в зачаточном состоянии, когда Угедэй собрался со своими военачальниками для обсуждения будущей стратегии, центральным вопросом которой было направление армий на завоевание русских степей и равнин Венгрии, а потом и малоизвестных, но богатых стран, которые лежат за ними.

В 1236 году армия в составе 150 000 человек под водительством великого Субудая и его господина Бату, сына Джучи, вышла в поход на запад, вновь проходя местами, которые были ей знакомы по Великому набегу, который она совершила десять лет назад. Известие об этом событии эхом Большого каньона летело впереди нее. Оно достигло Англии и Франции из совершенно невероятного источника. О помощи просили ассасины, шиитская секта ислама с центром в Персии и Сирии. Ассасины пользовались такой дурной славой, какую только можно было придумать. Рьяные потребители гашиша, который дал имя их секте, они были фундаменталистами своего времени и провозгласили терроризм (но не самоубийство) своим священным долгом в борьбе с любым мусульманином и, соответственно, любым христианином, который не пожелает признавать их. И вот именно от них, а не от

кого-либо другого в Париж и Лондон добрались гонцы с предложением мусульманско-христианской коалиции против нового и страшного врага. Длинных разговоров с ними не вели. Как выразился архиепископ Винчестерский: «Оставим этих собак пожирать друг друга».

Булгары, разбившие Субудая в первом столкновении, на этот раз дрогнули. Не устояли и половцы, отошедшие на запад, та же участь постигла и ряд русских городов. В конце 1237 года монголы форсировали Волгу. Русских князей ничему не научила битва при Калке, произошедшая за четырнадцать лет до этого. Густые леса, через которые не проползти даже змее, как сказано в одном источнике, их не спасли. Монголы прорубали в них дороги шириной, достаточной для того, чтобы могли двигаться по три повозки в ряд, и катили по ним свои осадные орудия. После одной из своих побед, какой не уточнено, они произвели подсчет убитым врагам, отрезая у мертвых правое ухо — урожай составил 270 000 ушей. Разъединенные города валились, как домино: Рязань, Москва, Суздаль, Владимир, Тверь. В начале 1238 года одна монгольская армия в двухстах километрах от Москвы нанесла поражение Великому князю Владимирскому, другая направилась к Новгороду.

Европа была вполне убедительно предупреждена о грядущей катастрофе. Венгерский монах Юлий в конце 1230-х годов побывал в лагере Бату в Южной России и привез письмо от Бату к папе с требованием о немедленной капитуляции: «Я знаю, вы богатый и могущественный царь... (но) для вас будет лучше, если вы покоритесь мне по собственной воле». В Англии хроникер Мэтью Парис из Сент-Албанса записал, что «отвратительные сатанинские исчадия, да будет всем известно, несметное количество татар... хлынуло, подобно дьяволам, выпущенным из ада или Тартара».

Чем, между прочим, отразил бытовавшее в Европе стойкое убеждение, что татары и Тартар (греческий ад) одно и то же. Наступление монголов на Новгород отозвалось даже на некоторых англичанах, а именно на тех, кто был связан с рыболовством в Норфолке. Каждую весну новгородские купцы отправлялись по своему отрезку «речной дороги», которая соединяла Балтику с Византией, и приплывали в Ярмут, чтобы купить североморскую сельдь. В 1238 году они остались дома охранять свой город, и сельдь должна была либо завалить ярмутскую набережную, либо распродаваться внутри страны за ничтожные деньги. Ни один европейский лидер не мог сказать, что ему неизвестно о сгущающихся черных тучах.

Однако весенняя распутица превратила земли вокруг Новгорода в болота, и монголы ушли на юг, на полтора года воцарились тишина и спокойствие. В 1240 году они вместо Новгорода двинулись на Киев, русскую столицу, колыбель славян, центр православия, где 400 церквей сгрудились вокруг великолепного собора Святой Софии. Русский летописец так передает это: «Как тучи, татары надвинулись на Киев, обложив город со всех сторон. Скрип их несметных телег, мычание верблюдов и коров — (верблюдов! Горожане, наверное, были поражены), — ржание лошадей и дикие боевые крики раздавались так громко, что в городе не слышно было, что говорили люди друг другу». Киев спалили, а князя бежали в Москву, которая с этого времени стала усиливаться, а Киев приходит в упадок.

Теперь, наконец, дорога в степи Украины была открыта, за ними Венгрия. На Западе эту угрозу, явную и реальную, просто не брали всерьез. Это же примитивные варвары, воют в странах, о которых ничего не знают, а Европа, земля рыцарей и каменных городов, будет защищать свой дом, так ведь? Совершенно не так, от шпионов и перебежчиков

монголы знали о том, что у них впереди, какая там местность, города, реки, расстояния, даже о том, какой раздор в стане их противников в Венгрии и соседней с ней Польше.

Для того чтобы обеспечить победу в Венгрии, нужно было прежде всего за зиму, когда замерзшие реки превратились в гладкие дороги, а равнины в бетонную твердь, нейтрализовать Польшу. В Северной Украине войско разделилось, одна армия ударила по Польше, другая пошла на Венгрию. В начале 1241 года были сожжены Люблин, Сандомир и Краков.

В Кракове, как говорили, наблюдатель на колокольне только что отстроенной церкви Святой Марии звонил в колокола, когда монгольская стрела пронзила ему горло. Сегодня каждый час с башни Святой Марии раздается записанный на пленку печальный призыв горна, прерывающийся на той же ноте, на которой, как утверждает легенда, погиб звонарь. Туристам говорят, что это подлинная история и что его смерть спасла город. История не подлинная, и город не спасли. В Вербное воскресенье 24 марта, согласно местной летописи, монголы подожгли город и «увели с собой несметное множество людей».

Они не останавливались до Одера, где граждане Вроцлава сами сожгли свой город и ушли на остров посреди реки. После такой быстрой и легкой победы монголы, не задерживаясь, прошли 40 километров до города Легнице. Здесь, наконец, на границах Священной Римской империи, в бой с ними вступила сотысячная армия (хотя все цифры крайне ненадежные) силезского герцога Генриха Благочестивого. Но его только что принявшая христианство пограничная страна не имела однородного населения. Там жили поляки, немцы и чехи, и даже географические названия были на разных языках (что сохранилось и поныне). Войско Генриха

представляло собой пеструю смесь местного дворянства, госпитальеров, тамплиеров, тевтонских рыцарей, озабоченных защитой своих владений на Балтике, собранных на скорую руку отрядов немецких и чешских поселенцев и имело в своем составе даже отряд силезских рудокопов. На подходе была чешская армия в составе 50 000 воинов, но ей было еще несколько дней ходу, и Генрих двинулся на юг на соединение с ней.

9 апреля 1241 года в 10 километрах от Легнице вместо чехов он наткнулся на монголов. Справедливости ради нужно сказать, что он не имел представления, с кем ему придется помериться силами. Он превосходил противника только численно. Во всех других отношениях: оружию, тактике, стратегии, моральном духе, безжалостности — монголы полностью превосходили западных рыцарей с их тяжеленными латами, неповоротливыми конями и пререкающимися между собой командирами. Монголы использовали свой старый трюк — подожгли камыши, чтобы создать дымовую завесу, словно в замешательстве заметались туда-сюда и сделали вид, будто спасаются бегством. Польская конница бросилась за ними в погоню, но вдруг всадники исчезли, а на поляков с флангов обрушилась туча стрел. Герцог Генрих по-прежнему вернулся назад, упал, заковылял в своем панцире, его схватили, сдернули латы, отрубили голову и потом на пике возили во круг стен осажденного Легнице, чтобы навести на жителей ужас. В письме магистра тамплиеров королю Карлу Девятому сообщалось, что только тамплиеры потеряли 500 человек. Погибло около 40 000. Король Венчеслав со своими 50 тысячами чехов, все еще находившийся от места сражения в дне пути, счел безопаснее свернуть в Карпаты, оставив всю Южную Польшу монголам.

Через два дня обезглавленное и обнаженное тело герцога Генриха было опознано его женой Ядвигой, она

узнала его, так как у него на левой ноге было шесть пальцев. Доказательство истинности этой подробности нашли спустя шестьсот лет. Тело Генриха вместе с телами нескольких других рыцарей перевезли во Вроцлав и похоронили в построенной им церкви, которая теперь называется церковью Святого Винсента. Когда в 1832 году могилу вскрыли, исследователи нашли скелет без головы и с шестью пальцами на левой ступне. (Странно, что на правой ступне было пять пальцев — полидактилия обычно проявляется парно.)

За месяц монголы прошли 650 километров, захватили четыре больших города и целую страну. Битва при Легнице прозвучала такой катастрофой, что оставила глубокий шрам в душе Восточной Европы. На том месте, где нашли Генриха, построена церковь, в XVIII веке она перешла к бенедиктинскому монастырю. Теперь ее используют с двойным назначением, еще и как музей битвы — в 1991 году ее отреставрировали к 750-летию этого события, и теперь она стала одним из популярных туристских объектов.

На юге своей судьбы ждала Венгрия. Страна пребывала в состоянии хаоса. Орды куманов (половцев), вытесненные из русских степей монголами, требовали права постоянного проживания в стране. Венгерские бароны, которые предпочитали умереть, но только не расстаться с тяжело доставшейся независимостью, были на ножах со своим королем Белой Четвертым. Тот благосклонно относился к просьбе куманов, видя в них свою потенциальную армию, и бароны ненавидели его. Монголы воспользовались моментом. Они разделили южную армию, стоявшую в Галиции, на три. Две колонны монгольского войска совершили обходный маневр через Карпаты и взяли венгров в клещи. Сам Субудай не торопясь продвигался по центру, так чтобы все три колонны одновременно соединились на Дунае. Их авангарду понадобилось всего три дня, что бы

пройти 280 километров по вражеской территории, к тому же засыпанной снегом. В начале апреля все три колонны замкнули кольцо на Дунае и были готовы напасть на венгерскую столицу Эстергом (по-немецки — Гран).

Бела наконец сумел собрать в Пеште, на восточном берегу Дуная (еще не соединенном с западным), армию. Как обычно, ему предложили сдаться, и он отказался (как ни странно, монгольским эмиссаром был говоривший по-венгерски англичанин, с которым мы скоро вновь встретимся). Бату и Субудай остановились. Перед ними была сильная армия, имеющая возможность получать подкрепление, при этом никаких вестей из Польши не поступало. Но Субудай был гениальным полководцем, и часть его гения заключалась в том, что он вступал в бой только тогда, когда не было сомнений в победе. Поэтому он отступил со всей армией на восток, шесть дней медленно отходя через степи и выманивая Белу с его выгодных позиций на Дунае и лишая его таким образом возможности получить помощь.

10 апреля монголы отошли через реку Саджо в сторону пологих, покрытых виноградниками склонов Токая, чуть выше слияния Саджо с Тиссой. Место было очень неплохим, чуть выше окружающей равнины и защищенное по фронту ручьем. Венгры расположились напротив, около деревни Мохи, и, не сомневаясь в своем численном превосходстве, построили подобие форта, окружив свой лагерь телегами.

Военачальники продумали план сражения. Бату сказал своим войскам, что нужно собрать все силы, бой предстоит упорный, потому что венгры «сбились в кучу и зажаты, как скот в загоне».^[9] Той же ночью Бату с Субудаем приняли решение.

Обращает на себя внимание, что прошел всего один день после разгрома поляков под Легнице. Было ли это совпадением? Думаю, что не было. Монголы не полагались на совпадения. Правильнее предположить, что каждая из двух армий была постоянно точно осведомлена о том, что в данный момент предпринимает другая. Обе армии, видимо, поддерживали почти ежедневную связь, будучи удалены друг от друга 450 километрами вражеской территории, причем 200 из них — расположенные в нынешней Словакии горы Татры, склоны которых еще не освободились от снежного покрова. Это вызывает мысль о службе нарочных, меняющих лошадей на постоянных станциях, расположенных на определенных местах вдоль линии связи между двумя самостоятельными армиями. Стоит только задуматься о том, с какими трудностями встречались те несколько десятков гонцов, которые каждый день скакали сломя голову из конца в конец этой линии, и это представляется просто невероятным. Но для монголов это было настолько обычным, рутинным занятием, делом настолько секретным, что ни один европейский источник не содержит упоминаний об этом.^[10] Субудай мог выбрать именно этот момент для выступления, только при условии, что депеша из Легнице, т. е. с расстояния 450 километров, могла быть доставлена к нему за 36 часов.

В таком случае Субудай знал, где его противник не получит подкреплений и где ему самому обеспечено столько, сколько ему понадобится. Практически, для него больше не существовало долгосрочного риска. Он приказал войскам повернуть назад, еще раз перейти на другой берег реки Санджо, захватить единственный мост. Для чего использовать катапульты и пороховые заряды — это был первый в Европе случай применения

этого мощного оружия. Монголы переправились через Санджо под прикрытием того, что во время Первой мировой войны назвали подвижным огневым валом, этот тактический прием состоит в артиллерийском обстреле позиций неприятеля непосредственно перед наступающими порядками собственных войск.

Десятью километрами ниже по течению Субудай лично возглавил вторую колонну, которая построила понтонный мост из бревен, это была рискованная операция, потому что ее в любой момент могли обнаружить венгерские разведчики. Но никаких разведчиков венгры не выслали. Все их внимание было приковано к страшному бою у моста. К 7 часам утра обе переправы были в руках монголов, и венгров отбросили в их лагерь, который с этой минуты превратился из серьезного средства обороны в элементарную ловушку. Все утро лагерь обстреливался стрелами, камнями и огнемета ми, и потери венгров были ужасающими. Монголы отошли, открыв соблазнительную брешь в своих боевых порядках, чтобы выманить оборонявшихся на попытку выбраться через нее из окружения. Так оно и получилось, и венгры из опасных противников сделали легкой добычей монголов — бежать по весенней распутице было трудно, они то и дело вязли в глубоких лужах и гибли, не оказав сопротивления. Некоторые нашли убежище в близлежащей церкви и все равно погибли, когда на них обрушилась пылающая крыша. Три архиепископа, четыре епископа и два архидьякона, светочи местного благочестия, умерли, уповая на то, что Бог дарует им победу над язычниками-варварами. Вместе с ними погибли простые венгры, немцы, даже французы — десятки тысяч — 65 тысяч, как в январе следующего года написал аббат из Мариенберга в Западной Венгрии.

Бела бежал на север, в горные леса, затем круглым путем добрался до Австрии, а оттуда стал через

Хорватию пробираться на юг, где нашел убежище на прибрежных островах. Его преследовал Кадан, один из героев Легнице, он-то и привел монголов к берегам Адриатического моря. Здесь он либо потерял след зверя или утратил к нему интерес и пошел на юг, в Албанию, но и оттуда снова резко повернул в сторону от моря. Бела спрятался на острове Крк-Веглиа, как называли его венецианские хозяева, и стал поджидать лучших времен.

Другая часть монгольского войска двинулась на запад, все разоряя и сжигая, насилуя и убивая всех и вся на своем пути, это была продуманная политика террора, подобная той, которую проводили монголы в мусульманских странах. Обоснование было совершенно аналогичным: эти христиане, как и мусульмане, осмелились оказать сопротивление, а потому обрекли себя на мечь Вечного Неба. В дунайском порту Пеште, взятом ими за три дня, они сожгли доминиканский монастырь и перебили 10 000 человек, искавших в нем убежища, а «тела взгромоздили огромной кучей у самой реки», чтобы запугать тех, кто был на противоположном берегу. Автором этих слов был Фома Сплитский, [\[11\]](#) основной источник сведений об этом вторжении. Некоторые монголы «нанизывали на копье младенцев и, закинув копье за спину, разъезжали по набережной».

Террор приносил свои плоды, как и демонстрация разумных действий. К лету 1242 года монголы организовали элементарное управление страной, даже отчеканили какое-то количество монет, стали поощрять крестьян засеивать поля и ухаживать за ними, но после сбора урожая те же самые крестьяне были перерезаны за ненадобностью. Там не было Чу Цзая посоветовать налогообложение, не было никого, кто бы оспорил монгольскую традиционную точку зрения, что

крестьяне будут только обузой для экономики и что большую пользу приносят лошади пастбища, захват которых был главной целью их политики с того самого момента, когда двадцать лет назад Чингис услышал про венгерские степи.

За пределами Венгрии, конечно, лежал другой мир, такой же богатый, как Китай. Бату нарядил отряды разведчиков в на бег на Австрию. Один из них проник в Венский лес, почти в виду города, и австрийские войска погнались за ним и перехватили где-то в районе Винер-Нейштадта, в 40 километрах к югу от Вены. Австрийцы взяли в плен восемь налетчиков, и один из монголов, к их изумлению, оказался англичанином.

Рассказ англичанина записал французский священник-раскольник, Иво из Нарбонны, который пребывал в Вене, дабы избежать заботы папских инквизиторов. Этот англичанин был тем самым, которого Бату посылал к Беле с предложением о мире в обмен на капитуляцию. Его рассказ казался фантастическим. Звали его почти наверняка Робертом, и он служил капелланом у Роберта Фитцуолтера, вождя баронского восстания против короля Джона 1215 года, которое завершилось подписанием Великой хартии вольностей. Изгнанный из Англии, Роберт бежал в Святую землю, пристрастился к азартным играм, потерял все и стал нищенствовать, но умудрился не опуститься, так как обладал даром напрашиваться на гостеприимство. Борясь за существование, он неожиданно обнаружил в себе дар полиглота. На этот дар Роберта обратил внимание один из купцов-мусульман, которых монголы использовали для сбора информации в 1220-х годах, во время похода Чингиса на Запад. Монголы нуждались в переводчиках. Они сделали Роберту, несмотря на то что он был разорившийся экс-священник, предложение, от казаться от которого было бы неразумно, и его повезли

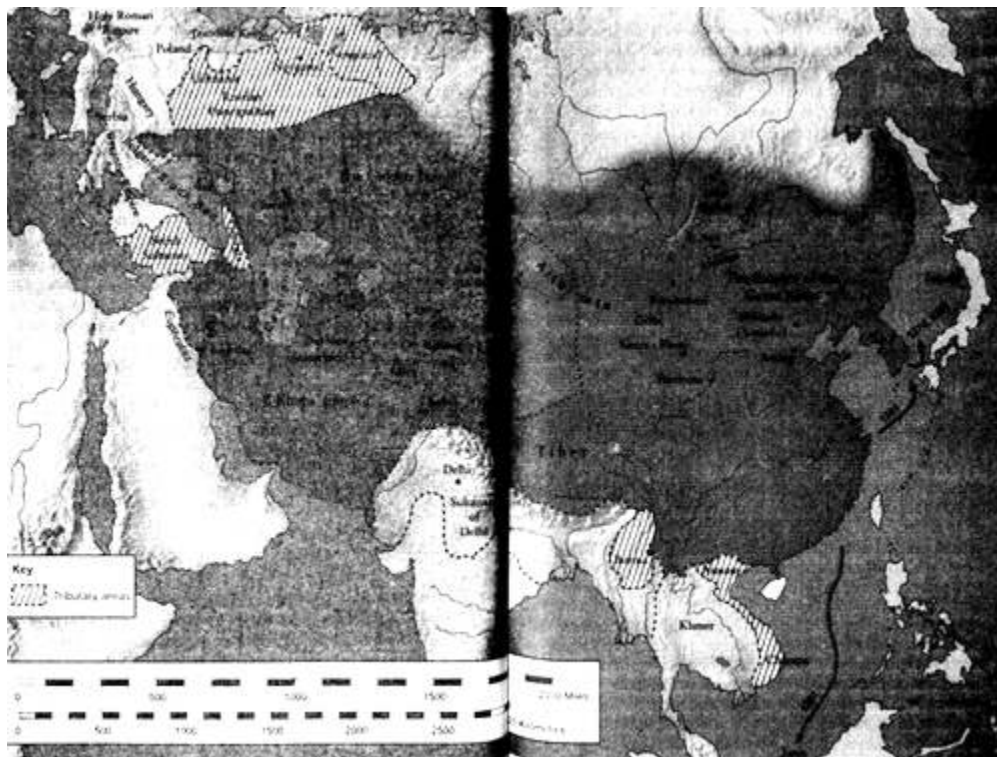
на восток по караванным дорогам, теперь благодаря монгольским войскам, ставшим безопасными, ко двору Бату на Волге, а может быть, и дальше. С той поры он почти двадцать лет верно служил своим ханам. А теперь готов рассказать все, только бы его не судили как предателя. На этот раз очарование и бойкий язык не помогли, и он нашел свой конец в безвестной могиле.

За каких-то четыре месяца монголы сокрушили силы Центральной Европы. Весь христианский мир содрогнулся. «Слушайте, острова и все люди христианского мира, при знающие крест нашего Господа, посыпьте себе голову пеплом, рыдайте и скорбите». С этими словами обратился ландграф Тюрингии к герцогу Бульонскому, убеждая его объединиться перед лицом общего врага. Но ни о каком единстве никто и слышать не хотел. Европа оказалась если не злейшим, то по крайней мере собственным врагом. Венецианцы, чьи купцы вступили в союзные отношения с монголами в Крыму, послать помощь отказались наотрез. Император Священной Римской империи Фридрих воспользовался падением Белы и вымогательски отобрал у него часть Западной Венгрии, когда Бела бежал через Австрию. Главным врагом папы были не монголы, а тот самый Фридрих. Запаниковавший император запросил помощи у Генриха Третьего Английского и разослал копии своей петиции во Францию, Испанию, Данию, Италию, Грецию, Ирландию, Шотландию и Норвегию. Никто не обратил на его обращение ни малейшего внимания, подумав, что в действительности он хочет, чтобы все объединились против папы. Предложения и папы Григория, и Фридриха о крестовом походе постепенно забылись. К тому же папа Григорий в 1241 году умер.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что Западная Европа или хотя бы ее большая часть стала бы жертвой монголов, если бы те продолжили

развивать свой ужасный успех в Венгрии и Польше. Однако вероятнее всего, что они и не стали бы пытаться сделать это. Их целью была Венгрия. Польша попала под копыта их коней не потому, что была нужна монголам, а потому, что монголам нужно было обезопасить свой фланг для вторжения в Венгрию. Единственной стратегической целью для развития вторжения было бы обеспечение безопасности также и со стороны германской границы. Конечно, кто может сказать, как повернулось бы колесо европейской политики, не поступи монголы иначе. Ни папа, ни любой западноевропейский монарх не смогли бы раболепствовать перед монголами, и одно это могло бы заставить всех собрать свои армии вместе, как это было во времена нашествия гуннов Аттилы.

Но случилось так, что к 1242 году Европа была в безопасности, даже не подозревая об этом. Угедэй умер в декабре предыдущего года. Для того чтобы эта новость дошла до Евро пы, требовалось не менее шести недель, но споры о преемнике задержали посылку сообщения, и Бату только в июне узнал о смерти дяди и об интригах, которые поставили под угрозу судьбу всей империи. Он внук Чингиса, правитель своей части империи, у него большая армия, и поэтому его присутствие в коренном улусе Монголии может оказать решающее влияние на ход событий. Несмотря на то что ему было необходимо укрепиться в своих новых владениях и, возможно, в преддверии нового вторжения в Западную Европу, он уходит оттуда. Тем же летом Бела вернулся со своего адриатического острова и увидел повсюду запустение, развалины, испепеленные города и разлагающиеся трупы, поедающее человеческое мясо население — и ни одного монгола.

Угроза просто растаяла в воздухе, оставив Европу потрясенной собственным необъяснимым спасением.

Десять лет после смерти Угедэя семейные склоки угрожали целям и амбициям Чингиса. Вдовы вздорили из-за наследства, внуки передрались между собой. Империю перестало трясти только в 1251 году при Монхе, сыне Тули, пользовавшегося деятельной поддержкой своих братьев Хулегу и Хубилая. Эти трое расширили империю до ее максимальных размеров. Хулегу разбил асассинов, захватил Багдад и дошел до Египта, где, наконец, монголы были отброшены, и тогда растаял, как дым, миф об их непобедимости. В 1260 году, после смерти Монхе, Хубилай начал завоевание Южного Китая.

Завоевание Китая стало поворотным пунктом в истории Монгольской империи, после него начался отход от ее исконных корней. Новый хан Хубилай был с Чингисом во время его последнего похода, но это не помешало ему перенести столицу из Каракорума в

Бейджин и завести порядки, со всем не похожие на те, которых придерживались его монгольские предшественники, хотя он и сохранил память о своей родной колыбели, построив в степях Внутренней Монголии летний дворец Шанду.

Когда в 1279 году весь Южный Китай лежал у ног монголов, Хубилай провозгласил основание новой династии Юань, посмертным основателем которой он объявил своего деда. Хубилай высился гигантом среди правителей и, безусловно, был самым могущественным человеком своего времени, но не всемогущим. Все его попытки захватить Японию кончались провалом, дважды штормы рассеивали его флот. Его власть над остальной частью его панъ-евразийской империей была номинальной, отдельные ее территории стремились вести собственную политику и постепенно превращались в независимые государства.

В Южной Руси Бату правил тем, что станет Золотой Ордой, от монгольского слова ордон, юрта-дворец (так с XVI века, когда это слово вошло в европейские языки, стали называть монгольские владения). Русские вспоминают два века правления Золотой Орды как «татарское иго». В сущности, это было не такое уж иго, скорее это походило на сосуществование, состояние, достигнутое, когда князь Новгородский Александр Невский решил воевать не с монголами, а с ливонцами, немцами и шведами. Скоро они стали бывшими монголами, приняли ислам, тесно сотрудничали с владыками Египта, обменивались послами, которые вели переписку на турецком языке, украшали свои депеши золотыми заставками и обращались к адресату изящным слогом. Предполагалось, что ханом мог стать только один из Золотой родни, потомок Чингиса, но прошло немного времени, и почти каждый претендент мог похвастаться, что происходит от него. Когда в XV веке Орда распалась на полдюжины отдельных ханств,

каждый из ханов претендовал на родство с Чинги сом. И когда возрождающаяся Россия при Екатерине Великой в 1783 году аннексировала Крым, его правитель все еще с безнадежной настойчивостью напоминал, что является Чингисидом.

В Персии монгольские правители «пили кровь из камня». Ильханы (ханы-вассалы), как они себя называли, продавали людей в рабство, беззастенчиво грабили, душили запредельными налогами, взимали земельный и подушный налоги, церковную десятину, обложили налогами все торговые сделки, даже проституцию. Помимо разграбления сельской местности с ее несчастными крестьянами, монголы умело обирали городскую торговлю и собирали достаточно богатств, чтобы кое-как удерживать власть, даже когда у них оборвались ниточки, связывавшие их с изначальными корнями. Праправнук Хулегу принял мусульманство, а неудачная попытка изгнать из Сирии египетских мамелюков в 1304 году провозгласила конец монгольской экспансии. Египет и все Средиземноморье навсегда остались для монголов недоступными. В 1307 году монгольское посольство посетило Англию для встречи с королем Эдуардом Вторым, но это была последняя попытка заявить о себе. Тридцатью годами поз же умер последний монгол-ильхан, не оставив после себя наследника. Монгольское владычество в этой части империи перестало существовать.

В Центральной Азии владычествовали наследники Джагатая, их владения постоянно бурлили религиозными раздорами и войнами, часто нередко затеваемыми близкими родственниками друг против друга. Здесь крепко держались кочевнических традиций, а вместе с ними жила и жажда завоеваний. Зажатые соперниками монголов с востока и запада, наследники Джагатая обратили взоры на Афганистан и Индию, совершили на них несколько набегов и таким

образом установили традицию, которая сохранилась и после того, как власть выпала из ослабевших монгольских рук и была подхвачена кровожадным тюрком Тамерланом.

В Китае Хубилай и его наследники делали то, что римляне делали для Северной Европы: строили дороги, каналы, налаживали торговлю, вводили эффективное налогообложение, учреждали почтовую службу, превзойти которую смогли только после изобретения телеграфа. Процветающая экономика держалась на бумажных деньгах. Из Юго-Восточной Азии привозили пряности, китайские шелка и фарфор заполняли склады на берегу Персидского залива. Короче говоря, монголы укрепляли все преимущества объединения страны в крупных масштабах, чего всегда добивались китайские правители, и пользовались всеми благами, которые следовали из этих преимуществ. Делалось это при полном забвении монгольских корней. Янь Лунь Чу Цзай был бы доволен.

На протяжении 150 лет после смерти Чингиса его разбросанные по империи потомки соединяли Восток и Запад, участвуя в обмене товарами, дипломатами и экспертами. В 1280-х годах китайский монах-историк Раббан бар Саума посетил папу и встречался с королем Англии в Гаскони. В ответ папа направил несколько своих послов-монахов в Монголию и Китай. Китайские архитекторы руководили ирригационными проектами в Ираке. Китайские общины были в Новгороде и Москве, китайские торговцы в Камбодже. Использование бумаги для изготовления книг и денег распространилось на запад, сначала в Самарканд, а оттуда в Европу, где это изобретение подхватили, развили, и оно легло в основу изобретения книгопечатания.^[12]

Но монголов никогда не любили. Они давно уже не были кочевниками, но подлинными китайцами не стали. Новые властелины презирали и боялись своих подданных, запрещали им владеть оружием, не допускали в государственный аппарат. Марко Поло был губернатором города, министра финансов пригласили из Ташкента, Юнанию правил мусульманин с сыном. Монгольская власть держалась на силе, а сила имеет тенденцию ослабевать. Многие монгольские вожди перенимали придворные привычки, становились льстецами, начинали пресмыкаться перед вышестоящими, брали взятки, забыли про простоту и аскетизм основателя их нации. Другие же помнили, и это порождало взаимное недоверие и подозрительность. Ненависть с одной стороны и разложение на другой не могли не вести к попыткам положить этому конец, и появлялись мятежные головы, одной из которых удалось добиться своей цели. В 1368 году бывший монах Чжу Юаньчжан сбросил с трона последнего монгольского императора Тогхона Темура, и тот удалился назад в монгольские степи.

О Золотом веке остались воспоминания, сохранилась память о громкой славе, о живших в те дни гигантах. И волшебство не умирало, распространяясь по Евразии и через столетия. Каждый правитель хотел иметь горстку золотой пыли Чингиса. Еще долго после русской победы над Золотой Ордой в 1480 году, вплоть до XIX века, члены Золотого Родства продолжали пользоваться высоким статусом. Ужасный Тамерлан, Темурленг, тиран из Узбекистана, утверждал, что он Чингисид, кем он не был (потомком Чингиса была его жена).

Вот почему потомок Тамерлана Бабур назвал себя Моголом, когда в начале XVI века захватил власть в Индии и основал династию, прекратившуюся только в 1857 году с лишением англичанами власти последнего

Могола. Звали его, между прочим, Бахадур, отдаленное эхо монгольского баатар, герой, вторая часть названия монгольской столицы Улан-Батор (Красный Герой), и эпитет, которым наградили отца Чингиса. Даже сегодня мы помним, что в свое время «моголом» называли богатого индийца, затем богатого англо-индийца, а теперь газетного магната. Для этимолога Руперт Мердок это Чингисхан таблоидов.

Итак, несмотря на медленное, но верное, естественно идущее забвение прошлого, облачка дыма, витающие в воздухе после великого взрыва, сохранили свидетельства своего происхождения. Для русских «татарское иго» остается самым ужасным периодом в их истории, они обвиняют монголов во многих бедах, включая отрицательные черты национального характера — *поскреби русского, и найдешь татарина*. Западная Европа с облегчением выдохнула: «Уф!» — и вернулась к прерванным делам. Вся Европа, но не Венгрия, где недолгое, но страшное вторжение напомнило народу, в совсем недавнем прошлом кочевому, о преимуществах оседлого образа жизни. Венгерские дети узнают в школе, что битва при Мохач была определяющим моментом в их истории, факт, который наконец вспомнили и увековечили мемориалом, построенным в 1992 году к 750-летию битвы. Этот холм высотой 10 метров, с торчащими во все стороны крестами, подобен огромному телу с воткнутыми в него мечами. Скоро мемориал станет привлекать внимание водители автомобилей на строящемся сейчас отрезке скоростной дороги через Великую равнину.

Часть IV Воскрешение

15 Создание полубога

К востоку от Иньчуаня и Желтой реки мы въехали в Ордос и очутились в мертвом царстве заводов и голубых грузовиков, окутанных облаками химических выбросов, беспорядочно го нагромождения скал и жесткой травы. Мы с Джоригтом были в надежных руках. Наш водитель был мускулист, как борец, с шеей толщиной с анаконду и зловещий вид, который он производил, дополнялся щегольскими шортами и теплыми ковравыми тапочками. Особенно обнадеживающе выглядели ковравые тапочки. Они никак не сгодились бы, сломайся мы в облаке токсичных газов или посреди выжженной степи в сердце Ордоса, где не увидишь живой души. У нас не оставалось никаких сомнений относительно уверенности шофера Чога в собственном мастерстве и надежности его машины. Для этого были веские причины. Да же когда дорога исчезала и мы начинали крутиться между набитыми углем трейлерами, надвигавшимися на нас сквозь поднятую ими же тучу пыли, и объезжать похожий на мертвого диплодока труп чудовища с вывернутыми наружу и рассыпавшимися по пустыне перегруженными внутренностями, даже тогда я ни секунды не сомневался, что водитель Чог с его ковравыми тапочками и шеей-анакондой пробьется. Мы направлялись в район, где, по некоторым легендам, *действительно* был похоронен Чингисхан. Или мог бы быть похоронен, что зависело от того, с кем ты разговариваешь, причем никто не мог сказать, где точно. Так или иначе, забудьте в этой главе о горах Монголии. Сейчас мы имеем дело с совершенно иной традицией, которая берет за исходную точку легенду о

том, как «повозка духа» Чингиса застряла в грязи. По одной версии, сопровождавшие ее вспомнили другой случай, когда Чингису когда-то очень понравилось это самое место, и он сказал, что «пожилой человек может мечтать о таком месте упокоения». Возможно, именно потому и застряла повозка, ведь он сам выбрал это место для своей могилы. Эта мысль пустила корни и породила новые версии в новых декорациях, и все они рисовали романтический портрет человека, пораженного красотой луга, на котором только и гулять золотому оленю, гнездиться удодам и престарелым находить для себя вечный покой.

А вот другая версия той же темы, объясняющая, почему никому не известно точно, где находится место захоронения.

Как-то раз Повелитель пришел на прекрасное пастбище в районе Ордоса, к югу от великого изгиба Желтой реки. Оно было настолько красивым, что он промолвил: «Вот где я хочу быть похоронен, когда умру». Так оно было. И те, кто похоронили его там, не хотели, чтобы его останки тревожили. Но вместе с тем они хотели запомнить это место. Как они это сделали? Они знали, что у верблюдихи отличная память. Они нашли верблюдиху с верблюжонком, которого она кормила молоком. Они убили верблюжонка и закопали рядом с могилой Повелителя. И потом каждую весну они выпускали мать-верблюдиху, и она возвращалась к месту, где был закопан ее детеныш. Так было каждый год, пока верблюдиха не состарилась и не умерла, и тогда уже никто не мог знать, где похоронен Повелитель.

Но высокий Ордос — это иссеченное оврагами и покрытое редкими скудными лугами плато. Неужели монголы мог ли считать его таким красивым?

— Условия меняются, — сказал Джоригт. — Когда вы сего дня едете автобусом из Хух-Хота к монгольской

границе, то вокруг один песок. А ведь десять лет назад тут было очень хорошо, — продолжал он, показав на серый пейзаж. — Кроме того, это же высокий Ордос. Никто не говорит, что его похоронили здесь.

Благодаря водителю Чогу мы смогли отметить свое спасение бульоном из бараньих ножек, сидя в цементном подобии гээра, отдаленно напоминавшем о временах, когда все вокруг было монгольским, пока сюда не пришли китайские поселенцы. Мы спустились из полупустыни к Дуншэну, столице Ордоса, и направились на юг через саванну, поросшую одинокими деревьями и лугами. Через час мы увидели стену, огораживавшую ельник, сквозь деревья виднелись красно — голубые купола с небольшими колоннами наверху, напоминавшими соски необычных татуированных грудей. Дорога проходила через небольшой городок, по выезде из которого мы свернули налево и, миновав ворота, оказались в гигантском дворе с рядами одноэтажных строений по сторонам. Длинный лестничный пролет вел через тройную арку на вершину холма, где возвышались разноцветные купола.

Мы приехали к Мавзолею Чингисхана, Эдсен Хоро, как он называется по-монгольски — Двору Господина, где Чингис претерпел последнюю и самую необычную часть своей метаморфозы из вождя варваров в божество. Это история эволюции религиозной секты от исторических корней через легенду к ритуалу, который в свою очередь дал жизнь новым легендам и одновременно создал самодостаточное целое — с общиной, храмом, обрядами, системой верований, т. е. начиная подавать признаки зарождения универсальной теологии. Это поразительный пример того, как из старой религии может возникнуть, и разрастаться, и процветать новая.

Несмотря на то что Чингис тайно похоронен в горах Монголии и никто не знает места его упокоения, он

должен почитаться, принадлежавшие ему вещи должны свято храниться, и нужно сделать так, чтобы ему продолжали поклоняться. На Западе и в Китае поблизости стоял бы храм, но в начале XIII века монголы едва ли построили что-нибудь, кроме Авраги. Новую имперскую столицу Каракорум только еще начали строить. Его наследник Угедэй нашел оригинальное и приемлемое для кочевников решение. Он повелел построить, по словам Сагана Цецена, написанным в XVII веке, «восемь белых юрт для почитания». Для охраны юрт несколько монгольских семей были освобождены от всех других повинностей, с тем чтобы их члены на вечные времена оставались хранителями вещей Господина — его лука, седла, одежды, его штандартов с хвостом яка — и наблюдали за выполнением обрядов его почитания. Таким образом Чингис будет смотреть за своим народом века вечные.

Поначалу главным объектом поклонения было, конечно, возможное место погребения на Бурхан Халдуне. Периметр Запретной ограды, как называли это место, хорошо охраняли и не скупились на приношения и исполнение ритуалов. Но потом этим стали временами пренебрегать, секретное место в центре ограды зарастало травой и кустами. Его затапывали без зазрения совести. Спустя 70 или больше лет один из потомков Чингиса подумал, что нужно иметь, если не в самом этом месте, то в его районе, что-то памятное, об этом рассказывает Рашид ад-Дин, передавая события, происшедшие после смерти Хубилая в 1294 году.

На собрании, где решалось, кто из двух внуков Хубилая станет преемником, Камала или Темур (поскольку Чэньчин, официально объявленный наследником сын Хубилая, умер за десять лет до этого). Начались споры. Одна из жен Хубилая предложила такое решение: Хубилай говорил, что пусть станет править тот, кто лучше знает высказывания Чингиса.

Согласились, что нужно устроить соревнование. Темур был младше, у него был хорошо подвешен язык, он хорошо декламировал, и Темур прекрасно выполнил задание, а Камала был заикой и не шел ни в какое сравнение с ним. Все закричали: «Темур знает лучше!.. Он, именно он достоин короны и трона!» Посему и порешили.

Потерпевшего поражение Камала (1267-1302) щедро вознаградили, ему передали под команду ордосы Чингиса, его дворцы-юрты, другими словами, его собственные владения. Рашид пишет, что эти владения включали «великий Хориг (Запретную ограду) Чингисхана, которую они называли Бурхан Халдун и где все еще находятся великие ордосы Чингисхана. Эти последние охраняет Камала. Всего есть девять ордосов^[13] — четыре больших и пять других, и никого туда не пускают. Там сделаны их (семьи) портреты и постоянно жгут благовония. Камала также построил там для себя храм».

В какой-то момент, возможно после беспорядков, последовавших за крушением Юаньской династии, центр поклонения переместился на юг. Может быть, здесь всегда был двойной центр, с отдельным храмом в Шанду, летней резиденции Хубилая. А может быть, хранители памяти Чингиса постоянно перемещались между этими двумя местами, а может быть, и другими, возя с собой юрты и реликвии. Во всяком случае, главной святыней стало не какое-то одно место, а сами юрты.

Эти юрты формой отличались от обычных гээров, у них была крыша, поддерживавшаяся шестом, который высывался сверху как небольшой шпиль — «гээр с шеей» называли такую юрту монголы. Во время богослужений главную юрту, где хранились реликвии Чингиса, покрывали желтой материей, делая ее

«золотым дворцом». После крушения Юаньской династии в 1368 году юрты последовали за монголами, ушедшими из Китая обратно в степи своих предков, юрты сопровождалась их хранителями. Конечно, Чингису поклонялись и в других святилищах, вроде Имперского храма предков в Бейджине, возведение которого завершилось в 1266 году, и в храме Камала на самом Бурхан Халдуне, а так же в трех других святилищах в разных местах Монгольской империи. Но Белые юрты были сердцем того, что скоро стало культом, превратившим Чингиса из героя и утраченного вождя в божество.

Тела никто не видел, сведения о могиле хранятся в тайне, святиня в виде передвижных юрт — все это говорило о том, что с самого начала дело было нечистым. Вскоре, наверное, потому, что главным центром поклонения сделались Белые юрты, и потому, что храм Камала забросили, стали рассказывать, что Чингис вовсе не на Бурхан Халдуне, что его туда вообще не привозили. Поскольку название ордосов, золотых дворцов-юрт, перенеслось на весь район к югу от Желтой реки, возникли легенды, что на самом деле его похоронили именно там, в Ордосе.

Шли годы. Белые юрты переезжали с места на место, как передвижное святилище, пересекая Гоби туда и сюда, к горам Алтая на западе, к восточным степям и к полупустыням *Ордоса*, пока часть из них не обосновалась на одном месте, превратившись в храмы для особых ритуалов. Это было на восточном краю *Ордоса*, в местности, богатой водой, прекрасными лугами, где олени грызли зеленые листья на разбросанных тут и там деревьях. Тогда потомки тех, кого назначили хранить Белые юрты, стали придумывать истории и менять названия, пока через несколько поколений им не стало казаться, будто и в самом деле в этих местах застряла повозка с телом Чингиса, и будто Чингис

именно здесь хотел быть похоронен, — будто он похоронен здесь, хотя никто не знает точного места. Поверья и ритуалы стали украшаться деталями традиционных тибетских и китайских культов. Когда оставшиеся Белые юрты, теперь уже признано, в общем количестве восемь, окончательно остановились в одном месте — это произошло в пятнадцатом столетии, — это место назвали нынешним именем Эдсен Хоро, Ограда Господина.

К этому времени, как можно почерпнуть из рассказов очевидцев XIX века, каждая из юрт, весьма возможно, имела свое особое назначение. Одна была для Чингиса и его первой жены Буртэ, в ней стоял черный стол, служивший алтарем, ларец и различные предметы — подставка для масляной лампы, маленький горшочек с драгоценными камнями и зерном, символизирующими богатство, зеркало для наблюдения за Монголией, разноцветные ленты, означающие регионы и народы империи, древко стрелы, составленное из тринадцати частей (Чингис принадлежал к тринадцатому поколению своей семьи и стал героем в тринадцать лет). Другая юрта была для его второй жены, третья для священной белой лошади, воплощение которой выбирали каждый год и привязывали к «Золотой колоде (коновязи)» во время главной церемонии поклонения. Номер четыре, что очень странно, предназначалась для Гурбелчин, царевны, которая, по одной версии легенды, порезала Чингиса и бросилась в Желтую реку, а по другой — они любили друг друга, и она утопилась с горя. Пятая юрта отводилась для ведра с кобыльим молоком, сделанного из сандала, копии подлинного ведра, куда Чингис собирал молоко 99 божественных кобыл пред выходом в поход. Юрты шестая, седьмая, восьмая хранили его лук, седло, золотые, серебряные вещи и драгоценные камни.

За храмом и ритуалами наблюдал и наблюдает особый клан, который называют Черными шапками. Члены клана утверждают, что происходят от 500 семей, которые после смерти Чингиса были назначены хранителями Белых юрт. Это утверждение скорее фольклор, чем история, наряду с другими, например о том, что эти семьи — потомки Чингисовых полководцев, иногда говорят — двух, иногда — девяти. Один из этих Черных шапок, Суриху, рассказывал Риху Су, автору великолепной монографии «Мавзолей Чингисхана и племя его хранителей»:

Когда Чингисхан готовился уже перейти в мир иной, наш предок, Борчу, стоял у его изголовья. Он очень печалился и рыдал: «Что будет, когда умрет Великий хан? Что будет с моими потомками?» Наконец Чингис сказал: «После моей смерти твои потомки будут жить со мной, поколение за поколением». Вот так это дело было поручено Борчу. Когда Чингисхан умер, мы, потомки Борчу, стали заниматься приношениями и охранять Мавзолей. И эти обязанности продолжают без перерыва. Я тридцать девятое поколение семьи Борчу.

Какова бы ни была правда о Черных шапках, но они стали элитой, их освободили от налогов и военной повинности, разрешили получать деньги со всех монгольских земель, что они и делали, соединяя эмоциональный шантаж с чистосердечием, как это делали продавцы индульгенций и отпущения грехов в средневековом христианстве. Так продолжалось на протяжении 700 лет.

Столетиями эти функционеры, согласно закону, что бюрократические группы всегда имеют тенденцию к усложнению, делились на подгруппы и вырабатывали для каждой новой подгруппы специфические обязанности, столь же мистические и тривиальные и столь же ревностно хранимые и защищаемые, как у средневековых гильдий или профсоюзов красильщиков,

с той разницей, что у хранителей Белых юрт они были древнее и намного священнее. Это были, конечно, одни мужчины, и все обязанности переходили по наследству от отца к старшему сыну. Что-либо подобное трудно себе представить. Ну, к примеру, попробуйте представить себе старую семью наследственных типографских наборщиков, которая может проследить свою генеалогию за несколько столетий и которая к тому же проникнута до мозга костей мыслью, что члены семьи занимаются этим делом только потому, что выполняют долг, возложенный на них богом-царем-предком.

Есть две линии поколений, которые пошли от двух Чингисовых полководцев, Борчу и Мухали (лучше не вникать в подробности, как эти утверждения соотносятся с девятью полководцами и 500 семьями). В соответствии с этим объяснением потомки Борчу были среди тех, кто отвечал за Мавзолей и проводимые в нем церемонии. Вторая группа — потомки Мухали, и в их обязанности входило хранить военные штандарты — пики с косматыми хвостами яков, прикрепленными под самым наконечником, и вести церемонии в их честь. В обеих группах наблюдалось разделение труда между более мелкими подгруппами, а также индивидами, отвечавшими за мельчайшие детали ритуала — содержание в порядке колокольчика с конской сбруи, строгий этикет, чтение молитв, чтение указов, раскладывание приношений, руководство церемониями со спиртным, варка баранов, ношение фонарей, закалывание лошадей и назначение смены караула. С XVI века оригинальные шаманские ритуалы уступали место буддийским. Чингис стал воплощением бодисатвы (или «Будущего Будды») Ваджрапани, Носителя грома, который в тибетской мифологии борется с демонами, защищая буддизм. Ритуалы разбивались на серию в 30 ежегодных церемоний с

четырьмя великими праздниками, самый великий из них — каждую весну. Каждый ритуал состоял из пения, молитв и инкарнаций, многие начинались словами, которые, измените только имена, могут читаться христианскими священнослужителями:

Небороденный Чингисхан,
Роденный волей священного неба,
Тело Твое небесного имени и ранга,
Ты, взявший на себя верховенство над народами
мира...

Власть, собственность, действия, внешность, жены, дети, кони, пастбища — все призывается в поддержку благословения Господня для преодоления препятствий низвержения, демонов, изгнания болезней, ошибок и раздоров.

Возьмем одну из многих церемоний. Она проводится раз в год перед главным ово, священной кучей камней на самой высшей точке холма. Ее проводят в память Золотой Колоды, к которой Чингис привязывал своего коня, коня белоснежного, такого, каким дозволяют сегодня бродить по храму. Говорят, что однажды вор увел такую лошадь и в наказание простоял всю ночь с вросшими в землю ногами в качестве «Золотой Колоды» с привязанной к нему лошастью. После этого обязанностью одного определенного человека стало представлять одну ночь эту «Золотую Колоду». Приходят люди и кидают в него монетами. Потом из храма приносят молоко и 99 раз окропят им землю, пользуясь особой ложкой с дырками. Священник смотрит, какой рисунок получается на земле — его называют «Цветком Богов», и по нему предсказывает, будут ли хорошими пастбища и здоровым ли будет скот. Затем после церемонии человека освобождают, он

отдает лошадь, быстро собирает монеты и убегает, а люди в знак ритуального осуждения кричат ему вслед: «Держи вора!» Часть этой церемонии уходит корнями в традицию, описанную Марко Поло во времена Хубилая:

Вы должны знать, что Каан держит огромный табун белых коней и кобыл, их у него больше 10 000 и все чисто белые без единого пятнышка... Так вот, 28 августа Господин, как мне рассказывали, выезжает из Парка (в Шанду), у всех лошадей собирают молоко и разбрызгивают по земле по повелению Идолопоклонников и их священнослужителей, которые говорят, что очень хорошо разбрызгивать это молоко по земле каждое 28 августа, чтобы Земля и Воздух, и Вероломные Боги получили свое, а также духи, населяющие Воздух и Землю. И таким образом эти существа будут охранять Каана и его детей, и его жен, и его народ, и его имущество, и его скот, и его лошадей, его зерно и все, что есть у него.

Этот ритуал, как и все остальные, со временем изменился. Никто теперь не стоит ночью со вкопанными ногами. Вместо него пятьдесят лет назад в землю врыли настоящий столб. Денег никто не кидает, и никто не кричит «Держи вора!». Сегодня дети и взрослые бегают туда-сюда между столбом и *ово*, брызгая молоком на бревно и вспоминая старинный добуддийский ритуал.

Мавзолей и его запутанная система ритуальной практики остались для монголов «коза ностра», к которой не допускаются китайцы и другие иностранцы. За эту исключительность хранители готовы умереть. Два историка Мавзолея, Синджиргал и Шаралдай, которых цитирует Сужиху, сообщают, что в 1661 году

умер император Маньчжурии Шуньцзуй, монголы отказались выполнять официальный указ о трауре. Вызванная в Бейджин для объяснения такого неповиновения группа Черных шапок заявила, что им приказано всю жизнь исполнять траур только по одному императору, Чингисхану: «Если мы будем в двойном трауре, мы совершим серьезную ошибку в отношении доблестного сына Святого Господа... мы предпочтем умереть, повинувшись воле нашего отошедшего в мир иной императора, чем жить, нарушая (ее)». Маньчжурские чиновники поняли, что им нечем крыть, и даровали монголам право вести себя по своим традициям, без существенного вмешательства властей, и это право исполнялось в течение последующих трехсот лет.

До недавнего времени Оуэн Латтимор был одним из очень небольшого числа иностранцев, видевших собственными глазами Ограду Господина и ее церемонии и, конечно, первым взглянувшим на нее критическим глазом. Он приехал в Эдсен Хоро в апреле 1935 года во время весеннего праздника. Прибыв на эту «аудиенцию с Чингисханом», как он назвал свой живой рассказ, он увидел пять (а не восемь) юрт, окруженных двумя дюжинами гээров, телег, запряженных волами, стреноженных лошадей и рядами юрт победнее, принадлежавших торговцам и слугам, и раздачу одежды, ведер, моты, лопат, кнутов, седел «и всякого рода жалкой рос кошки, иллюзии изобилия для нищего люда».

Церемония началась со смиренного приближения к юрте Чингиса, находившейся в тридцати шагах и содрогавшейся от ледяного ветра и иссекавшей потоками летящего песка. В юрте был низкий, оправленный в серебро стол, который служил алтарем, и оправленный в серебро деревянный сундук, «гроб». Подразумевалось, что в нем кости или пепел самого

Чингиса, но Латтимор, великолепно знавший монгольский, заметил на серебряной оправе надпись, свидетельствующую о том, что сундук маньчжурский и ему не больше трехсот лет. Были у него сомнения и относительно других выставленных там предметов, если учесть, сколько было всяких восстаний и бандитских налетов.

Затем паломники отдавали свое подношение, шелковые платки, девять раз падали ниц и отступали назад на 30 шагов, отпивали кумыс из серебряных чаш, еще шесть раз подходили и уходили, после чего приносили в жертву овцу, снова падали ниц и получали взамен шелковый платок поменьше, которым терли о «гроб». Потом обходили вокруг остальных четырех юрт, три из которых были посвящены императрице, восточной императрице (той, которая была взята при вторжении в Маньчжурию) и лукам и колчанам Чингиса, а последняя Белая юрта предназначалась для молитвы. Латти мор заметил, что ритуалы в основном носили монгольский характер, буддийские ламы играли весьма незначительную роль, их главной задачей было дуть в изогнутые тибетские трубы, издававшие звук, напоминавший «треск от лопнувших гигантских штанов». В заключение церемоний на следующий день все пять юрт, не разбирая, целиком погрузили на повозки, в которых было впряжено по два священных белых верблюда, и затащили обратно в ограду.

Латтимору было ясно, что по своему происхождению культ как бы повторяет пройденное. Обычно ритуалы предназначаются для освящения традиционных верований, вы предполагаете увидеть тело, похороны, а следом освящающие тело ритуалы. Но здесь не было никакого тела, никакого настоящего мавзолея, «реликвии» носили сомнительный характер. А «что касается традиции, гласящей, что тело Чингиса, или его пепел, находится в Эджен Хоро (?), то здесь это не

прозвучало вовсе». Получалось, что первое — это ритуалы, а верования нужны для их поддержания. Процедура ритуалов основывалась, очевидно, на придворных церемониях тринадцатого века и, не исключено, на еще более древних ритуалах поклонения предкам. Давным-давно императорские подданные, послы и покоренные народы приносили хану в его ордосесвои дары и дань, затем после его смерти теми же почестями, включая дары, стал пользоваться его дух, потом, поскольку на дух предков распространяется ореол божественности, ритуалы приобрели свое религиозное содержание, и очень может быть, что только после этого появились «реликвии», чтобы придать поклонению физическую конкретность.

Война, которую удалось избежать Латтимору, переменяла все. В его время борьба за обладание духом Чингиса шла между шаманом и буддистом, благодаря неторопливому характеру наступления буддизма на шаманизм, это было подспудное соперничество. Теперь же история переключила скорости. С началом нового столетия китайские власти поощряли колонизацию исконных монгольских земель китайскими крестьянами, которые распахивали пастбища и платили за это более высокую арендную плату. К 1930-м годам монголов практически вытеснили из долины Желтой реки на окраинные пастбища. В этот момент вмешались три новые фактора: Япония, расширявшая свои захваты в Маньчжурии, и два китайских соперника, националисты во главе с Чанкайши и коммунисты Мао.

Японцы набросились на Китай, как это делал в свое время Чингис, но только с противоположной стороны. В 1931-1932 годах Маньчжурия стала японским марионеточным государством и прелюдией к планировавшемуся завоеванию Монголии, Китая и Сибири. Первым делом нужно было овладеть Восточной и Внутренней Монголией, получившей свой

марионеточный режим, монгольское автономное правительство и, в дополнение, новый революционный календарь, начинавший отсчет времени с года рождения Чингиса. Подавив сопротивление националистической армии Гоминдана, японская армия в 1937 году подошла к Желтой реке и восемь лет оккупировала захваченную территорию.

Осенью 1937 года в Ограду Господина прибыл неожиданный гость. Он назвался представителем императорской японской армии в Баутоу, городе, расположенном в ста километрах к югу. Он выставил ряд требований. Власти должны были объявить, что они против обеих китайских партий и за японцев, и передать восемь Белых юрт со всем их содержанием под защиту японцев. Японцы поняли, что тот, кто правит в Ограде Господина, тот и держит в своих руках ключи от Монголии и этой части Китая, и что тот, кто правит монгольскими землями, тот и располагает прекрасной базой для начала захвата остального Китая и Сибири. Внезапно реликвии Чингиса, сама душа Чингиса сделались ключом к империи в Азии.

Шаке, глава провинциальной администрации, оказался в пиковом положении. Реликвии находились тут 700 лет, может, больше, может, меньше, и местные монголы охраняли их так, будто «берегли собственные глаза», кроме того, со всем неподалеку стояли войска националистов. Шаке нашелся и сказал, что, если Мавзолей перевезти в другое место, начнутся беспорядки, которые вряд ли нужны японцам. Захватчики поняли его и отказались от своих требований.

Но их действия уже нанесли ущерб ситуации. Многие монголы в Китае присоединились к собственному движению за независимость, другие обратились за помощью к националистам, прося их перевести реликвии в безопасные, недоступные для

японцев места. Гоминдановское правительство дало согласие и планировало перевезти все на грузовиках и верблюдах в горы к югу от Ланьджоу на Желтой реке, за 600 километров на юго-восток. Эти места выбрали по соображениям безопасности, хотя в числе аргументов в пользу такого решения было то, что от него недалеко (всего — то 150 километров!), за горами Люпань, Чингис провел свое последнее лето.

17 мая 1939 года двести солдат националистической армии без предупреждения приехали в Мавзолей, вызвав тревогу местных жителей, которые встали перед ними стеной и не давали им пройти. Представитель националистов объяснил, что нужно защитить это место от «дьяволов Восточного Океана». Паника сменилась переговорами. Националисты пообещали, что все расходы будут оплачены, что часть Черных шапок может сопровождать обоз и что будет разрешено продолжать все церемонии. Новость распространилась мгновенно. Сотни, потом тысячи людей пришли к восьми Белым юртам и провели ночь, отправляя церемонии при зажженных фонарях, плача и вознося молитвы, пока юрты разбирали и нагружали на повозки. На рассвете колонна двинулась в путь, задержавшись на какой-то момент, когда один старик расprostерся перед ней в пыли. Говорят, один из сопровождавших колонну солдат сказал другому: «При такой преданности не удивительно, что Чингисхан побеждал во всех своих войнах». Как писал один журналист, повозки медленно прошли через «море слез» и также медленно двинулись на юг, в сторону Яна — ни, им предстоял путь в 400 километров.

Янань была базой Центрального комитета Коммунистической партии. После переговоров, которые не были оформлены письменным документом, коммунисты позволили кон вою, сопровождавшемуся

националистическим контингентом, вступить на их территорию. Поскольку Чингис был, конечно, китайским императором, а весь Мавзолей китайской реликвией, старались превзойти друг друга в восхвалении Чингиса как символа китайского сопротивления захватчикам и рассматривали его не как основателя монгольской нации, а как основателя Юаньской династии. Поэтому в этом, на первый взгляд альтруистическом жесте просматривалась политическая подоплека: монголы не должны забывать, что завоевания Чингиса были вовсе не завоеваниями, а небольшими трудностями, которые привели к тому, что ки тайское большинство недолгое время управлялось, не иностранцами, конечно, а китайским меньшинством. Короче говоря, они должны помнить, что Монголия — это часть Китая.

Таким образом, в середине июня коммунисты оказали Чингису честь. Повозки с верблюдами заменили восьмью грузовиками, один грузовик на каждую юрту, а первую машину с гробом задрапировали желтым атласом, конвой встречали 20 000 человек, собравшихся на улице, ведущей к помещению, которое должно было стать похоронным залом. Здесь на гигантском свитке было начертано, что Чингис был «Гигантом Мира», рядом красовалась стихотворная надпись:

Монгольская и китайские нации сплотились еще больше, Продолжая традицию духа Чингиса бороться до конца.

К святилищу вела арка с надписью: «Добро пожаловать, гроб Чингисхана», в самом помещении была гора венков, один из них персонально от Мао. В течение четырех часов с десятков партийных и военных руководителей произносили речи в честь похоронной процессии, кульминацией церемонии стало «возвышенное и страстное» выступление генерального секретаря КПК Он «вознес хвалу Юань Тайжу (первому императору Юаньской династии) как герою мирового

масштаба» и тут же связал его с делом Коммунистической партии, призвав «монгольский и китайский народы объединиться и сопротивляться до конца». На следующий день похоронная процессия двинулась на юг по улицам, на которые высыпала огромная толпа зрителей. (Это не все, что про изошло в Янани из относящегося к пребыванию там «гроба» Чингисхана. Весной следующего года в городе открыли свой мемориальный зал Чингисхана, там была статуя, танцующий дракон и росписи на стенах.) Вот как нужно поступать с захватчиком-варваром — задним числом сменить ему национальность и превратить в символ китайской культуры, стойкости духа и единства.

Через три дня колонна с «гробом» снова перешла в руки националистов. В Сяни националисты устроили прием, намного превосходивший блеском и шумом тот, который устроили в Янани их соперники. Здесь встретить колонну на улицы вышли 200 000 человек. Выражая свою особую радость, власти приказали принести в жертву корову и 27 овец. Зрелище было поразительное, тем более если учесть, что все это происходило в китайской глубинке, где монголов можно было перечесть по пальцам. Чингис в свое время превратил этот район в пустыню. Тем не менее простые люди под давались его чарам, потому что он был китайским императором, хотя и посмертно, к тому же они поклонялись культу предков, а Чингис, конечно, был великим предком, пусть да же и не их собственным. Так что они становились на колени и кланялись, кланялись процессии, не выпуская из рук дымящиеся палочки для курений.

1 июля, преодолев еще 500 километров на запад, траурная процессия благополучно прибыла в горы Синлун, к югу от Ланьджоу и остановилась в буддийском храме Дуншань Да — фо Диань, который на

следующие десять лет стал местом пребывания Мавзолея.

В 1949 году, когда коммунисты были уже близки к завершению войны, националисты препроводили Мавзолей дальше на запад, перевезя его за 200 километров, в тибетский монастырь XVI века Таерши, где монахи приветствовали его песнопениями и молитвами. Ничего не помогло — через месяц коммунисты все равно праздновали победу. Националисты бежали на Тайвань. Японцев не стало, как не стало и их марионеточных режимов в Маньчжурии и Монголии. Видно, Небо выдало новый мандат на правление — председателю Мао.

Следующие пять лет Коммунистическая партия была по горло занята земельной реформой и тому подобными революционными делами. Внутренняя Монголия находилась в руках их генерала У Ланьху. В свое время, перед войной, коммунисты объявили, что районы нацменьшинств, если пожелают, смогут отделиться от Китая. Теперь об этом не могло быть и речи, в новом Китае это невозможно. Но коммунисты признали необходимость права на известную автономию, и У Ланьху предельно удовлетворил притязания монголов. Монголы составляли только 15 процентов населения Монгольской автономной области — в районе, который был полностью только монгольским, — но преобладали в руководящих органах области. Это подогрело революционный пыл выкорчевывать коллаборационистов, богатеев, лам и бывшую знать. Кое-кого казнили, ряд напуганных скотоводов перерезал свой скот, чтобы его не перераспределили, но в целом гибкая линия У Ланьху — «Будьте благожелательны к наемным пастухам! Будьте благожелательны к хозяевам стад!» — постепенно привела к нормализации обстановки. Это должно было

быть взвешенным шагом к более «передовому» социализму.

При промонгольском руководстве и необходимости под готовить народ к дальнейшим переменам местные и национальные власти наконец обратились к Мавзолею. И для монголов, и для китайцев в равной степени Чингис заслуживал некоего престижного и постоянного мемориала, а не какой-то горстки юрт. Был подготовлен проект строительства на первоначальном месте абсолютно нового Мавзолея, стоимостью 1,2 миллиона юаней.

Весной 1954 года гроб героя вместе с его реликвиями по грузили на грузовики, а потом в железнодорожные вагоны и 20 апреля вернули в Ограду Господина, как раз накануне закладки первого камня нового мемориала. 15 мая, в наиболее благоприятствующий день, день самого важного ритуала, при стечении огромного числа юрт на соседних лугах и пастбищах, были заколоты и навалены в жертвенные кучи ба раны, состоялась мемориальная церемония, ознаменовавшая возрождение Мавзолея. Официальный оратор в первую очередь осудил гоминдановских «реакционеров» за перенос реликвий с их исторического места и подчеркнул заслуги новой власти за их возвращение.

В 1956 году строительство нового храма было закончено.

Прежде всего, нужно было правильно войти, как должен войти посторонний в любое место поклонения, т. е. сохраняя на лице смирение, положенное его неведению. Джоригт знал, как это делается. Мы должны приготовиться пожертвовать что-нибудь духу Чингиса. В одной из сувенирных лавочек, которые лепились у входа в ограду, мы купили отрезок голубого шелка — *хатаг*, бутылку водки и плитку чая. Миновав массивную статую Чингиса на коне, мы поднялись по

ритуальной лестнице с 99 ступенями — 99 число младших духов, подчиненных всеобъемлющему божеству, — и обступившими ее соснами и кипарисами к входу в храм, арке под анфиладой выставочных залов, увенчанной белыми зубцами. Пройдя арку, мы оказались в большом мощеном дворе, площадью метров сто, пред самым храмом, его центральное здание имело купол и два крыла, также с куполообразной крышей. Оглядываясь назад, легко удержаться от восхищения. Да, эти три крытые изразцом купола с голубым, похожим на якоря рисунком по золотому полю, несомненно, бы ли вдохновлены монгольскими гээрами. Но у монголов нет сколько-нибудь стоящей собственной архитектуры, она вся вышла из тибетского буддизма, который дал жизнь собственной архитектурной традиции в Китае. Так что это попытка 1950-х годов отдать должное всем трем элементам. Купола выступают из стилизованных под китайские пагоды крыш с карнизами, как пачки балерины, и все три соединены совершенно невыразительными коридорами, словно у архитектора на них не хватило фантазии.

Потому никаких премий за дизайн. Что действительно удалось людям У Ланьху, так это создать впечатляющий комплекс с особенно выразительным окружением, использовав масштаб и театральный потенциал этого великолепного места. Храм смотрится как драгоценный фермуар на ожерелье из зелени, блистающий на вершине холма, как приношение Голубому Небу. После всех этих потогонных лестниц, ворот и арок, которые играют ту же роль, что и иконостас в православной церкви, скрывающий, а затем раскрывающий прячущуюся за ним тайну, я почувствовал, что меня тянет к чему-то более величественному, чем просто земное.

Внутри стояло само божество, огромная и утопающая в тени четырехметровая фигура Будды под

нависающим фризом с изображением драконов. Ее охраняли одетые в двойки и в мягких фетровых черных шляпах — Черные Шапки, свирепые, как сторожевые собаки. Объявление предупреждало: не фотографировать. У ослушников пленку просто выдирали из фотоаппарата (у меня на глазах это совершили над несчастными монгольскими туристами). При виде того, с какой серьезностью они выполняют свои обязанности, я почувствовал, как у меня испаряются последние остатки скептицизма. Возможно, наглядное проявление веры у других, а не буквальное содержание этой веры производит чувство святости.

Молодой черношапочник по имени Булаг провел нас мимо маячившего над нашими головами мраморного воплощения веры, и, когда мои глаза привыкли к сумраку помещения, я увидел за его спиной колоссальную карту, демонстрирующую размеры Монгольской империи. Мы с самым смиренным видом проследовали в заднюю комнату, где под множеством свисающих вниз знамен, похожих на кричащие рождественские декорации, стояли три юрты. Это был Зал траура, и три юрты предназначались для самого Чингиса, его старшей жены Буртэ и для Гурбелчин, тангутской царевны, которую одни превозносят, а другие, наоборот, клянут как убийцу, но тут обожают за верность. Мы положили наши хатагив вместе с бутылкой. Мы преклонили колени. Мы зажгли благовоние. Булаг пробормотал молитву по-монгольски: «Святой Чингисхан, Джон и Джоригт пришли сегодня помолиться у твоей могилы. Просим тебя, даруй им удачу в их работе».

А потом, благодаря тому что Чингис отозвался на наши молитвы, ко мне вернулся скептицизм. В общем, это и было именно тем, что было необходимо для этой работы. Меня окружали реликвии, такие же невероятные, как щепка от Креста Господня. Тут были

Святой Лук и Колчан, Чудотворное Молочное Ведро и Святое Седло, одно из двух экспонируемых, с серебряными луками. То, которое справа, сказал Булаг, это седло Чингиса. То, что слева, передали в Мавзолей в XVI I веке, оно принадлежало последнему монгольскому императору Лугданхану. Оба были в подозрительно хорошем состоянии.

Седло Лугданхана заслуживает небольшого отступления в нашем повествовании. Двойня седла Чингиса, оно представляет собой претензию на принадлежность к имперскому наследию. Лугдан предпринял обреченную на поражение попытку восстановить монгольскую независимость и единство, когда над Монголией нависла черная туча маньчжурского нашествия. Но к этому времени монгольская независимость уже была безнадежно подорвана внутренней междоусобицей и буддийскими связями с Китаем. Лугдан попробовал разрубить создавшийся клубок, объявив себя всем понемножку: китайским императором, наследником Юаньской (монгольской) династии, Чингисидом и буддийским святым с примесью монгольского шаманизма. Седло символизирует его попытку походить на Чингиса во всем, предмет за предметом и действием за действием, и в некоем новом целом. Он слишком разбрасывался, погубил свои планы алчностью и надменностью и в 1634 году умер от оспы. Через два года Монголия была в руках маньчжуров.

Написанные на стенах фрески рассказывали о славных днях правления Чингиса и очень сильно напоминали модные модели 1930-х годов — все изысканно, элегантно, и материя ниспадает красивыми складками, ничто не портит совершенства, мужчины и женщины воплощение счастья. Вот Чингис восседает над всей своей единой империей, там Хубилай дает титул основателя династии своему деду, который

смотрит на него с Голубого Неба, а по бокам у него драконы. Певцы никогда не были так счастливы петь, девушки никогда не испытывали такой гордости, поднося шелковые шарфы. Иностранцы не могут дождаться момента, когда они смогут поднести свои дары и товары, потому что Чингис был человеком, который соединял Восток с Западом и поощрял обмен искусством, ученостью, обеспечивал благополучие всех и каждого.

И ни одного трупа.

Десять лет храм все с большим успехом выполнял отведенную ему роль и в 1960-е годы пользовался небывалым престижем. В 1962 году Монголия объявила 800-летие рождения Чингиса и наметила провести пышное празднование. В самой Монголии это обернулось катастрофой. Монголия была советским сателлитом. Для русских Чингисхан был агрессором, уничтожителем культуры. Празднование внезапно прекратилось, его вдохновители оказались в опале. Но что касается Китая, то там очень хорошо представляли себе, какие выгоды может принести культ Чингисхана, и в том же году в Ограде Господина собрали небывалое количество людей. В проведенной с небывалым размахом праздничной церемонии, которая прекрасно соответствовала официальной линии властей, приняли участие 30 000 людей, в основном монголов. При условии твердой поддержки партии со стороны монголов Внутренняя Монголия будет прочным бастионом в борьбе с надвигающейся через Гоби советской угрозой.

Но когда в 1967 году Мао развернул культурную революцию, Чингис вдруг впал в немилость. Не должно быть никаких сопоставлений с прошлым, новый герой собирался начать эру, которая затмит Чингиса. «Герой! — писал Мао в издевательском стихотворении. — Тот, кем Небо гордится не одно

поколение! Что знал он, кроме охоты с беркутом». Вместе с культурной революцией Мао запустил волну ксенофобии. На монгольской земле монголы стали жертвами кампании, а главным объектом нападков стала Народно-революционная партия Внутренней Монголии, которую обвиняли в том, что она хочет полной независимости для Внутренней Монголии и ставит долговременную цель воссоединения с самой Монголией и будто бы создания новой Монгольской империи. Теперь массы должны объединиться против угрозы пан-монголизма.

Для монголов настали трудные времена, как вспоминал Джоригт. Его отец работал чиновником в одном маленьком городке, и эта работа позволила семье перебраться из степной юрты в городской дом. Потом пришло время, когда его арестовали.

— За то, что он был чиновником?

— Из-за того, что он был монголом!

— С ним плохо обращались?

— Конечно, плохо! Он мог ходить, но руки были перебиты. И у него на теле поставили клеймо. Он был «собакой», потому что был образованным, и, если я говорил об этом, меня называли «молодой собакой». Мы должны были стать «красными», а не «белыми», т. е. образованными. — Он задумался, охваченный воспоминаниями. — Это долгая история, столько опасного произошло.

— Что запомнилось сильнее всего?

— Слишком многое сильно вспоминается! Давайте не будем об этом говорить.

Главным символом монгольского националиста и монгольского религиозного чувства был, естественно, Мавзолей, но в глазах деятелей культурной революции он был символом реакционных устремлений, центром, порождающим предательство, штабом панмонгольских заговорщиков. В 1968 году хунвейбины разнесли

Мавзолей и уничтожили все, что имело какую-то ценность: Лук, Колчан, Чудодейственное Молочное Ведро, знамена, юрты — не осталось ничего.

Все эти предметы обладали определенной ценностью, некоторым было сто, а некоторым, возможно, и несколько сот лет. Но с их уничтожением появилась соблазнительная мысль, что что-нибудь все же могло относиться и к более ранним временам, может быть, даже к временам Чингисхана. Начуг, руководитель Института исследований Чингисхана при Мавзолее, определенно уверен, что так оно и было. Как, например, быть с содержимым серебряного гроба, о котором Латтимору говорили, что в нем якобы находится тело Чингиса или его пепел? Ну, что вам сказать, Начуг не знает о теле. Как там могло быть тело, если его погребли в степи и место помнила только верблюдица? Все, что ему известно, — это то, что, возможно, оно хранит «последнее дыхание Господина».

— Вы имеете в виду — просто... — Я не решался произнести это слово. — Просто воздух?

— Нет-нет. В ящике находился клочок шерсти белого верблюда. И эта шерсть хранила последний вздох Чингисхана.

Я ничего не понимал. Все это пока звучало как волнение воздуха.

— Видите ли, на шерсти было немного крови.

Как-то само собой получилось, что к 1960-м годам легенда о теле развеялась, оставив после себя только легкий след. Пятнышко крови на пряди верблюжьей шерсти, которым пользовались как ватой, чтобы вытирать царские губы.

— Там еще была пуповина. Вот что было в гробе, которому мы здесь поклонялись.

— А это действительно там было?

— Ну, что я скажу, ящик никогда не открывали. Только поклонялись.

Мы снова оказались с досужими домыслами, легендой, слухом, почти наверняка с мифом. Но здесь должно же было быть хоть что-нибудь, поддающееся проверке. Представьте себе, гроб вскрыли, сколько бы там ему ни было лет, двести, триста, и там ничего не нашли, только клочок белой верблюжьей шерсти с запыленным ржавым пятнышком на нем и сморщенный кусочек высохшей плоти, ну, какие там тесты могли быть сделаны, какие теории возникнуть. Но теперь благодаря революционному рвению, не проведешь никакого анализа ДНК, никакой углеводородной пробы не возьмешь, проверить, есть ли в словах Начуга хоть доля правды, способа нет. Почти наверняка нет, остается только гадать. Итак, храм построили в середине 1950-х годов, «реликвии» были изготовлены в 1970-х, огромная мраморная статуя закончена в 1989 году (о чем свидетельствует подпись скульптора Жуан Хуня). Казалось, что единственными «подлинными» элементами были молитвы, песни, ритуалы самих церемоний. Но даже и они могли затеряться, если бы не старания нескольких преданных людей, вроде Гурилджаба, Черной Шапки, для которого делом всей жизни стало собирательство песен, связанных с ритуалом Чингисхана. Он рассказывал Жиху Су, как сохранилась его работа:

— В 1968 году меня посадили в тюрьму больше чем на 70 дней. Некоторые сидели еще дольше, по пять-шесть месяцев. Тексты моих песен пропали. Вдруг в какой-то день хунвейбины пришли обыскать мой дом. Они забрали меня и все мои рукописи с собой в штаб. Я очень беспокоился, потому что мои записи песен почти все были среди этих рукописей. Когда они ушли по есть и заперли меня в комнате вместе с моими материалами, я быстро вынул их из пачки и засунул в карман. Поскольку они меня уже обыскивали, я подумал, что не будут обыскивать еще раз. К счастью, они не стали

этого делать. После того как я просидел у них три дня, пришла моя жена и принесла мне поесть. Не сразу, но все-таки они позволили ей войти в комнату, но разговаривать по-монгольски нам не разрешили, только по-китайски. Они боялись, что мы по-монгольски обменяемся важной информацией. Как только я увидел, что хунвейбины, стоявшие у дверей в коридоре, не смотрят на нас, я быстро сунул свои песни ни к ней в сумку и сказал, чтобы она положила их в какое-нибудь не привлекающее внимания место, например в сарай, где эти люди не станут искать. Если придут с обыском во второй раз, и чтобы это место было обязательно сухим... Как только я вернулся домой, я спросил жену, куда она их положила. Она сказала, что они между стропилами и крышей нашего сарая. Они были завернуты в кусок ткани и засунуты в дырку. После того как я вынул их оттуда, я тут же сделал еще экземпляр... Так я спас песни, которые в противном случае навсегда пропали бы.

— Осталось ли еще что-нибудь?

— Седло подлинное, — сказал Начуг. — Спасли только седло. Но как, он точно сказать не мог. Ему всего сорок с чем-то, и здесь он сравнительно недавно. И все это было так давно. Если я хочу узнать больше, мне нужно поговорить с Сайнджиргалом, он прежде был старшим научным сотрудником в храме, а теперь на пенсии.

Сайнджиргал жил в городке неподалеку, в небольшом аккуратном домике с маленьким двориком на тихой боковой улочке. Он совсем не походил на мрачных Черных Шапок в храме, у него были живые глаза, в них все время горели искорки, он неизменно улыбался из-под глубоко надвинутой шляпы, которую не снимал никогда. Даже дома. Ему было за семьдесят, но он выглядел сильным и лет на двадцать моложе своих лет. Нет, он совсем не из этих мест, он из

Шилинголя и приехал сюда учительствовать, но заинтересовался поклонением Чингисхану — «Я не Черная Шапка, но я монгол. Он мой предок», — и он стал на всю жизнь местным историком.

— Историком восьми Белых юрт, — кивнул я.

— Почему обязательно восьми? — поправил он. — По традиции мы ходим на охоту с восьмью желтыми собаками, но это может быть и шесть, и десять. Наши цифры всегда приблизительные. Если мы называем число, то это значит, что хотим придать предмету качество, соответствующее этому числу. Юрт стало восемь только при маньчжурах (т. е. в XVI I веке). Кто может знать, сколько их было поначалу?

В нем было очень мало или не было совсем взятого от Чингисхана или Мавзолея, он отличался собственным достоинством, щедростью, умом и интеллектуальным жаром. Он жил отнюдь не в мире ритуалов и благовоний, его мир состоял из свидетельств, собранных в книгах, заполнявших полки в его доме. Его прямота, непосредственность и ясность мысли необычайным контрастом подчеркивали, что храм — это одна только догма и напыщенное самодовольство. И тем не менее именно эту догму он выбрал, чтобы погрузиться в нее и сделать ее своей профессиональной деятельностью, собирая детали обрядов, молитв, песен и верований.

Все это не мешало ему быть объективным. «Большинство людей здесь видят в Чингисхане бога. Они не видят его как человека. Я уважаю его только как человека, который объединил свой народ. Да, я участвую в церемониях, я поклоняюсь ему. Но я использую поклонение как форму уважения к человеческому существу — это как монгольские дети молятся отцу с матерью — и своим предкам».

Работа Сайнджиргала была в самом разгаре, когда Мао вы пустил своих хунвейбинов. Он видел этих

мальчишек, молодых монголов, например, как они кинулись на храм, ломая и уничтожая все, что попадалось под руку, все артефакты, юрты, реликвии, все, кроме седел. Ах да, седла. Как их сохранили?

— Думается, кто-то спрятал их под куполом, — проговорил он, но его здесь не было в то время.

— Что с вами произошло?

— Во время культурной революции меня арестовали. — Он произнес эти слова с улыбкой, с озорным огоньком в глазах, словно рассказывая о чем-то занятном. — Я просидел в тюрьме с год, потом меня послали заниматься физическим трудом, и это было похуже тюрьмы. Мне связывали вытянутые руки и били палками. Заставляли стоять у огня и жгли меня.

— Но за что?

— За то, что я поклонялся Чингисхану, и это стало преступлением! Мне говорили, что я шпиону для монгольских борцов за независимость и для русских. Это было тогда, когда с Россией у нас были плохие отношения.

Джоригт резко бросил: «В то время любого можно было обвинить в чем угодно».

— Китайцы говорили, что каждый монгол враг, — проговорил Сайнджиргал. — Но это был только предлог.

— Вы так спокойно об этом говорите. У вас нет чувства обиды?

Он рассмеялся: «То, что я пережил во время культурной революции, пошло мне на пользу». У меня возникло вдруг чувство, что я неправильно его понимаю, что он сейчас начнет плести старую партийную сказку о достоинствах перевоспитания. Ничего подобного. Когда его освободили в 1974 году, семь жутких лет его не сломили, наоборот, он воодушевился: «До этого мы верили, что малые народы всегда будут иметь такие же права, как все остальные. Теперь я видел правду. Какую правду? Что большие

нации могут притеснять малые. Это придало мне силы. Я знал, что должен бороться за нашу культуру. Я должен опубликовать историю своего предка».

Удивительная преданность, если вспомнить состояние Мавзолея в 1970-е годы, тогда из него устроили соляной склад. Он прочитал в моих глазах недоверчивое выражение. «Да, склад для соли! На целых десять лет! Это готовились к войне».

— Для войны? — повторил я, не совсем понимая, что он имеет в виду.

— Соль для войны! Хранить соль на случай войны с Россией! Безумство того времени совсем выпало у меня из головы, забылась острота советско-китайского раскола, забылись бои на реке Уссури, наследие страха, раздуваемого официальной пропагандой. Теперь я вспомнил докатившееся до Запада отдаленное эхо, вспомнил, как купил книгу Хэррисона Солсбери «Грядущая война между Россией и Китаем», чтобы подготовиться к апокалипсису, который не состоялся.

Но когда в конце концов книга Сайнджиргала «*Поклонение Золотой палате*» вышла из печати, он уже решил, что сделал далеко не все, чего достоин предмет. И он выбросил книгу, начал все сначала, собрал новый материал и совсем недавно опубликовал в книге, за которой потянулся к полке и, надписав, протянул мне. «*Монгольское поклонение*» — труд всей жизни Сайнджиргала, квинтэссенция его работы уместилась на 600 страницах фолианта с золотой обложкой, напечатанного старым вертикальным монгольским письмом, которым продолжают пользоваться во Внутренней Монголии. Он с полным основанием гордится своим трудом, его глубиной, тридцатью годами своих усилий, своей последовательностью и верностью своим идеалам. «После 1949 года писатели восприняли марксизм, и все, что имело отношение к

буддизму и древним обычаям, считалось дурным. Но для того чтобы изучать монгольское поклонение, необходимо изучать монгольские документы, относящиеся ко временам до основания Народной республики. Что я и сделал в своей книге».

«Монгольское поклонение» еще одно свидетельство того, насколько почитаемый в молитвах и ритуалах сегодняшней Чингис отдален от исторического Чингиса завоеваний и геноцида. Но и это далеко не все. Эта книга — дань уважения решимости одного человека сохранить в неприкосновенности главный идеал, на котором держится сегодня целостность народа, а также символ надежды, вытекающий из того, что столь могучая и всеохватывающая культура, как китайская, дала увидеть свет самоутверждению такой многокорневой субкультуры, как монгольская. Сорок лет назад можно было бы считать, что Сайнджиргалу несказанно повезло, если бы он выжил после того, как просто принес свою рукопись в издательство. Со временем обстоятельства меняются.

Большинству верующих монголов достаточно делать под ношения и молиться святому Чингису, как если бы он был сам бог. Но чингисидская теология совсем не простая, как показал нам Начуг по возвращении в Мавзолей. Пройдя по огромному двору перед храмом, мы подошли к возвышению в виде платформы, на котором развевались военные знамена с хвостами яков, символом военной доблести монголов. Начуг рассказал историю о том, как Чингис получил их, добавив при этом странному набору верований целый новый элемент:

«Однажды, когда святой Чингис воевал за объединение монгольских племен, он отчаялся и обратился к небесам. Он сказал: «Люди зовут меня Сыном Бога, а я не сумел добиться своего! Я прошу Хох Тенгер, Голубое Небо, наделить меня силой, чтобы я мог

победить!» Тут же прогремел гром, и что-то упало между деревьями. Он не смог добраться до этого предмета. Поэтому он приказал своим генералам срубить деревья и достать его. Этот предмет оказался штандартом с хвостом яка. В благодарность Чингис принес в жертву 81 ба рана, а остатки оставил «небесным собакам» (волкам). Так этот штандарт, *султ*, сделался флагом, знаком, посланным Голубым Небом, чтобы объединить монголов, с ним монголы идут в бой. Вот почему мы сегодня почитаем султ.

В заключение он добавил несколько слов, благодаря которым весь Мавзолей и все его церемонии стали видеться в новом свете: «Эта форма поклонения даже выше, чем поклонение Чингисхану. Если сам Чингисхан почитал штандарт, то штандарт должен быть выше его самого. Это символ самих Небес». Как таковой он обладал собственной силой. Некоторые говорят, что пролетающие над ним птицы падают замертво.

До этого момента я думал, что Чингис бог. Теперь я видел, что в пантеоне богов, где он жил, он занимал место отнюдь не на самой вершине, а скорее рядом с ней, он был полубог, не Зевс, а Александр Великий, которого обожествляют некоторые индуистские секты. И, возможно, с намеком на еще более мистическое, на своего рода монгольскую Троицу, с Богом Отцом и Святым Духом, отражающимися в Голубом Небе, Чингисе и Штандарте. Теперь мы исчерпали все наличные возможности разобраться, что здесь к чему. Этот предмет для постоянного теолога храма Шаралдая, он сможет объяснить следующий уровень сложного верования. Шаралдай был в Улан-Баторе. Возможно, если улыбнется удача, я смогу разыскать его там и расспросить по поводу монгольской троицы.

Подобно собору, Мавзолей больше чем место, притягивающее верующих для отправления ритуалов или привлекающее внимание сочинителей легенд. Это

еще и туристический объект, один из самых привлекательных в Китае, как следует из туристической литературы. Несмотря на то что он расположен в стороне от проторенных маршрутов, ежегодно он может похвастаться 200 000 посещений, что обеспечивает ему достаточные финансовые поступления для существования, немаловажный фактор в сегодняшнем Китае, вставшем на путь капитализма и приватизации. Большинство посетителей китайцы, но все деньги получают монголы. Это еще одна деталь проблематического статуса монгольской национальной идентичности.

В километре от Мавзолея, если ехать по проселочной до роге через бескрайний луг, находится целая деревня гээров, где туристы могут остановиться, поесть и поездить на лошади. Наш обед затянулся, тостам не было конца, и Начуг рассказывал о трудностях и переменах, с которыми сталкивается Мавзолей. Он получал 3 миллиона юаней в год от пожертвований и кассовых сборов, что определенно недостаточно для покрытия расходов на содержание Мавзолея и города с трехтысячным населением, в особенности 500 Черных Шапок, которые по-прежнему зависят от храма и обслуживают его. Есть планы развития города. Через несколько лет тут будет большая гостиница. Она обойдется в 200 миллионов юаней, которые предполагается получить от правительства и частных инвесторов.

Но развитие требует места, а единственным таким местом являются пастбища, а пастбища принадлежат скотоводам. Таким образом, для того чтобы обеспечить стабильность и благополучие для этого, самого монгольского из всех поселений, нужно будет приобрести у скотоводов пастбища, а у китайцев получить деньги. И как после этого сохранить духовную атмосферу места, как уберечь ее от нашествия ки

тайских туристов? «Если мы примемся за реализацию этого плана, то все должно быть сделано по-монгольски, построено по-монгольски. У нас будут скачки, шоу с монгольскими песнями и танцами. Монгольский город с домами в монгольском стиле и улицами с монгольскими названиями».

Начуг видел весь парадокс предлагаемого достаточно ясно. И все-таки ему казалось, что стоит рискнуть. А почему бы и нет, это место выбрал Чингис, и сам Чингис пошел на сближение с теми самыми людьми, которых победил, и стал нанимать их на службу чиновниками. Он сам перекинул мостик между культурами. При удаче и хорошем руководстве эта община может стать подлинным отражением своего героя, только без мертвых тел.

Сохранил ли дух Чингиса свою силу? Ну, это не место для чудес, где можно сделать слепого зрячим, а хромого заставить ходить прямо. И люди тут молятся без упования на то, что их молитвы обязательно будут услышаны. Но у большинства людей есть свой практицизм, они считают, что Чингис посредничает между землей и небом и в определенных случаях, если правильно попросить, может вмешаться.

Я поинтересовался у Начуга напрямую, верят ли люди в то, что дух Чингиса помогает.

— *«Байн, баш, байн! (Да, да, да!) Люди верят, что дух Чингиса их благословит. Наша местность не богатая, но каждая семья делает пожертвования, и все получают пользу, поклоняясь Чингисхану».* А если они плохо веруют, то страдают. Черная Шапка Гурильджаб рассказывал в 1993 году: «Все, кто сделал Чингис хану что-нибудь плохое и был активистом, громившим Мавзолей во время культурной революции, все мертвые. Они были примерно моего возраста. Я видел, как они один за другим умирали. Все умерли слишком тяжело. У одного случилось что-то вроде удара. Он не мог

двигаться лет восемь или десять и только потом умер. У другого голова распухла и стала в три раза больше, чем его нормальная голова. Да, это воздаяние. Один верховодил у этих хунвейбинов, так его потом обвинили в том, что он член Народно-революционной партии Внутренней Монголии, его избили, а потом прикончили длинным гвоздем, взяли и вколотили гвоздь в голову. Его жена и дочь умерли, а сын сошел с ума. А вот еще другой, так тот свалился в яму с нечистотами и утонул».

У каждого находилась своя история, доказывавшая могущество Чингисхана. Группа солдат нарушила табу и убила двух змей в Мавзолее, и их автомобиль попадает в аварию, и шестеро погибают. Молодой человек напивается допьяна на церемонии принятия алкоголя и мочится на стену, в ту же ночь умирает его жена. Как-то по ошибке после культурной революции пропустили церемонию — начался падеж овец. В каждой из таких историй таится скрытое предупреждение: не забывай об уважении! Берегись! Чингис и после смерти так же могуществен, как и при жизни!

И в конце концов получается, что он совсем не тот, кем был при жизни, вечный мститель, а сила, приносящая добро. Словами Гурильджаба: «Для нас, Черных Шапок, монголов, если возникает проблема, или кризис, или еще что-нибудь, то нужно сделать подношение Чингисхану, и это наверняка помогает, все удаётся».

16 Охотники за могилой

В отношении могилы Чингиса единственно, что очевидно, так это то, что очевидного очень мало.

Юань-Ши, история династии Юань, описывает, как проводились похороны императоров. Когда кортеж прибывал в место захоронения, «вынутая при рытье ямы земля укладывалась в ровные кучи, которые располагались на равном расстоянии друг от друга. Как только гроб был опущен, яму засыпали в том же порядке, как были выложены кучи. Если оказывалось, что остается излишек земли, его увозили в другое место, удаленное на большое расстояние». Европейец, оказавшийся свидетелем этой церемонии, монах Иоанн из Планр-Карпини, посетивший Каракорум в 1240 году, писал: «Они засыпают яму... и закрывают ее дерном, как это было до похорон, чтобы это место было потом невозможно найти».

Где это могло произойти в случае Чингисхана, конечно, большой вопрос. Очень вероятно, что захоронение произошло на месте или вблизи естественного храма божества, которое спасло Чингиса от его врагов — на Бурхан Халдуне, горе, относительно которой почти все соглашаются, что это Хан Хентей, Царь Хентей. «*Тайная история*» хранит по этому поводу молчание. Но несколько других источников называют Бурхан Халдун местом захоронения. Единственный почти современный событиям источник обидно неопределен. В 1235–1236 годах императорский двор Сун послал к преемнику Чингиса посольство. Два посла, Пэн Дая и Хюй Тин, утверждали, что видели, где был похоронен завоеватель. «Монгольские могилы не имеют могильной насыпи, — писал Пэн. — Лошадям позволяют топтать это место, пока оно все не станет плоским,

таким же, как окружающая земля. Только на могиле Темучина были поставлены шести (или стрелы), образывавшие круг в 30 ли (16 километров, то ли в окружности, то ли в диаметре, неясно), и выставлена охрана из воинов-всадников». Его коллега добавил: «Я видел, что могила Темучина была по одну сторону реки Лу-Коу и окружена горами и реками. Как гласит традиция, Темучин родился в этих местах и по этой причине его здесь и похоронили, но я не знаю, правда ли это».

Два очевидца, только девять лет спустя после похорон, но что они в действительности видели? Символическую ограду и сторожей? Оба ли они определили, что там был 16-километровый круг? И как 16-километровый круг, и топчущие могилу кони, и вода согласуются с похоронами в горах? И самый заманчивый вопрос — что это, ради всего святого, за река Лу-Уоу? Некоторые главные реки имеют как китайское, так и монгольское название, а это очень похоже на китайское, и это название очень близко к Лу-Чу, одной из версий того, как китайцы называли Керулен. Но, как известно всем монголам, Чингис родился на Ононе, не на Керулуне, так что гости не проявили особого старания узнать что-то про могилу Чингисхана (Темучина).

Мне кажется, что эти два дипломата попросили показать им могилу Чингисхана, не понимая, что просят нечто такое, чего им все равно не сделают. Место захоронения должно было остаться тайной и будет тщательно охраняться до тех пор, пока ни одна живая душа не сможет узнать его. С другой стороны, было бы невежливо наотрез отказать таким важным персонам в их просьбе. Тогда из Каракорума их отсылают на несколько дней в горы Хентей, их привозят приблизительно в то самое место, немного неверно называют реку и снабжают информацией — скорее

всего, официальной дезинформацией, — они видят в отдалении всадников, им говорят, что подойти к священному месту табу, и все равно там ничего не увидишь, так как площадка вся истоптана, совершенно ровная и на ней ничего не растет.

Но вскоре даже эта хилая информация начинает просачиваться наружу, пошли толки, слухи. Марко Поло, писавший через 50 лет, говорил, что «все великие цари, потомки Чингисхана, отвозятся для похорон к великой горе Алтай». Это же название появляется снова через четыреста лет в истории Сагана. Он пишет, что тело было похоронено «между теневой стороной Алтая и солнечной стороной гор Хентей», описание столь неопределенное, что почти бесполезное. Современным историкам приходится все начинать едва ли не с чистого листа.

Где находится могила — это одна проблема. Другая — что в ней содержится. Если вообще что-нибудь содержится. И снова наличные сведения мало чем могут помочь. Джувайни, начавший писать свою историю в новой монгольской столице Каракоруме только через 25 лет после смерти Чингиса, говорит, что после избрания ханом монгольскими князьями сын Чингиса и его преемник Угедэй приказал «из луноподобных девственниц, прекрасных лицом и приятных по характеру, милых красотой и красивых внешностью... они должны отобрать сорок девушек... украсить их драгоценностями и великолепными одеждами и отправить с лучшими лошадьми присоединиться к его духу».

Нельзя сказать, что это абсолютно невозможно, потому что в Китае и по всей Центральной Азии до распространения буддизма бытовал обычай, по которому рядовых воинов, слуг, жен, наложниц и животных убивали, чтобы они отравились вместе с господином в потусторонний мир. В Аньяне, столице

Шанской династии XIV века, туристам показывают целый мавзолей могил, заполненных скелетами рабов и лошадей с остатками колесниц. Случалось, эти жертвы закапывались живьем, этот обычай просуществовал до конца XVI века, когда его запретили. С достаточной определенностью источники утверждают, что до прихода буддизма монгольских ханов погребали со всеми их доспехами, оружием, наложницами и т. п.

Но доказательства весьма шаткие. Этот обычай никогда не исполнялся повсеместно, живых часто подменяли копиями (вспомним терракотовых солдат Сяня, а в музее Гуяня можно увидеть солдатиков меньшего размера). До сих пор не найдена ни одна монгольская могила с останками жертв и богатствами. И Саган не утверждает, что 40 луноподобных дев были и в самом деле отправлены вслед за своим ханом ублажать его после смерти.

Невзирая на скудность традиции и свидетельств, среди искателей могилы твердо укоренилось мнение, что Чингисхан наверняка был похоронен с полным набором оружия, женщин, рабов, лошадей и сокровищ половины Евразии. Могила стала Святым Граалем для кладоискателей и историков. Широко распространено убеждение, что могила властелина половины Евразии должна соперничать с гробницей Тутанхамона. В сущности, ищут не просто одну могилу, а целый некрополь, монгольскую Долину царей, где должна лежать семья Чингиса с наследниками, включая Хубилая, а с ними жены, наложницы, рабы, лошади, и одному только Вечному Небу известно, что еще из золотой утвари, драгоценностей, костюмов и оружия. В Монголии Чингис отличный бизнес. Каждый год продаются многообещающие туры, которые сулят возможность почувствовать дух Чингиса, совершить увлекательное путешествие к месту его рождения и даже — некоторым — добраться верхом к месту его

захоронения, и не имеет никакого значения, что никто не знает, где это и что может быть в могиле.

Этот поиск имеет огромное потенциальное значение. Если могила существует и если ее когда-нибудь найдут, то это будет революцией в археологии, науке, денежных потоках и, поскольку Китай предъявляет исключительные претензии на Чингисхана, в международных отношениях. Там уже есть Университет Чингисхана и Исследовательский центр Чингисхана. Обнаружение могилы откроет шлюзы денежных потоков, в большинстве своем долларовых, которые с удовольствием направят многие фонды к восторгу и этих двух уже существующих институтов и многих других, которых еще нет, но которые в мгновение ока предъявят право на существование. Университеты будут конкурировать с туристскими компаниями за право доступа, государство постарается взять на себя роль посредника в получении грантов с тем, чтобы не упустить своей доли, и скорее всего не получит ничего благодаря царящей в стране атмосфере всеобъемлющей приватизации и всеобщей коррупции. Даже сейчас монгольское правительство время от времени предпринимает попытки взять под свой контроль сами поиски могилы — задача не из легких, потому что создает угрозу разворачиванию туризма и требует средств. Напряженность ситуации усугубляется теми, кто провозглашает, что поиски сами по себе святотатство, ибо то, что делалось в тайне, должно тайной и остаться, и иностранцев к столь близко затрагивающему национальные корни нельзя подпускать и на пушечный выстрел.

Все эти страсти разгораются вокруг места, о существовании которого, не говоря уже о его содержимом, все еще ведутся горячие споры. Источники сведений о месте захоронения Чингиса анализировали бесчисленное количество раз, и при этом

именитыми учеными, и большинство из них сходятся во мнении, что оно должно быть на «солнечной стороне» (т. е. на южной стороне) Бурхан Халдуна, который сегодня называется Хан Хентей, о чем косвенно, но не прямо, говорит Саган. Но ряд очень уважаемых монгольских исследователей все еще сомневается в том, что Бурхан Халдун — это и есть сегодняшняя гора Хан Хентей. Даже если предположить, что это одно и то же, то нужно иметь в виду, что гора, в сущности, представляет собой хребет и имеет две вершины — одна высотой 362 метра и вторая 2452 метра, расстояние между ними около 20 километров. Наша стрелка, если бы она существовала физически, всегда показывала бы на южные склоны этой скирды — площадь ее где-то 100 квадратных километров порытых лесом кряжей, торфянистых плато, глубоких ущелий и голых нагорий, и ни одной дороги или тропы, туда очень сложно добраться, и еще труднее выбраться оттуда. Ближайшая мощеная дорога находится в ближайшем городке Монгоморт, и до него километров семьдесят.

Если принять во внимание, что иностранцев, которые посещали Монголию до того, как она стала вторым коммунистическим государством в 1924 году, можно пересчитать едва ли не по пальцам, что после этого она была почти наглухо закрыта до следующей революции 1992 года и что природные условия там просто ужасные — зимой все покрыто льдом и болотами летом, — если все это принять во внимание, то вряд ли приходится удивляться тому, как мало было до самого последнего времени совершено в деле поиска могилы Чингиса.

Исключение составил прежде всего восточногерманский ученый Йоханнес Шуберт из университета Карла Маркса в Лейпциге,^[14] который

вместе с монгольским коллегой Перле для исследования горы предпринял недельную экспедицию. Он был первым европейцем, взобравшимся на нее, и подробно описывает, насколько трудно подняться на нее и с какими тяготами связано все путешествие. Это было в 1961 году, но звучит как рассказ путешественника, дошедший до нас из Средних веков.

Как и положено экспедиции, Шуберт выехал из Монгоморта с четырьмя местными монголами, обслуживавшими караван из 13 лошадей, и они шли, вытянувшись цепочкой, друг за другом, через заросли ивняка, по много раз переходя Керулен, то на один его берег, то на другой, и это был нелегкий переход для пожилого человека, которому скоро должно было стукнуть шестьдесят пять лет. На второй вечер один из сопровождающих, Дамба, погнался за оленем и упал; все думали, что он уже пропал, когда он кое-как добрался до лагеря с пораненной рукой. На следующий день они наткнулись на заросший и серьезно разрушившийся явно насыпной холм — 95 шагов в длину, 65 в ширину и 8 метров в высоту, что заставило Шуберта задуматься: горы, вода, густой лес, неподалеку от Бурхан Халдуна — не могила ли это Чингиса? Нет, решил он, почти определенно это гуннская могила, напоминание о том, что веками до Чингиса это было местом захоронений.

Потом они двинулись дальше, через хребет вверх по течению реки Богд (Святая), проводники то и дело указывали то на медвежий помет, то на мелькнувшего за деревьями лося. У подножия Хан Хентей попалося овоиз стволов и веток деревьев, где местные жители оставляли лоскуты ткани и кусочки хлеба, сахар и творог. По-видимому, неодобрительное отношение коммунистических властей мало сказывалось на почитании Чингиса. Здесь они заночевали в третий раз, поранившийся Дамба настойчиво просился на охоту,

снова упал и на этот раз сломал ключицу. Другой проводник помчался на лошади в Монгоморт за доктором (наездник, врач с помощником добрались до них через три дня). К этому времени другой из проводников подстрелил лося и приехал в лагерь, таща за собой окровавленное мясо по земле. Мясо нарезали, насадили на палки и сделали превосходный кебаб, поддержавший их силы накануне подъема, к которому они приступили на следующий день.

Подъем был очень тяжелый: лесная чаща, густой подлесок, упавшие деревья, вырывающиеся из-под ног камни, одни только оленьи тропы. Экспедиция вышла на заросшую террасу еще с двумя овами, очень большими, там же они нашли чугунные котлы на трех ножках и бронзовый сосуд. Вокруг были россыпи полукруглых изразцов, черепки посуды, обломки деревянных лакированных чаш, гвозди и скобы. Шуберт догадался, что это остатки храма, построенного Камалом, внуком Чингиса, в XIII веке.

Выше лес поредел, и они вышли на плоскую поляну, «усеянную ямами, которые наполнены булыжником, между ними росли островки мха». (Пожалуйста, зафиксируйте внимание на этих ямах, они будут играть существенную роль в дальнейшем повествовании.) Здесь монголы почтительно слезли с лошадей. Наконец на самой вершине они увидели целое поле овов, на главном были навалены обломки оружия, наконечники стрел и ламаистские талисманы. Несомненно, Шуберт решил, что перед ним исторический Бурхан Халдун, поэтому где-то здесь на склонах должна находиться могила Чингиса.

Так что поиски могилы Чингисхана дело совсем не для дилетантов. Сами монголы вовсе не по-дилетантски подходят к исследованию своей страны, но у них нет средств для приобретения высоких технологий для ведения археологических поисков. Такие технологии

стали доступны только после падения коммунизма в 1990 году. Первыми воспользовались открывшимися возможностями японцы, выступившие с проектом «Триречье», тем самым, который использовал радар для исследования древней монгольской столицы Авраги. Поскольку спонсор четырехлетнего (1990–1993 годы) проекта газета «*Иомиури Симбун*» хотела оправдать затраты широкой публики, проект рекламировался направо и налево. Согласно введению в доклад, подготовленный видным японским археологом Намио Эгами, объявленная цель проекта — обнаружение могилы Чингисхана — была «настолько важна, что могла положить начало новой истории мира». На звание проекта дали три реки, истоки которых находятся в землях предков Чингиса, — Керулен, Онон и Туул, — и это было гигантское предприятие — около 50 участников, проникающий под землю радар, великолепные фотокамеры и самый современный геодезический инструмент, куча машин и вертолет. Перед таким финансовым обеспечением не мог устоять Институт географии Монгольской академии наук и дал согласие на осуществление проекта, предложив свою помощь.

К работе приступили в 1990 году, и с самого начала все делалось сумбурно, без четкого плана и продуманной последовательности действий. Первым делом экспедиция обосновалась, конечно, в районе Бурхан Халдун/Хан Хентей. Подойдя снизу, японцы обнаружили давно уже обнаруженные развалины храма Камала. Спустившись на вершину с вертолета и проведя там час времени, они констатировали существование 200–300 каменных пирамидок, которые были описаны Шубертом (это означает, что никто из участников проекта не читал отчета Шуберта). Они не обнаружили там или где-нибудь еще никаких следов древнего захоронения, что и не удивительно, если вспомнить, что

они подошли к осмотру места столь поверхностно. Никто из японцев не попробовал спуститься к подножию горы или подняться от него к вершине и поэтому не видел «ям», описанных Шубертом и находящихся на среднем уровне горы.

Японская экспедиция нашла удивительное количество разного рода могил и артефактов в разных местах — но только не на Бурхан Халдуне, и нет ни намека на период, предшествующий XIII веку. С точки зрения археологии в целом четыре года исследований, проведенных по проекту «Триречье», имели очень важный результат, показав, какое девственное поле лежит перед исследователями в Монголии. Если же судить с позиций поставленной цели, то проект закончился полным провалом. Огромные затраты вряд ли окупаются сообщениями о сотнях малозначительных тюркских могил и подробным, но не имеющим отношения к делу описанием местности с использованием спутников, аэрофотосъемки и радара. Экспедиция должна была представить результаты раскопок — «артефакты-реликвии, сохранившиеся под толщей земли» и представляющие собой «мировую ценность». К счастью, два места оказались потенциально многообещающими. Одним из них была Аврага, дочингисова столица Монголии — важное место, которое доклад проекта «Триречье» превозносит смелым и абсолютно необоснованным выводом: «Почти с полной очевидностью можно говорить, что могила Чингисхана расположена в этом районе». Второй возможный источник «сокровища» совершенно удивителен — огромная каменная стена, огораживающая трехкилометровый участок кряжа в близлежащих горах. Местные жители называют ее Стеной Дающего, и она, скорее всего, не имеет никакого отношения к Чингису. Тем не менее доклад проекта «Триречье» совершенно безапелляционно

утверждает, будто «как представляется, Чингисхан был предан земле где-то в *Стене Дающего*». Доклад пестрит следами столь же небрежных исследовательских работ: Йоханнеса Шуберта называют «Ю. Шуберт», а Худодар Ходод превращен из участка земли в князя, написавшего «*Тайную историю*» и «организовавшего похороны Чингисхана». Потрачено столько средств, а в результате на право называться местом захоронения Чингиса с одинаковым пылом рекомендуются два разных места, и при этом опущено наиболее вероятное, абсолютно никаких новых сведений о похоронах Чингиса не получено, и весь проект сочится велеречивым дилетантством.

Самым странным упущением было то, что не стали по-настоящему исследовать место, которое является наиболее вероятным местом захоронения, сам Бурхан Халдун/Хан Хентей. Этот момент никак не объяснен в докладе экспедиции. Очень странно, ибо тот факт, что наиболее обеспеченный в финансовом отношении исследовательский проект полностью игнорирует самую важную в истории Монголии местность, представляется мне ошибочным, некомпетентным, а его выводы намеренно искаженными. Ряд экспертов говорили мне, что ошибка была преднамеренной и была сделана по настоянию монгольского правительства. «Власти решили, что проект «Триречье» никаких могил не найдет». Если это так, то такой приказ — следствие широко известного предсказания, что если будет найдена могила Чингисхана, то нация пропадет. Есть люди, которые воспринимают такое предсказание вполне серьезно. Мне говорили, что монгольскому члену проекта буквально угрожали смертью, если команда станет исследовать южные склоны. Никаких доказательств, естественно, не существует, никто сам об этом формально не сообщал. Но слова здесь, слуха там было достаточно. Все это предприятие было

обречено с самых первых шагов, уже тогда подкидывалась мысль, что у японцев за пазухой совсем иные цели, они будто бы занимаются геологоразведкой с помощью космических спутниковых технологий. Сплетни, слухи, иностранные деньги и национальная гордость — вот вам рецепт коктейля, который лишает ума тех, кого им потчуют.

Прекращение проекта «Триречье» открыло дорогу самому недавнему, самому решительному и, вероятно, наиболее разрекламированному искателю могилы Маури Кравицу, финансисту из Чикаго. Кравиц увлекся Чингисханом и Монголией с момента, как ему в руки попала классическая биография Чингисхана, написанная 40 лет назад Гарольдом Лэмбом, и теперь у него одно из самых богатых в мире собраний книг по этому вопросу. Он собрал 5,5 миллиона дол ларов, создал консультативный совет и подписал контракт с Институтом географии, тем самым, который поддержал проект «Триречье», получив эксклюзивные права на поиск могилы, о чем сообщил целым шквалом рекламы в августе 2001 года.

Место, которое он выбрал для раскопок, Стена Дающего, само по себе нечто замечательное. Это со вкусом выбранное место в одной из боковых долин в стороне от равнины, которая уходит к северу от древней столицы Авраги в глубь коренных монгольских земель, оставляя главный массив гор Хентей к западу. Когда мы туда добрались, Хишиг, Баатар, Гойо и я, работы на классическом профессиональном раскопе шли полным ходом. Рядом, обнесенная оградой, располагалась база экспедиции — пять отличных однокомнатных и двухкомнатных домиков, четыре юрты и с десяток автомашин.

За домиками начинался кряж двухсотметровой высоты, покрытый редкими елями и высовывающимися наружу, как голое плечо, огромными валунами на более

крутых участках склона. Главный объект этого места — гигантская стена, ограничивающая полукруглый участок кряжа трех километров длиной. Я поднялся на вершину кряжа и с восхищением огляделся: стена представляла собой исключительный образчик кладки без раствора, высота стены была 3–4 метра, стена для большей устойчивости отклонялась на несколько градусов вовнутрь с внешней стороны и опиралась на наклонную насыпь из более мелких камней, образуя треугольный в разрезе вал. На том участке, где я прошел, камни вне ней стороны стены были необработанными, словно их по ставили на место прямо из каменоломни. Некоторые могли быть подняты одним человеком, большинство требовало усилий двух-трех человек, некоторые нужно было поднимать целой командой. По грубым подсчетам, внешняя часть стены состояла из нескольких сотен тысяч крупных глыб и около 10 000 кубических метров камней поменьше, которые укладывались в опору стены. Впрочем, стена одинакова не на всем протяжении. На вершине стена представляла собой немногим больше, чем простой вал из булыжников и гальки, заполнявших промежутки между выступами каменной по роды и большими монолитами. Как бы там ни было, но строительство такого циклопического сооружения должно было потребовать целой армии рабочих рук и немало лет.

Что это такое и для чего? Это не крепость, в стене нет ворот, нет никаких оборонительных укреплений, нападающие без труда могли бы растащить по камешку всю стену — камни легко вынимаются из кладки. Без въездных ворот это сооружение вряд ли могло быть городской стеной. И место расположения по меньшей мере неудачное — многие сменявшие друг друга культуры в Монголии строили города на равнине, где жители могли иметь широкий обзор вокруг. Здесь же горизонт был сужен гребнями гор и деревьями. По

одному несколько эксцентричному предположению, это могло быть загоном для скота, но стена с плоским верхом, опирающаяся изнутри на груды булыжников, вряд ли остановит даже престарелую корову.

На раскопках командовал Джон Вудз, профессор средне вековой истории Востока Чикагского университета. Вудз, человек с торсом борца-тяжеловеса, всем своим видом производил впечатление настоящего начальника для полудюжины своих коллег, двадцати или больше рабочих. Все они копали и скребли, просеивали и чистили в четырех неглубоких ямах. Он отвлекся от теодолита, чтобы объяснить, почему это место столь важное: «Здесь по всей местности захоронения, могилы всех периодов, квадратные, круглые, скифские, бронзового века. Это настоящий археологический рай. Нетронутый, абсолютно нетронутый. Особенно средневековый период. Советских ученых интересовал доисторический период, но Средние века они оставляли в стороне, считая их регрессивным периодом в истории человечества. Но если мы не находим ничего, то сам факт, что мы проявляем интерес к этому месту и вовлекаем людей в работу, это уже исключительно важно».

Кое-что они уже нашли. Немного углей. Фрагменты черепа. Что-то черное, возможно человеческие останки, которые дадут углеродную датировку. Четыре ямы, похоже, выложены большими камнями, но трудно сказать, пол ли это, потому что все тут имеет тенденцию постепенно сползать под гору, и упавшие валуны очень похожи на камни фундамента.

Никаких выводов еще не сделано, но у Вудза есть рабочая гипотеза: «Моя главная цель — установить, что это был некрополь».

В его словах скрывается молчаливый намек на то, что он надеется открыть царские могилы. Но чьи?

Некоторые собранные им данные говорят, что стена, вероятно, относится к домонгольскому периоду, возможно Ляо (со времен царства киданей, 947-1125 гг.), но что делает некрополь Ляо в самом что ни есть монгольском краю, никому даже не приходит в голову. А одну, отдельно взятую стену сухой кладки практически невозможно датировать. Ее могли создать с полдюжины культур, начиная с гуннов, живших несколько сотен лет до нашей эры.

Это возвращает нас к сути вопроса и ведущимся вокруг него спорам. Кравиц, который размахивает Чингисом как флагом, чтобы пробудить интерес к проекту и собрать деньги, по-видимому, надеялся копать на Бурхан Халдуне, но ему не разрешили. Стена Дающего была хорошей миной при плохой игре. И все же он постарался извлечь из нее все, что можно, выражая большую надежду, что здесь был похоронен сам Чингис. А почему бы и нет, отсюда до Авраги каких-то 130 километров, 30 километров от возможного места его рождения, 90 километров от Бурхан Халдуна, как раз на границе между неприступными горными убежищами и богатыми пастбищами. Но тому есть несколько возражений. Эту гигантскую стену строили много лет, можем ли мы предположить, что Чингис много лет загодя планировал это место как место своего последнего упокоения? И могло ли стать, что тайная гробница будет оставлена в таком совершенно очевидном месте? И как скалистый горный склон сообразуется с могилой на лугу, утопанной скачущими лошадьми?

Пока что нет никаких свидетельств, что это место имеет какое-нибудь отношение к Чингису. Но поскольку речь шла о Чингисе, и именно это помогло собрать деньги и организовать все паблисити, его нужно было как-то притянуть. Это определенно устраивало одного монгольского члена экспедиции, Базагура, который

сделал карьеру на маркетинге мест, связанных с Чингисом, многие из которых вызывают очень большой скептицизм в отношении их подлинности. У ограды экспедиционного лагеря стоит плакат на доске: «Место Великих, упоминающееся в *«Тайной истории»*». (Подпись) Экспедиция Чингисхана». Это было наглым надувательством, так как слова «Место Великих», сами по себе, результат недоразумения. Они существуют единственно потому, что в 1941 году русский переводчик неверно передал туманную фразу, относившуюся к жертвоприношению на кладбище предков. В то время среди монгольских ученых господствовала русская культура и русский язык, и эта ошибка в 1947 году переключалась в популярную тогда монгольскую версию. Ошибку так с тех пор и не исправили, в результате чего место захоронения Чингиса, будь то на Бурхан Халдуне, здесь или где-то еще, люди, которые должны бы в этом разбираться и разбираются, обычно называют Местом Великих. Никаких данных о том, что монгольских вождей когда-либо хоронили на каком-нибудь одном кладбище, не получено.

Путаница и разногласия постепенно вылились в нескрываемую вражду. Филолог Бадамдаш пришел в ярость по поводу затеянного Кравицем предприятия: «Он на сто процентов заблуждается! — заблуждается как теоретически, так и этически — слишком рано раскапывать могилу Чингиса. Все равно ему ее не найти. Это государственная тайна. Могила определенно не внутри Стены Дающего, Стена относится к временам киданей, ее построили задолго до Чингиса».

По иронии судьбы, именно созданное вокруг Чингиса паблисити послужило причиной того, что раскопки Кравица были внезапно приостановлены вскоре после того, как я побывал на них в 2004 году. Люди наверху стали проявлять недовольство тем, что

иностранцы суют нос в самые священные места Монголии, хотя нигде не сказано, что Стена Дающего была для кого-то священной или имеет какое-то отношение к Чингису. Команде Кравица велели сворачиваться, и, если верить газетам, не без ликования. «Давайте уважать наших предков!» — провозгласила монгольская еже дневная газета «Унэн» («Правда»), опубликовавшая 17 августа интервью с Вудзом, уже собиравшимся к этому моменту отбывать из страны. Интервью заставляло думать о некоей реальной, пусть даже неявно сформулированной, политической оппозиции.

Репортер: Кто остановил вас?

Вудз: Не могу сказать точно, кто. Думаю, 22 июля главу местной администрации попросил глава аймака (области).

Хотя если послушать Кравица, то все было как раз наоборот. Как обстояло с так называемым запретом вести раскопки на Бурхан Халдуне? Чепуха, сказал он. У них было право копать где им будет угодно, в том числе на Бурхан Халдуне. Они выбрали Стену Дающего, потому что это место самое красивое. Раскопки закончились по той причине, что закончился сезон. И ничего другого. Все разговоры о политических интригах или недовольстве местных властей либо не правда, либо имеют в своей основе решаемые вопросы, либо речь идет о совершенных пустяках. Если вспомнить о напористости Кравица, его финансовых возможностях, если вспомнить о несомненной важности этого места и если вспомнить о согласии экспедиции включить в свой состав монгольских археологов и институты, я не могу не думать, что оппозиция сойдет на нет и команда Кравица возвратится, и ее ждут важные, даже потрясающие открытия.

Но только там, где расположена Стена Дающего. Не на Бурхан Халдуне. И, готов поспорить, не в связи с Чингисом.

17 На священной горе

Издалека бурхан Халдун-Хан Хентей казалась не такой уж неприступной: не очень высокая, всего в двухстах километрах от Улан-Батора, на расстоянии одного дня езды на машине. Но когда я начал обсуждать идею подняться на нее, мои собеседники, люди знающие, начинали качать голова ми и поджимать губы. Подъезд к горе идет по 30-километровой дороге, проходящей по вечной мерзлоте, весной она превращается в сплошную грязь. Летом непрерывные дожди делают ее непроходимой. Я мысленно задвинул эту идею в запасники.

Но вдруг образовалась щелочка, сквозь которую засветилась возможность все-таки осуществить ее. Поездка в Аврагу, место, где, возможно, родился Чингис и где находится Голу бое озеро, на котором его, возможно, провозгласили ханом, оставила в моем распоряжении один-два дня. Мы переезжали вброд Керулен, поток метров 150 шириной, неглубокий, но очень быстрый, когда передо мной открылось, что есть возможность осуществить свою мечту. «Уазик» добрался уже до середины реки, когда вода плеснула в двигатель, и он умолк. Хишиг, шофер с обожженными паяльной лампой руками, отнесся к этому типичному сельскому происшествию со столь же типичным равнодушием. Двигатель или подсох нет, или не подсохнет. Если не подсохнет, подъедет еще какой-нибудь всадник или машина, или Хишиг сам сходит за помощью, или получится еще что-нибудь. Так или иначе, но последующие несколько минут воцарится полный покой, и не будет слышно ничего, кроме журчанья воды по каменистому дну реки.

Появился шанс узнать точно, где мы находимся, — во всех отношениях. Гойо занялась своими инструментами, я разложил карту. Да, координаты подсказывали нам со всей определенностью, на каком участке реки, посередине которой мы застряли, мы находимся. Я проследил течение Керулена по карте. Вон там, в 60 километрах на север, в двух шагах от самого Керулена, находится Бурхан Халдун. Разве это расстояние? Кроме того, последние дни не выпадало ни капли дождя. Было бы преступлением не попробовать, нельзя ли, по крайней мере, подобраться к нему поближе.

Мотор завелся минут через пять. На другой стороне Керу лена, чуть подняться вверх по течению, находился юрточный лагерь, где мы должны были переночевать в тот день. И где я смогу получить более подробную информацию от хозяина лагеря Гансуха, который расширил свой туристский бизнес на сельскую местность. И тут же стала очевидна главная помеха — мухи. В горах Хентей влажное лето сопровождается неисчислимыми полчищами мух, а это лето было влажным, и вокруг кишмя кишели неотвязные создания, крошечная въедливая мошкара и огромные кровожадные слепни, доводившие до измождения лошадей и загоняющие людей в наполненные дымом кизяка гээры. Стоило выйти из юрты, и невозможно было не размахивать руками. Мы с Гансухом могли бы общаться с помощью семафора. Если меня не остановила грязь, то могут остановить мухи.

Кроме того, то, что не расстояние для стервятника, становится бесконечностью для неопытного и к тому же вечно спешащего путешественника. Дорога туда, даже если она сейчас проезжая, заканчивается болотом, вдающимся в понижение между двумя холмами, которое, в свою очередь, заканчивается болотом, из которого вытекает река, а затем еще 20 километров,

пока дойдешь до подножия горы. Я воз разил, что люди добираются туда каждый год, чтобы почтить память Чингиса. Да, но монголы добираются туда на лошадях, медленно, большими группами. Для меня это будет кошмаром логистики. Все эти места расположены на территории ненаселенного Национального парка Хан Хентей. Там не найти никаких скотоводов, чтобы разжиться пищей и ночлегом. Нет никаких гарантий, что туда проедет машина. Если я решу ехать на лошадях, их нужно нанимать в Монгоморте, это 70 километров от горы, и только добираться до горы придется дня два, а это, в свою очередь, означает, что все мероприятие нужно готовить загодя, за несколько недель по меньшей мере. Мне понадобится проводник и кто-нибудь присматривать за лошадьми, готовить пищу, натягивать палатку, и для него нужна четвертая лошадь. Вся эта операция будет громоздкой и достаточно растянутой во времени, так что все население окружающих местностей будет о ней знать, что повлечет за собой необходимость обзаводиться официальными разрешениями, поскольку Бурхан Халдун часть национального парка. Если я попробую пробираться туда на «уазике» со своими тремя спутниками, то вступлю в конфликт с местным табу. Возвышенность, которую придется пересекать, еще с добуддийских времен считается священной. Даже ламам запрещено ходить туда, как не может появляться там, и женщина. Гойо придется остаться на кряже. Лучше выбросить эту мысль из головы.

Я этого сделать не мог. Я должен был попытаться взглянуть на священную гору Чингиса хотя бы издали. Нужно действовать просто, быстро, не рассуждая и надеяться на лучшее.

На следующее утро мы двинулись на север по лабиринту автомобильных следов между темно-коричневыми домиками ми и палисадниками Монгоморта.

Он очень походил на городок Старого Запада до того, как там появились дороги и ограды, и имя у него было очень подходящим — «У Серебряной Лошади». А там, за выездом из него, на несколько часов нас ждало счастье, какого не получишь, отправляясь в путь верхом, — врывающийся через открытые окна ветер выдувает мух, «уазик» легко мчится по открытой саванне, в километре среди осин и берез красиво извивается Керулен, а впереди манящие громады гор.

Нам пришлось остановиться на чай в какой-то юрте, последнем обиталище человека перед Национальным парком, Хан Хентей, и здесь мы получили небольшое предупреждение о подстерегающей нас опасности. Сидя на маленькой табуреточке с левой стороны центрального очага, как и приличествует гостю, я заметил два портрета среди фотографий, что в семейных гээрахзаменяют сегодня домашних богов. Один был портрет Сталина в привычном обличье «дядюшки Джо» — русские ушли из Монголии так безжалостно быстро в начале 1990-х годов, а отказ от коммунизма был настолько решительным и полным, что удивительно было увидеть хоть какие-то остатки былого уважения. Другая картинка была детским рисунком Чингисхана, произведением двенадцатилетнего мальчика, который сейчас учился в школе — интернате. Была ли какая-то связь между этими двумя авторитарными фигурами? Не успела эта мысль зародиться у меня в голове, как на улице раздались конские копыта и крик: «Волк! Напал на коз!»

В секунду у кого-то в руках было ружье, и все мы, нас четверо и еще двое мужчин, были в машине. Нечего и говорить, это касалось и нас, потому что единственное, что мы могли предложить за гостеприимство, была наша машина. Мы подъехали к стаду — несколько десятков баранов и коз, испуганно сбившихся в отдалении, и только маленький комочек

лежал на земле перед нами. Волка и след простыл, конечно. Жалобно блеявшая овечка оказалась маленьким ягненком, из каверны в брюхе у нее текла кровь. Двое мужчин перевернули ее брюхом вверх. Рана была ужасная, кишки вывалились на траву, часть из них съел волк. Ясно было, что долго ягненок не протянет.

«Мы оставим его здесь, — пояснил один из мужчин. — Волки возвращаются к своей добыче. Может, удастся подстрелить его».

Я почти ждал, что сейчас будет выстрел. Ничего подобного, один из мужчин вынул складной нож, не торопясь, твердой рукой вогнал его в грудную полость, потом сунул туда руку и вы тащил сердце. Ягненок ни звуком не среагировал, наверное, он уже не чувствовал дополнительную боль, и операция, поразительно спокойная и удивительно впечатляющая для постороннего глаза, завершилась в считанные секунды.

Десять минут через океан трав; деревянная наблюдательная вышка отмечала, что мы вступаем в края 1200 квадратных километров первобытной девственной природы. Горы поднимаются на высоту не больше 2500 метров, высываясь из лесов голыми вершинами, похожими на лысые макушки католических монахов, дорог мало, посетителей и того меньше, постоянных жителей нет и в помине. Это владения оленей, лосей, медведей и волков, тех же зверей, что водятся в сибирской тайге, которая простирается далеко на север. Конечно, здесь не всегда было так пустынно, потому что это часть монгольских коренных земель, истоки трех рек, составляющих часть монгольской идентичности. Почти не доступные долины и ущелья, где ивовые заросли и небогатые луговины сменяются еловым лесом и голыми утесами, укрывали семью Чингиса в годы его юности и с тех пор остались хорошими охотничьими угодьями. Только в 1992 году этот район наконец объявили парком и природу

предоставили самой себе. Недавняя встреча заставила меня задуматься. Что могло бы случиться с нами, если бы мы вторглись в эту безлюдную область.

Горы вокруг сгрудились, чтобы вынудить дорогу протиснуться через Керулен по необычайно мощному бревенчатому мосту, чьи могучие конструкции свидетельствовали о важности этой дороги. Это был единственный путь, по которому правительственные чиновники могут совершать свои редкие визиты на эти святые склоны. Нам повезло: последний ливень разразился и закончился несколько дней назад, и дорога уже почти высохла. Она спускалась мимо зарослей ивового кустарника, полого сбегавших к берегу реки, оставляя позади торчащие к небу остовы сгоревших сосен, обугливавшиеся и узловатые скелеты деревьев — напоминания о бушевавшем здесь три года назад лесном пожаре. Баатар завел своим высоким чистым тенором песню о Хентей, и, словно в ответ на заклинания шамана, сквозь пышно раскинувшиеся ивы скакнул и умчался прочь олень. Мы были одни в этом покинутом людьми мире дикой природы, и единственным признаком человеческого присутствия была дорога, по которой, судя по отметинам на траве, раз-другой в неделю проезжали автомашины. Ради чего на земле приезжали они сюда? Приносить одинокие жертвы Чингису?

Дорога взбежала на невысокий хребет.

— Это место называют Порогом, — проговорил Баатар. — Но это не настоящее название.

— А какое настоящее?

— Мы его не произносим, — негромко проговорила Гойо, так как многие священные места, обычно горы, имеют табу на свое название. — Мы даже не указываем на них.

— Но мне-то можно сказать, — с совершенно детской наивностью запротестовал я. — Я же писатель.

Гойо замешкалась на миг и пробормотала название — секрет, выдать который невероятно трудно. Дорога вдруг выровнялась, а затем, будто наказывая нас за безрассудность и легкомыслие, оборвалась хаосом колесных отметин там, где машины дернулись вперед и по самые оси утонули в вязкой грязище. Мы остановились на краю небольшого болотца, образованного тающими водами с лежащего впереди склона. Хишиг и Баатар попытались измерить глубину болотца и определить, сможем ли мы преодолеть 20 метров, отделяющие нас от продолжения автомобильных следов по другую его сторону. Слева от нас Керулен протекал между двумя высокими обрывами. Машину захватили мухи. Жара усиливалась.

— Они говорят, что не проедем, — сказала Гойо.

— Но ведь кто-то оставил эти следы? — раздраженно, сердясь на Хишига за то, что он не расположен рисковать, выпалил я. — *Они же проехали.*

— Это были государственные рабочие, два месяца назад. — сказал Баатар. — Они приезжают каждые два-три года. Много машин, много канатов, домкратов, может быть, трактор. Вообще-то эти следы вполне могли быть остаться после Кравица с его командой, которые также прошли этим путем в начале лета, прежде чем начать раскопки у Стены Дающего.

— Если мы увязнем, то останемся тут на несколько дней, — заметил Хишиг. — Тут только птица пролетит.

Он был прав. Я видел, где некоторые машины развернулись и сдались. Самое большое, на что я мог надеяться, — это посмотреть на свою невозможную цель с верхней точки склона.

Подняться на вершину оказалось нетрудно, там было святилище, *ово* из сосновых стволов, сложенных в форме индейского вигвама и обвязанных выцветшими полосками голубого шелка, у основания бревен были кучи водочных бутылок. Мы совершили свой тройной

ритуальный круг. Это был путь — единственный путь — войти в потаенный мир, куда я так долго стремился, — путь, по которому, видимо, спасался Чингис, путь, по которому, возможно, везли гроб Чингиса в долину, что открывалась моему взору и приветливо звала к себе. Вон течет Керулен, совершая крутой изгиб вокруг каменистой осыпи,^[15] которую в тех местах называют Носом Чингиса. А там, дальше, поднимаются горы, исследовать которые я мечтал, одна из них — я не знал, которая, — наверняка была Бурхан Халдуном. От одного их вида захватывало дыхание, они были такими далекими, как мираж, потому что земля у наших ног резко проваливалась в глубокое торфяное месиво, взбитое десятками крутящихся автомобильных колес. Даже если бы с нами не было Гойо, которая определенно нервничала по поводу нарушения табу на появление женщин за пределами этого пункта; даже если бы мы и преодолели на машине весь этот невероятный подъем, все равно двухсотметровый спуск в долину по разбитому машинами торфу был бы сумасшествием — и что потом? Выбраться оттуда было бы весьма проблематично. К тому же надвигалась гроза, по склонам гор напротив уже струились потоки воды. Мы побежали назад к машине, и под завесой пыльного облака, раздуваемого приближающимся дождем, исчезли горы с долиной, мои надежды и мечты.

Вернувшись в Улан-Батор, я злился из-за своего невезения. Быть так близко и все-таки так далеко! У меня оставалось три дня. От разочарования голова работает быстрее, и мне пришла в голову новая идея, несколько сумасшедшая, но почему бы и нет, почему бы не попробовать! Я знал, что добраться до Порога можно машиной. Оттуда всего 18–20 километров до Бурхан Халдуна. Не нужно никаких лошадей. Я могу до него

дойти пешком. Все, что мне нужно, — это спутник, палатка и немного еды. Двадцать километров на машине, ночь на Бурхан Халдуне, 20 километров обратно, что тут такого, на это хватит два, от силы три дня. Я поделился своими мыслями с Грэмом Тэйлором, австралийцем, который организовал все это мое путешествие. Я ценил и его советы — он сам путешественник, крепкий, опытный, честолюбивый, непосредственный, — и его контакты, один из которых вдруг сработал.

Игорь де Рашевильц, сотрудник кафедры истории Тихого океана и Азии Австралийского национального университета в Канберре, выдающийся специалист в своей сфере. Будучи вице-президентом Международной ассоциации монгольских исследований, он внимательно ознакомился как с проектом «Триречья», так и с предприятием Маури Кравица. Больше того, он сам поднимался на Бурхан Халдун. Он моментально ответил на мой запрос и выслал электронной почтой два неопубликованных материала — о могиле Чингиса и о его собственном подъеме на гору, который он совершил пять лет до этого. Я быстро ознакомился с материалами и решил, что подъем сам по себе дело несложное, если только правильно выбрать точку начала подъема.

Проводник, которого для меня нашел Грэм, никогда не бывал на этой горе, но зато он был экс-командиром танка и отличался соответствующим духом. Он носил яркую футболку и широкополую шляпу, подаренную австралийским туристом, которые придавали ему беспечный и очень жизнерадостный вид. Достаточно было услышать его имя, чтобы преисполниться уверенностью, — его звали Тумен, «десять тысяч», так называлась самая большая войсковая часть армии Чингиса. По еще одному совпадению, которые так типичны для жизни в Монголии, я уже почти встречался

с ним раньше. Выйдя из армии, он работал на нефтепромыслах в Зуунбаяне в Южной Гоби, на месторождении, которое начали разрабатывать русские, но потом оно перешло к небольшой американской компании «Нескор», приютившей меня во время моего предыдущего путешествия. Мы знали одних и тех же людей и разошлись во времени всего на несколько месяцев. Английский он выучил в Зуунбаяне, где его приняли на работу в качестве переводчика — в следующем порядке: сначала работа, затем язык. Если учесть, что иностранный язык он принялся изучать уже после тридцати лет, то нужно сказать, что у него прекрасные способности. Третьим членом нашей группы был шофер Эрденебаатар (Драгоценный Герой), стройный, как ласка, знавший свой русский «газик», как кавалерист знает своего коня. Оба выслушали мой крайне сомнительный план сорокакилометрового двухдневного пешего похода, ни одним движением лица не показав, что они о нем думают. Купив в корейском супермаркете батон колбасы и полуфабрикаты из лапши и позаимствовав палатку из запасов Грэма, мы отправились в путь.

Как только мы добрались до Порога с его болотом-тупиком, Эрдене показал свое мастерство во всей красе. Он внимательно осмотрел болотце, сел за руль и объехал жидкую грязь по краю, подминая под колеса ивовые кусты, которые росли по его краям. Ветки кустов послужили матами на колыхающейся поверхности, и непреодолимое препятствие превратилось в мелкую неприятность. На вершине, должным образом поклонившись ово, мы изучили предстоящий спуск. Нам предстояло двигаться вниз по крутой, изъязвленной многими полузасохшими колеями поверхности с торфяным подпочвенным слоем. Эрдене и Тумен обсудили между собой спуск и сошлись в едином мнении. Это будет все равно, что преодоление

танковых ловушек на выгнутом болоте. Мы с Туменом решили проверить маршрут дальше, до Керулена, и, когда направились обратно, чтобы перекусить перед прогулкой-марафоном, Тумен оборвал разговор на полуслове и удивленно показал на что-то за моей спиной. Там по вытянутой поляне на вершине через заросли ивняка, подпрыгивая, ехал наш «газик», вот он зигзагами, словно лыжник на снежном склоне, начал спускаться в нашу страну.

Эрдене остановился рядом с нами на заливном лугу и все объяснил. Когда монгольский военный отряд месяца два на зад пробирался в эти места, несколько машин выбрали этот маршрут. Он двигался по их следам. «Было совсем легко, — сказал он, — но много болот. Есть два места, которые мне на обратном пути не проехать».

До меня как-то не сразу дошло, в какую историю он нас втянул и почему. Было совершенно ясно, что напрямую подняться по крутому склону обратно на Порог он не сумеет. Теперь же он обнаруживает, что подняться нельзя и по более легкому пологому пути в обход. Мы очутились в ловушке.

Не меньше этого открытия меня встревожила реакция обоих монголов — полное безразличие. Что сделано, то сделано, что будет, то будет. Не оставалось ничего другого, кроме как продолжать начатое. Только теперь нам с Туменом не нужно было проделывать пешком еще 20 километров.

Что теперь? Я сверился по своей карте. Бурхан Халдун был где-то впереди, скрытый выступом скал. Керулен разрезал нашу дорогу справа налево, с востока на запад. Дальше три притока Керулена уходили в ущелья высокогорья. Я стал разглядывать названия, напечатанные так мелко, что почти не возможно было разобрать. В отчете Игоря говорилось, что нужно придерживаться направления на Богд, святую реку, и,

казалось, что одна из рек справа и была Богд. Я различал первые буквы *Б* и *о*.

Но, перебравшись на другой берег Керулена, я потерял ориентировку. Если впереди есть горы, то они закрыты облачностью. Колея все же была хорошо наезжена правительственным транспортом и стоял указатель, подсказывавший, что прямо впереди через равнину будет река Богд. Но на карте та же самая река была четко обозначена «Керулен». Обе реки стекали с огромного отрога кряжа Хан Хентей. Но у кряжа было две вершины, одна выше другой на 90 метров. На карте река, обозначенная «Богд», но не та, на которую указывал дорожный знак, вела как раз к этой высшей точке. Конечно же, нам следует руководствоваться картой и двигаться по «Богду» к более высокому из двух пиков, который должен быть самым Хан Хентеем — или нет? Внезапно в приступе настоящей паранойи я увидел свет. А идем ли мы по направлению к месту, которое сам Чингис велел держать в секрете, к месту, которое тщательно охраняется от чужих глаз последние 800 лет? Почему, если это такая большая тайна и историческая неразбериха, здесь столько автомобильных следов, да вдобавок еще и дорожный указатель? *Все было очень просто.* Мы стали жертвой огромного и преднамеренного обмана, организованного государством.

— Тумен, это не та долина.

— А где мы должны быть? — Бедный малый так доверял мне, что никогда не пытался проверить, правильно ли я читаю карту.

— Вот тут, не в следующей долине, а в той, что за ней.

— Что мы делаем?

Теперь я уже точно знал, что делать. Нам нужно пройти несколько миль через ивняк, потом через участок леса, затем повернуть налево и подняться в

гору к более высокой верши не, которая и будет сам Бурхан Халдун. Я с гордостью обнаружил в себе глубоко скрытые качества руководителя. «Мы сейчас перекусим, — сказал я. — Потом до темноты будем идти. Ночуем. Идем берегом Богда, сколько получится, если выйдет, поднимемся на Бурхан Халдун, но при всех условиях возвращаемся сюда к полудню среды. Правильно?»

Эрдене был оставлен со строгими инструкциями. Он дол жен был ждать здесь, если не будет дождя, а если будет, то быстро подниматься к Порогу, каким-то образом перебраться через него и ждать нас на другой стороне. Если он завязнет, как он это предсказывал, мы без труда найдем его и тогда будем снова думать. Так или иначе, мы с ним увидимся через день или два.

Мы с Туменом взвалили на плечи рюкзаки и тронулись в путь, петляя между доходившими до пояса кустами и перебрывая через протоки того, что моя карта называла Керуленом, а указатель утверждал, что это Богд. Парило нещадно.

У меня в ботинках хлюпала вода. Вокруг нас кружились полчища мух. Я пытался избавиться от них, поднявшись повыше и идя краешком языков ельника. Мух меньше не стало, а в лесу были завалы упавших после бушевавшего здесь три года назад пожара деревьев. Тумен, тащивший рюкзак и вдобавок к нему свое объемистое брюхо любителя пива, начал отставать. Каждый раз, когда я оборачивался, я видел его по пояс в ивовых кустах с нависающими над его головой тысячами мух, образывавшими в лучах заходящего солнца нечто, очень похожее на нимб. Это был настоящий ад.

Через три часа мы добрались до реки, к которой я и хотел добраться. Быстро темнело, мы были раздражены и стали препираться по поводу того, где разбить лагерь среди ивовых кустов и как лучше установить палатку,

которая все время раздувалась в разные стороны и принимала самые невообразимые формы. Потом нужно было развести костер. Ну да, конечно, сказал я, только из чего? Навоз, сказал Тумен. И в самом деле, вокруг валялось много сухого навоза, наверное оленьего, подумал я. Но растопка из ивовых прутьев была влажной и не загоралась.

— Ну что я за идиот, — бурчал Тумен, когда мы по очереди манипулировали единственным коробком спичек. — Я забыл бензин.

Я решил не говорить ему, что забыл компас. Так что если мы проснемся в облаке, то окажемся глубоко-глубоко в оленьем навозе. К этому моменту осталось только с десятков спичек. Мы соревновались в добывании огня, разминая мокрые прутьики до самых тонких волоконцев, и наконец навозный дым и темень избавили нас от мух.

Я вынул нашу еду, лапшу в пакетиках, что приобрел в корейском супермаркете в Улан-Баторе.

— Это что за женская еда? — презрительно протянул Тумен. — Кто это купил?

— Гойо, — соврал я.

— Что же она не спросила меня? Я же монгол! Мне нужно мясо!

В конце концов общая напасть и женская еда примирили нас, и мы уснули.

В половине седьмого я выполз из палатки и увидел вокруг себя совсем другой мир, мир ясный и покойный. По дну ущелья подо мной стелилась ленточка тумана, мухи еще не проснулись, и солнце омывало верхушки елей на склонах гор повыше. Если в верховьях ущелья и была гора, я не мог ее видеть за лесом. Я вынул карту и стал перепроверять ее, сравнивая с отчетом Игоря. Он шел к Хан Хентей, что означало, что он двигался по реке, помеченной на его карте как Богд. Но Хан Хентей оставался слева, и к ней текла река, которая на моей

карте звалась Керулен. Сейчас я на Богде, поэтому вершина впереди должна быть тем, что нужно, правильной вершиной.

Но этого не могло быть. Вокруг лежала совершенно пустынная местность, никаких признаков дорог, никаких следов машин или лошадей. Я повернул карту к восходящему солнцу, всмотрелся в нее повнимательней и вспомнил про лупу в глубинах моего рюкзака. О боже! Река подо мной называлась совсем не Богд. Крошечные синенькие буквы читались не Б-о... а Б-а... Бага что-то... Бага Ар, «Маленькая Спинка».

Должен сказать, что, когда я сообщил Тумену, что мы не в том ущелье и что нам лучше вернуться к машине, он воспринял это как настоящий мужчина. Мы прикончили остатки мокрого хлеба, засунули вымокшую палатку в мешок и пустились вниз по склону. Наверное, мы оба испытывали не обычайное облегчение, думая о том, что скоро снова будем в машине, будем ехать по правильному ущелью в сторону правильной горы.

Мы шли по низине, где вместо ивового кустарника росла жесткая трава, где я споткнулся о странную кучку камней, все они были приблизительно с кулак величиной и образовывали неправильной формы пятно на земле, диаметром где-то метр с половиной. Возможно, там был кто-то похоронен. Но уж очень неподходящее место для могилы, не на горе, посреди болотистой луговины, куда ни одной живой душе, в чем теперь не было никакого сомнения, не было никакой причины появляться, — и к тому же такая необычная форма, даже если принять в расчет сотни лет погодных влияний. Может быть, могила сильно заросла? Камни были подозрительно чистыми, никакой травы. Мне подумалось, что, скорее всего, они были отмыты каким-то естественным процессом. Я сфотографировал камни и отложил эту загадку подальше в памяти, где она

оставалась до той поры, когда появилась причина вернуться к ней снова.

Мы расстались с деревьями и шли по главной реке, которая, по всей очевидности, была самым Керуленом, как бы ни называла его моя карта, направляясь на запад, и солнце сушило наши мокрые спины. Вот-вот мы готовы были увидеть машину, которая должна была быть за лесистыми выступами склонов, которые мы проходили накануне вечером.

Вдруг теперь, когда обзору не мешали подошвы гор, я по смотрел вдоль ущелья и прямо перед собой увидел нашу вожделенную цель, ее не закрывало ни облачка, и это, вне всяких сомнений, была она. Бурхан Халдун, Хан Хентей была серая масса камня, отчетливо возвышающаяся над окружающими лесами и похожая на вздувшийся напряженный мускул. Как же мне не повезло, что до самого последнего момента ее скрывали то облака, то горы, то лес, и как же мне повезло, что она сейчас открылась. Совсем близко от вершины виднелось белое пятно, и, глядя на него с расстояния километров пятнадцати, я задумался, не поставил ли кто-нибудь там гээрили, может быть, это что-то вроде ово.

В нормальных условиях мы уже были бы в пути. Но условия не были нормальными. Хентей замышляли что-то совершенно гадкое. Несмотря на то, что над нашими головами светило яркое солнце, и в таких же ярких лучах купался Бурхан Халдун, западное небо быстро поглощалось зловещей темно-лиловой тучей, наплывавшей на горы и со звучным погромыхиванием устремившейся в нашу сторону. Удивляться не приходилось, что мы не видим машины. Эрдене наверняка все видел и слышал и сбежал к Порогу. Нам лучше последовать его примеру.

До Порога оставалось минут десять ходу, когда солнце исчезло, и тут же разверзлись небеса. Мой мир в

мгновение ока сузился до мутного пятна. Я набросил пончо на рюкзак, фотоаппарат, магнитофон и записную книжку и посмотрел на Тумена. От дождя его спасала только австралийская шляпа, с которой текло, как с крыши без водостока, на футболку и тренировочный костюм надеть ему было нечего.

На перевале и в помине не было никакой машины и никакого Эрдене. Должно быть, он каким-то образом изловчился перевалить на другую сторону горы. Это было добрым знаком, ибо означало, что мы можем оттуда выбраться, но в этой бочке меда была и своя ложка дегтя, — это одновременно возвещало огорчительный конец моим амбициям, ибо предстоит еще преодолеть, возможно, непроходимый для машины топкий перевал.

Мы поднялись к Порогу, оставив позади бушевавшую в долине грозу, и спустились по противоположному склону до места, где нас остановило болото. Все равно никаких признаков машины. Я переспросил Тумена о том, как они договорились с Эрдене.

— Я тысячу раз говорил вам! — разозлился он. — Он либо останется там, где мы расстались, либо будет здесь!

Возможно, мы его пропустили. Мы побрели назад, вверх — вниз, к тому месту, где накануне расстались. Машины нет. Мы поискали следы, все следы растворились в грязи и лужах.

Мы переходили Порог уже вдевятый раз, и в голове у нас рисовались самые жуткие сценарии. В машине что-то отказало, и Эрдене уехал ремонтироваться. На него напал мед ведь (но где в таком случае машина?). Он просто бросил нас (но с какой стати?). В любом случае нам оставалось полагаться только на самих себя. Придется тащиться 30 километров по дороге, а потом еще сколько-то, чтобы выйти к первой юрте,

конечно, если только семейство, сражавшееся с волком, все еще там. И у нас почти не осталось еды.

Надвигалась ночь, а вместе с ней еще одна буря. Мы натянули палатку прямо посреди дороги у самого болота и не успели протиснуться в нее, как по ней забарабанили тяжелые капли. В считанные секунды водопад превратил палатку в настоящий боевой барабан. Тонкая палаточная ткань дрожала с таким шумом под ударами штурмующей воды, что разговаривать не было никакой возможности. Я погрузился в трясину сожалений и догадок, пытаюсь разобраться, что же такое произошло и что нам делать, настроение было самое мрачное. В такую погоду пешком ни за что далеко не уйти. Благо даря сумасшедшему мастерству Эрдене перед нами открылась дорога, и я все испортил своей дурацкой ошибкой. Но опять же, не будь этой ошибки, сидеть бы нам сейчас, в такую-то погоду да еще без компаса, на дикой горе на полпути к вершине Бурхан Халдуна. Невезение и недомыслие, воз можно и то и другое, взятые вместе, либо погубили, либо спасли нас. Что именно они сделали, сообразить я не мог.

— Хорошо еще, что у вас столько терпения! — прокричал, перекрывая громовую дробь дождя, Тумен.

— А что делать! — проорал я в ответ.

— Другие стали бы обвинять меня и побили бы.

— Не говори глупости. — Мне и в голову не приходило, что кто-нибудь мог так жестоко воспринять несгибаемый оптимизм Тумена. Кроме того, во всем был виноват я, и только я.

— Это не глупости. *Они меня побили.* — *При воспоминании он покачал головой.*

— Кто же это побил тебя?

— Эти... как их... итальянцы! И знаете, что они первым делом сказали? «Но мы же заплатили! Мы за-п-л-а-т-и-л-и!» — Он проревел эти слова так, словно

итальянцы были ослами, чтобы не подумать, что никакие деньги не могут ничего гарантировать в этом неустойчивом мире.

Я не стал расспрашивать о том, как это случилось. Голова у меня была занята едой: у нас остались два кусочка колбасы, пакет йогурта и полплитки шоколада. Женская еда — никакого мяса для тридцатикилометровой прогулки, которую, может быть, придется совершить нам, будет лить дождь или не будет лить дождь, все равно.

Придется поискать письменного отчета у других путешественников, главным образом у Шуберта и де Рашевильца, который прошел по его стопам 36 лет спустя. Мрачные небеса продолжали извергать водопады воды, а я принялся читать в который раз, но только намного внимательнее, то, что писал он.

Нужно сказать, что экспедиция де Рашевильца не была та кой уж легкой и гладкой. В его команде было десять человек, их маршрут длился две недели и проходил по нескольким историческим местам. В группе была женщина. Поскольку женщинам запрещено посещать Бурхан Халдун, пришлось прибегнуть к особому ритуалу, для чего специально пригласили шамана. Они передвигались на трех машинах и в Монгоморте наняли несколько лошадей, которые двигались следом и понадобились для последнего подъема. При такой мощной поддержке им удалось перейти Порог. «Жуткое дело, — написал он мне потом. — Мы несколько раз увязали и часами выкарабкивались из грязи».

У нижнего овоони разбили лагерь и стали готовить пиршество, а шаман тем временем занялся своим делом: «танце вал, бубнил, пел, бил в бубен, впадал в транс и все такое». Под конец пиршества «шаман сказал нам, что дух Чингисхана дает всем нам разрешение подняться на гору, чтобы поклониться

ему». До первого плато они добирались минут двадцать, там Игорь, как и Шуберт, нашел осколки изразцов и кирпичей, а также две большие металлические вазы — все, что осталось от разрушившегося храма Камала.

Они двинулись дальше, на второй уровень, который Рашевильцу показался намного интереснее, чем его описал Шуберт, потому что в представлении Игоря здесь было на стоящее обширное кладбище. «Мы оказались на плоском го лом пространстве шириной несколько сотен метров, испещренном древними раскопами, т. е. ямами, которые сначала вырывались, а потом вновь засыпались землей, камнями и разным мусором, все ямы отчетливо выделялись на поверхности земли под редкими пучками травы». После еще одного крутого подъема они нашли пирамидки ово. «Не было видно никаких признаков захоронений, но если смотреть вниз, то за выступом горы можно различить следы человеческой деятельности». Свое описание Игорь сопровождал интригующим заключением, что «представляется вполне допустимым, даже весьма возможным, что здесь, на южной и юго-восточной стороне горы... лежат похороненными монгольские императоры».

Осознать, что я упустил шанс затратить каких-то два часа, чтобы попасть на кладбище, где может находиться могила Чингисхана, не было сил. Я выключил фонарик и лежал в темноте, чувствуя себя совершенно несчастным. Дождь не унимался. Вдобавок ко всем моим неприятностям, у меня не было ни пенопластикового матраца, ни подушки. Обессилев от мокроты и огорчения, я погрузился в долгий сон.

Я проснулся после десятичасового очищающего сна. Буря закончилась. Утро было великолепное, небо бледно-желтое, на всем окружающем, на кустах ивняка

разлился легкий туман, он оседал на подошве горы и закрывал дорогу, по которой мы скоро пойдём.

Я простоял наружи всего несколько минут, когда до моего слуха из самой гущи тумана донесся некий звук. На миг мозг отказывался поверить ушам. Я бессмысленно уставился в пространство-молоко, из которого, словно явление потустороннего мира духов, выполз «газик», за рулем которого с самым невозмутимым видом сидел Эрдене.

Тумен был в палатке, он пробурчал себе под нос приветствие и стал выбираться из спального мешка, а Эрдене приступил к рассказу о драматических происшествиях и счастливых совпадениях предыдущего дня. Высадив нас, он почувствовал приближение дождя и решил вернуться тем же путем, каким добирался туда. Как он и предполагал, этого не получилось. Он попал в рытвину, и у него ничего другого не оставалось, как ждать, пока не вернемся мы и не вытянем его из ямы. Он лег спать. На следующее утро, приблизительно в то самое время, когда я неверно прочитал карту, его разбудили. Это были семь охотников, собравшихся побраконьерничать в Национальном парке и добыть лося (так что подъезд к горе в проездем состоянии поддерживали не богомольцы, а браконьеры). Они пришли пешком, потому что накануне во время ливня их машина забуксовала в болоте в 7 или 8 километрах ниже по дороге. Для них увидеть Эрдене в его болоте показалось таким же невероятным чудом, как и их появление для него. Они вытащили его, попросили подвезти к их машине, пригласили переночевать в их лагере, где он и провел вторую ночь, получив в благодарность за помощь жаренного в собственной шкуре сурка, обмотанного проволокой и обработанного, как и положено, паяльной лампой. И вот он здесь, вовремя и вдобавок с мясом. Мы были спасены. Туман рассеивался, за ним открывалось голубое небо. День

собирался быть прекрасным и обещал сухую дорогу для благополучного возвращения в Улан-Батор.

Мы основательно занялись сурком, чавкая сочным соком и с трудом выковыривая жесткое мясо из зубов, и тут Тумен, перебросившись несколькими короткими и быстрыми фразами с Эрдене, произнес самую поразительную вещь, какую я только слышал за все это поразительное путешествие.

— Ну так что? Идем теперь на Бурхан Халдун?

— *Что?*

— Вы что, не слышите, что ли?

Охотники сказали ему, что это не так уж сложно. Идти до конца дороги, где мы поставили машину, а потом — вверх.

Сперва эта идея показалась мне совершенно безрассудной. Я не сомневался, что мы туда попадем, это не проблема. Проблема заключалась в том, как мы выберемся отсюда. Один путь отсюда слишком крутой для джипа, другой — не проходимое болото. Они оба знали, что, скорее всего, нам отсюда без посторонней помощи не выбраться. Тумен наблюдал за тем, как на моем лице отразились сначала восторг, потом неверие, затем опасение.

— Раз уж мы здесь, — пожал он плечами. — Дело должно быть сделано.

Ну что же, когда помощь понадобилась, оказалось, что она уже ждет нас. Было ясно, что в них присутствовала уверенность, вовсе неявно и необязательно как проявление сильного религиозного чувства, уверенность в том, что Вечное Небо позаботится обо мне. Как мог я, ради которого вознесли молитву самому Чингису, перечить им?

— Хорошо. Пошли.

На миг я отвернулся, чтобы они не видели мои чувства, потому что их слова буквально растрогали меня. Я не видел, с чего бы им захотелось сделать

такую безумную и такую щедрую вещь. Очевидно, время, проведенное вместе, все, что мы делили и разделяли сообща, породило в них чувство долга, которого не купишь за деньги.

Мы перепаковали наши рюкзаки, переложили наши вещи, мы снова поднялись на Порог, и Эрдене не придержал скорость ни на секунду. По крутому изъезженному спуску мы промчались, накрываясь то на один, то на другой бок, и не знали, то ли хохотать от веселья, то ли дрожать от страха, но только через полминуты мы были внизу и в целости и сохранности. Насколько я мог видеть, мы вверили свою судьбу полной беспечности Эрдене, очутившемуся снова на дороге, по которой проехал двумя днями раньше; вернее сказать, мы попросту оказались в западне, из которой не смогли бы выбраться самостоятельно. Этот человек брал плату за километраж, который вы проехали на его машине, и для него не имело значения, что километр километру рознь. Одному господу богу известно, сколько стоил последний наш километр по рыночным ценам, но нечего и говорить, что Эрдене не получил за него и малой доли этой цены.

Через сорок минут, влекомые залитой солнцем вершиной Бурхан Халдуна, мы уткнулись в сужение ущелья, и дорога пошла вверх через лес, пока не закончилась у плаката «Бере гите наши естественные места!». Под елями стояло гигантское, сложенное из стволов деревьев ово, о котором писали Шуберт и Игорь. *Ово* было беспорядочно забросано спутанными кусками шелка, между бревен было воткнуто множество флагов. Одно большое ово на Пороге, а теперь это, и будут еще — мы вступили на дорогу богомольцев, отмеченную святилищами. Мы трижды, непрерывно отбиваясь от мух, обошли святыню, и один за другим последовали по уводившей между деревьями вверх тропинке.

Двадцать минут подъема через прохладный, расточающий сладкий аромат ельник — и мы на плоской поляне, усеянной мшистыми холмиками. Поверхность поляны выглядела подозрительно ровной, наводила на мысль, что это дело рук человеческих. Очевидно, это было то место, где когда-то стоял храм Камала. И сейчас это был своего рода храм, потому что между стройными елями стояло еще одно овоиз еловых стволов, а перед ним — два огромных металлических котла для жертвоприношений и алтарь, также сложенный из бревен. На алтаре были навалены кучи пустых бутылок и плошек для благовоний. С похожих на вигвам бревен овосвисали тибетские молельные флаги. Я походил между холмиками, раздумывая, что может в них скрываться. Что случилось с храмом? Были его стены из камня или деревянные? Он сам разрушился или ему помогли? Куда подевались камни после того, как их видел Игорь, — разворованы, увезены для других построек или ушли под землю?

На самом краю ровной площадки, где мягкая земля была утоптана ногами, я увидел куски, осколки керамики. С бьющимся сердцем я подобрал парочку. Они у меня хранятся до сих пор, эти два черепка серо-коричневой керамики, так, ничего особенного, грубо обработанные, с одной стороны гладкие, не глазированные. Я пишу эти слова, а от черепков чуть пахнет влажным торфом. Это были полуцилиндры двух размеров, один диаметром со столовую тарелку (21,5 см), другой диаметром с блюдце (9 сантиметров). Судя по крошечным отпечаткам на внутренней поверхности, их формировали или сушили на ткани, похожей на мешковину. Джессика Хэrrисон-Холл, эксперт по китайской керамике Британского музея, уверяет, что это типичные китайские черепицы для крыш и спокойно могут относиться к четырнадцатому

веку, возможно, их делали тут же из принесенной откуда-то глины.

Мы продолжили подъем, он делался все круче, и стоявшие по сторонам ели становились все более чахлыми из-за высоты. Я шел и пытался представить себе картину: деревянные стены, портик с крышей, крытой мелкой черепицей, ведет в простую комнату с алтарем, подставкой для возжигания благовоний и портретом прадеда Камала, изображенного под стать горе, которую он обозначил как святую. Это можно было представить себе только в фантазии. А у меня в руке было упрямое доказательство, подтверждающее теорию. Нет, не теорию, а факт. Что это Бурхан Халдун и что могила должна быть где-то в этих местах. Камала не стал бы выбирать неверное место.

Но если Чингис похоронен где-то поблизости, то где? Здесь, на этом плато? Конечно же, нет. Если Камала действительно хотел выполнить пожелания Чингиса, он бы сохранил могилу в тайне, и в этом случае разве стал бы он привлекать внимание к этому месту, собрав тут рабочих, чтобы выровнять площадку, срубить деревья, привезти глину, поставить печь, изготовить черепицу, ввести регулярные богослужения, исполнять ритуалы? Нет, вторая площадка, где находятся заполненные камнями ямы Игоря, выглядит более обещающей.

Тропинка еще раз ушла круто вверх, петляя между деревьями с вылезавшими из земли могучими корнями. Нельзя сказать, чтобы подъем был трудный, каким он и должен быть для священной горы — и как это я только сразу не сообразил! Мои рассуждения относительно преднамеренной дезинформации властей были просто смехотворными. Весь смысл идеи священной горы в том, что она должна быть доступной, — это не значит, что попасть на нее ничего не стоит, потому что ее попросту затопчут, но в то же время путь к ней не

должен быть подвигом. Для того, кого не остановит долгий подход, который можно совершить на лошадях с одной — двумя палатками, следуя расставленным указателям, Бурхан Халдун не труднее пиренейского отрезка пути пилигримов на богомолье в Сантьяго де Компостела, хотя и без радости увидеть приют для пилигримов.

— Похоже, жить здесь не так-то просто, — заметил я Тумену, пыхтевшему рядом со мной. Эрдене быстро ушел вперед, и его уже не было видно за соснами и лиственницами. — На чем мог тут существовать Чингис?

— На кедровых орешках, — выдохнул, стараясь поравняться со мной, Тумен. — Осенью это хорошая еда. Тут есть еще и ягоды. И олени, лоси, и антилопы. А чуть пониже сур ки и белки.

— А как насчет волков?

— Не проблема, я думаю. Волки предпочитают домашний скот. А в этих безлюдных местах откуда скот.

Ладно, волков можно не бояться. Мы молча поднимались еще с полчаса и вышли на второе плато, где между низкорослыми хвойными деревцами гулял прохладный ветерок. Прямо перед нами маячил выступ лысой вершины с ее загадочным белым глазом, который, как я теперь мог разглядеть, был всего лишь пятном нетающего снега. Вокруг все было так, как описал Игорь, — десятки, а может быть, и сотни бес порядочных каменных куч, некоторые из них размерами подходили для могил. Виднелось несколько овои прото-ово, куда богомольцы, проходя мимо, бросали подобранные здесь же с земли камни. Под влиянием игоревских слов: *«Древние раскопы... Ямы, сначала вырытые, а потом засыпанные... можно различить следы человеческой деятельности... здесь... лежат похороненными монгольские императоры»* — я начал видеть, как могли быть сделаны эти могилы: вот по крутому подъему взбирается к горе-собору процессия с

гробом, вот роют неглубокие ямы, вот отправляют церемонию предания тел земле, вот аккуратно складывают камни величиной с кулак в невысокие холмики, вот совершают ритуалы препоручения умершего Вечному Небу, вот печальная и почтительная толпа поворачивается уходить, а потом наступают века, когда дожди, морозы и снег постепенно выравнивают холмики, и они становятся такими, как они выглядят сегодня.

Есть одно только «но» — я не доверяю своему воображению, потому что теперь, когда я видел те каменные пятна, я не могу поверить, что это могилы.

Подозрение возбудила «могила», которую я видел накануне в болотистой и непроезжей низине. Тогда мне показалось, что ее очертания и особенности говорят за то, что они имеют естественное происхождение. Теперь, когда я увидел оба «могильника», подозрение укрепилось. Кучи камней были одинаковыми и в том, и в другом случае — некоторые неправильной круглой формы, но большинство с бесформенными краями, похожие на лужи, и все разных размеров, от одного до 3-4 метров в поперечнике. Если то, что мы видели внизу, не могилы, то и те, что находятся на горе, тоже не могилы.

Я был почти на сто процентов уверен, что этим «могилам» имеется совершенно иное объяснение, и более поздние исследования только подтвердили мои мысли. Это зона вечной мерзлоты, и здесь за лето оттаивают лишь верхние несколько футов почвы. Вечная мерзлота такого типа живет своей собственной специфической жизнью, так как зимой, замерзая, земля расширяется как лед, а летом снова сжимается, и изменения в верхнем слое земли зависят от типа твердых пород и почвы, от формы склона и количества поверхностных вод. Естественные силы соединяются с минеральными материалами самыми невероятными

способами, и в результате получают свойства, которые незнакомы тем, кто живет в умеренном климате, но достаточно известны эскимосам и лапландцам — и геокриологам, редкой породе специалистов, имеющих дело с геологией холодных регионов. Из гравия, булыжников и скальных пород околледниковое окружение производит удивительное разнообразие форм многоугольников, кругов, колец и холмов, которые очень похожи на искусственные, словно природа в гигантских масштабах увлеклась дзен-садоводством (и первые ученые в Арктике думали, что они и в самом деле искусственные. Мир геокриологии пользуется многими терминами из жаргона дзен-садоводов, но только все они означают результаты, по форме, процессов, связанных с ежегодным циклом замерзания и таяния, который сказывается на многих каменных формах).

Я полагаю, что «могилы» на Бурхан Халдуне — это «каменистые земляные круги». Для того чтобы понять, как они образуются, представьте себе камень, покрытый осенью мокрой почвой. Наступают первые морозы. Поскольку камень проводит тепло лучше, чем окружающая почва, земля под камнем замерзает быстрее, чем земля, граничащая с ним. Вновь замерзшая земля расширяется, выталкивая камень вверх. Садоводы сталкиваются с этим явлением каждую весну, когда клумбы загадочным образом покрываются камешками. То же самое происходит с телеграфными столбами по всем монгольским степям — если их не вкопать в постоянно замерзшую землю, они выпирают из земли, наклоняются и падают. Камни разных размеров двигаются с разной скоростью, и в местах скопления камней незначительная разница в температуре и коэффициенте расширения выталкивает лежащие на периферии камни внутрь скопления и вверх. В конце концов камни собираются в группы

близкого размера. Поднимаясь к поверхности, ветер и дождь выгребают мусор, сухую траву и семена. Получается своего рода каменный фонтан, выбрасывающий «струи» вверх и в стороны, бесконечно медленно переходя, возможно — *возможно*, так как никто еще не наблюдал за подобным процессом на протяжении десятилетий, — от одной формы в другую.

Такая сортировка происходит и в более значительных масштабах. Рядом с полем каменных кругов находилось другое единообразное поле, в поперечнике метров двести, оно состояло из красноватых камней от человеческого кулака до валуна. По ним было ужасно трудно ходить, всюду торчали ребра и углы, на которых я то и дело рисковал подвернуть ногу. Даже такие крупные камни двигаются, отталкивая друг друга в сторону и оставляя на своем бывшем месте несколько маленьких травянистых кружков, микро-экология которых повторяет каменные круги, где с удовольствием развалились Эрдене и Тумен, интересовавшиеся погодой больше, чем святостью и еще чем-нибудь окружающей их обстановки. На самом дальнем конце этого поля стояло ово из точно таких же острых камней, построенное в том месте, откуда богомольцы могли лицезреть захватывающий дух пейзаж лежащей внизу долины с извивающимся по ее дну Богдом, вдоль которого мы шли накануне, маленькой речушкой, переливавшейся всеми цветами радуги между деревьями по пути к заливным лугам и Порогу, лежащему за 20 километров отсюда. Справа от меня, на несколько сотен метров ниже, виднелось озеро, отвоевавшее себе место у каменной осыпи и леса. Это было место отнюдь не для семейной жизни, а для одинокого индивида, который знал эти склоны и следил, не появились ли в долине враги, он мог

прятаться здесь вечно, здесь он мог найти пищу и воду и находиться всего в часе езды от пастбищ.

Годилось ли это место для захоронения хана в тайной могиле? Должно было бы подойти, но я ее не видел. Немного численные свидетельства говорят о степи, вытопанной скачущими конями, и о густых лесах, обеспечивающих безопасное и тайное уединение. Но до этого плато не добраться большому табуну, деревьев тут небогато, к тому же через плато пролегает дорога на вершину — это самое людное место, какое только можно найти в округе тысячи квадратных километров.

Я взглянул вверх и увидел, как высокий алтарь этого природного собора вдруг окутался плотным облаком, которое угрожающе покатило вниз.

— Джон, уходим! Идет туман!

Я было замешкался, но потом махнул рукой и пошел за ними. Придется поверить на слово описаниям вида на верховья Онона и поле многочисленных ово.

Мы побежали по каменным кругам с плато, которое не было кладбищем, промчались по разровненной площадке, где когда-то стоял храм Камала, скорее, скорее — к нашей машине. Я покинул те места с уверенностью, что дух Чингиса сделался вездесущим благодаря постоянному поклонению, приношениям и созданием ово, но, что касается его останков, мне думалось, что искателям могилы следует обратить свои взоры в другое место, на более пологие и более богатые лесом склоны. Искать им следует, но ожидать, что найдут, вряд ли.

И все же я не чувствую самой полной уверенности, что должен расстаться с такой надеждой, отчасти из-за настойчивого слуха, что есть люди, знающие точно, где на Бурхан Халдуне могила, и отчасти потому, что Игорь Рашевильц полностью со мной не согласен.

Послушайте, как он пытается образумить меня:

Они (каменные круги) не геологические образования, а результат человеческого труда. Также рядом с раскопами много мусора, как и следует ожидать. Если бы у вас было больше времени, чтобы осмотреть все место, вы бы не пропустили очень красноречивые детали. Конечно, возможно, что некоторые могилы пустые, поэтому только пробы, вроде тех, которые брали «Триречье» и мистер Кравиц, могут показать подлинное содержимое. А так остается только гадать. Несмотря на свою веселую маску, монголы очень скрытный народ, и при (коммунистических премьер-министрах) Чойбалсане и Цеденбале Чингис было табу, но некоторым ученым удалось обойти систему и пере дать информацию. Все это нужно воспринимать *cum grano salis*, но определенная картина вырисовывается. Когда вы эту информацию собираете и складываете вместе, чтобы сопоставить с информацией из других источников... Точные места захоронений Чингиса и более поздних императоров могут все еще ускользать от нас, и я даже уверен, что знатоки-монголы не могут указать на них пальцем, но я лично убежден, что общий район императорских захоронений — это выступ между святилищем Камала снизу и площадкой с многочисленными ово вверху.

Ну что же, он очень убежден, и мне остается гадать, есть ли способ примирить могилы с каменными кругами. Возможно, есть. Что, если среди нескольких сотен естественных каменных кругов есть один, который имеет не природное происхождение? Как лучше всего спрятать царскую могилу, если не разместить ее у всех на виду, прямо на дороге к

священной вершине, но так, что ее невозможно отличить от такого большого количества похожих ложных могил? Могу пред ставить себе вполне правдоподобную картину, одиночные простые похороны, яма копается до вечной мерзлоты, сверху тонкая насыпь из камней, ничем не отличающаяся от других каменных пятен, лошадей, на которых перевозили гроб и на которых приехали сопровождающие, гоняют по площадке до тех пор, пока даже присутствующие не смогут отличить рукотворное от естественного.

Конечно, эта тайна будет раскрыта с помощью соответствующих археологических исследований. Но это будет колоссальное предприятие, нужно исследовать каждый из сотен каменных кругов, исключая один за другим, пока, наконец, возможно, не будет найдена подлинная могила, а под ее заглушкой из перемешанных погодой камней не обнаружится запрятанный гроб, а может быть, и что-нибудь помимо него.

Было бы намного легче, если бы имелись люди, знающие, которая из могил подлинная. Здесь мы подходим к другой и еще более глубокой тайне — к сущности секретности, которая окружает могилу. Многие говорят, что кто-то где-то знает подлинное место нахождения могилы. Как писал Игорь, *«они провели исследования и определили точное место могил на горе»*. Самый видный монгольский академик профессор Ринчен сказал Игорю, что *«район был положительно идентифицирован еще до 1970 года»*. То же можно услышать от многих ученых. Бадамдашу сказал мне: *«Могила находится в предгорьях Бурхан Халдуна. Это государственная тайна»*. Но в чем суть этого государственного секрета? Кто это «они»? Никто не называет имен, нет никакого законодательства, ничего не опубликовано, все одни разговоры.

Предположительно, это государственный секрет, так как могила священна, что распространяет особую форму защиты не только на могилу, не только на информацию о могиле, но также на вопрос, существует ли вообще какая-нибудь информация. Мы в зеркальной комнате и обсуждаем секрет о секрете.

Я посетил одного из самых уважаемых монгольских историков, Далаю. Старый друг, еще один Эрденебаатар, специалист по скотоводству, который сопровождал меня в Гоби шесть лет назад, разыскал его в каком-то мрачном стандартном жилом строении, из тех, что выросли в Улан-Баторе после войны. Ему было за семьдесят, когда мы встретились, но выглядел он старше, этаким нестареющим мудрецом. История, которой он отдал всю жизнь, была написана на его испещренном морщинами лице, звучала в его мощном басы, заполняла полку за полкой книгами на старомонгольском, китайском, русском, японском, корейском, даже английском языках — среди них была книга Оуэна Латтимора «Монгольские путешествия», которая послужила мне одним из источников по Мавзолею Чингисхана. Я попросил разрешения взглянуть на нее. Меня поразило посвящение: «Далаю. В знак 10 лет дружбы. Оуэн».

— Вы тоже его знали? — спросил он и как бы между прочим заметил, указывая на пыльный угол: — У меня фотоаппарат Латтимора. Он оставил его здесь на случай, если он вернется. И его проектор. И костюм». Латтимор умер в 1979 году в возрасте 89 лет и не бывал в Монголии с 1970-х. Фотоаппарат, проектор и костюм прождали его 30 лет, но он так и не приехал.

Когда я поинтересовался могилой, Далай сказал: «Сейчас много людей ищут могилу Чингиса, но я никогда не пытался найти ее. Мое сердце мне не позволяло этого. Я вспоминаю приказ Чингиса: «Не

трогайте моей могилы!» С тех пор никто ее не трогал. Это святое место, и трогать его не следует».

В каком-то отношении, сказал Далай, могила не так уж и важна. Важно то, что сам Чингис был для него столь же реальным, как его отец. «Давайте я попробую описать вам Чингиса как личность, — проговорил он. — Он был очень открытый человек, очень умный, а не просто военный герой. Нам, монголам, совсем не хочется видеть его только военным вождем. Это был человек, у которого была связь с Голубым Небом. Наш Чингисхан спит в священной земле, и ему не понравилось бы, если бы вы описывали его только как завоевателя».

Существует ли могила? Существуют ли секретные сведения о его могиле? На оба эти вопроса ответа нет, потому что, невзирая на то, что многие утверждают, будто и то и другое действительно существует, по-видимому, никому неизвестно, кто точно знает это. Возможно, те, кто знает это, знают и то, что сведения об этой тайне хранят члены тайного общества, поклявшиеся никогда не нарушать взаимного доверия и всегда (подобно Далаю и Бадамдашу) охранять основателя их нации, окутав его пеленой святой неприкасаемости.

Через час после того, как мы покинули гору, перед нами во всю высоту, как баррикада, встал Порог. Эрдене совершенно определенно знал, что объехать болото дальним путем по краю не получится. Оставалось попробовать крутой, прямой и в равной степени невозможный путь непосредственно от реки и на ово, что стоит на горе. Он не спеша прошел всю дорогу, готовясь к штурму чересполосицы разбитых колеи, плутающих между кочками и теряющихся на участках размокшей почвы. Я начинал видеть цель в его кажущемся безумным решении. Тут и там колеса наших предшественников не превратили почву в жидкое

месиво, а на краю, за линией ивового кустарника, виднелся кусочек твердой почвы, который, наверное, раньше был частью пешей тропы, и на нем не было следов автомобиля.

Мы с Туменом остались на склоне и смотрели, как Эрдене развернул машину на крайнюю колею, нажал на скорость и тронулся по кочковатому, но плоскому участку дороги, с ревом начал подниматься по нижнему склону и встал, уткнувшись в четыре вырытые его колесами собственные могилы. Он вылез из машины, оценивая ситуацию, попробовал ногой почву. Теперь стало понятно, почему он выбрал путь по этой крутой дороге. Он завяз не намертво, так как мог пользоваться силой земного притяжения, чтобы подать машину назад и выскочить из грязи по самые оси. Он отъехал назад, как это делает прыгун в длину, измеряя разбег перед прыжком, поддал газу и снова кинулся вверх по склону. И снова за вяз, на этот раз несколько выше, снова попробовал землю и там и сям, опять подал назад почти до самого конца боковой колеи. Теперь мне была понятна стратегия, которую он пытался применить, — соединить скорость и направление с тем, чтобы иметь возможность перепрыгивать с одного твердого участка на следующий, от этой высушенной солнцем кочки до того ивового куста, а там до оставшегося не тронутым пятнышка зеленой травы и при этом пользуясь каждой новой опорной базой для того, чтобы не потерять скорость. Но каждое такое твердое пятнышко представляло свои трудности, и каждый новый метр продвижения вперед был замешенным на болотной слякоти перемолотыми колеями. Это было все равно что пытаться попасть в цель рикошетом, сидя на пуле. Он попробовал этот маневр дважды, но оба раза неудачно. Он еще семь раз подавал назад, выстрели вал, делал рывок вперед, невероятно подскакивая на кочках, почти переворачиваясь в рытвинах, страшно визжа колеса ми,

когда они в очередной раз зарывались в густую жижу, и тут же давал задний ход. Единственно, что внушало мне не которую надежду, так то, что при всем этом он оставался абсолютно невозмутимым и что некоторые из его попыток вы носили «уазик» на метр-другой вверх по склону.

Десятая попытка была чистым волшебством. «Уазик» попал на твердую кочку, выскочил на жесткую траву, вломился в ивовый куст, из него попал на тропинку и галопом, взбрыкивая, как дикий зверь, промчавшись мимо меня, исчез за гребнем горы. За полминуты снизу вверх. Блестящая демонстрация продуманных действий, уверенности в себе, мастерства и непоказной смелости.

Мы побежали, чтобы присоединиться к нему наверху. В последний раз я чувствовал такой прилив радости, когда смотрел первую высадку человека на Луне. Может быть, моя реакция была несколько экспансивной, но последние три дня были настоящими «русскими горками», когда меня по несколько раз бросало от экстаза к разочарованию. И никакого значения не имело, что в последний бешеный рывок у нашего джипалопнула пружина. Свое восхищение я промямлил дрожащим голосом, как взволнованная встречей со своим кумиром девочка — поклонница таланта:

— Ты когда... когда-нибудь такое делал раньше?

— Сколько раз. Ведь я двадцать три года за рулем.

Почему мои спутники согласились на такие приключения? У меня есть теория: когда исследователи человеческого генома наконец возьмутся за монгольские гены, они откроют нечто уникальное: ген верности, результат мутации, которая позволила скотоводам колонизовать степи 4000 лет тому назад. Это генетическое наследие Чингиса, которым он пользовался и в жизни, и в смерти, гарантировало то,

что его благополучно доставят к тайной могиле, то, что у меня в по исках ее будут надежные спутники, и то, что его потомки, если им это станет известно, навечно сохраняют тайну его захоронения.

18 Пророк вечных небес

Я не перестаю удивляться Чингису, тому, какой властью все еще обладает сегодня Чингис. Это, естественно, особенно наглядно видно в Монголии. Во время празднования Национального дня во главе парада на стадионе в Улан-Баторе едет Чингис — оперный певец Энхбайяр, исполнитель заглавной роли в фильме-эпосе о Чингисе. Всадники несут штандарты с хвостами яков, черными на случай войны, белыми на случай мира. Огромная императорская юрта на колесах, десяти метров шириной, влекомая волами, совершает свой неуклюжий круг почета по дорожке стадиона. Усаженные на трибу ну солдаты держат в руках плакаты с буквами, которые складываются в гигантское слово «Чингис!». С вертолета свисает трепыхающийся стяг с надписью «Чингис». Его лицо и имя повсюду: на самой большой гостинице, на пиве (немецкого производства), водке, в названиях колледжей, институтов, сотни детей названы его именем — придет день, и Монголию возглавит еще один Чингис. В 1962 году его 800-летие справлялось с необычайной помпой. Теперь же годовщины налезают одна на другую. В 2002 году праздновали его официальное 840-летие. Я был бы очень удивлен, если бы нация вытерпела до 850-летия. Возможно, он обретет день рождения и даст повод для ежегодного юбилея.

Многое из этого можно назвать всего лишь «наследием», имеющим не больше связи с его происхождением, чем бифитеры при лондонском Тауэре с происхождением английского национального наследия. Но Чингис символизирует несколько жизненных аспектов своей страны и ее народа: нацию как независимую политическую общность; кочевой

образ жизни скотоводов; дух нестигаемой индивидуальности; чувство бескрайности монгольской природы. И это только в Монголии. В Китае Чингис тоже символ, но весьма отличного свойства, он символизирует такие ценности, как китайское единство и имперское величие. Два отношения, два символа, две культуры, как представляется, не находят между собой общего языка, и дело, возможно, не идет к улучшению ситуации, потому что Монголия бедна и необъятна и борется за выживание, Китай же лопаается от избытка населения и про-капиталистических амбиций. Но возможность их примирения существует, и лежит она вне политики, вне экономики, вне отчаянных разногласий между двумя державами, ее нужно искать в самом странном из явлений — Чингисе.

Сегодня в Монголии Чингис — как символ — жив и благоденствует. Останется ли он таким? Должен ли он остаться таким? Оуюнь имеет все основания со знанием дела ответить на эти вопросы. Ее брат Зориг был одним из ведущих монгольских демократов. С 1989 года он, молодой преподаватель политологии, являлся душой продемократического движения. Отчасти в результате его действий в апреле 1990 года вышло в отставку все политбюро, что открыло дорогу для проведения через два месяца в спокойной обстановке выборов. В 1998 году, когда ему исполнилось 35 лет, его зарезал убийца, которого так и не нашли. Этот инцидент потряс всю страну. Теперь на перекрестке в центре Улан-Батора стоит бронзовый памятник этому благородному, целеустремленному ученому-идеалисту. Если Ден Барсболт даст своему творению имя, то оно должно быть «Утраченный вождь», так как Зориг обладает аурой монгольского Кеннеди. Но не все еще утрачено, его идеалы живы в его сестре, теперь депутате парламента, и в Фонде, который она создала в его память и который имеет целью содействие демократии,

соблюдению прав человека и обретению высоких моральных стандартов в условиях политического климата усиливающейся коррупции.

Оуюнь по-своему замечательная женщина, ученый, геолог, получившая степень доктора философии в Кембридже, владеющая четырьмя языками (монгольским, русским, чешским, английским) и имеющая собственную политическую партию. Ее просторный офис с видом на главную площадь Улан-Батора, трое научных ассистентов, негромкий перезвон мобильных телефонов, строгая прическа, элегантный деловой костюм, резкие манеры, готовность сосредоточить все внимание на моих вопросах — все это говорило об энергии, динамичности, статусе, административных способностях и недюжинном интеллекте. Это была женщина, готовая поставить на службу своим идеалам любое оружие — обаяние, образованность, свое прошлое. Думаю, мы еще услышим об Оуюнь, и чем больше мы услышим, тем лучше.

Направляясь на встречу с ней, я прошел мимо группы протестующих против проекта закона — на плакатах было написано «Защитите нашу святую землю!», — который дол жен был разрешить частную собственность на землю. Эта мера стала необходимой в столице и нескольких других го родах, где людям нужна юридическая база для покупки и продажи индивидуальных участков земли, которая заменила бы порядок заявочного захвата. В Улан-Баторе, где до сих пор половина населения живет в *гээрах* на окраинах города, не существует регистрации того, кто и где проживает, не существует никаких гарантий прав на сохранение места жительства, а посему не собираются налоги и нет системы ком мунального обслуживания. Но закон будет распространяться на сельскую местность, где земля всегда находилась в общей собственности.

Право на приобретение частной собственности на землю в противовес общей в потенции шаг революционный, один из сценариев развития событий рисует картину скупки земли крупными собственниками, которые будут перепродавать ее иностранцам, а именно ки тайцам, которых тут так боятся. Оуюнь была одной из тех, кто требовал дискуссии и осторожности, — но напрасно, по тому что на следующий день закон был принят, и, мне кажется, с подозрительной поспешностью и непредсказуемыми долговременными последствиями, о которых можно только догадываться.

По поводу символа номер один Монголии Оуюнь сказала следующее:

«Мы переживаем бурное время, и людям нужно на что-то опираться. Раньше у людей было мало, но достаточно. А теперь? Оглянитесь вокруг — что видит рядовой монгол? Социальных гарантий нет, появились беспризорники, коррупция. Люди пока не видят реальных плодов демократических изменений. Демократия подразумевает власть народа, но мы видим рост нищеты и безработицы, увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, так что множество людей стали еще безвластнее, более беззащитными экономически, чем были при коммунизме. Половине населения приходится бороться за выживание. Они видят, что нации грозит нищета, упадок. Поэтому они обращаются к Чингису и той части их истории как к символу силы.

Сила Чингиса не в его завоеваниях, а в идее справедливо го управления, основанного на письменной юридической системе (да, жестокие завоевания сосуществуют с идеей справедливости в головах монголов, потому что это было для них выгодно). Последние десять лет в нашей стране за кон не правил с того самого момента, когда после семидесяти лет

правления одной партии ввели многопартийную систему. Плюрализм подразумевает разные точки зрения. Но у нас нет никакого представления о том, что такое лояльная оппозиция. Люди, особенно пожилые, не могут понять этой политической борьбы. Они думают только о том, что монголы дерутся с монголами и страна разделяется. Мое личное мнение, что, если спросить монголов, что они чувствуют, многие сказали бы: были же мы сильными, так почему бы нам не стать сильными снова? Не следует ли нам ввести сильное президентское правление, своего рода современную версию правления Чингисхана? Нельзя сказать, что это мечтания об империи, просто люди хотят главенства закона.

Есть ли ответ? Что же, некоторые стоят за индустриализацию, развитие по западному пути. Они говорят, что нам нужно урбанизироваться, «войти в контакт». — В этом месте она рассмеялась над уже стершимся от долгого употребления термином. — Есть проект построить большую автостраду «Восток-Запад», длиной две тысячи километров, Дорогу Тысячелетия, через всю Монголию. Но это же значит вступить в конкуренцию с другими индустриализованными странами и накликать беду. Это поставит под угрозу наши сельские местности, наши города погрузятся в смог, а наша промышленность окажется в чужих руках.

Есть другой путь. Мы должны использовать нашу силу, которую нужно искать вне городов и под нашими ногами. Я думаю, что наши конкурентоспособные возможности кроются в трех вещах: нашей сельской местности, нашем кочевом образе жизни и наших ресурсах. Чингис знал силу первых двух — красоты и чистоты наших пастбищ, гор и пустынь, нашей свободы кочевать по степи и выращивать наших животных. Что мы должны делать — это оглянуться на нашу сельскую экономику, из которой все мы вышли, оглянуться, чтобы

посмотреть в будущее. И Чингис как символ очень подходит для этого.

Это не означает отказ от развития. Мы богатая страна. Гоби была когда-то кромкой океана, и, как геолог, я знаю, что на периферии океана встречается много интересных вещей. Совсем недавно мы открыли огромные запасы меди и золота. Наша проблема заключается в том, что у нас отсутствует инфраструктура. Но у нас есть высокоценные ресурсы, редкие и дорогие металлы, для добычи которых требуется очень небольшая инфраструктура, которая может эксплуатироваться без нанесения ущерба сельской местности заводами и шоссе.

Мы нуждаемся в экономической мощи — от нашего скота, от нашего туризма по дикой природе, от наших ресурсов, — что гарантировало бы нам политическое существование. Да, это серьезный вопрос. Я была в Пекине два месяца назад, и один молодой журналист так прямо и сказал мне: «У нас очень смешанное чувство в отношении Монголии, потому что Монголия часть Китая».

Ах, Китай, пугало-страшило, похожий на привидение-гигант, где Чингис — символ прошлой мощи и, возможно, будущих претензий. Я вспоминал намеки, которые мне доводилось слышать и читать, на то, что у Китая есть особое отношение к своим прежним историческим границам и стоящим за ним действиям. Тибет насильно загнали обратно в лоно матери-Китая. До революции Монголия была взята русскими под контроль, и этот захват, узаконенный после революции, а потом вновь закрепленный с помощью плебисцита проигравшими и коррумпированными националистами, ни в коем случае не затрагивал коммунистов. Так что в глазах тех, кто ссылается на историю и говорит о том, каким должен быть Китай, существует несправедливость, которую

следует исправить, — и это «исправление» будет, естествен но, осуществлено во имя Чингисхана, потому что его наследники воссоединили Древний Китай, и таким образом Чингисхан как основатель китайской династии пустил корни нового Китая — Китая, который почти в совершенном виде перемоделирован коммунистами. Коммунистическая партия переняла некоторые капиталистические формы, но все еще остается централизованной державой, которая не подает никаких признаков готовности отказаться от власти — или от своей точки зрения на то, какие области считать истинно «китайскими».

Здесь налицо глубокие подводные течения, которые почти не выходят на поверхность, где живет индивид, только из редка они вызывают какую-то рябь, но она почти мгновенно гаснет.

Сто лет назад английский геоисторик сэр Хэлфорд Мэкиндер увлекся придуманной им идеей, которую он называл «Самое сердце», под которым имел в виду Внутреннюю Азию. «Тот, кто правит Самым сердцем, — писал он, — тот господствует над миром». Ну, скажем так, он немного пре увеличил. Но давайте упростим это излишне драматизированное представление, заменив «мир» на «Евразию». Тогда эта фраза отражает нечто значительное, только не в прямом смысле этого слова, потому что никому еще не удавалось править всей Евразией, она выражает историческую тенденцию, которая в наиболее чистом виде была выражена Чингисом и его непосредственными наследниками. Впоследствии развитие техники и технологий, особенно пороха, сделали кочевнические армии устарелыми, и факел перешел к оседлым культурам, которые также участвовали в борьбе за «Самое сердце». Китай, Россия и Япония уже смотрели на Монголию, сердце «Самого сердца», как на исключительно важный в стратегическом отношении район, и борьба за

преобладание в нем длилась столетиями. Китай господствовал там с 1379 по 1911 год, потом возобладала Россия, а Китай вышел из игры, и Монголия, номинально независимое государство, подпала под влияние России, но начиная с 1990 года вышла из игры и Россия. Сегодня концепция военного господства с помощью сухопутных сил, на которые мог бы полагаться Китай, подорвана развитием воздушных армий; США в состоянии атаковать Афганистан из Центральной Азии, Ирак — из зоны Персидского залива. Но дело отнюдь не за возможностями решить проблему военным путем. Здесь ставка делается на медленные изменения, создание культурного господства, армия остается где-то за кулисами, главное — перемещение людей, проникновение корпораций.

Так каково же сегодня положение Монголии и наследия Чингиса? Это положение своеобразно сильное и (или) свое образно опасное. При любом раскладе Монголия находится на поворотном пункте своей истории, когда нация, творение Чингиса, должна переосмыслить свою природу и свою роль в мире. Сегодняшняя версия теории «Самого сердца» — это более широкая теория геополитики, которая рассматривает недавнюю историю и обозримое будущее, основываясь на соперничестве цивилизаций. Излагая в популярной форме и очень категорично эту теорию, Самуэль Хантингтон утверждает, что на сцене борьбы цивилизаций есть девять игроков. Соединенные Штаты — ядро расширяющейся западной империи, частью которой является Западная Европа (в настоящий момент), другой игрок — исламский мир, Китай — третий, православие (т. е. Россия) — четвертый, остальные — это Латинская Америка, Африка, индуизм, буддизм и Япония. Два из девяти, Запад и ислам, уже вступили в противоборство. Нужно очень серьезно отнестись к наступлению другого, который составляет

четверть человечества, а именно Китая. Если империи склонны к расширению, то к этому же склонны и цивилизации, что ведет к неизбежным столкновениям на границах размежевания. Посмотрите, на пример, на Россию во Внутренней Азии и Китай во Внутренней Азии. Хантингтон приводит слова бывшего российского министра обороны Павла Грачева: «Китайцы находятся в процессе мирного завоевания российского Дальнего Востока». К тому же, продолжает Хантингтон, «развитие Китаем отношений с бывшими советскими республиками Центральной Азии может сказаться на отношениях с Россией. Китайская экспансия может принять также военную форму, если Китай решит, что следует попытаться вернуть себе Монголию».

В настоящее время все это просто теория для кабинетных геостратегов на Западе. Но это не так уж теоретично внутри Китая, где существует мнение, что Китай все еще не совсем Китай, что «истинный» Китай был империей, как это было при наследниках Чингиса, что Чингиса стоит превозносить как единственного китайского правителя, который вторгся в Европу и победил. И уж совершенно не теоретично, когда вы почувствуете физиологическую антипатию, которую испытывают монголы к правителям, от которых избавились меньше ста лет назад, и бизнесменам, которые постоянно рыщут по своей бывшей колонии в поисках прибыли.

Может быть, ничего такого не произойдет. Или перемены могут произойти при сохранении взаимного уважения и выгоды. Но половина Чингисовых коренных земель, та, которая лежит к югу от Гоби, уже поглощена, а из ее традиционного образа жизни сделали модную модель для дизайнеров и приманку для туристов. Нельзя сказать, что есть уверенность в том, что за первой не последует и вторая. И никакой войны не понадобится. Достаточно будет наплыва

коммерческого интереса и медленной подспудной колонизации. Сколько же иронии будет в том, что земледелец и горожанин возьмут себе то, что осталось от коренных пастушеских земель, ибо если это произойдет, то произойдет во имя Чингисхана, человека, который сделал Монголию частью Китая. И если монголы устоят перед таким напором, они тоже сделают это во имя Чингиса, человека, который сделал Китай частью Монголии.

Во всем этом еще больше иронии, иронии поразительной, особенно для западников, привыкших видеть в Чингисе разрушителя. Какова бы ни была природа столкновения этих двух цивилизаций, разрешение конфликта может быть найдено тоже во имя Чингиса, поскольку он не только политический и культурный символ двух очень разных народов, но и символ духовности, мира и единства противоположностей.

В Монголии наблюдается массовый поиск духовности, который не удовлетворить ни нынешним бумом в христианских сектах, ни даже возрождением буддизма. Как сказала Оуюнь: «Религия предполагает больше свободы, но, несмотря на широкое религиозное возрождение, религия деградировала. Возьмите наши ово, в свое время хатаги (куски голубого шелка, которые вьются над ово) были большой редкостью, к ним относились с большим почтением, в доме моего деда у нас был один или два хатага, а теперь вы можете увидеть их повсюду, и ово забросаны всяким хламом. От этого религия становится наносной. У людей появляется чувство, что религиозное возрождение не настоящее».

Но есть религия, которая может предложить и руководство, и подлинность чувств. Мавзолей Чингисхана — сердце этой зарождающейся религии с установившейся догматикой, развивающимся и (для

некоторых) эффективным набором верований. Она существует на многих уровнях, как это было с христианством в его ранние дни, у нее свои исторические корни, собственные, переживающие процесс становления ритуалы, свой путь поиска истины. Не исключено, что в один прекрасный день у культа Чингисхана появятся отступники, еретики, настаивающие на том, что Чингис, Сын Неба, больше Бог, нежели человек, и готовые до исступления спорить о том, как в нем эта дуалистичность уживается. Ибо эта секта держится далеко не только на своих церемониях и ее общине единоверцев. У нее есть свои духовные устремления, сформулированные ее собственным богословом, Шаралдаем, чье имя я услышал в музее. Он автор книги «Власть Вечных Небес», в которой объясняется природа полубожественности Чингиса.

Я увиделся с Шаралдаем в Улан-Баторе, куда он приехал на научную конференцию по Чингисхану. Мы сидели в гостинице за чашкой чая, и с помощью Эрдене, специалиста по скотоводству, я мучил Шаралдая расспросами о божественности Чингиса, мгновенно перенесаясь в совершенно иной универсум, далекий от ритуалов и противоречивых мифов, я окунулся в мир теологии и философии. Не могу сказать, что бы Шаралдай с большим удовольствием вел беседу со мной. Он Черная Шапка, культ вьелся в его кровь с поколениями, и он нетерпим к тем, которые, подобно мне, претендуют на некоторое знакомство с предметом.

Когда я поинтересовался, была ли Ограда Господина в то или иное время связана с чудесами, он страшно разгорячился. Мой вопрос принижал саму цель этого места. «Поклонение Чингисхану — это путь, соединяющий нас с Вечным Небом».

— Вы хотите сказать, что он посредник? — Я пытался найти эквивалент из собственного опыта. Сравнимо ли поклонение Чингису христианскому

поклонению, скажем, статуе святого? Вы обращаетесь с молитвой к статуе, но истинный адресат — невидимый дух святого, и он привратнику дверей, ведущих к Богу?

— Да, существуют три уровня. Посмотрите... — Он пытался проявить терпение. — Главный принцип философии Вечных Небес заключается в том, что мы, на земле, являемся частью Вечных Небес, нашей системы девяти планет. Люди говорят, что мы, человеческие существа, — высший уровень в иерархии жизни. Может быть, с точки зрения биологии это и так. Но с точки зрения философии мы часть Вечных Небес, думать о себе как о вершине иерархии означает отделять себя от Вечных Небес. Наша задача воссоединиться с мирозданием. Этого-то нынешние люди и не понимают.

— Значит, когда кто-то поклоняется Чингисхану, он что, поклоняется Вечным Небесам через Чингиса?

— Совершенно верно. Также вы можете поклоняться Вечным Небесам непосредственно. Видите ли, есть три составные: Вечные Небеса, *власть* Вечных Небес и подчинение власти Вечных Небес.

Разговор делался сложнее. Троица всегда заставляла меня задумываться.

— Христиане говорят, что Бог триедин — Отец, Дух и Сын.

— Сходство есть. Но Вечные Небеса обладают реальной силой. Вы можете ее почувствовать, можете видеть ее результаты. Вот в чем разница. Чингис знал, что все живое обязано своей силе Вечным Небесам, и умел пользоваться этим, что бы вести за собой людей. Вы можете видеть, как мы, монголы, делали это, посмотрите на наши три национальных вида спорта: борьбу, конные скачки и стрельбу из лука. Сильное тело, умение скакать на лошади и поражать цель. Они помог ли нам завоевать полмира. Но истинная цель Вечных Небес заключалась отнюдь не в том, чтобы их власть употреблялась на это. Завоевая, мы видели,

что жить, доставляя страдания другим, неправильно. Мы поняли, что пришло время прекратить воевать и жить беседами. Теперь мы пользуемся нашим спортом, чтобы оттачивать наш ум, не воевать, а вести переговоры.

— Что это значит сегодня?

— Мы постепенно открываем это для себя. Я думаю, что мы, монголы, еще очень многое не поняли в «*Тайной истории*». Некоторые слова, кое-какие вещи еще не ясны. Если сможем понять больше, мы можем открыть философию, которая поможет миру.

Он увлекся темой разговора, совсем забыл о моем присутствии и говорил, обращаясь к соотечественнику, монголу Эрдене:

— Сегодня в мире нет философии жизни! Есть наука, но наука наблюдает только за поверхностью вещей. Наука делает ядерное оружие — глупое оружие, которым нельзя пользоваться, потому что тот, кто воспользуется им, уничтожит самого себя! Лидеры пользуются ядерным оружием, чтобы распространять страх, но мощь оружия не мешает людям, вроде Бен Ладена, делать все, что захотят. Все они забыли о власти Вечных Небес.

Истинная цель Мавзолея пробудить не только в монголах, но и во всех людях понимание того, какое место в мироздании они занимают. «Не имеет значения, истинные или неистинные преследуются цели. Истинное значение состоит в их связи с Вечным Небом. Так что в этом смысле, как я пишу в своей книге, — для пущей убедительности он указал пальцем на страницу, — *Чингисхан — это дух для каждого из нас*. Нас создали Вечные Небеса. Если мы будем следовать истинным путем, то все мы станем вечными.

Невероятная, удивительная картина. Я просто не могу себе этого представить: через Мавзолей течет ручеек священнослужителей, распространяющих Слово

за пределами его стен, создаются исследовательские группы и институты мира, все атрибуты новой веры — если идеи Шаралдая распространятся, то появятся люди, которые будут проповедовать, что с Чингиса началось развитие мысли, которая восемь веков набирала силу и высоту, чтобы вылиться в поразительный вывод, а именно — что насилие, каких бы успехов оно ни приносило первоначально, в конечном итоге должно проиграть и что все противоречия должны разрешаться путем мирных переговоров.

Наверняка это самая странная из трансформаций, которые претерпел Чингис в жизни; от «вши» на горе — до покорителя мира, после смерти — в полубога, теперь — в дух все общей гармонии!

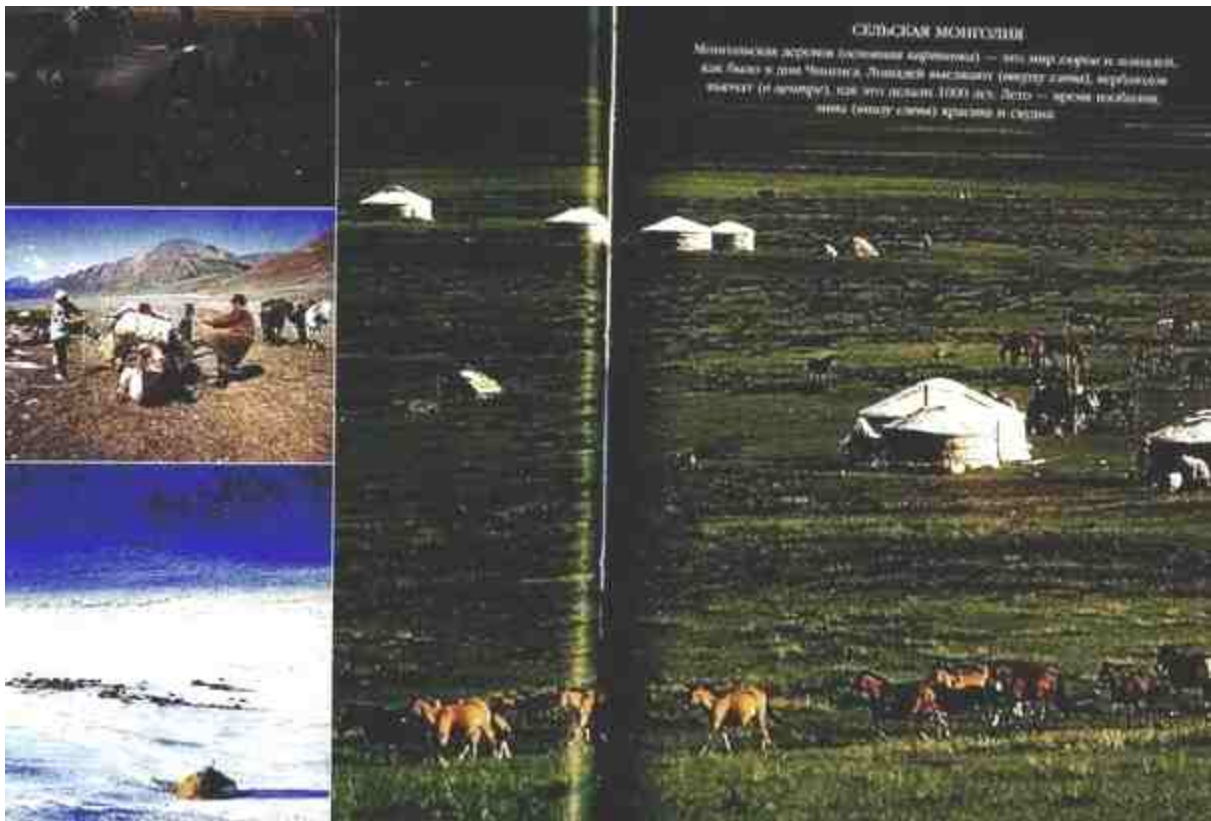
Иллюстрации

КОРОНАЦИЯ ЧИНГИСА

Персидская миниатюра в рукописи о мировой истории Рашида ад-Дина *Джамиль аль-Таварих* (Собрание историй). Выполнена около ста лет после события, на подлинность не претендует. Штандарты с белыми хлостами яков — знак власти Чингиса, но

другие детали — платье, палатка, деревья — китайские и персидские.

СЕЛЬСКАЯ МОНГОЛИЯ

Монгольская деревня (*основная картинка*) — это мир *гээров* и лошадей, как было и в дни Чингиса. Лошадей выезжают (*вверху слева*), верблюдов вьючат (*в центре*), как это делали 1000 лет. Лето — время изобилия. Зима (*внизу слева*) красива и скудна.

МИР ТЕМУЧИНА

Главное фото. Ово с видом на наиболее вероятное место рождения Темучина, будущего Чингиса, неподалеку от места слияния Онона (изгибы его видны справа) с маленькой речкой Хорх.

Справа сверху. Ейсуге, будущий отец Темучина, бросает первый взгляд на мать мальчика, Хулан, которую Челеду прятал в меркитской повозке. Старое вертикальное письмо, введенное Чингисом в 1220 году, рассказывает об этом происшествии. Картина (написанная Б. Монкхджином и купленная автором в 1996 году) — свидетельствует о том, что Чингис и все, что относится к нему, как и прежде, служит объектам вдохновения.

Справа внизу. Примитивное ярмо или, возможно, подобие позорного столба, которое надели на Темучина,

когда он находился в плену у тайчиутов.

ГДЕ ТЕМУЧИН СТАЛ ЧИНГИСОМ

Вид на Голубое озеро сверху с вершины горы Черное Сердце
(справа внизу), где, возможно, Темучин был наречен Чингисханом.
Это утверждает надпись под портретом и подтверждается надпись
из выбеленных камней на горе позади памятника (внизу).

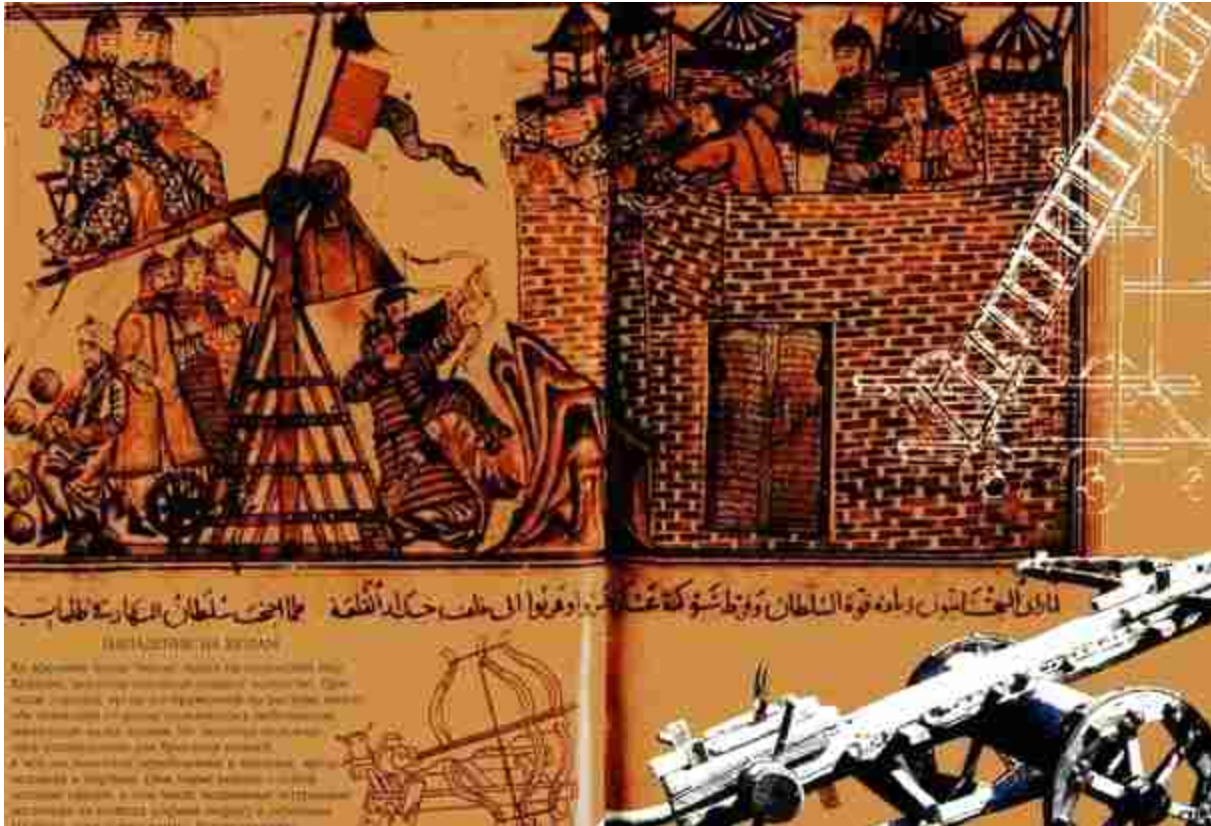
ГДЕ ТЕМУЧИН СТАЛ ЧИНГИСОМ

Вид на Голубое озеро (вверху) с вершины горы Черное Сердце (справа внизу), где возможно, Темучин был наречен Чингизханом. Это утверждает надпись под портретом и подтверждает надпись из выбеленных камней на горе позади памятника (внизу)

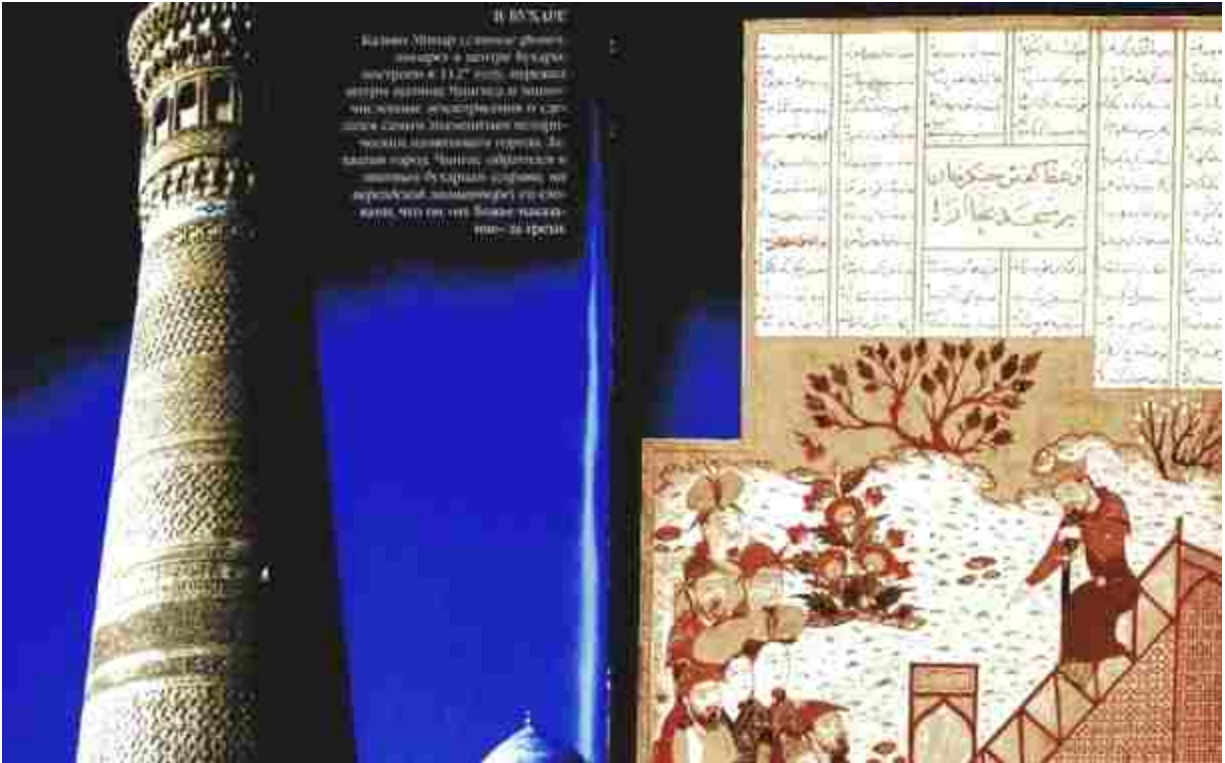
ЧЕРЕЗ ГОБИ

Выйдя в поход на Си Ся, Чингис двигался на юг и, возможно, перевалил через хребет Три Красавицы (*главное фото*). Об его опустошительных войнах напоминает персидская миниатюра (*сию*). На ней изображена хорошо вооруженная армия с луками, саблями и доспехами на воинах и конях. Войска Чингиса сорвали облицовку с гробниц правителей Си Ся (*справа вверху*). О масштабе этих сооружений можно судить по фигуре Джоригга. Виднеющиеся в отдалении горы — это Хеланьшань. Во время своей последней войны Чингис разрушил северный аванпост Си Ся, город Хара-Хото (*справа*), где в начале XX века были найдены тысячи документов и картин, которые рассказали о богатой культуре Си Ся.

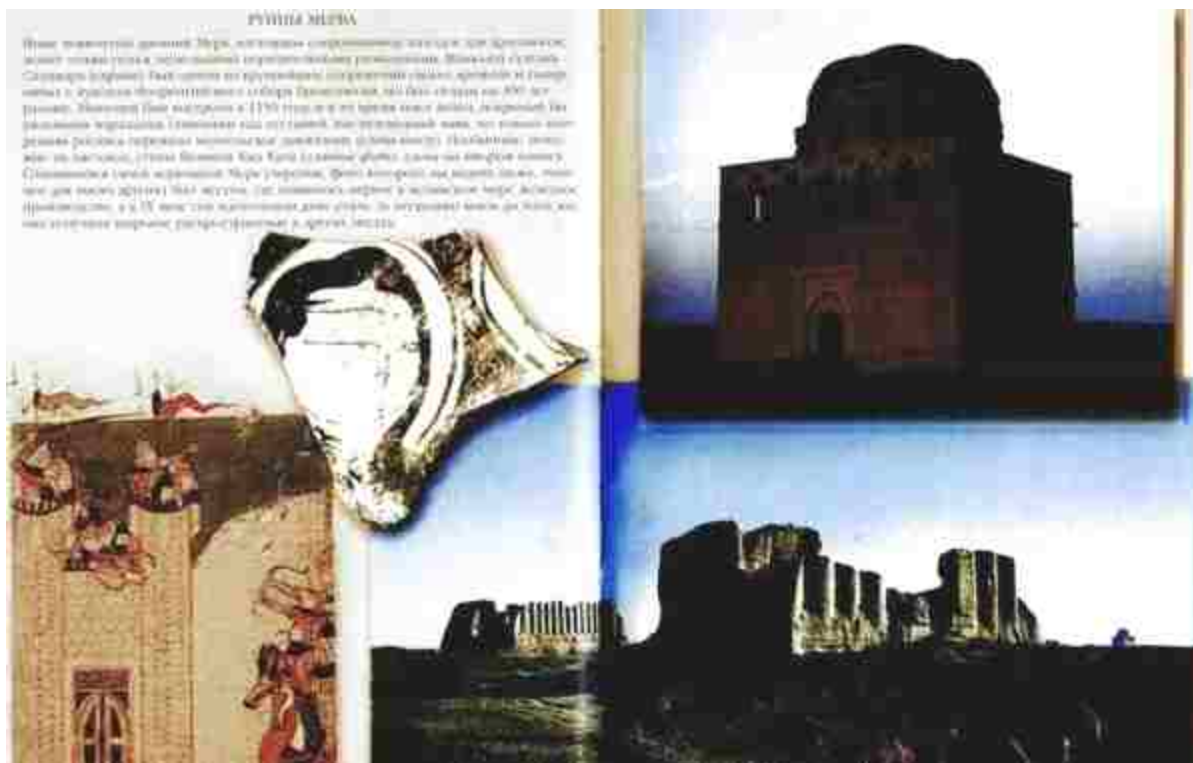
НАПАДЕНИЕ НА ИСЛАМ

Ко времени, когда Чингис напал на исламский мир Хорезма, монголы постигли осадное искусство. При осаде городов, вроде изображенной на рисунке (вверху), обе воюющие стороны пользовались небольшими выгнутыми назад луками. Но монголы пользовались катапультами для бросания камней, в чем им помогали перебежчики и пленные, вроде человека в тюрбане. Они также возили с собой осадные орудия, в том числе выдвигаемые штурмовые лестницы на колесах (справа вверху) и огромные тройные луки (слева внизу). Реконструкцию осадного лука (справа внизу) можно увидеть недалеко от Улан-Батора. Его сделали для монгольского художественного фильма «Чингисхан».

В БУХАРЕ

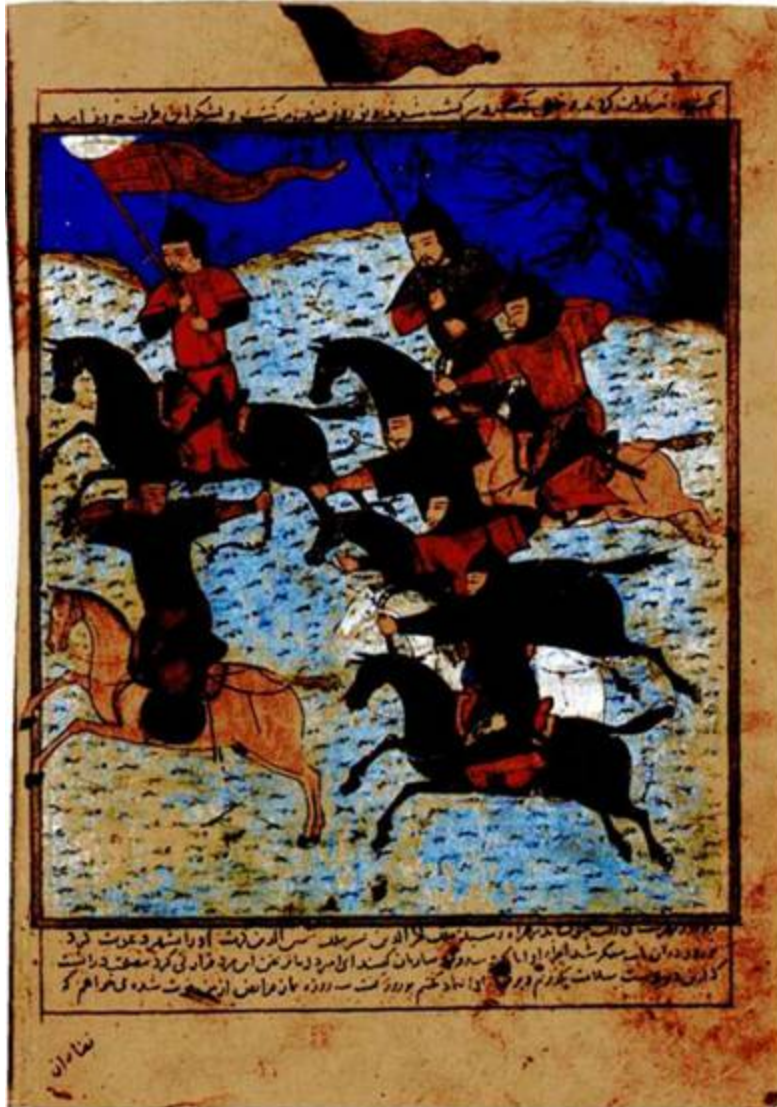
Кальян Минар (*главное фото*), минарет в центре Бухары, построен в 1127 году, пережил штурм полчищ Чингиса и многочисленные землетрясения и сделался самым знаменитым историческим памятником города. Захватив город, Чингис обратился к знатным бухарцам (*справа, на персидской миниатюре*) со словами, что он «их Божье наказание» за грехи.

РУИНЫ МЕРВА

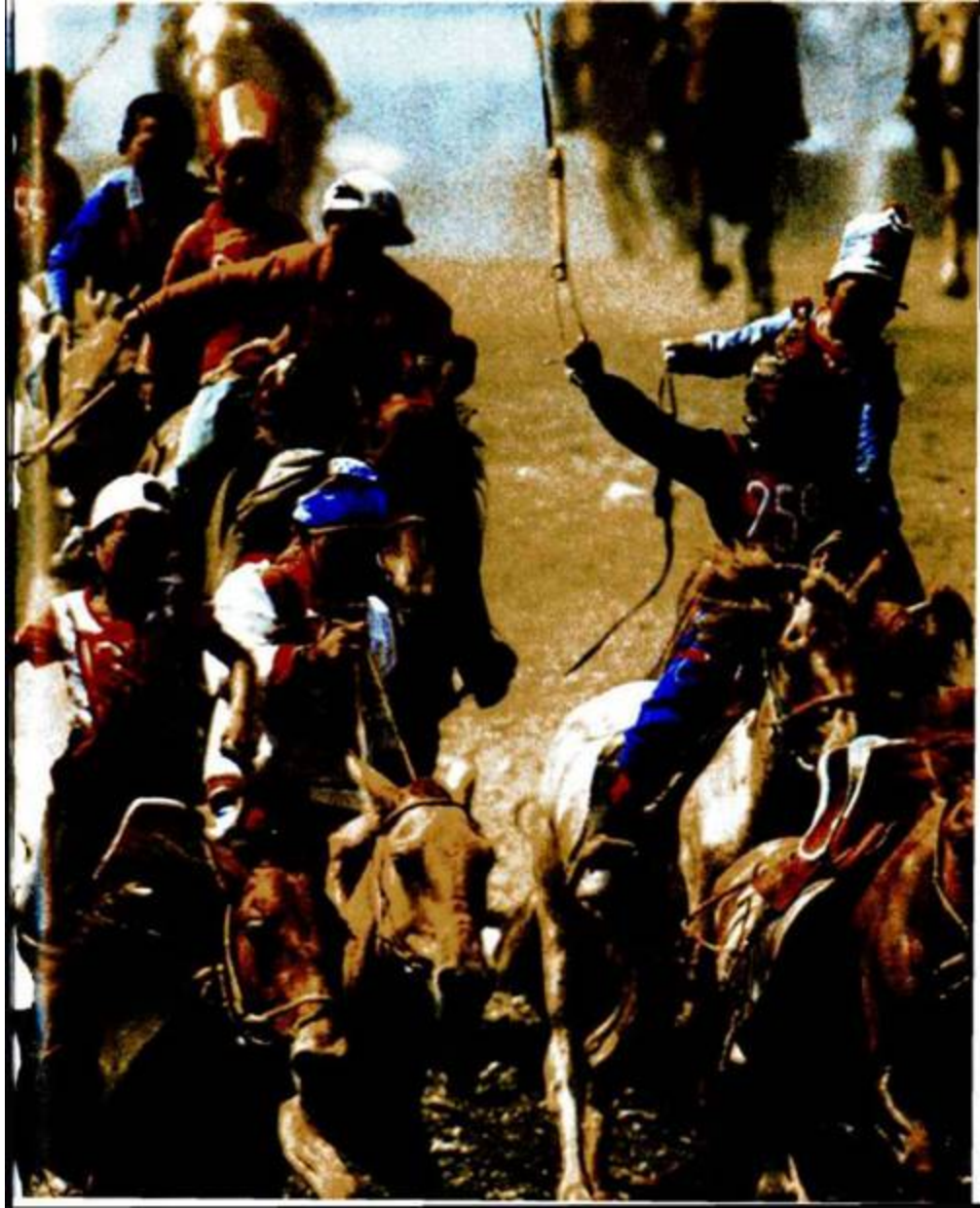
Ныне покинутый древний Мерв, настоящая сокровищница находок для археологов, может похвастаться несколькими поразительными развалинами. Мавзолей султана Санджара (*справа*) был одним из крупнейших сооружений своего времени и соперничал с куполом Флорентийского собора Брунеллески, но был создан на 300 лет раньше. Мавзолей был построен в 1150 году и в то время имел купол, покрытый бирюзовыми изразцами, сиявшими над пустыней, как путеводный маяк, но только внутренняя роспись пережила монгольское завоевание (*слева внизу*). Необычные, похожие на частокол, стены Великой Кыз Кала (*главное фото, слева на втором плане*). Славившийся своей керамикой Мерв (черепок, фото которого вы видите *ниже*, типичен для тысяч других) был местом, где появилось первое в исламском мире железное производство, а в IX веке там

изготавливали даже сталь, за несколько веков до того, как она получила широкое распространение в других местах.

ВОИНЫ НА УЧЕНИЯХ

Так персы представляли себе монгольских воинов в действии. По-видимому, это учения, на которых воинами отрабатывается искусство стрельбы из лука, в частности знаменитый «парфянский» прием стрельбы через плечо. Ни у кого из воинов нет стрел, а у одного (второго снизу справа) даже лука.

НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО ПО-МОНГОЛЬСКИ

Дети-жокеи незадолго до финиша двадцатикилометровой скачки в честь Национального дня. Такие скачки устраиваются для того, чтобы Монголии оставалась нацией всадников, как это было в дни Чингисхана. Победители получают призы, их будут чествовать, и они станут знаменитыми, а их кони сделаются бесценными для конезаводчиков.

ОБРАЗ СВЯТОСТИ

Повсюду, куда приводила Чингиса дорога войны, он видел долговечные религиозные образы, вроде гигантских изваянных в скалах фигур Будды — Хюми Шань (*внизу слева и вверху*) и 53-метровой статуи в Бамьяне (*внизу*

слева), в настоящее время, благодаря талибам, это груда обломков. Под старость Чингис (возможно, под влиянием своих китайских советников) стал демонстрировать приверженность духовным ценностям и преклонение перед мудростью. Он вызвал к себе в Афганистан из Китая даосского священника Цянчуня, проделавшего весь этот долгий путь в повозке (*слева вверху*). Единственный известный портрет Чингиса, написанный в XIII веке (*слева внизу*), выполнен через тридцать лет после его смерти и преподносит его в идеализированном образе простого мудреца.

Покинутая деревня

Монгольская кормушка для скота — или недавняя ступка?

Дэй Бочань

Дэ Юн Уань

Собирают лекарственные растения и чай из травы (брюква)

в потаенной долине

Вход в Чингисханово государство ведет через перевалы, горы и долины, где растут травы, лечебные растения и обитают птицы. Чингисхан — основатель.

В ПОТАЕННОЙ ДОЛИНЕ

Вход в Люпапыиапъ (*вверху*) ведет через перевал (*слева*) в долину, где расположена покинутая деревня и «Командный пункт Чингисхана» (*внизу*).

Покинутая деревня.

Монгольская кормушка для скота — или недавняя ступка?

ВОСПОМИНАНИЯ О ДВУХ ЛЕГЕНДАХ

Современная монголо-китайская картина (*вверху*) показывает, как повозка с телом Чингиса застряла в грязи, происшествие, которое *могло* иметь место в действительности в Ордосе вблизи китайской Желтой реки. Этот инцидент позже связали с легендой, будто Чингис выбрал Ордос местом своей могилы.

Индийская монгольская картина, относящаяся приблизительно к 1600 году (*слева*) вспоминает легенду, распространившуюся с легкой руки Марко Поло, будто перевоз тела Чингиса ознаменовался убийством всех, кто его видел. Легенда столь же неправдоподобная, как и эта картина. Одежда, ружья и конские доспехи — все индийское, как и слон, и все XVI век.

КЛАДБИЩЕ НО ЧЬЕ?

Стена Дающего, некогда служившая местом захоронения в Батхисок, со сравнительно недавних времен рассматривается как место его погребения. Но самым загадочным старым местом погребения в Батхисок является...

ДВОРЕЦ НА КОЛЕСАХ

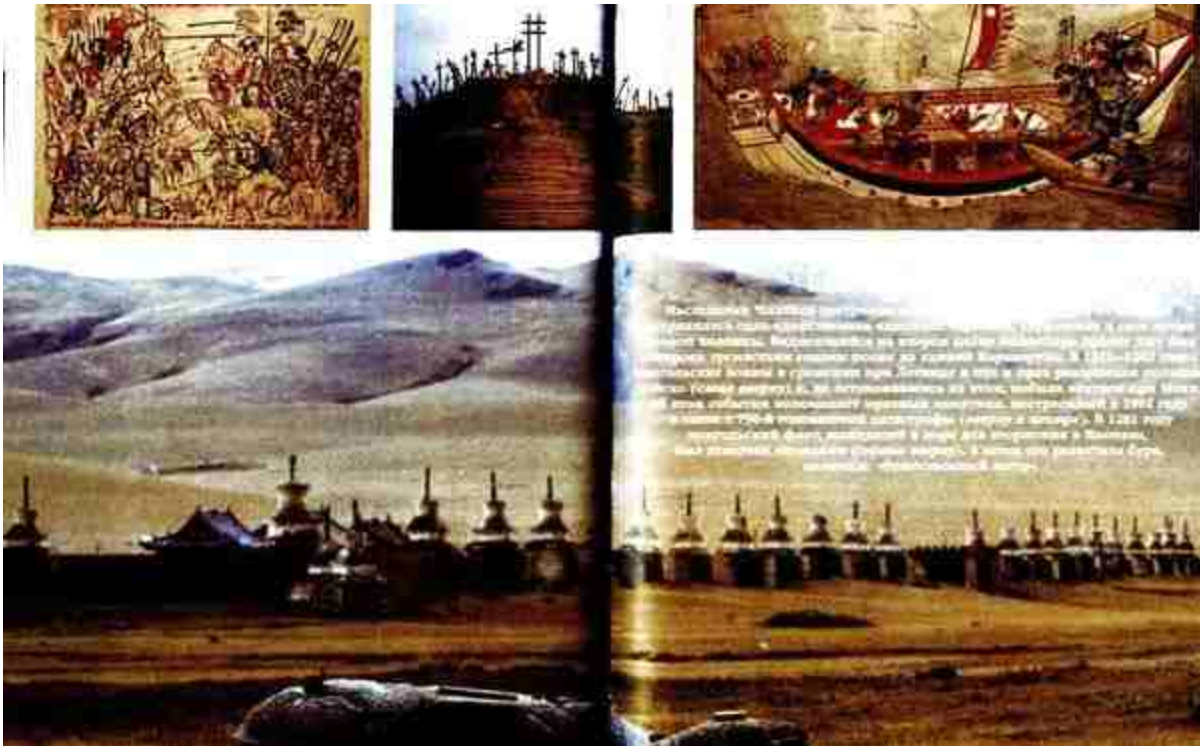
Юрты-дворцы на колесах, вроде этой, видели европейские путешественники, первыми добравшиеся до Монголии в середине XIII века. Та картинка, что в верхней части страницы, была нарисована для выпущенных издательством «Юле-Кордьер «Путешествий» Марко Поло. Сегодня в Улан-Баторе стоит несколько современных реконструкций. Одна из них изображена на фото (внизу). Это сооружение, шириной десять метров, было изготовлено специально для монгольского телевизионного фильма «Чингисхан».

КЛАДБИЩЕ? НО ЧЬЕ?

Стена Дающего, неподалеку от ассоциирующихся сравнительно недавних времен рассматривается как место его погребения. На самом же деле, она старше его по меньшей мере на несколько столетий.

ДВОРЕЦ НА КОЛЕСАХ

Юрты-дворцы на колесах, вроде этой, видели европейские путешественники, первыми добравшиеся до Монголии в середине XIII века. Та картинка, что в верхней части страницы, была нарисована для выпущенных издательством «Юле-Кордьер «Путешествий» Марко Поло. Сегодня в Улан-Баторе стоит несколько современных реконструкций. Одна из них изображена на фото (внизу). Это сооружение, шириной десять метров, было изготовлено специально для монгольского художественного фильма «Чингисхан».

ИМПЕРИЯ

Наследники Чингиса построили новую столицу Каракурум, от которой сохранилась одна единственная каменная черепаша, служившая в свое время опорой колонны. Виднеющийся на втором плане монастырь Эрдене Джу был построен тремястами позже из камней Каракурума. В 1241-1242 годах монгольские воины в сражении при Легницы в пух и прах разгромили польское войско (*слева вверху*) и, не останавливаясь на этом, побили венгров при Мохи, об этом событии напоминает мрачный памятник, построенный в 1992 году в связи с 750 годовщиной катастрофы (*вверху в центре*). В 1281 году монгольский флот, вышедший в море для вторжения в Японию, был отакован японцами (*справа вверху*), а затем его разметала буря, *камикадзе* «божественный ветер».

ПОКЛОНЕНИЕ ХАНУ

Главное здание мавзолея Чингисхана в Ордосе, Внутренняя Монголия (внизу), имеет купола, напоминающие одновременно и монгольские гээры, и китайские пагоды. До того как он был построен в 1956 году, реликвии, которые, как предполагалось, принадлежали Чингису и которые являлись предметом поклонения, возили в святилище на колесах, которое Оуэн Латимор сфотографировал в 1930-х годах (слева). Сегодня монгол может возжечь благовоние и вознести молитву в мавзолее перед огромной мраморной статуей Чингиса (справа). Фотографирование не разрешается. Я сделал этот снимок, стоя с внешней стороны дверей. Ритуалы описал всегда располагающе улыбающийся Сайндэиргал (внизу).

ПОКЛОНЕНИЕ ХАНУ

Главное здание мавзолея Чингисхана в Ордосе, Внутренняя Монголия (внизу), имеет купола, напоминающие одновременно и монгольские гээры, и китайские пагоды. До того как он был построен в 1956 году, реликвии, которые, как предполагалось, принадлежали Чингису и которые являлись предметом поклонения, возили в святилище на колесах, которое Оуэн Латимор сфотографировал в 1930-х годах (слева). Сегодня монгол может возжечь благовоние и вознести молитву в мавзолее перед огромной мраморной статуей Чингиса (справа). Фотографирование не разрешается. Я сделал этот снимок, стоя с внешней стороны дверей.

НА СВЯТОЙ ГОРЕ

Голый хребет Хан Хентей — Бурхан Халдун, как согласны почти все, возвышается над окружающими лесами.

ПАМЯТЬ ЖИВА

В Китае: Путь Чингиса к власти запечатлен в детском рисованном комиксе. Здесь Темучин (юный Чингис) с Борчу отбивают украденных лошадей, впрочем, художник никогда не стрелял из лука — для того чтобы натянуть лук, нужны три пальца, а не только большой и указательный.

В Монголии: Плакат с портретом Чингиса в Национальный день над толпой на площади Сухе-Батора в центре Улан-Батора вывешен по соседству с другим великим героем, самим Сухе-Батором, восстановившим в 1924 году независимость Монголии.

ПАМЯТЬ ЖИВА

В Китае: Путь Чингиса к власти запечатлен в детском рисованном комиксе.

Здесь Темучин (юный Чингис) с Борчу отбивают украденных лошадей, впрочем, художник никогда не стрелял из лука — для того чтобы натянуть лук, нужны три пальца, а не только большой и указательный.

В Монголии: Плакат с портретом Чингиса в Национальный день над толпой на площади Сухе-Батора в центре Улан-Батора вывешен по соседству с другим великим героем, самим Сухе-Батором, восстановившим и 1924 году независимость Монголии.

notes

Примечания

1

По традиции монголы имеют одно имя, состоящее обычно из двух частей, укороченное имя сохраняет первую. В наше время монголы-интеллигенты пользуются чем-то вроде русского отчества, который в английском ставят на второе место, а в монгольском, наоборот, на первое. Таким образом, Гойо, привыкший к английскому варианту, был Гойоцецег Раднаабазар, Баатар был Дорджин Баатарцогт, а наш шофер — Хишингням. (Прим. авт.),

2

То есть ученые. — (Прим. перев.).

Моя версия относительно предпоследней строки, поскольку она допускает разные толкования. Онон и Дамдинсурен переводят как «ласточка», кливс — «кузнечик». По-монгольски они звучат похоже («харацаа» и «царцаа»). «Кузнечик», образ насекомого, как в начале «вошь», кажется пра вильным переводом, но разве ласточка не свободный дух, но плохая метафора? Нет, для монголов (указала Гойо) ласточка — это добыча ястребов, т. е. жертва. Мне помогли свериться с оригиналом. Первый знак по-китайски не «ц», а «х» и рифмуется с Халдун, с которого начинается предыдущая строка. Это «ласточка». (Прим. авт.)

Дикие лошади обычно были объектом охоты, потому что не поддавались объездке и скрещивались с одомашненными. Они стали редко встречаться и были формально классифицированы только в XIX веке русским путешественником Николаем Пржевальским. Многие ловили и отправляли в западные зоопарки. (Прим. перев.).

Имена в тангутском языке такие же сложные, как в китайском. Он переименовал царскую семью Вейминов. Ли было его императорским собственным именем, Юаньжао — его личным именем, императоры также имели посмертные и храмовые имена, как это было принято у китайцев. И, конечно, все они по-разному транскрибируются по системам пинпинджин и Уейд-Джайлза. (Прим. перев.)

Тангуты даже экспериментировали, как это делали и Сун, с наборным шрифтом, и несколько буддийских трактатов на тангутском языке представляют собой самые древние сохранившиеся образцы такой печати, опередившие великое изобретение Гутенберга на 400 лет. Подвижной шрифт оказался неприемлемым как для китайской, так и для тангутской письменности, так как не имел в них алфавитной базы, печатных станков и бумаги, потребных для такой системы. Но если принять во внимание рынок для буддийской литературы, то что было бы, если бы тангуты придумали алфавитное письмо, основанное на тибетской письменности, а не на логографической письменности китайцев? Возможно, мы славили бы тангутов как первых организаторов печатного дела. (Прим. перев.)

Источники трактуют по-разному последовательность почти всех этих событий. Возможно, монголы вступили в контакт с Хорезмом еще до поражения Кучлуга. Но даже если все эти детали меняются местами, суть дела, причины войны, причинно-следственные связи, заставившие Чингиса двинуться на запад, остаются теми же самыми. (Прим. авт.)

Это было ужасно, но, возможно, не так ужасно, как кажется на первый взгляд. Если судить по числу домохозяйств, то мы увидим, что их число сократилось с 7,6 миллиона до 1,7 миллиона. Но каков был размер одного хозяйства? Не исключено, что с прекращением войны хозяева уничтоженных домов остались живы. Не исключено, что монголо-китайское домохозяйство, разросшееся за счет беженцев, было больше Цзинь — китайского домохозяйства довоенного времени. Не исключено, что население Северного Китая было уничтожено не на 75, а только (!) на 50 процентов, и произошло это как за счет убийств, так и за счет миграции. (Прим. авт.)

Китайские источники утверждают, что Бату рассмотрел венгерский лагерь с холма. Но этого не может быть. Никаких холмов нигде в районе Мохи не имеется. Объезжая поле сражения, я старался заметить хоть какое-нибудь возвышение, даже если бы оно и было, Бату никак не мог бы разглядеть венгерскую армию в деталях, потому что находился от нее в пяти километрах. Вероятно, он пользовался донесениями шпионов. Самая близкая возвышенность, гора Земплен, находится в 30 километрах к северо-востоку. (Прим. авт.)

Насколько мне известно, никто из современных историков неаналиал-логистики монгольской коммуникации. (Прим. авт.)

*Фома Сплитский — Фома Архидьякон (Foma Splitski),
автор «История архиепископов Салоны и Сплита».
(Прим. ред.)*

Идея наборной печати распространилась благодаря монгольскому правлению, но пока никому не удалось найти данных об ее распространении. Гутенберг сделал свое изобретение без всякой помощи с Востока. Об этом можно прочитать в моей книге «Революция Гутенберга», вышедшей в Лондоне в 2002 году (в американском издании она называется «Гутенберг»). (Прим. авт.)

Называют разные цифры. Саган, писавший в XVII веке, называет восемь. Возможно, поначалу было девять, но ко времени Сагана осталось восемь. (Прим. авт.)

Монголо-восточногерманские связи имеют весьма своеобразное происхождение. В 1920-х годах, когда только что приобретшая независимость коммунистическая Монголия стала думать о будущем, правительство послало 50 детей на учебу в Берлин. Вернувшись домой, эти дети стали маленькой элитой с огромным влиянием. После Второй мировой войны, когда Восточная Германия стала частью коммунистического мира, установившаяся было связь возобновилась и окрепла. В Монголии немецкий язык сделался вторым иностранным языком после русского, а восточногерманские университеты главным каналом связей с Западом. Это я услышал от одного из людей, занимавшихся с этими детьми, русского эмигранта Сергея Вольфа, который перебрался в Лондон, где стал одним из вдохновителей интереса к Монголии у молодых членов Англо-монгольского общества в конце 1960-х годов. *(Прим. авт.)*

Об этом пишет Шуберт, который ссылается на Перле. Мне не было возможности проверить это у местных жителей. (Прим. авт.)